Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

Krasnyĭ arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

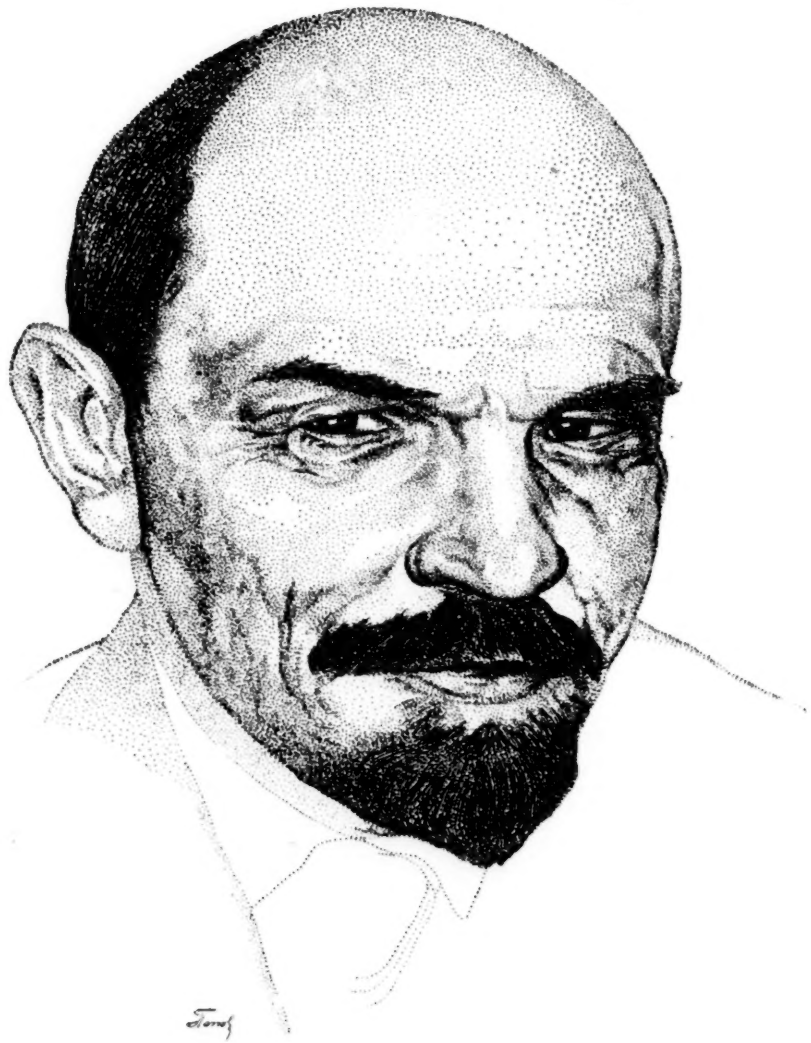
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

98

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ)

1940

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940



UNIV. OF MICH.

General Barr.

Заветы Ленина воплощены в жизнь

Доклад тов. А. С. Щербакова 21 января 1940 года на торжественно-траурном заседании в Большом театре, посвященном XVI годовщине со дня смерти В. И. Ленина

Товарищи!

Прошел еще один год с того дня, когда неумолимая смерть оборвала жизнь Владимира Ильича Ленина — организатора нашей партии, учителя и вождя трудящихся всего мира. Истекший шестнадцатый год со дня смерти товарища Ленина — даже в условиях бурных советских темпов — был годом особенным, насыщенным крупнейшими событиями исторического значения.

Это был год, когда происходил исторический XVIII съезд нашей партии, на котором товарищ Сталин развернул программу дальнейшего движения вперед, к коммунизму. Доклад товарища Сталина на XVIII съезде партии открыл дорогу в будущее нашей страны, указал путь к конечной цели борьбы — к победе коммунизма.

Шестнадцатую годовщину со дня смерти Ленина наша страна отмечает, вступив в новую полосу своего развития, в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

1939 год был годом новых побед социалистического хозяйства.

Опубликованное на-днях сообщение Госплана СССР о росте промышленного производства, погрузки грузов на железных дорогах и розничного товарооборота в 1939 году — новое свидетельство тому, что социалистическое хозяйство неуклонно идет в гору.

Советский народ с удовлетворением прочел, что государственная промышленность увеличила производство на 14,7 процента и что производительность труда поднялась на 17 процентов.

С особым удовольствием советские люди прочли сообщение о том, что оборонная промышленность выросла на 46,5 процента.

Успехи промышленности, новый подъем стахановского движения, новые победы колхозов, рост кадров, разносторонние и могучие проявления творческой инициативы советского народа — все это свидетельствует о дальнейшем замечательном расцвете сил социализма.

Закончившиеся недавно выборы местных Советов депутатов трудящихся еще раз и с новой силой показали, как усилилось Советское государство, как продолжает крепнуть морально-политическое единство советского народа, как непоколебима его сплоченность вокруг большевистской партии, Советского Правительства и товарища Сталина. **(Бурные аплодисменты).**

На этих выборах, как и на предыдущих, полностью победил сталинский блок коммунистов и беспартийных. Рабочие, колхозники, интеллигенция вновь голосовали за Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков, потому что убеждены в правильности ее политики, убеждены в том, что эта и только эта политика обеспечивает народные интересы.

1939 год замечателен крупнейшими международными успехами нашей страны, ростом влияния СССР среди рабочих и трудящихся всего мира.

Страна социализма всегда была другом малых стран и народов. Внешняя политика СССР всегда была направлена против поджигателей войны, за мир, за дружбу народов. Особенно обильные плоды эта политика принесла в минувшем году. В 1939 году, по меткому выражению главы Советского Правительства товарища В. М. Молотова, капиталистическому миру пришлось немного потесниться и отступить, а Советский Союз продвинул свои границы значительно на Запад.

В дружную семью народов СССР включились освобожденные героической Красной Армией от гнета польских панов наши единокровные братья, населяющие Западную Украину и Западную Белоруссию.

Как видите, товарищи, истекший шестнадцатый год со дня смерти В. И. Ленина был годом поистине замечательным, памятным и дорогим. Это был год нового торжества ленинско-сталинских идей, год дальнейшего воплощения в жизнь ленинских заветов.

Ленин был вождем пролетарской партии, гением революции, величайшим мастером революционного руководства.

Это был горный орел, не знающий страха в борьбе, руководитель высшего типа.

Шестнадцать лет прошло с тех пор, как ушел от нас товарищ Ленин. У древней кремлевской стены, в мавзолее, лежит тело Ленина. Миллионы людей со всех концов нашей страны и всего мира стекаются, чтобы взглянуть на него, поклониться праху его и чтобы сказать — Ленин живет!

Ленин живет — в великом и бессмертном ленинском учении. Он живет в построенном в нашей стране по ленинским предначертаниям социалистическом обществе.

Ленин живет в силе и мощи им и Сталиным созданной большевистской партии, в борьбе трудящихся всего мира за свое освобождение от капиталистического рабства.

Ленин будет жить в веках, жить в сердцах миллионов.

Ленин живет в славных делах, которые творит советский народ, под руководством его великого продолжателя, нашего вождя и учителя — товарища Сталина. **(Бурные аплодисменты. Все встают. Овация).**

I

Страна социализма растет и развивается в условиях капиталистического окружения, в постоянной борьбе с этим окружением.

Между миром социализма и капиталистическим миром особо ожесточенная борьба происходит в экономической области.

Ленин учил нас:

«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден, тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда». (Ленин, т. XXIV, стр. 342).

И еще Ленин учил нас:

В октябре 1917 года рабочий класс победил капитализм политически, установив свою политическую диктатуру. «Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и **экономически...** Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей». (Ленин, т. XXI, стр. 191).

Задача — догнать и перегнать была выдвинута еще в 1917 году в дни, когда Россия и без того в экономическом отношении отсталая страна — в результате империалистической войны — находилась на краю пропасти, накануне экономического краха.

А ведь царская Россия была невиданно отсталой, нищей и полудикой страной, ее оборудование орудиями производства не шло ни в какое сравнение с любой промышленно-развитой капиталистической державой.

Характеризуя невероятную, вопиющую отсталость царской России, Ленин говорил, что Россия XX века стоит ниже рабской Америки, то-есть Америки, в которой еще было рабство негров.

Царская Россия, занимая по территории шестую часть земного шара, по численности населения — третье место в мире, производила промышленной продукции всего лишь 2,7 процента от мирового производства.

К тому же надо добавить, что экономически Россия являлась полуколонией англо-французского империализма, а подлинными хозяевами угольного Донбасса, нефтяного Баку, черной и цветной металлургии и т. д. были иностранные капиталисты.

Помещики и буржуазия не только не могли преодолеть эту невероятную отсталость, но, наоборот, Россия из года в год все больше и больше отставала от передовых капиталистических стран.

Задача — догнать и перегнать экономически самые передовые капиталистические страны — стала знаменем, боевой программой большевистской партии и советского народа. Социалистическая индустриализация страны — таков был ключ к решению этой задачи.

Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция — проявили чудеса героизма и самоотверженности в годы сталинских пятилеток. Эта борьба принесла свои результаты. На шестнадцатом году после смерти Ленина СССР — по технике производства и темпам роста нашей промышленности — догнал и перегнал главные капиталистические страны. Однако этого мало.

На XVIII съезде партии товарищ Сталин задачу — догнать и перегнать главные капиталистические страны экономически — поставил во всей остроте, он сказал:

«Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».

Экономически более передовой является та страна, в которой выше размер промышленного производства на душу населения, чем больше производится товаров в расчете на душу населения, тем выше хозяйственное развитие страны.

И если с этой меркой мы подойдем к нашему хозяйству, то надо признать, что мы еще отстаем от главных капиталистических стран. По объему промышленного производства СССР отстает только от Соединенных Штатов Америки, но по уровню производства на душу населения мы отстаем от США, от Германии, Англии, Франции.

XVIII съезд партии поставил перед страной новую задачу — в течение 10—15 лет догнать и перегнать главные капиталистические страны и в экономическом отношении. Эта задача трудящихся нашей страны

под руководством партии, Советского Правительства, под руководством товарища Сталина будет решена.

На чем зиждется наша уверенность?

В 1913 году по объему промышленного производства на душу населения Россия отставала больше, чем в двадцать раз от Америки, в четырнадцать раз от Англии, почти в восемь раз от Франции. За годы сталинских пятилеток промышленная продукция СССР в мировом производстве выросла с 2,7% в 1913 году — до 15,8% в 1938 году.

Наша страна вышла из войны, по выражению Ленина, «до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками» (т. XXII, стр. 443) и восстановила довоенный уровень производства к 1927 году. После этого за 12—13 лет промышленность СССР выросла в десять раз. И это в то время, когда промышленность капиталистических стран продолжает топтаться вокруг довоенного уровня. Для капиталистического мира в целом для увеличения продукции в десять раз потребовалось не менее 80 лет.

Таковы большевистские темпы — они явно свидетельствуют о нашем преимуществе.

Также обстоит и с темпами роста производительности труда. В среднем производительность труда в СССР растет в 4—5 раз быстрее, чем в любой капиталистической стране.

По свидетельству буржуазного писателя Денни в Америке 1 проц. собственников сосредоточивал в своих руках 59 проц. всего национального богатства, а в Англии менее 2 проц. всего числа собственников владело 64 проц. всего национального богатства.

Разумеется — огромная часть этого национального богатства растрачивалась и растрачивается на непроизводительное потребление, на удовлетворение всякой блажи верхушки эксплоататоров.

В Советской стране эксплоататорские классы ликвидированы. Весь народный доход идет на социалистическое воспроизводство и на подъем материального уровня жизни трудящихся. Это тоже наше преимущество.

В капиталистическом хозяйстве действует такой разрушительный фактор, как кризисы, которые совершенно не свойственны нашему советскому хозяйству.

Один буржуазный экономист подсчитал, что расходы на империалистическую войну 1914—1918 г.г. составили более 80 миллиардов довоенных долларов. Эта сумма превосходит все национальное богатство таких стран, как Франция и Италия, вместе взятых.

Но еще большие опустошения производят капиталистические кризисы. Подсчитано, что с 1929 по 1935 год в капиталистическом мире выплавлено чугуна меньше на 250 миллионов тонн и стали на 276 миллионов тонн по сравнению с тем, что могло бы быть получено при сохранении за эти же годы уровня производства 1929 года.

Это значит — за годы кризиса потеряно металла столько, что его было бы достаточно для того, чтобы построить 800 тысяч километров железных дорог с полным их оборудованием, то-есть построить более половины железных дорог земного шара.

А если к этому прибавить десятки миллионов безработных, вытолкнутых из производительного труда, то трудно не только подсчитать, но даже и представить всю разрушительную силу экономических кризисов.

Советский строй избавлен от этого неизлечимого порока капиталистического строя. Советский строй знает только одну закономерность — движение вперед и вперед. Это еще одно наше преимущество.

Сравнивая наше неудержимое движение вперед по сравнению с капиталистическим миром, Ленин еще в 1922 году писал:

«Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямотаки сверхестественная, если мерить на старые мерки... Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей».

Люди сами творят свою историю, чем больше людей сознательно участвуют в этом процессе, тем выше и выше темп общественного развития.

Миллионы и миллионы советских людей неустанно двигают вперед социалистическую индустриализацию, ибо она — индустриализация — изо дня в день повышает материальное благополучие трудящихся. В этом тоже одно из наших огромных преимуществ перед капиталистическим строем.

Капиталистическая индустриализация сопровождалась неисчислимыми страданиями для рабочих и крестьян. Маркс в «Капитале» описал жуткую картину развития капиталистической промышленности в Англии. За 90 лет, прошедших после промышленного переворота, то-есть за время, соответствующее трем поколениям английской расы, хлопчатобумажная промышленность пожрала девять поколений рабочих.

В буквальном смысле — горы трупов рабочих, море слез их жен и детей — вот цена капиталистической индустриализации.

Социализм избавил наш народ от этих нечеловеческих страданий и лишений, с которыми обычно связано индустриальное развитие при капитализме. Социализм дал возможность не только создать могучие производительные силы, но и впервые в истории целиком поставил их на службу народу.

Социалистическая индустриализация у нас означала — ликвидацию безработицы, сокращение рабочего дня, рост материального благополучия трудящихся. Вот почему советский народ преисполнен неукротимым желанием — под руководством партии и Советского Правительства претворить в жизнь историческую задачу — догнать и перегнать главные капиталистические страны и экономически.

Третья сталинская пятилетка означает огромный шаг вперед на пути решения этой основной экономической задачи.

Но за выполнение третьей пятилетки надо по-большевистски драться, надо самоотверженно работать. Бороться за выполнение третьей пятилетки — это значит повседневно, изо дня в день бороться за выполнение плана 1940 года, за выполнение плана каждой отраслью промышленности, каждым предприятием и колхозом.

Начавшееся сейчас по почину инструментальщиков социалистическое соревнование за выполнение плана пятилетки по повышению производительности труда в четыре года вскрывает огромные наши возможности. Все дело в том, чтобы до конца использовать эти возможности, не только давать больше продукции, но и повышать ее качество, экономить сырье, электроэнергию.

Третья сталинская пятилетка безусловно будет выполнена, и тогда мы подымем уровень производства примерно в пятнадцать раз выше довоенного. А это с точки зрения решения основной экономической задачи означает, что СССР обгонит Францию, приблизится к уровню Англии и Германии по размерам промышленного производства на душу населения.

Правда, мы будем еще в два с лишним раза отставать от Америки, но только в два, а не в двадцать раз.

Решить основную экономическую задачу — догнать и перегнать

передовые страны — мы не можем в рамках третьей пятилетки. Для решения этой задачи необходим срок 10—15 лет, но что эта задача будет решена, в этом у нас нет сомнения. План, намеченный большевистской партией, намеченный Сталиным,— говорит наш народ,— не может быть не выполнен, он наверняка будет выполнен. **(Бурные аплодисменты).**

II

Товарищ Ленин завещал партии всеми силами укреплять союз рабочих и крестьян. Сплошная коллективизация и на этой основе ликвидация кулачества как класса означает самое радикальное разрешение вопроса о нерушимости союза рабочих и крестьян. Решение этой задачи — означало такой глубочайший революционный переворот, который равнозначен «по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года». («Краткий курс истории ВКП(б)».)

Колхозный строй отметил первое десятилетие своего существования. Срок с точки зрения исторического развития не большой. Но какие гигантские изменения произошли в советской деревне, как преобразилось крестьянство!

Сейчас нет нужды приводить общие данные о победе наших колхозов, о их передовой технике, энерговооруженности и т. д.

Но я хочу напомнить некоторые факты, свидетельствующие о том, из какого ада вывели, или, лучше сказать, вырвали крестьянство наша партия, Советская власть, Ленин и Сталин. Хочу показать это на примере двух деревень — Ново-Животинное и Моховатка, Воронежской области. Эти деревни представляют интерес потому, что кадет Шингарев оставил о них описание в своей книге «Вымирающая деревня». Разумеется, что он не описал и не мог описать хуже, чем это было в действительности.

Правда, истинной причины прямо-таки ужасающей нищеты этих деревень Шингарев не вскрыл. А причина эта была до очевидности проста. До революции 170 крестьянских семей названных деревень имели 350 га надельной земли или 0,3 га на душу населения, а рядом помещик имел 10 тысяч гектаров земли, то-есть в 30 раз больше, чем 170 крестьянских семей.

Крестьяне жили в состоянии систематической голодухи! У подавляющего большинства крестьянских хозяйств этих деревень своего хлеба до нового урожая нехватало, а одна четверть жила круглый год на покупном хлебе.

Многие крестьяне по полтора года не хлебали щей. Сахару потребляли в год менее фунта на человека, мыла — полтора фунта в год, керосина — полтора-два фунта на душу в год.

Целый ряд дворов не имел капусты, огурцов, мяса, целые семьи не имели молока в течение круглого года. Население этих деревень хронически недоедало и вымирало. Из 10 лет в 5-ти годах смертность превышала рождаемость, а в среднем прирост за год составлял три человека на 1 000 живущих. Это и есть вымирание. Грамотных было — мужчин в одной деревне 32 проц., в другой — 16 проц.; женщин в одной деревне — 2 проц., в другой грамотных не было вовсе.

И вот это нищее хозяйство облагалось многочисленными сборами и налогами: казенным, поземельным, губернским и уездным земельными сборами, мирскими сборами, страховыми платежами. Многие хозяйства не в состоянии были уплатить 3—4 рубля подати, а одних недоимок числилось до 24 рублей 50 копеек на двор.

И чем дальше — тем хуже. Через шесть лет после первого обследо-

вания Шингарев сообщает «с несомненностью можно утверждать, что произошло ухудшение, и даже серьезное ухудшение».

Империалистическая война принесла новые опустошения. Количество безлошадных дворов поднялось с 38 проц. до 47 проц., число хозяйств без всякого скота — с 3 проц. до 19 проц. и т. д.

Так ведь это же не жизнь, а ад!

А ведь эти деревни — не исключение; 65 проц. бедняков, 30 проц. безлошадных, 15 проц. бескоровных, 34 проц. безинвентарных крестьянских хозяйств — такова была общая картина по стране.

Крестьянин неизбежно оказывался перед перспективой «медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже **откупаясь** от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще».— Так писал Ленин. (Собр. соч., том IV, стр. 101—102).

Вот почему, когда перед крестьянством встал вопрос — или гибнуть, или вручить свою судьбу рабочему классу,— крестьянство пошло за рабочим классом. Октябрьская революция вырвала крестьянство из кабалы и нищеты. Крестьяне получили от Советской власти более 150 миллионов десятин земли.

Вместе со всем крестьянством крестьяне деревень Ново-Животинное и Моховатка тоже получили землю — теперь земли приходится в расчете на одну душу населения больше в семь с половиной раз.

Советская власть оказала деревне огромную помощь в деле восстановления и развития производительных сил сельского хозяйства.

Но партия Ленина — Сталина всегда, постоянно и прямо говорила крестьянству, что разрыв его с помещичье-капиталистическим строем есть только первый шаг по пути избавления от вековечной нищеты, по пути зажиточной, культурной жизни. Ленин говорил:

«Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель...» (Ленин, т. XX, стр. 417).

Товарищ Сталин учил:

«Для того, чтобы окончательно освободиться от старых пут, для этого недостаточно одного лишь разгрома эксплоататоров. Для этого нужно еще построить новую жизнь, построить такую жизнь, которая давала бы возможность трудящемуся крестьянину улучшать свое материальное и культурное положение и подниматься вверх изо дня в день, из года в год. Для этого надо поставить новый строй в деревне, колхозный строй». (Сталин. «Вопросы Ленинизма», стр. 413).

Крупная социалистическая промышленность двигалась вперед гигантскими темпами. Единоличное, раздробленное крестьянское хозяйство — по сравнению с темпами социалистической промышленности — еле-еле плелось. В 1926—1929 годах среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли 23,7 проц. а сельского хозяйства — около одного процента. Это значит, единоличное хозяйство развивалось темпами во много раз медленнее, чем крупная социалистическая промышленность, и являлось тяжелой гирей на ногах социалистического хозяйства.

Техническое вооружение подавляющего большинства крестьянских хозяйств было крайне убогим. Механизировать же карликовые кре-

стьянские хозяйства, состоявшие нередко из десятков лоскутных полосок, было задачей совершенно невозможной.

Крестьянское хозяйство делилось и дробилось, становилось все более мелким. С октябрьских дней количество хозяйств увеличилось с 16 до 25 миллионов. В результате этого катастрофически падала товарность сельского хозяйства,— к 1927 году крестьянское хозяйство давало товарного хлеба всего лишь около 12 проц. своей валовой продукции.

К этому времени «хотя сельское хозяйство в целом и перевалило через довоенный уровень, валовая продукция его главной отрасли — зернового хозяйства — составляла лишь 91 процент довоенного уровня, а товарная часть зерновой продукции, продаваемая на сторону для снабжения городов, едва доходила до 37 процентов довоенного уровня, причем все данные говорили о том, что есть опасность дальнейшего падения товарной продукции зерна». (История ВКП(б), стр. 273).

Являясь тяжелой гирей для социалистической промышленности, мелкое, раздробленное, индивидуальное крестьянское хозяйство и для себя-то не имело никаких перспектив, оно обрекало крестьянина на полунищенское прозябание.

Таким образом, историческая неизбежность перехода к крупному, механизированному, коллективному хозяйству диктовалась, с одной стороны, кровными интересами социалистического строительства в целом, с другой стороны — кровными интересами самого крестьянина.

Правда — был еще один путь, на который тащили троцкистско-бухаринские капитулянты,— это путь кулацкого, капиталистического укрупнения хозяйства. Но крестьянство однажды, при столыпинщине, уже этот путь испытало и знало, что этот путь означает переход земли от середняков к кулакам, разорение основных масс крестьянства, обречение трудящихся на голод и нищету, а в советских условиях, кроме того, реставрацию капитализма.

Кровная экономическая необходимость продиктовала крестьянству переход к колхозам.

Вернемся к деревням Ново-Животинное и Моховатка, что получили они от колхозного строя? Соха и косуля, коса и серп — эта дореволюционная «техника» в основном сохранилась и до колхозной деревни. Созданные в этих деревнях колхозы «Красный Октябрь» и «За власть Советов» с 1931 года обслуживаются МТС — тракторами, тракторными сеялками, автомобилями, комбайнами и другими сложными сельскохозяйственными машинами. Сами колхозы имеют свой собственный сельскохозяйственный инвентарь — веялки, культиваторы, сортировки зерна, сенокосилки и т. д. За восемь лет колхозной жизни машиновооруженность этих колхозов повысилась в восемь раз.

До революции крестьяне деревень Ново-Животинное и Моховатка сеяли только рожь и просо. Колхозы «Красный Октябрь» и «За власть Советов» кроме этих культур сеют пшеницу, сахарную свеклу, подсолнух.

Валовой сбор ржи и пшеницы на душу населения и на хозяйство увеличился больше чем в три раза[1]. Кроме того, собирается урожай подсолнуха, сахарной свеклы, бахчевых, овощей — то, что раньше или вовсе не сеялось, или почти не сеялось. Колхозы имеют животноводческие фермы и почти все колхозники имеют скот. До революции хозяйство этих деревень было потребительским, теперь оно стало про-

[1] По данным 1937 года.

изводящим и товарным (по зерновым от 31 до 52 проц., картофелю от 19 до 26 проц., по бахчевым от 42 до 81 проц., по сахарной свекле 100 проц.). Колхозы ежегодно увеличивают свои основные фонды на 20—30 тысяч рублей, то-есть осуществляют расширенное воспроизводство.

Естественный прирост населения утроился, а смертность сократилась больше чем в три раза.

Потребление, разумеется, не идет ни в какое сравнение с тем, что было. Например, по данным Московского института экономики[1] потребление пшеничной муки увеличилось больше чем в 10 раз, сахара (с конфетами) — в 15 раз, рыбы — больше чем в 6 раз, молока — втрое, овощи, бахчевые теперь есть в каждом дворе и т. д. и т. п. В обиходе появились такие продукты, как печенье, фрукты и другие — то, о чем раньше крестьянам и во сне не снилось.

Раньше основным видом обуви были лапти, теперь — сапоги, ботинки; колхозники носят вместо домотканной одежды костюмы; ряд колхозниц имеет шелковые и атласные платья.

Эти данные о хозяйственном росте колхозов представляют тем больший интерес, что указанные колхозы отнюдь не являются передовыми. Больше того, в этих колхозах имеются существенные недостатки, при устранении которых рост благосостояния колхозников пойдет куда быстрей.

Культура этих деревень, как небо от земли, отличается от того, что было до революции.

В селе Ново-Животинном имеются школа-десятилетка с интернатом, музыкальное училище, и колхозные ребята разучивают Чайковского и Баха. Имеются кинопередвижка, радио, библиотека, электростанция, амбулатория, аптека, родильный дом, ясли, детский сад. Многие молодые колхозники и колхозницы учатся в высших учебных заведениях, не мало вышло интеллигенции из этих колхозов. Да разве все перескажешь, что получили крестьяне от колхозного строя? Осуществляя заветы Ленина, партия, Советская власть, товарищ Сталин обеспечили крестьянству подлинно человеческую, зажиточную и культурную жизнь. **(Аплодисменты).**

А ведь это только начало! Всесоюзная сельскохозяйственная выставка показала, чего могут добиться колхозы и колхозники.

Колхозница Сергеева собрала урожай пшеницы 101 центнер с гектара. Колхозница Юткина получила урожай картофеля 1 217 центнеров с га — урожай, какого не знает история земледелия. Колхозница Барановская получила льноволокна без малого двадцать два центнера с гектара. Колхозница Чалова собрала урожай свеклы 1 037 центнеров с га.

А сколько колхозников и колхозниц получают удой молока 5—6 тысяч литров на корову! Есть уже целые районы, которые надаивают молока 3 000 литров на корову.

В массе крестьянское хозяйство пока еще не может достигнуть таких рекордных урожаев. Одно ясно — при том условии, если местные партийные и советские организации будут лучше, конкретнее руководить сельским хозяйством, если сумеют использовать огромные резервы, какие вскрывают стахановцы — социалистическое, колхозное хозяйство проявит чудеса роста, обеспечит изобилие сельскохозяйственных продуктов и для государства и для себя.

А крестьянство, стоявшее ранее на грани вымирания, вырвавшееся из вековой нищеты, поднявшееся при колхозном строе до подлинной

[1] Другие сведения о колхозах «Красный Октябрь» и «За власть Советов» — также по данным этого института.

человеческой жизни, никогда не свернет с этого пути, будет бить, смертным боем будет бить всякого, кто бы ни попытался отнять эту колхозную жизнь, завоеванную в боях под руководством Ленина, под руководством Сталина. **(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).**

III

Строить коммунизм — это значит не только двигать в гору промышленность и сельское хозяйство, повышать производительность труда, создавать изобилие продуктов. Строить коммунизм — это значит переделывать людей, осуществлять их коммунистическое воспитание. Трудящимся нашей страны пришлось семимильными шагами наверстывать упущенное за столетия забитого и темного существования. С точки зрения темпов развития культуры — наша страна не знает себе равной в истории.

Враги революции злорадствовали над тем, что большевики предприняли безрассудное дело насаждения социализма в некультурной стране. Но враги просчитались. Политический и экономический переворот, осуществленный Великой Октябрьской Социалистической революцией, создал могучие предпосылки также и для переворота культурного, для подлинной культурной революции. Теперь эта культурная революция осуществляется в нашей стране, осуществляется как составная часть великой социалистической перестройки.

В наших высших учебных заведениях больше учащихся, чем во всех странах Европы, вместе взятых. Свыше миллиона учителей и научных работников воспитывают подрастающее поколение, семьдесят тысяч библиотек раскинулось по всей стране, но их нехватает, чтобы удовлетворить рожденных за годы революции, жадных до книг, новых читателей.

По данным последней переписи выходит, что у нас свыше тринадцати миллионов человек имеют законченное среднее образование и больше миллиона — высшее образование. Из всего числа лиц, имеющих среднее образование,— не менее 85 процентов получили это образование при советской власти, а из всего числа лиц, имеющих высшее образование,— не менее 70 процентов получили это образование при советской власти.

Вот она народная интеллигенция, выученная и воспитанная советской властью!

Вот замечательные плоды линии партии на создание своей социалистической интеллигенции!

После XVIII съезда партии, после выступления товарища Сталина о роли народной интеллигенции рост кадров социалистической интеллигенции пойдет еще быстрее.

Миллионными тиражами выходят в свет труды величайших умов человечества — Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, произведения классиков литературы и всех отраслей науки и знаний.

Коммунистическое сознание куется не только в школах, кружках, клубах, театрах, кино, не только посредством книг и газет, оно куется в борьбе за коммунизм, сама жизнь наша переделывает, перевоспитывает людей и является лучшим учителем трудящихся.

Хочу на нескольких примерах показать, как выросло сознание советского человека и он, советский человек, далеко ушел в своем сознании от старого.

Отношение к женщине Ленин всегда рассматривал, как первый признак подлинной культурности, истинной, а не показной признак цивилизации.

Социализм не только провозгласил освобождение женщины, он соз-

дал условия для ее широкого участия в творческой работе. Колхозы освободили крестьянку от экономической зависимости. Женщины доказали всю условность представления о некоторых профессиях, как о специфически мужских.

В наших высших учебных заведениях учится вдвое больше женщин, чем во всех странах Европы. Недавно закончившиеся выборы в местные Советы депутатов трудящихся выдвинули к рулю управления государством более 422 000 женщин, почти 33 процента всего состава депутатов.

Новое отношение к женщине — величайшее завоевание социалистической культуры и свидетельство роста социалистического самосознания. Наш народ вправе гордиться такой победой.

Или возьмите национальный вопрос.

Молодое поколение советских граждан даже не подозревает о страшных проявлениях национальной розни, опустошительных погромах, которые провоцировались помещиками и капиталистами и которые нередко приводили к физическому уничтожению целых городов, как это было в городе Шуше — в Закавказье.

А теперь — коммунизм стал целью, объединяющей все народы нашей многонациональной родины.

Многовековое культурное наследство отдельных народов становится достоянием всех советских людей. Декады национального искусства, юбилеи великих поэтов — русского, украинского, грузинского, армянского, осетинского и других народов — становятся общенародными праздниками, а национальные герои — героями всего Советского Союза.

Такова сила социалистической культуры, сближающей трудящихся различных национальностей. Это ли не свидетельство роста социалистического сознания!

А какой переворот должна была произвести Советская власть в сознании крестьянства, чтобы его — крестьянина, веками привыкшего копаться на своей собственной полоске, веками привязанного к своему клочку земли,— повести по пути общего коллективного труда!

Однако,— как сказал товарищ Молотов,— «нельзя не признать, что общественно-культурный уровень широких слоев еще поднялся совершенно недостаточно, если судить с точки зрения перспектив коммунизма». А страна, строящая коммунизм, может судить только с точки зрения таких перспектив, никакая другая мерка для нас не годится. Это значит, что достигнутое нас удовлетворить не может.

Задача коммунистического воспитания трудящихся и преодоления пережитков капитализма в сознании людей поставлена в решениях XVIII съезда партии как одна из самых решающих задач.

Пережитки капитализма еще сохранились в сознании людей. Сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения. Капитализм даже после своей гибели сопротивляется новому строю силой привычек миллионов, внедренных вековой работой на хозяина. Эти остатки старых, отживших взглядов стремится поддержать капиталистическое окружение.

И на предприятиях, и в колхозах есть еще не мало людей, цепляющихся за мелкособственническую мораль — «своя рубашка — ближе к телу», «мне бы хапнуть побольше, а там хоть трава не расти»; не мало есть еще захребетников, стремящихся побольше урвать с государства, с колхоза, самим ничего не делать, пожить за счет труда других.

В Сталинской Конституции труд рассматривается как обязанность каждого гражданина. Нашим принципом является — «кто не рабо-

тает — тот не ест». Есть еще, однако, люди, попирающие эти принципы. На предприятиях это — лодыри, рвачи и летуны, гоняющиеся за длинным рублем, нарушители трудовой дисциплины.

В колхозах — это крестьяне, прикрывающиеся званием колхозника, использующие колхоз исключительно в целях личной наживы, пренебрегающие общественным трудом, непомерно раздувающие личное хозяйство, занимающиеся торгашеством.

Такие элементы получают отпор от честных рабочих и колхозников и чем дальше, тем решительнее.

Но задача коммунистического воспитания не ограничивается только перевоспитанием отсталой части трудящихся.

Есть миллионы людей, честно работающих, готовых жизнь отдать за дело социализма, но у многих из них в сознании еще остались следы прошлого, родимые пятна капитализма. Вспомните хотя бы такой факт, который описан у Шолохова в «Поднятой целине». Колхозник Майданников, в прошлом середняк, сознательно относится к колхозу, но какая борьба происходит и у него с частнособственническим прошлым.

...Иду мимо лошадиных станков, чужие кони стоят — и мне хоть-бы что, а как до своего дойду, гляну на его спину... на его меченное левое ухо, и вот засосет в грудях,— кажись, он мне роднее бабы в эту минуту. И все норовишь ему послаже сенца кинуть, попыреистей, помельче...

Навыки, пережитки и предрассудки прошлого сказываются еще и в отношении к труду, к общественной собственности, в противопоставлении общественных и личных интересов.

И как ни велики наши успехи, как ни быстро растут ряды передовых советских людей,— трудности перевоспитания миллионов и миллионов трудящихся нельзя преуменьшать.

Новые задачи, стоящие перед страной, обязывают всех наших людей, всех без исключения трудящихся, еще выше и выше поднимать свой общественно-культурный уровень, овладевать революционной теорией.

Вот почему надо усиленно работать над тем, чтобы воспитать в каждом рабочем, колхознике, трудящемся понимание того, что его работа, небольшая на первый взгляд, является важной частицей большого общего дела, что работа каждого — не частное, а государственное дело, что результаты личного труда каждого скажутся на общих итогах социалистического строительства в целом.

В многообразном проявлении лучших качеств советских людей рождается образ нового человека, всесторонне развитого, смелого, настойчивого в достижении цели, человека, ломающего все и всякие препятствия на пути, человека, беспредельно преданного советской родине, делу коммунизма.

Воспитывать таких людей, культивировать эти качества среди всех трудящихся — к этому призывает товарищ Сталин. **(Аплодисменты).**

IV

Товарищи!

Мы построили социализм, а это и есть выполнение основного завета товарища Ленина.

Эту историческую победу обеспечила наша большевистская партия под руководством товарища Сталина. **(Продолжительные аплодисменты).**

За шестнадцать лет, прошедших со дня смерти Ленина, наша партия прошла ни с чем не сравнимый в истории путь борьбы.

Победа социализма в нашей стране далась не легко, она есть результат борьбы с многочисленными врагами народа и партии. Не случайным является, что в борьбе большевистской партии против всех антипартийных оппозиций и групп, скатившихся затем в антисоветское контрреволюционное болото, центральным вопросом был вопрос о возможности строительства социализма в одной отдельно взятой стране.

Именно по этому коренному вопросу социалистической революции агенты иностранных разведок — троцкисты, бухаринцы, рыковцы вкупе и влюбе с реформистскими прихвостнями буржуазии всех стран — старались отравить душу рабочих и крестьян, посеять яд сомнения в возможность победить, построить социализм. Главное, чего добивались враги,— подорвать в рабочем классе веру в свои силы, в правоту своего дела.

А без веры в свои силы, без уверенности в правоте своего дела не может быть движения вперед. Армия, не уверенная в победе, наверняка терпит поражение. Пытаясь отравить ядом сомнения трудящихся, враги надеялись отвратить народ от борьбы за социализм, надеялись реставрировать капитализм и увековечить капиталистическое рабство.

Но враги просчитались. Умер Ленин, но жива была партия. Знамя ленинизма высоко поднял великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин. **(Бурные аплодисменты).**

Революционная теория, обогащенная и двинутая вперед партией и товарищем Сталиным, дает возможность партии ориентироваться в обстановке, понимать внутреннюю связь событий, предвидеть их ход. **Поэтому события не застают партию врасплох.**

На происки капиталистического окружения, пытавшегося подорвать страну социализма путем засылки своих агентов в наши ряды, партия ответила решительным укреплением Советского государства, Красной Армии, советской разведки, всех других органов государственной власти и беспощадной борьбой против шпионов, диверсантов, вредителей и убийц.

Пока существует капиталистическое окружение, борьба капитализма против нашей страны будет обостряться и принимать все более и более острые формы.

Весь исторический опыт строительства социализма в нашей стране показывает, что переход к коммунизму в условиях капиталистического окружения нельзя осуществить без того, чтобы постоянно не крепить мощь Советского государства.

Следуя указаниям товарища Сталина, партия усиленно работает над тем, чтобы еще выше поднять мощь и организованность единственного пока социалистического государства.

Партия, разгромив врагов, выкорчевав подлые гнезда предателей, агентов иностранных разведок, стала такой могучей и монолитной, как никогда. А враги партии и народа и впредь будут стираться с лица советской земли.

Звание члена партии поднялось на небывалую высоту, ибо теперь весь народ видит в коммунистах свою передовую, лучшую часть. Весь народ поддерживает все начинания партии, зная, что у партии нет других целей, как интересы народа.

К нашей стране, к нашему народу обращены взоры трудящихся всего мира, с страной социализма связаны лучшие надежды челове-

чества. Трудящиеся всех стран следят за каждым нашим шагом вперед, зная, что успехи рабочих СССР — ударной бригады мирового пролетариата — есть их успехи, дело, за которое мы ведем борьбу, есть дело пролетариев всего мира.

Советский Союз высоко несет знамя интернационализма, самоотверженно выполняет свои обязательства по защите народов, которые обращаются к нему за помощью. В истекшем году любимая народом Красная Армия в героических боях на берегах Халхин-Гола отстояла границы и независимость Монгольской Народной Республики. Освободительный поход Красной Армии на запад вырвал из плена польских панов Западную Украину и Западную Белоруссию.

Сейчас наша доблестная Красная Армия выполняет великую миссию освобождения финского народа из-под ярма маннергеймовских банд, обеспечивает оборону Ленинграда, а, стало-быть, и оборону всей страны.

Мы шлем свой горячий большевистский привет бойцам, командирам и политработникам Ленинградского Военного Округа и Краснознаменного Балтийского флота. **(Продолжительные аплодисменты).**

Иностранная продажная печать — служанка империалистической, особенно англо-французской буржуазии,— фабрикует измышления в отношении Красной Армии одно чудовищнее другого. Некоторые из особо осатанелых клеветников даже пищат что-то насчет интервенции против СССР, похода против страны рабочих и крестьян. Видимо, про этих господ сказано, что если бог кого захочет наказать, то прежде всего лишит разума. Эти люди потеряли рассудок, а вместе с ним и память.

Они запамятовали, что были нещадно биты Красной Армией у Тихого океана и Ледовитого, у Черного моря и Балтийского, в Средней Азии и в Архангельске, на Украине и в Сибири.

А кто их бил? Их била Красная Армия страны, которая переживала небывалую разруху, была раздета и разута, голодная, без техники. И вот такая Красная Армия опрокинула интервентов 14-ти держав и заставила их убраться во-свояси.

Ныне энтузиазм советского народа, его непреклонная воля к победе умножены на самую передовую военную технику. Тыл и фронт в нашей стране спаяны несокрушимым единством. Вот почему всем поджигателям войны, мечтающим об интервенции, о нападении на нашу страну, советский народ, уверенный в своих силах, спокойно, но грозно говорит: «Попробуйте, суньтесь!»

Что касается финских трудящихся, то не за горами тот день, когда они навсегда будут избавлены от гнета белофиннов — наймитов империализма.

* * *

Товарищи!

Шестнадцать лет идет наша страна без Ленина, по ленинскому пути, под руководством товарища Сталина.

Недавно трудящиеся нашей страны и всего мира отмечали 60-летие товарища Сталина и почти 45-летие его революционной деятельности.

Сорок пять лет революционной работы — это по времени вся история нашей партии — от разрозненных кружков до самой могучей в мире партии, руководящей социалистическим государством, это — история борьбы за основы партии, за организацию и укрепление ее, за ее победы. Имя товарища Сталина связано со всей этой борьбой, с борьбой рабочего класса под руководством партии за власть, за социализм.

Рабочий класс в качестве своих вождей выдвинул таких титанов мысли, какими были Маркс, Энгельс, Ленин, каким есть Сталин.

Сила таких людей, как Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, в том, что они возглавили самый передовой класс, за которым будущее,— рабочий класс, возглавили потребности экономического развития современного человеческого общества, возглавили борьбу трудящихся за новый общественный строй.

В истории человечества было не мало выдающихся личностей, но они возглавляли интересы группы, или класса какой-либо одной страны, самое большое — национальные интересы одной страны.

Такие вожди, как Ленин и Сталин, возглавляют чаяния и надежды рабочего класса и угнетенных всего мира.

У нас сейчас так повелось, что стахановцы, ставящие новые рекорды производительности труда, полярники, осваивающие Арктику, летчики, совершающие во славу Советской родины героические подвиги, ученые, делающие мировые открытия,— все они совершают все это именем Сталина и с именем Сталина.

Красноармейцы идут в бой с лозунгом — за Сталина!

Все это потому, что лозунг «Вперед! За Сталина!» означает «Вперед за дело трудящихся, за лучшие и благороднейшие чаяния всего трудового и прогрессивного человечества, вперед за дело Ленина!» **(Бурные, продолжительные аплодисменты).**

Товарищи!

Перед нами много нерешенных задач. Не будем закрывать глаза — на нашем пути будет много препятствий и трудностей. Нам предстоит еще немало суровой борьбы. Но мы преодолеем любые трудности, опрокинем любые препятствия, ибо нас ведет великая большевистская партия и с нами Сталин — знамя, сплачивающее миллионы людей, зовущее к борьбе за торжество коммунизма.

Да здравствует товарищ Ленин!

Да здравствует товарищ Сталин! **(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. «Интернационал». Овация).**

Отклики на смерть В. И. Ленина

Речь Н. К. Крупской на заседании II съезда Советов СССР, посвященном памяти Владимира Ильича.[1]

— Товарищи, то, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но так как я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается,— я не должна связывать себя никакими условностями.

Товарищи, эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот, что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос, каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответы на свои вопросы он получил у Маркса.

Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу как человек, ищущий ответов на мучительные настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим. Это были девяностые годы. Тогда он не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ. И он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорили ему рабочие. И Питерские рабочие говорили ему не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это — тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского з-да, говорил Владимиру Ильичу: «Тут,— говорит,— в городе мне все трудно объяснять, пойду я лучше в свою Тульскую губ. и скажу все, что вы говорите: я скажу своим родным, другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают».

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами.

---

[1] «Правда» № 23 от 30 января 1924 г.

Публикуемые документы: воззвание, резолюции, протоколы местных партийных, профсоюзных и др. организаций и речь Надежды Константиновны Крупской на II съезде Советов Союза ССР (от 26/I—1924 г.) являются непосредственным откликом на смерть Владимира Ильича Ленина. Ниже помещенные документы — дополнение к ранее опубликованным в журнале «Красный Архив», т. 62, за 1934 г. Оригиналы хранятся в Центральном госуд. архиве Октябрьской Революции. К печати подготовлены научным работником ЦГАОР Н. Юрьиной.

Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной стороной своей — рабочий, а другой стороной — крестьянин. Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся, и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители советских республик трудящихся! К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов.

Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма. Товарищи — рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!

Ленин умер, но созданная им коммунистическая партия осталась — сплотим теснее вокруг нее наши ряды.

Обращение Московского Комитета Р.К.П.(б).[1]

Товарищи коммунисты!

Тяжкое испытание послала нам история.

В труднейшую пору строительства нового социалистического общества авангард пролетариата — РКП потерял своего великого вождя.

Весь мир угнетенных и обездоленных остро почувствует незаменимую утрату. Десятки миллионов рабов капитала на всем земном шаре скорбно опустят головы перед дорогой тенью бессмертного Ильича.

А в это же время десятки тысяч банкиров, хищников, империалистов поднимут головы в надежде на скорую гибель пролетарской революции. Подлые агенты буржуазии с утроенной силой поведут свою гнусную провокаторскую работу. Из всех белогвардейских щелей потекут мутные ручьи клеветы и злостных выдумок. Темные силы реакции не упустят случая спекульнуть на постигшем нас горе. Будьте же на страже, коммунисты!

Тридцать лет революционной борьбы под знаменем ленинизма выковали у большевиков-коммунистов несокрушимую волю к победе. Союз рабочих и крестьян впервые в истории человечества свергнул власть помещиков и фабрикантов. Советский Союз впервые осуществил братское единение трудовых народов на шестой части земного шара. О стальную щетину рабоче-крестьянской армии сломали себе зубы хищные волки мировой контрреволюции. И теперь в годину тяжких испытаний, мы, ленинцы, вдохновляемые великими заветами любимого учителя, не отступим ни на шаг от нашей основной цели.

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 6485.

Дело всей жизни Ленина — в надежных мускулистых руках революционного рабочего класса. Дело пролетариата пойдет своим верным путем, начертанным гениальной рукой Ленина. Каждый из нас, коммунаров-большевиков, удесятерит свои усилия, чтобы коллективным творчеством сотен тысяч пополнить утрату, понесенную борющейся армией рабочего класса. Перед лицом многочисленных врагов, радующихся нашей печали, мы выступаем, как всегда единые, как всегда окованные мощным духом железной пролетарской дисциплины. Мы явим миру новые образцы непреклонной веры в неизбежную победу идеи рабочего класса. Партия Ленина должна быть достойна своего титана — вождя!

Воины революции! Все за работу! Каждый на своем боевом посту! Ни тени замешательства! Крепче стяг! Ближе к массам! Выше знамена коммунизма! В тесном союзе с пролетариями всех стран, спаянные внутренним единством, довершим великое дело почившего гения трудового человечества!

Борьба до победоносного конца за великие заветы Ильича!

МК РКП.

Обращение Петроградского губернского комитета РКП(б) ко всем рабочим, красноармейцам и крестьянам.[1]

К о в с е м т р у д я щ и м с я

Товарищи, братья единой рабочей семьи!

Свершилось то, чего мы так боялись...

Казалось,— удастся отстоять драгоценную жизнь Ильича. Болезнь как будто уже начала сдавать. Но новый удар подкрался неожиданно:

Нашего вождя, учителя, вернейшего друга — товарища Ленина не стало.

Десятки лет нечеловечески трудной борьбы; тяжелая нужда многих годов ссылки, тюрьмы, эмиграции; гигантская мозговая работа за всю Советскую Россию, за весь земной шар в течение небывалых в истории пяти лет; отравленная пуля убийцы и нервное напряжение свыше всякой меры и предела; сверхчеловеческая работа, работа и работа без конца, без минуты отдыха и передышки,— все это сразу навалилось и подорвало крепчайший организм.

Человек, ставший любовью, верой и надеждой бесчисленных миллионов трудящихся, рабочих и крестьян; вождь человечества, самый гениальный и самый самоотверженный, самый простой и понятный всем, неизменный, великий товарищ всемирного рабочего класса т о в а р и щ Л е н и н у м е р.

Бессильны, лишни все слова, чтобы выразить утрату. Когда у матери умирает любимое дитя — первенец, выношенное в муках, когда отца пролетарской семьи убивают вражеские пули, когда смерть уносит самых близких и любимых людей, это горе — ничто в сравнении со смертью Ленина.

Костлявая, неотвратимая рука смерти внезапно схватила ледяной хваткой за сердце миллионы.

У м е р л ю б и м е й ш и й, п р е д а н н е й ш и й в о ж д ь!

Будет радость у толстых буржуев, у жирных банкиров, у подлых хищников мирового грабежа.

Но пусть не торопятся проклятые!

Ленин оставил после себя верных наследников и преемников: нашу великую страну Советов, миллионы трудящихся, родившихся для но-

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 8343.

вой жизни в Октябре, своего первенца — Российскую Коммунистическую партию (большевиков), которой он отдал всю свою жизнь и все свои помыслы,— Коммунистический Интернационал, ставший боевым знаменем пролетариев всей земли.

Стиснув зубы, твердо храня верность учителю, товарищу и вождю, мы будем смело и неуклонно, стальной шеренгой борцов итти к новым боям, к новым победам.

Ленина, как человека, нет в живых, но бессмертен он будет в пролетарских сердцах, в мозгу рабочего коллектива, в его непреклонной воле.

Знамя ленинизма обойдет весь мир, стирая с лица земли рабство, мрак, нужду.

Мерзлые комья земли засыпят прах вождя. Но бессмертен Ленин, бессмертно дело его жизни, неминуема, неотвратима победа всемирной рабочей революции.

Умер товарищ Ленин!

И несмотря ни на что: Да здравствует товарищ Ленин!

Да здравствует Российская Коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует международный рабочий класс!

Да здравствует Союз Социалистических Советских Республик, первый Советский Союз рабочих и крестьян!

Да здравствует международная революция!

Петроградский губернский комитет Российской Коммунистической партии (большевиков).

Обращение Петроградского губернского комитета РКСМ ко всей рабоче-крестьянской молодежи.[1]

Товарищи!

В тяжелую минуту обращается к вам Петроградский комитет Коммунистического Союза молодежи.

Рабочий класс и его Коммунистическая партия потеряли своего лучшего вождя — Владимира Ильича Ленина.

Утрата невозвратимая.

Для рабочих и крестьян-Советских республик и всего мира нет имени более близкого, чем имя Ленина.

Имя Ленина — боевой клич революции, имя Ленина — призыв ко всему пролетариату.

И это еще усиливает, усугубляет потерю. Еще острее чувствуется потеря для каждого бойца международной армии труда.

Для нас, молодежи,— Владимир Ильич так же близок, как для всего рабочего класса.

Молодежь всегда подхватывала и осуществляла лозунги Ленина. Молодежь, боевой отряд революции,— всегда чувствовала себя под непосредственным руководством Ильича, всегда боролась за право называться ленинским поколением молодежи.

Простым словом, ясной мыслью, твердой рукой Владимир Ильич вел за собой рабочий класс «к укреплению и завершению коммунизма».

Пока Ильич был с нами, мы знали — ошибок не будет. Теперь Ильича не стало. Вся ответственность руководства революцией и рабочим классом лежит на Коммунистической партии. Ильича заменить может только коллективный ум всей Коммунистической партии.

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 8333.

Единство и неразрывность партии мы противопоставляем смерти Ильича.

Партия сильна, когда она едина и монолитна. Партия сильна, когда вокруг нее сплотится весь рабочий класс.

В тяжелый момент окончательной потери Ильича Петроградский комитет РКСМ призывает всю рабочую и крестьянскую молодежь объединиться вокруг Коммунистической партии и этим доказать, что молодежь помнит слова Владимира Ильича.

«На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе, вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность объединить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю, ибо без этой воли мы будем разбиты неминуемо. Без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно».

Сплотить и организовать силы рабочего класса можно только вокруг Коммунистической партии.

Петроградский комитет РКСМ призывает всех членов РКСМ, каждого молодого рабочего и крестьянина дать клятву над гробом Владимира Ильича, что дело его будет продолжаться всей молодежью под руководством Российской Коммунистической партии.

Вечная память дорогому вождю и учителю.

Да здравствует Российская Коммунистическая партия, спаявшая и ведущая к победам рабочий класс и крестьянство.

Петроградский Губернский комитет РКСМ.

Обращение Архангельского губернского комитета РКП(б), Губисполкома и Губернского совета профсоюзов ко всем трудящимся Архангельской губернии. [1]

Товарищи!

21 января 1924 г. умер Владимир Ильич Ленин. Громовым ударом скорби это известие поразит сотни миллионов сердец рабочих и крестьян. Сотни миллионов трудящихся благоговейно обнажат головы перед могилой своего вождя и учителя.

Советская Россия, Союз Советских Республик, мировой пролетариат, мировое крестьянство, угнетенные национальности лишились гениального руководителя в борьбе против насильнической власти капиталистов.

Ленин был знаменем борьбы и символом неизбежной победы трудящихся.

Российская Коммунистическая партия под его руководством прошла тернистый путь борьбы с царским самодержавием от первых схваток 90-х годов XIX века через поражение 1905 г. к Октябрьской победе 1917 г. Первый сказал Ленин: «Вся власть Советам» — и эту власть железные ряды коммунистов защищали, укрепляли и расширяли во главе со своим вождем в течение 6-ти лет. Союз Советских Республик, на необъятных просторах которого воздвигаются и закрепляются основы коммунистического общества,— дело гениального строителя Ленина, двинувшего на работу по созданию этого общества равных сотни миллионов рук. Ленин был первым среди равных, первым среди коммунистов, лучшим, дисциплинированнейшим, самоотвержен-

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 6446.

нейшим, гениальнейшим и вместе с тем наиболее близким, любимым товарищем каждого коммуниста. Он был для коммунистов — «Ильич».

Рабочий класс России и Союза Советских Республик имел в Ленине неизменного, никогда не предававшего красного знамени рабочей революции, вождя. «Диктатура пролетариата» — вот чем было полно сердце Ленина на протяжении трех с половиной десятков лет его участия в рядах партии рабочего класса. Эту идею диктатуры пером и организацией революции Ленин пронес через безвременье и террор самодержавия, через клевету врагов из стана буржуазии, через предательство «социалистов» из лагеря меньшевиков и эсеров. Эту идею (мысль) он сделал центральной в мировоззрении партии и рабочего класса. Эта идея сейчас осуществлена партией рабочего класса — Р. К. П.(б) и рабочим классом на пространстве Союза Советских Республик. В шелесте красных знамен наших советских учреждений, в грохоте машин наших национализированных заводов и фабрик, в гудках наших паровозов, в шуме ржаного поля деревни — ухо трудящегося слышит это слово «диктатура», а сознание добавляет «Ленин». Был тяжел путь победы. Война, голод, холод, ненависть буржуазии, обман и предательство меньшевиков и эсеров — все это легло на плечи рабочих. Но их через эти испытания вела Р. К. П.(б), во главе их стоял Ленин — и они поверили партии коммунистов, поверили Ленину, пошли вперед, преодолели преграды — и победили.

Крестьянство России и Союза Советских Республик знало и любило Ленина. Ленин первым крестьянину сказал — «бери землю». В жестокой схватке крестьянства и деревенской бедноты с кулачеством и помещиками Ленин видел зарю новой жизни для крестьянства, жизни не в кабале у богатея, а в союзе с городским рабочим и Коммунистической партией. Союз рабочего класса и крестьянства Ленин считал основным условием победы Советской власти. И крестьянство согласилось, заключило этот союз: оно давало своих сыновей на военные фронты для борьбы с иноземными капиталистами, с нашими врагами — генералами и помещиками; оно шло в холодные времена в глубину лесов для поставки топлива государству; оно отдавало свой хлеб, когда голодные рабочие на фабриках готовили снаряды для войны, а красноармейцы эти снаряды посылали в гостинец неприятелю; крестьянство шло за Лениным.

А Ленин учил рабочих и свою партию — Коммунистическую партию: «надо укреплять союз с крестьянством, надо постепенно облегчать налоговое бремя на крестьян, надо дать крестьянину просвещение, машину, городской товар, надо сделать крестьянина зажиточным и просвещенным». И делала все это Ленинская Коммунистическая партия: она открыла и низшую и среднюю и высшую школы для крестьянских детей; она сделала крестьянина участником власти в Советах; она закрепила право пользования землей и лесами за крестьянством; она открыла вольный рынок и прилагает все силы, чтобы вытеснить частного торговца и объединить крестьян вокруг кооперативов и в артели производителей; она из года в год, по мере улучшения хозяйственного положения, снижает налоги.

Партия и Советская власть крепко помнят уроки Ленина о союзе с крестьянством.

Угнетенные национальности нашли в Ленине вождя в борьбе против национального гнета. В Союзе Советских Республик они имеют ту национальную свободу, которой безуспешно добивались в столетия царской власти. Слово «инородец» исчезло из русского языка; каждая народность учится, управляет и развивается на своем языке, не боясь насилий. Царская империя великороссов стала по воле Советской

власти, Коммунистической партии и Ленина Союзом Советских Республик разных национальностей.

А там, в других странах, где еще живет национальный гнет, имя «Ленин» звучит призывом к борьбе. В далекой Индии, расстреливаемый английскими пулеметами, индус умирает со словами «Ленин»; китайский чернорабочий кули, истязуемый своими помещиками и иностранными насильниками, идет на борьбу под лозунгом «Ленин». «Ленин» и «большевики» стали символами (знаменем) освобождения угнетенных наций.

Международный пролетариат еще стонет в оковах капитализма. Его тело истекает кровью под бичами международных тюремщиков. Десятки миллионов жизней он отдал чудовищу войны в эпоху 1914—1918 гг., сотни тысяч жертв погибли или томятся в тюрьмах, как пленники капиталистической своры, после поражения рабочих восстаний, начиная с 1918 г., в Венгрии, Германии, Финляндии, Франции, Италии, Англии, Болгарии и в другой любой капиталистической стране мира. На поражениях международный пролетариат учится победам. В дни победы в Венгрии, Баварии, Финляндии — имя «Ленин» звучало как музыка победы. В дни поражений и истязаний взоры побежденных рабочих и крестьян прорезали тысячи верст и искали в Советской России и ее вожде — Ленине поддержки и мудрого совета. А этот совет был налицо в основных идеях (мыслях) Ленина и он зажигал сердца новой верой в победу: нужна диктатура пролетариата, нужен союз рабочих с крестьянством, нужна крепкая Коммунистическая партия, нужна поддержка угнетенных национальностей.

Ленин умер. Это тяжелый удар и по Р. К. П., и по рабочему классу, и по крестьянству, и по угнетенным национальностям.

Наши враги радуются. Белогвардейцы из генеральской и помещичьей шайки, эсеры, стрелявшие в 1918 г. в Ленина и тем самым ускорившие его смерть, меньшевики — ждущие возврата капитализма, заграничные короли, министры и банкиры — все они в смерти Ленина видят смертельный удар по Советской власти и Коммунистической партии. Они знают, что Ленин был спайкой и внутри партии, и между рабочим классом и крестьянством. Они рассчитывают теперь, что физическая смерть Владимира Ильича расколет партию коммунистов и посеет раздор между рабочими и крестьянами. Они спят и видят гибель Советской власти.

Пусть наши враги не радуются. Умерший Ленин для врагов Советской власти не менее страшен чем живой. Он был спайкой, но цемент для продолжения спайки он нам оставил. Ленин оставил и Коммунистической партии и рабочему классу, и крестьянству свое самое страшное оружие против врагов — ленинские идеи (мысли, учение, заветы) о диктатуре пролетариата и о союзе рабочего класса с крестьянством. Мысли Ленина пользовались безграничной властью над умами сотни миллионов рабочих и крестьян, слово Ленина для них было законом. Но Ленин был не только властителем дум, он был и величайшим учителем. Он знал, что революция делается не героями, не гениальными людьми, а массами, усилиями и самоотверженностью миллионов борцов. Будучи наиболее сильным умом и волею среди сотен миллионов трудящихся, он считал себя первым среди равных и на протяжении всей своей жизни учил своих товарищей, учил миллионы угнетенных рабочих и крестьян искусству борьбы и управления. Он воспитал целое поколение вождей, которые впитали в себя идеи и опыт великого учителя, которые десятки лет вместе с Лениным руководили революционной борьбой, а после победы Советской власти и строительством этой власти. Это поколение вождей, воспитанное

Лениным, умело и уверенно руководило нашей Советской республикой при жизни Владимира Ильича вместе с ним, умело и уверенно руководило республикой без Ильича во время его болезни; так же уверенно и умело оно поведет наш советский партийный корабль к победам над врагами и теперь после смерти Ильича.

Ленин при жизни, неустанно повторял: «Каждый рабочий, каждый крестьянин должен уметь управлять государством». И все мы научились управлять. Каждый сельсовет и волисполком, каждая ячейка РКП(б), каждый фабрично-заводский комитет, каждая самая маленькая организация трудящихся в нашей стране — это кусочек Советской власти, впитавший в себя учение Ленина и его опыт. Мы все ученики Ленина, начиная от сельского пахаря и рабочего от станка, кончая народным комиссаром.

Преклоняя головы перед прахом нашего любимого вождя и учителя, мы скажем: без тебя нам будет трудней жить и бороться, но мы живем в незыблемо стоящей республике Советов, мы видим изо дня в день укрепляющееся хозяйственное политическое положение Советской власти, мы видим признание этой власти со стороны заклятых наших врагов, мы видим развитие международной революции, и мы, твои ученики, говорим тебе, наш учитель:

Мы удесятерим наши усилия по борьбе с врагами и по укреплению власти Советов. Твои заветы мы полностью осуществим и не изменим им.

Мы сплотим свои ряды вокруг Советской власти и Коммунистической партии и укрепим власть Советов и диктатуру пролетариата, неразрывный союз города с деревней, рабочего класса с крестьянством!

Архангельский губернский комитет Российской Коммунистической партии (большевиков).
Архангельский губернский Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
Архангельский губернский совет профессиональных союзов.

Обращение Карельского комитета РКП(б) ко всем рабочим и крестьянам и частям Красной армии А. К. С. С. Р.[1]

Трудящиеся Карелии.

Вы, перенесшие ряд тяжелых испытаний, испытавшие нашествие банд Чайковского, налет наймитов финляндской буржуазии, теперь переносите еще большее испытание, потеряв кормчего всех социалистических республик.

С великим горем, с невыразимой скорбью сегодня пролетариат всего мира хоронит своего великого учителя, вождя и борца — любимого Владимира Ильича Ульянова-Ленина.

Четверть века стоял он недосягаемым гигантом на рубеже старого и нового мира, одной рукой разрушая капиталистические устои, другой созидая новый, светлый мир свободы, равенства и братства трудящихся масс.

Нет больше верного стража учения Маркса и Энгельса, всю свою жизнь положившего на великое дело освобождения обездоленных, гонимых и угнетенных.

В холодную, сырую землю, в Москве, на Красной площади мы опускаем тело нашего друга-вождя и непримиримого врага угнетателей.

---

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 11499.

Склоним обагренные кровью рабочего класса красные знамена.

Коленопреклоненными отдадим последний долг первому из всех равных.

С глубокой печалью, без слез, без рыданий, но с полным сознанием верности твоим заветам, над свежей могилой мы даем тебе клятву:

Тебя нет, но ты остался.

Остался в лице испытанной 25-летней борьбой верной тебе коммунистической партии.

Закаленная в боях гражданской войны, крещенная смертельным свинцом, она своим коллективным умом поведет по проложенному тобою пути к победе мировой революции.

Тебя нет, но руководитель пролетарского государства есть. Есть наши Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Мы, рабочие и крестьяне, крепко взявшись за руки, в неразрывном союзе, плотно сомкнувши ряды, стальной сетью штыков вместе с нашей славной Красной армией оградим подступы к пролетарскому государству.

Мы раскаленным железом пронзим сердца тех, кто посягнет на завоевания социальной революции.

Мы беспощадно распнем на позорном столбе тех, кто забудет твои заветы.

Мы едины.

Мы тверды.

Мы непоколебимы.

Спи, дорогой Ильич.

Карельский Областной комитет РКП(б).

Обращение Донкома РКП(б), Донисполкома, Горсовета, Донсоврпа. [1]

Ко всем рабочим, крестьянам и казакам Донской области.

Донской Областной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков), Донской совет профессиональных союзов, Донской Областной Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и Ростово-Нахичеванский городской совет рабочих и красноармейских депутатов с глубокой скорбью извещают о смерти члена Центрального комитета Российской Коммунистической партии, председателя Союзного Совета Народных Комиссаров и Совнаркома РСФСР, вождя революционных масс Союза Советских Республик и всего мира Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Тяжела потеря коммунистических партий, рабочего класса и крестьянства всего мира. Больно сжимается сердце трудящихся всех стран. Рабочие и трудящиеся массы деревни должны напрячь все свои силы и волю, чтобы мужественно перенести незабываемую утрату.

Двадцать пять лет под непосредственным руководством и во главе с Владимиром Ильичем выковывалась и руководила революционной борьбой рабочих и крестьян Российская Коммунистическая партия. Она одна указывала трудящимся верный путь освобождения из-под гнета и эксплоатации капитала.

Брошенные тов. Лениным в 1917 г. лозунги: «Долой войну», «Рабочий контроль над производством», «Земля крестьянам» — уста-

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 6461.

новили союз рабочих и крестьян. И под руководством тов. Ленина была установлена власть рабочих и крестьян — Советская власть.

При помощи неразрывного союза рабочих и крестьян, под руководством РКП во главе с Ильичем удалось отбить все попытки контр-революции к свержению власти Советов.

По окончании гражданской войны Советская власть под руководством партии во главе с тов. Лениным верно определила потребности нашего хозяйства и трудящихся масс, совершила поворот в экономической политике и этим самым еще более закрепила союз рабочих и крестьян.

Под таким же умелым и правильным руководством партии во главе с Владимиром Ильичем в международной политике мы заставили наших международных врагов считаться с нами.

Труднейшие вопросы борьбы и творчества рабочего класса, политики рабочего класса и угнетенных масс, строительства хозяйства, разрешались рабочим классом, его партией под руководством всеми любимого вождя В. И. Ленина.

При его же участии был создан и работал международный штаб революции — III Коммунистический Интернационал.

В лице тов. Ленина мы лишились вождя, руководителя революционных масс, сумевших объединить в себе мозг, дух, волю, силу рабочих масс, трудящихся и угнетенных всего мира.

На всем протяжении революционной борьбы рабочий класс и крестьянство терпели много неудач и несли много жертв. Нам памятны дни черной реакции, гражданская война у нас, особенно, когда враг стучался у ворот красной Москвы. Нам памятны понесенные рабочим классом жертвы в лице Карла Либкнехта, Розы Люксембург и многих других.

Рабочий класс и революция непобедимы, ибо от ударов рабочий класс, его партия крепнут, всегда быстро приводят свои ряды в порядок, еще крепче бьют врага и продолжают свое наступление к коммунизму.

И хотя смерть дорогого Ильича чрезмерно тяжела для рабочих и крестьян и для коммунистических партий, растерянности нет и не будет в стальных революционных рядах.

Надежды врагов рабочего класса: буржуев, помещиков, нэпманов, контр-революционеров всех мастей и окрасок не оправдаются, их стремления внести раздор и смуту в наши ряды будут отбиты единой волей и напряженной борьбой рабочих и крестьян.

Партия в течение полутора лет вынуждена была, вследствие тяжелой болезни Владимира Ильича, вести рабочий класс без него и на деле доказала свое уменье, твердость и железное коллективное единство в руководстве рабочим классом и крестьянством, смыкая ряды трудящихся на пути дальнейших революционных побед. За это время ни одна пядь завоеваний не была потеряна.

Задачи, стоящие перед Союзом Советских Республик, велики и сложны. Основная задача — удержание и еще большее закрепление союза рабочих и крестьян. Улучшение сельского хозяйства, укрепление городской промышленности и удешевление производимых ею продуктов, сделать их доступными для крестьянства — вот чем должны быть заняты РКП, профсоюзы, все органы Советской власти и вся рабоче-крестьянская масса. Далее, поднять культурный уровень масс и улучшить благосостояние рабочих и крестьян. Ныне заседают Всероссийский и Всесоюзный Съезды Советов — представители рабочих и крестьян трудового союза. Им придется подвергнуть обсуждению и разрешить вышеуказанные задачи. Эти съезды должны будут избрать

председателя Совета Народных Комиссаров вместо умершего тов. Ленина.

Мы уверены, что съезды с этими задачами справятся.

Мы убеждены, что лишенные своего гениального вождя и пламенного борца рабочие и крестьяне удесятерят свою энергию, еще крепче сплотят свои ряды и заветы Ильича будут выполнены.

Дело, за которое Ильич боролся и отдал свою жизнь,— будет доведено до конца.

Путь, указанный Ильичем к освобождению трудящихся, будет твердо пройден и все препятствия будут устранены мощной рукой союза рабочих и крестьян.

Донской областной комитет Российской Коммунистической партии (большевиков).
Донской Совет профессиональных союзов.
Донской Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.
Ростово-Нахичеванский городской совет рабочих и красноармейских депутатов.

Обращение Татарского областного комитета Р. К. С. М. ко всей трудящейся рабоче-крестьянской молодежи Татарской республики.[1]

Умер Ильич...

Слышишь, рабоче-крестьянская молодежь,— умер тот, в ком на протяжении десятилетий воплощалась воля пролетариата; умер тот, кто на протяжении всей своей жизни руководил борьбой рабочих и крестьян с буржуазией, кто руководил их победой, под чьим руководством строилось пролетарское государство, закладывался фундамент социализма; умер вождь пролетариата — наш дорогой и любимый Ильич, имя которого несет на устах рабочий и крестьянин всего мира.

Всю свою жизнь дорогой, незабвенный Ильич отдал делу рабочих и крестьян. Всю свою жизнь он был участником борьбы, в самые тяжелые и опасные моменты ее всегда умевшим найти выход.

Он первый явился претворяющим в жизнь учение великого Маркса, борющимся со всеми извращениями того, что было вложено последним в теорию революционной борьбы рабочего класса; он тот, который выковал единство рабочего класса, борясь со всякого рода его врагами, соглашателями, предателями и изменниками; он тот, который на протяжении своей жизни дал школу пролетарской революции. По Ленину учится не только рабочий класс Советского союза, но и пролетариат всего мира.

Он был тем, который дал завет рабочему классу сотрудничества — союза с крестьянством, что является практическим моментом революции, претворением в жизнь. Шесть лет тому назад создан неразрывный союз рабочих и крестьян, руководимый нашей коммунистической партией, властью Советов рабочих и крестьян, в свою очередь возглавлявшихся дорогим Ильичем, под руководством которого прошло и освобождение трудящихся Востока от национального гнета.

Ильич был членом великой стальной Российской Коммунистической партии (большевиков), воплощавшим в себе желание и волю партии. Мысль его была сгустком миллионов мыслей. 25 лет партия

[1] ЦГАОР, Газетно-плакатный отд., инв. № 8351.

жила, творила и боролась при непосредственном участии и руководстве Ильича. Школа Ленина — верное орудие борьбы рабочего класса — полностью в руках нашей Коммунистической партии. У рабочих и крестьян нет другой партии кроме той, в которой вырос вождь пролетариата — Ильич.

Смертью Ильича тяжкий удар нанесен нашим рядам. Мы будем скорбеть, но не упадем духом. Мы сплотимся вокруг Коммунистической партии, в которой полностью воплощены заветы дорогого Ильича.

Трудящаяся молодежь, — будущее в твоих руках. Его придется строить сейчас без участия Ильича, но путь, по которому надо итти нам, указан им. Он руководил нами, и долго еще будет руководить, пока не будет окончена борьба рабочих и крестьян с ненавистной буржуазией во всем мире. В настоящий момент, как никогда, необходимо сплотиться вокруг нашей Коммунистической партии. Мы будем ленинцами, мы не отступим от его заветов, — Ильич для нас не умер, он с нами, он всюду и всегда будет нашим вождем.

Пусть не думает буржуазия, что со смертью Ленина умрет его дело. Его дело — дело миллионов рабочих и крестьян, а они были едины и таковыми останутся всегда.

Вечная память нашему великому, незабвенному Ильичу.

Вечная слава его делу.

Да здравствует Российская Коммунистическая партия, вождем которой был Ильич.

Да здравствует коммунизм, в борьбе за который умер наш Ленин.

Татарский областной комитет РКСМ.

28 января 1924 г., г. Казань.

Из протокола № 10 общего собрания граждан дер. Екатериновка, состоявшегося 24 января 1924 г.[1]

Присутствовало 78 человек.

Заслушав телеграмму о смерти горячо нами любимого, нашего вождя, Владимира Ильича Ленина, мы, граждане деревни Екатериновки, с прискорбием сожалеем, что тов. Ленину не пришлось дожить до всемирной революции. Все то, что проделано тов. Лениным самим и под личным его руководством, оценено в полной мере не может быть никем, кроме трудящихся. Тов. Ленин, не жалея себя, всю жизнь отдал на борьбу с капиталом. Мы знаем, что буржуа в капиталистических странах будет радоваться смерти тов. Ленина, но пусть они знают, хотя и умер Ленин, но после него еще остались миллионы ленинцев, которые будут бороться с мировым капитализмом до полного его свержения. Если мы потеряли нашего идейного руководителя, то не должны ни на минуту останавливать начатой им работы по борьбе с капиталом. Мы должны с большей энергией взяться за дело строительства Советской республики. Должны как можно скорее экономически укрепить республику своевременным взносом с/х налога.

Председатель собрания (подпись).
Секретарь (подпись).

[1] ЦГАОР, ф. Varia, д. № 443, л. 5 об.

Телеграмма из Датты Ольгинскому райисполкому, 27 января 1924 г.[1]

На далекой северной окраине против Сахалина селение Датты в момент опускания гроба Владимира Ильича воздвигнуло ему памятник в знак выполнения его заветов. Первым весенним пароходом вышлем фотографический снимок.

Даттинский сельсовет и граждане.

Из протокола чрезвычайного собрания гр-н дер. Алексеевки, Владимиро-Алексеевской волости Приморской губ., 27 января 1924 г.[2]

Заслушав телеграфное уведомление о кончине дорогого вождя, богатой результатами жизни революционного борца всех времен, близкого сердцу — Владимира Ильича, собрание постановляет. Мы, крестьяне, оплакивая дорогого нашего учителя Ильича и твердо помня его мудрое учение и святой завет, готовы всегда встать на общую борьбу с мировыми тиранами и так же будем стойки, как при Ильиче, и честно продолжать путь освободительного движения при теснейшей смычке с рабочими, при верной руководительнице — Коммунистической партии, выдвигая такие же гигантские фигуры, как Ильич.

Мы, крестьяне, твердо убеждены в том, что верная наследница дорогого Ильича — Коммунистическая партия вполне заменит его и будет так же стойка и верна на пути освободительного движения как Ильич, не ошибаясь.

Мы не будем строить памятник дорогому Ильичу из камня или из дорогого металла, а великим памятником послужит Ильичу, если мы честно продолжим путь, по которому шел до последней минуты жизни наш незабвенный дорогой Ильич.

Да прозвучит гром ученья Ильича от Запада на Восток, от Севера до Юга, и близок час освобождения угнетенных масс всего мира и гибели тиранов.

Председатель (подпись).
Секретарь (подпись).

---

[1] ЦГАОР, ф. Varia, д. № 443, л. 4 об.
[2] Там же, л. 5.

Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.

Вскоре после Великой Октябрьской Социалистической революции, установившей советскую власть в России, финляндский народ получил свободу и независимость. Советское правительство еще в декабре 1917 г. особым декретом объявило о политической и экономической независимости Финляндии. Это историческое решение Советского правительства рабочими и крестьянами Финляндии было воспринято с исключительным подъемом, что нашло свое выражение в массовом революционном движении среди финских рабочих и трудящихся.

Русские белогвардейцы и англо-французские интервенты, факт признания независимости Финляндии со стороны Советской республики лживо попытались свести лишь к простому жесту. Зато финские рабочие и трудящиеся в этом решении Советского правительства видели действительную дружбу и верную опору в борьбе со своими угнетателями, помещиками и капиталистами. «Тогда это казалось,— писал В. И. Ленин,— простым жестом. Думали, что восстание рабочих Финляндии заставит забыть это. Нет, такие вещи не забываются, когда их подтверждает вся политика определенной партии» [1].

Финские рабочие, используя революционный опыт пролетариата России и опираясь на его помощь, уже тогда развернули героическую борьбу за установление власти рабочих в Финляндии.

Товарищ Сталин, в своем выступлении на съезде Финляндской социал-демократической партии в ноябре 1917 г. отстаивая независимость и свободу самоопределения финского народа перед всем миром, заявил: «Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России».

Установление дружественных отношений рабочих страны Советов с рабочими Финляндии вызывало бешенство в рядах финской буржуазии.

Финская буржуазия, помещики и вожди социал-демократической партии, заручившись поддержкой со стороны империалистов, бросили все силы на борьбу с восставшими рабочими. Уже в это время во главе белофинских банд стоял царский генерал — палач русского и финского народа — барон Маннергейм. Маннергейму, вдохновляемому идейно и поддерживаемому материально со стороны заправил Антанты, удалось жестоко расправиться с рабочими и трудящимися Финляндии. Двадцать тысяч рабочих и трудящихся финнов без суда и следствия были расстреляны.

Маннергейм с помощью англо-французских и прочих «цивилизаторов» вешал ни в чем неповинных рабочих и крестьян, мучил их жен и детей. Многим арестованным выкалывали глаза, отрезали уши, рашеных живыми закапывали в могилы вместе с расстрелянными, женщин, присужденных к расстрелу, насиловали. Девяносто тысяч арестованных погибло от голода в тюрьмах и лагерях. Подобной инквизиции не знала история мрачного средневековья. Все эти зверства белофинские бандиты осуществляли с полного одобрения кровавых заправил Антанты. Эти господа не только не протестовали против дикой

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 54.

расправы, чинимой под видом борьбы с большевизмом, а наоборот, всячески провоцировали ее. Финляндия с начала 1919 г. была превращена в плацдарм группировки антисоветских сил.

В борьбе с советской Россией финляндская буржуазия и помещичья клика являлись послушным орудием в руках англо-французских провокаторов войны. В годы гражданской войны и интервенции финляндская военщина по указке англо-французских империалистов предоставляла свою территорию для интервентов и белогвардейцев, организовала и не раз посылала свои войска против страны Советов. Империалисты Англии и Франции и их ставленники Колчак, Миллер, Юденич, при помощи Маннергейма, делали, правда, безуспешно, попытки напасть на страну Советов, а главное взять колыбель социалистической революции — Петроград. В организации похода на Петроград так же, как и во всех прочих провокациях, главную роль играли Англия и Франция. По этому поводу в сообщении из Финляндии от 14 февраля 1919 г. читаем, что оккупация финнами Петрограда, по заявлению Маннергейма, будет произведена с согласия Антанты в марте, для чего Маннергейм располагает 30-тысячной хорошо обученной и вооруженной армией, что в боевых действиях примут участие добровольцы шведы[1]. В другом документе от 18 мая «Нотис бюро» сообщало, что продвижение финляндских войск на путях к Петрограду является «звеном в общей русской программе союзников». По этому же вопросу агент Колчака в Лондоне Набоков писал: «Финляндское правительство принципиально постановило объявить войну Советской России. День, когда это состоится, будет установлен по соглашению с французской и английской военными Комиссиями».

Приведенные данные достаточны для того, чтобы убедиться в том, что антисоветские интриги против страны Советов инспирировались англо-французскими интервентами.

По указке англо-французских интервентов генерал Юденич в Гельсингфорсе, Выборге и в других городах вербовал отряды белогвардейцев для похода на Петроград.

В Финляндию стягивались английские вооруженные отряды, корабли и подводные лодки для нападения на Советскую республику (английская подводная лодка № 55 была в июне 1919 г. потоплена кораблями героического Красного Балтфлота).

Маннергейм свое черное дело старательно скрывал от рабочих и крестьян своей страны, ибо он знал, что трудящиеся Финляндии в лице Советской республики видят свою надежную опору в борьбе за освобождение от ига помещиков и капиталистов.

Боясь рабочих, Маннергейм пускал в ход провокационную демагогию, чудовищно переплетающуюся с зверским террором. Палач финского народа лживо заявлял, что он борется за независимость Финляндии, на деле же торговал оптом и в розницу свободой и независимостью финского народа.

Выполняя задания англо-французских империалистов, их агенты умышленно обостряли отношения с Советской Россией, а на мирное предложение последней отвечали бандитскими налетами и новыми провокациями. Враждебное отношение к стране Советов наиболее откровенно выболтал некий Сулохити: «Советская власть,— говорил этот белобандит,—...представляет собою революционную организацию, целью достижения которой служит разрушение современного общественного строя во всех странах. Финляндия имела особенно горький опыт того, чего способна достичь большевистская пропаганда. Если при современных условиях трудно воспрепятствовать этой агитации, то еще более благодарную почву получит большевистская пропаганда, если прекра-

[1] См. ниже, стр. 42.

тится военное положение». Далее тот же Сулохити говорил: «партия не хочет облегчать борьбу советской России; она не отказывает в сочувствии русским белогвардейцам, поскольку их стремления не противоречат ее интересам» [1]. Выступление Сулохити совпадало с пребыванием палача финского народа барона Маннергейма в Париже, где он продавал империалистам независимость и свободу финского народа. В связи с заключением сделки Маннергейма с англо-французскими банкирами, газета «Свенска Тидинген» от 20 октября 1919 г. сообщала: «Финляндия к Советской России относится образом, предположенным союзниками».

Союзники щедро оплачивали авантюру царского генерала Маннергейма. В ответ на это Маннергейм заявлял, что он будет работать в тесном единении с западными державами, в то же время ища согласия со Скандинавскими странами и, конечно, с русскими белобандитами: Колчаком, Юденичем и др. В одной из своих телеграмм, адресованной Колчаку, Маннергейм писал: «Прошу ваше высокопревосходительство принять мою благодарность... уверен, что и впредь мы будем в состоянии уничтожать всякую попытку поднять в Финляндии красное знамя революции» [2].

Публикуемые ниже документы показывают лишь отдельные моменты героической борьбы рабочих и трудящихся России и Финляндии против белофинских бандитов и интервентов, возглавляемых генералом Маннергеймом.

Донесения, телеграммы и переписка вскрывают подлинных организаторов, исполнителей кровавой авантюры, направленной против Советской республики. Они показывают все бессилие и беспомощность англо-французских организаторов и вдохновителей бандитских налетов на Советскую республику в годы гражданской войны.

Как и в годы гражданской войны героическая Красная армия показала вновь несокрушимую силу советского народа. Англо-французские империалистические круги, подстрекавшие Финляндию против Советского Союза, смогли сейчас лишний раз убедиться в мощи нашего советского оружия. Безопасность северо-западных границ страны социализма, безопасность колыбели социалистической революции — города Ленина — обеспечена. Подписанный мирный договор с Финляндской республикой, продемонстрировавший перед всем миром мирную политику Советского Союза, является новой победой Сталинской политики мира.

Теперь, когда полностью провалились новые попытки англо-французских империалистов использовать Финляндию как один из своих важнейших плацдармов для похода против Советского Союза, нижепубликуемые документы представляют особый интерес.

Приведенные документы состоят из двух групп: к первой группе относятся материалы, характеризующие борьбу рабочих и крестьян Советской России и Финляндии с белобандитами в конце 1918 и начале 1919 гг.

Вторая группа документов состоит из переписки белогвардейцев и интервентов, тесно связанных с шайкой белобандитов, во главе с Маннергеймом. Документы этой группы с достаточной полнотой отражают обстановку, в которой главари русской контрреволюции, в союзе с белофиннами и англо-французскими интервентами, группировали белобандитские силы, направленные на борьбу с рабочими и крестьянами страны Советов.

Основная часть документов публикуется впервые, лишь несколько документов было опубликовано ранее, последние в данной публикации даются лишь в связи с другими документами.

---

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 16, л. 14.
[2] См. ниже, стр. 63.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции и в Архиве Красной армии.

Публикуемые документы вошли в сборник о Финляндии, подготовляемый к изданию ГАУ НКВД СССР.

Г. Костомаров.

I

Из обращения революционного финляндского правительства к Совету Народных Комиссаров Российской республики, 17 января 1918 г.[1]

Сим объявляем Российскому правительству рабочих, солдат и крестьян, что революционное движение рабочих Финляндии низвергло свое буржуазное правительство; вместе с этим, согласно постановления комитета соц.-дем. партии, был объявлен переход власти в руки рабочего класса, временное осуществление каковой пока сосредоточено в Финляндском Совете Народных уполномоченных, подконтрольном Главному Совету рабочих. О перемене правительственной власти будет также сделано сообщение правительствам всех государств, которые признали независимость Финляндской республики. Доводя о сем до вашего сведения просим вас, товарищи народные комиссары, передать российскому революционному пролетариату привет от финляндского революционного народа и выразить сердечное пожелание, чтобы в борьбе за свержение капитализма среди рабочих России с Финляндией существовала прочная солидарность.

Да здравствует международная революция пролетариата!

Телеграмма Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии из Гельсингфорса в Совнарком, 23 января 1918 г.[2]

Положение у нас устойчивое. Власть пролетариата с каждым днем крепнет. Если можете, высылайте на подкрепление сознательных людей, крайне нуждаемся. Оружие вышлите, возможное количество броневиков и пулеметов в распоряжение военного отдела. Вместе с тем убедительно прошу помочь финансами, так как этот вопрос обстоит в самом незавидном положении.

Приветствие финляндского пролетариата товарищам, борющимся за свободу во всех странах, 4 февраля 1918 г.[3]

В Международную Социалистическую комиссию.

Товарищи!

Мы сообщаем вам, что в Финляндии пролетариат, стоя перед лицом страшной нужды и перед угрозой лишиться всех завоеваний революции, под давлением белой гвардии имущих классов, вступил в революционную борьбу и сверг реакционное буржуазное правительство.

---

[1] Газ. «Правда» № 13 (240) от 31 (18) января 1918 г.
[2] ЦАОР, ф 130, оп. 12, д. № 114, л. 122.
[3] «Правда» 17 (244) от 5 февраля (23 января) 1918 г.

ОЕВАТЬ МЫ НЕ ХОТИМ – НО СОВЕТЫ ОТСТОИМ!

Образованный с.-д. партией Исполнительный комитет провозгласил переход власти в руки рабочего класса. С согласия Ц. К. с.-д. партии было образовано революционное правительство: Комиссариат финского народа — которое издало программу своей социалистической деятельности. Одновременно с радикальными, немедленно вступающими в силу социальными реформами, решено, посредством контроля над банковым капиталом, обуздать капиталистическое господство биржи. Социализация производственных заведений начнется немедленно, поскольку этого будут требовать интересы народа. Для поддержки и контроля над деятельностью Народного комиссариата учреждается Главный Совет рабочих, который состоит из 35-ти человек и члены которого избираются Советом с.-д. партии, центральной организацией профессиональных союзов, красными гвардиями рабочих и гельсингфорскими рабочими. Вся власть принадлежит рабочим и на съезде избранных всеми организованными рабочими будет определена окончательная форма будущего государственного порядка страны.

Теперь, когда финляндские рабочие, следуя примеру своих русских товарищей, начали социальную революцию, мы шлем горячий привет Международной Социалистической комиссии и при ее посредстве социалистическим партиям всех стран.

Наши классовые товарищи в различных странах! Мы, пролетарии в маленькой Финляндии, отлично понимаем, какие огромные трудности предстоят нам теперь, когда мы берем в свои руки власть в обществе и приступаем к проведению социалистических реформ. Против нас стоит вся буржуазия со своим классом чиновников, которая в исступлении точит оружие мести и пытается, посредством националистической агитации, вооружить крестьян против трудового народа. Они распространяют ложные слухи, будто социалисты намереваются отказаться от независимости Финляндии и желают снова соединить ее с Россией. Имущие классы Финляндии, взывая к международной солидарности эксплоататоров, также принимали меры к тому, чтобы получить помощь от части иностранных правительств. Финляндский пролетариат уверен в том, что ни в одной стране, проникнутой классовым сознанием, пролетариат не допустит свое правительство удовлетворить кровожадные намерения финляндских капиталистов, посредством отправления им на помощь своих войск против финляндских рабочих. Мы надеемся также, что наши товарищи в тех странах, которые находятся в деловых сношениях с Финляндией, употребят все усилия к тому, чтобы помешать своим капиталистам сообща с финляндскими капиталистами строить оковы, с целью уморить с голоду финляндских рабочих.

Если же они попытаются распространять уже сделавшуюся обычною ложь, будто бы в Финляндии, вследствие социальной революции, царит анархия, то мы просим вас публично сообщить, что в нашей стране господствует революционный порядок, поддерживаемый красными гвардиями рабочих, и порядок лишь нарушается вследствие контр-революционной провокации.

Скажите, что революционные рабочие уважают права иностранцев и что только бунты буржуазии против рабочих нарушают общественную и деловую жизнь страны.

Для нас ясно, уважаемые товарищи, что господствующие в каждой отдельной стране условия обусловливают тактику рабочего движения. Но подобно тому, как эксплоатация и угнетение являются международными, так и борьба с ними должна быть международной. Кровь финляндских и русских революционеров как раз в настоящий момент проливается в общей борьбе с угнетателями. Во время мировой войны

созрели условия для международного выступления рабочих, которое стало почти необходимым. Из одной страны в другую переходит революционное движение. Когда же оно превратится во всеобщую международную революцию?

Рабочие, мужчины и женщины, вы, организовавшиеся на основе классовой борьбы для свержения капитализма! Прислушайтесь к призыву российского пролетариата к борьбе, восстаньте против господства буржуазии, против этого жестокого господства эксплоатации, гнета, доведшего человечество до ужасных побоищ и нужды мировой войны. Положите конец войне, свергните капиталистические правительства и возьмите в свои руки управление обществом на счастье трудового народа и всего человечества.

Мы, народ маленькой страны, обращаемся в особенности к вам, рабочие крупных капиталистических стран. Спасите человечество от его гибели. Речь идет о миллионах человеческих жизней и о счастье всего подрастающего поколения. Поднимайте в одной стране за другой знамя решительной борьбы рабочего класса.

Да здравствует международная социалистическая революция!

Да здравствует циммервальдский Интернационал!

Ц. К. Финляндской с.-д. р. п.

Революция в Финляндии.[1]

Бои в Борго, Мянтю-Харью, Науво и др. окончились успешно для красной гвардии.

11 февраля н. ст., согласно сведениям из «Правительственного вестника», город Борго, близ Таммерфорса, до сих пор был занят контр-революционными войсками, но 8 февраля сильным натиском революционных войск контр-революционеры были вытеснены оттуда, причем принуждены были оставить большие продовольственные запасы, оружие и патроны, довольно большое количество лошадей и многое другое. При отступлении ими была порвана вся местная сеть телефонных и телеграфных проводов. Будучи вытеснены из города, они скрылись на близлежащих островках. Пленные контр-революционеры заключены под стражу в местные арестные дома. Пленные красногвардейцы освобождены. Потери белой гвардии значительны; среди красногвардейцев двое убитых. В настоящий момент красногвардейцы продолжают свое наступление. Белогвардейцами при отступлении из Никкиля взорван железнодорожный мост. К исправлению его приняты меры. В северной Финляндии, Мянтю-Харью, близ Нейшлота, произошли довольно сильные бои. Гнездом контр-революции были правительственное здание, школа и церковь. Контр-революционеры отогнаны на 7 верст. Из Або сообщают о боях, происходивших в Науво, Парайси, Хоусткяр и многих других близлежащих местностях. В одном местечке контр-революционеры окружили батареи, где находились русские войска, и были встречены последними пулеметным и артиллерийским огнем. По просьбе, переданной по радиотелеграфу в Або, оттуда были посланы подкрепления, которые отбросили белую гвардию на несколько километров. Батареи остались в руках революционных войск. 8 февраля белая гвардия пыталась взорвать железнодорожный мост между Таммерфорсом и Николайштаттом: попытка окончилась неудачей; незначительные повреждения были немедленно исправлены.

[1] Газ. «Правда» № 24 (251) от 13 февраля (31 января) 1918 г.

Из доклада Морского генерального штаба РСФСР в Штаб военного руководителя Петроградского района, 22 апреля 1918 г.[1]

Начальник Петроградского Военно-Морского контроля сообщил, что, по агентурным сведениям, так называемая финская белая гвардия начала войну, якобы, против финской красной гвардии, на самом же деле это война против России, с целью захвата и присоединения к Финляндии Архангельской, Олонецкой и части Петроградской губ. с городом Петроградом, чтобы иметь свободный выход из Ладожского озера в Финский залив.

Как только финская красная гвардия будет окончательно разбита...,— с открытием навигации, освобождением дорог и полей от снежного покрова и просыханием, крупные отряды финских войск перейдут во многих местах русскую границу и пойдут походом на Архангельскую и Олонецкую губ., а также на Петроград, с целью завоевать их и навсегда присоединить к Финляндии. Граница будущей Финляндии должна проходить от Архангельска через Каргополь — Вытегру — Лодейное Поле — Новую Ладогу — Петроград и Финский залив с южным побережьем вплоть до Нарвы.

Для осуществления этого плана... в настоящее время мобилизована вся т. н. белая Финляндия: все лица мужского пола от 18 до 40 лет призваны на службу по обязательному набору и составляют регулярную армию, остальные же до 55 лет составляют резерв 1, 2 и 3-го разрядов, а старики и лица, признанные негодными к строевой службе, несут караулы на местах и служат в обозе. Все мобилизованные белогвардейцы обучаются военному делу, а, главным образом, проходят строевую службу и стрельбу, на особых курсах, которые продолжаются от 2 до 4 недель, причем инструкторами-учителями являются финские егеря[2], прибывшие из Германии. Таких егерей, прошедших в Германии курс военного обучения, насчитывается около 5 000 человек и половина их произведена в офицеры до чина подполковника включительно.

Поход на Россию будет произведен без формального объявления ей войны, как по суше, так и по Ладожскому озеру и Финскому заливу, отдельными отрядами численностью от 3 до 5 тыс. человек, усиливаемыми по мере надобности из резервов, совместно с германскими и шведскими добровольцами. Первый отряд пойдет от гор. Иоэнсу на Архангельск, чтобы сразу захватить Мурманскую и Архангельскую жел. дор. и отрезать Россию от Белого моря. Три отряда будут отправлены из Сердоболя, где помещается главный штаб Карельской армии: из них один на Импилахти — Тулмозеро — Сандер Озеро и на Петрозаводск — будущую столицу финской Карелии; другой — по берегу Ладожского озера на Видлицы — Олонец — Лодейное Поле, чтобы захватить Северную жел. дор. и отрезать Петрозаводск, и третий — будет переброшен на судах и баржах, буксируемых пароходами, из Сердоболя в устье реки Свири на юго-восточном берегу Ладожского озера, а пятый и шестой отряды из Кронборга (Куркиоки) и Кексгольма

---

[1] ЦА РККА, ф. 13, оп. 1, д. № 1/с, лл. 2, 3.

[2] В начале войны России с Германией (1914 г.), при содействии финляндской буржуазной националистической партии «активного сопротивления» — «активистов», состоявшей в блоке с русскими с.-р., в Финляндии возникло т. н. «егерское движение», заключавшееся в тайной вербовке и отправке добровольцев в Германию, где в Локштедском лагере под Гамбургом были созданы военные курсы для финнов.

Таким образом был организован финляндский егерский батальон (1930 человек в 1917 г.), задачей которого была подготовка военных организаторов — инструкторов для восстания против царской России. Впоследствии егеря составили ядро белой гвардии Финляндии.

будут перевезены на судах в Новую Ладогу и Шлиссельбург, чтобы захватить Ладожский канал и Неву и таким образом запереть русский флот в Петрограде и Кронштадте и захватить его. Одновременно с этим главные силы белой гвардии, под командой генерала Маннергейма, будут наступать от Выборга на Териоки — Белоостров и Петроград, с целью захватить его врасплох и разбить окончательно русские войска.

После захвата этих местностей, по словам Свинхувуда [1], Германия заставит Россию заключить с Финляндией формальный мир с отдачей названных губерний и с уплатой крупной контрибуции, преимущественно хлебом.

Что касается организации финской белой гвардии, то управление ее войсками распределяется на восемь округов по числу губерний и провинций Финляндии, в которых сформированы кадры финских войск, сражающихся на фронте, в составе 8 стрелковых полков и 8 егерских батальонов с соответствующим количеством кавалерии и артиллерии, подвезенной как из Германии, так и захваченной у нас при оставлении нашими войсками финляндской территории и на фронтах. Пехота вооружена трехлинейными винтовками, карабинами и пистолетами, маузерами крупного калибра, заряжающимися 15 патронами, стрельба из которых производит впечатление стрельбы из ручных пулеметов. Снабжение финских войск производится, главным образом, за счет огромных запасов военных материалов и имущества, оставленного нами при эвакуации Финляндии и перешедшего в руки финнов.

Главными сборными и опорными пунктами белой гвардии служат в настоящее время города: Ваза (Николайштадт), Таммерфорс, Ювяскюля, С.-Михель, Нейшлот, Сердоболь, Иоенсуу, а затем и Выборг по его завоевании. В означенных городах имеются штабы округов и запасные батальоны обученных войск для пополнения армий на фронте. Кроме того, в каждом селе и приходе имеются, как выше указано, свои школы для обучения строю белогвардейцев и отсюда, по мере надобности, солдаты отправляются на сборные пункты. Финской белой гвардией командуют почти все офицеры бывших финских войск, а также финляндские уроженцы, служившие офицерами в русских войсках, как-то: ген. Маннергейм, полковники Аппельгрен, Теслев, Окерман, Игнациус, капитан Альквист, Эльвенгрен, Пелль, Споре, Седерман, Дегергольм (б. чиновник канцелярии финляндского генер.-губернатора) и другие. Всех сил финской белой гвардии насчитывается пока около 150—200 тыс. человек. Среди командного состава имеются немецкие и шведские офицеры, но последние большею частью служат санитарами.

Из того же источника сообщается, что имеется план захвата наших судов в случае появления их в Ладожском озере, а также обезоружения наших отрядов, путем братания под видом красной гвардии, спаивания наших команд, пополнения их тайными сторонниками белой гвардии и прочее.

Сообщено: в штаб военного руководителя Петроградского района, в штаб командующего Балтийским флотом, генерал-квартирмейстеру Главного управления Генерального штаба и помощнику начальника Морского Генерального штаба в Москве [2].

---

[1] Свинхувуд, Пер Эвинд (род. 1861 г.). В 1917—1918 г.г. глава финляндского буржуазного правительства, руководитель белого террора против финских революционных рабочих и крестьян. С июля 1930 г. по март 1931 г. вновь возглавлял фашистское правительство Финляндии.

[2] В документе подписи отсутствуют.

Радио-телеграмма общего собрания матросов линейного корабля «Андрей Первозванный» в Совнарком, 30 мая 1918 г.[1]

Протест: «Мы команда линейного корабля «Андрей Первозванный» получили радиотелеграмму — воззвание финских рабочих об ужасах и зверствах белого террора Финляндии. Горячо, с болью в душе протестуем против ни на чем неосновательных расстрелов и пыток, содержания в тюрьмах, издевательств над трупами казненных рабочих, ужасов насилия, творимых этими зверями в образе человека над гонимым, не имеющим защиты пролетариатом. Ввиду вышеизложенного настоятельно требуем от Совета Народных Комиссаров, как власти народной, стоящей на защите угнетенных, принять немедленно меры к защите пролетариата и к уничтожению бесчеловечного террора соответствующим образом. Мы обращаемся ко всем не потерявшим еще совесть и понятие о человеческой жизни правительствам всего мира.

Разведывательная сводка штаба VII армии, 4 февраля 1919 г.[2]

Повенецкое направление: новых сведений с 15 по 30 января не поступало. Расположение противника старое — 790 штыков.

Мурманское направление. Изменения с 15 января: концентрация войск союзников в районе Кемь — Сороки. Передвижение английских войск к восточной границе Финляндии, организация отрядов для действия на восточную Карелию, снабжение оружием, широкая агитация. Группировка прежняя. Численность 5500 штыков, 4 орудия, 5 пулеметов.

Ухтинское направление: группировка противника в районе Ругозеро, причем Карельский отряд по непроверенным сведениям укомплектован до полка. Отряд итальянцев — 150 штыков. Всего, предположительно, более 1000 штыков.

Нурмесское направление: неоднократный переход финнами нашей границы, широкая агитация. Сформирован при поддержке англичан отряд в 1000 штыков для действий на восточную Карелию. Группировка прежняя, численность 5050 штыков, 27 легких орудий и 30 пулеметов.

Сердобольское направление: по показаниям местных жителей готовится наступление в районе Самозеро. Изменения: Орус — Ярве — триста белых, 300 штыков, в район Сердоболя отправлено из базы Вааламе пятьсот штыков, 3 восьмидюймовых орудия. Итого: 8672 штыка, 100 сабель, 53 легких и 113 тяжелых орудий, 19 пулеметов и 6 самолетов.

Тыл Олонецкого района: новых сведений не поступало. Группировка прежняя. Всего 3 250 штыков, 8 легких и 14 тяжелых орудий. Всего в Олонецком районе — 23 262 штыка, 92 легких, 127 тяжелых орудий, 54 пулеметов, 100 сабель и 6 самолетов.

Карельский район. Изменения: на восточной границе Карельского перешейка появились части Кексгольмского полка (возможно предполагать части 6 Ладожского, стоящие в районе Кексгольм — Сердоболь). Группировка прежняя. Численность (если считать прибывшие части Ладожского полка) 4 855 штыков, 8 легких, 7 тяжелых орудий, 18 пулеметов.

Выборгское направление: продолжают из глубины Финляндии прибывать пополнения. Ведутся непрерывные окопные работы. Измене-

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, 1918 г., д. № 205, л. 2.
[2] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д № 8/с, лл. 59—61.

ние: формирование в районе Райвола русского отряда в 3 000 человек. Группировка прежняя. Численность — 9 200 штыков, 120 сабель, 32 легких, 26 тяжелых орудий, 3 пулемета. Тыл Карельского района. Изменения: 1) прибытие в район Выборга 2 000 штыков (возможно крепостной полк, о котором упоминает агентура), 2) сформирован батальон береговой артиллерии, закончено формирование 2 Артполка — 9 батарей, из них три тяжелых, 3) формирование белого отряда в Сан-Михель и Гельсингфорсе, 4) в Вазаском округе сформировано и поставлено под ружье 2 000 человек, 5) в Улеаборге принимается на учет Каянский партизанский батальон и 3 000 шведов добровольцев, 6) периодическое прибытие в Гельсингфорс из Улеаборга и Або шведских добровольцев, которые переодеваются в финскую форму и отправляются в Эстляндию; 7) переброска в Эстляндию отрядов Кальма, Екстрема, Апельгрена, Ельвенгрена и Калли — 750 штыков, в Либаву трех рот лыжников с отрядом «Северные ребята».

Установлено сформированными восемь регулярных полков, 1 крепостной в Выборге в 10 800 штыков, 4 горных батальона в 160 штыков, 4 батальона погранстражи в 1400 штыков, 3 кавалерийских полка, один — 1800 сабель, 2 артполка (18 батарей, из них шесть тяжелых); мобилизовано до 3 000 тысяч в Вазаском округе, всего до 17 000 тысяч регулярных штыков, 1800 сабель, 12 организованных легких шестиорудийных батарей и шесть тяжелых четырехорудийных. Белых насчитывается до двадцати тысяч.

Ревельское направление: по реке Россош — десантный отряд в 400 штыков, в том числе отряд Калева.

Нарвский район: 1 защитный батальон 3, 4, 5, 8 белоэстонские[1] полки, 4 батареи финнов — 1600 штыков. По последним сведениям в Нарве — 500 финов, остальные направлены на Валк; 4 легких и 2 тяжелых батареи. По показанию перебежчика от 2 февраля тяжелых орудий увеличилось до десяти, 500 сабель, из них двести Зеленого, 200 Народного кавалерийских полков и 100 сабель белых Бибикова. В районе Криуши эскадрон, две роты — 300 штыков, 1 батарея, 8 пулеметов и ударный отряд, в районе Князь Село — 400 штыков, 6 пулеметов, в районе Сыренец — отряд в 300 штыков. Ближние резервы — район Иевве — баронский отряд самозащиты — 600 штыков. В районе Черно (на северо-западном побережье Чудского озера) — 500 штыков.

Юрьевский район: штадив первой эстонской — 1000 штыков, Феллинский ударный батальон — 350 штыков, 10 орудий.

По шоссе Верро оперируют: финский ударный батальон — 450 штыков и три броневика. По жел. дороге Юрьев — Валк: 2 Эстонский полк — 900 штыков и, предположительно, части первого эстонского полка, отряд белых — 300 штыков, 1 тяжелая 4-х орудийная батарея (была на позиции в районе Ельва), 2 бронепоезда. Между направлениями Юрьев — Верро Юрьев — Валк — отряд Балаховича,[2] — 250 сабель, 2 эскадрона, 250—300 сабель Зеленого полка.

Феллинский район. Феллинштадив 2 Эстонский батальон 6 Перновского полка. 6 Перновский полк насчитывает 1500 штыков при 20 пулеметах. 2 батальон Перновского полка с одной легкой батареей оперирует у южной окраины озера Вирц-Ярве, 3 батальон вдоль желдороги Пернов — Валк с баронским отрядом и бронепоездом при двух легких батареях, между направлениями двух батальонов — отряд белых в 500 штыков с приданной конницей в 100 сабель при одной

[1] Так в документе.

[2] Балахович-Булак — штаб-ротмистр царской армии, руководитель белых партизанских отрядов в период гражданской войны.

легкой батарее. В Феллин отправлено из Ревеля 300 лыжников финнов, прибывших на пополнение отряда «Северные ребята», возможно последний находится в этом же районе, но еще не обнаружен. По последним сведениям значительные силы переброшены из района Нарвы на Валкское направление. В тылу Эстляндии в районе Везенберга — 4 Нарвский полк в 900 штыков, в районе Тапса — железный батальон в 350 штыков, финский батальон неизвестной численности. В Ревеле два батальона 7 полка, 800 финнов формируется во второй защитный батальон, два эскадрона Народного кавалерийского полка — 200 сабель, Морской батальон и технические части. В районе Гапсаля два батальона 7 полка и запасный полк. Всего установлено финнов в Эстляндии — 3150 штыков, но как по агентурным сведениям, так и в печати — до пяти тысяч. Всего в Эстляндии установлено — 15 000 штыков, 1 080 сабель, 68 орудий.

За начальника Разведывательного отделения (подпись).

Телеграмма Регистрационного управления члену Реввоенсовета республики на Северном фронте, 14 февраля 1919 г.[1]

Генерал Маннергейм в беседе высказал нежелание начинать ранее весны операции против Петрограда. В настоящее время он располагает хорошо обученной, вооруженной и преданной правительству армией в 30 тыс. штыков. Оккупация Петрограда произведена будет якобы с согласия Антанты. Компенсацией для Финляндии будет хлеб из Сибири. Оккупации будет предшествовать захват северных железных дорог. Армиям противника одновременно будет поставлена задача: Северной — захват Вологды и Восточной — захват Вятки. Оккупация должна произойти в марте. В ней примут участие эстонцы, отборные латышские части и добровольцы шведы. Перед оккупацией предположен ряд демонстраций. Все русское население ближайшего тыла (район Териок и Райвола — Коокола — Оллило — Келоияки — Райски) отправляется в распоряжение финских властей на жительство в Валаамский и Коневецкий монастыри (на Ладожское озеро). 10 февраля находящиеся в Варшаве представители Англии потребовали от немцев пропустить через демарклинию — район Ковно — Гродно 15 тысяч польских легионеров. Германское командование в Гродно решило исполнить это требование.

Начальник Отдела (подпись).

Нота тов. Чичерина финляндскому правительству.[2]

Москва, 14 февраля. Радиотелеграмма народного комиссара по иностранным делам от 14 февраля 1919 г.

Министру иностранных дел. Гельсингфорс.

Совместно с белогвардейскими бандами, совершающими нападения на советские войска в районе Ямбурга, регулярные финские войска вторглись в Петербургскую губернию. Одновременно доходят до нас известия из достоверных источников о концентрации значительных вооруженных сил со стороны Финляндии на нашей границе. Серьезный характер этих действий несомненно не ускользнет от финляндского правительства и правительство Российской Советской республики ожидает со стороны финляндского правительства исчерпывающих объяснений по этому поводу, выясняющих занимаемое им положение по отношению к Российской Советской республике. Мы считаем умест-

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 8/с, лл. 62—63.
[2] Газ. «Петроградская Правда» № 36, 15 февраля 1919 г.

ным в этом случае напомнить финляндскому правительству, что одним из первых актов русского Советского правительства, после его образования более года тому назад, было признание независимости Финляндии, что переговоры, ведшиеся в прошлом году в Берлине между представителями финляндского правительства и представителями Русской Советской республики, не привели к успеху, отнюдь не вследствие каких-либо притязаний с нашей стороны по отношению к Финляндии, но, наоборот, вследствие финляндских притязаний по отношению к Российской Советской республике. Теперь, точно так же, как и тогда, русское советское правительство неизменно остается на почве непоколебимого признания независимости Финляндии, и всякие намерения, противоречащие этому принципу, делеки от правительства русской Советской республики. Народный комиссариат по иностранным делам считает возможным исходить из предпосылки, что финляндское правительство не будет принимать по отношению к русской Советской республике иное положение, чем то, которое правительство последней занимает по отношению к Финляндии, что касается каких бы то ни было недружелюбных притязаний и агрессивных намерений, принимая при этом во внимание, что русское Советское правительство отвергает всякие подобные притязания или намерения по отношению к Финляндии, Народный комиссариат ожидает, что финляндское правительство будет сообразовывать свой образ действий с таким положением по отношению к русской Советской республике.

Народный комиссар по иностранным делам Чичерин.

Разведывательная сводка штаба VII армии, 14 апреля 1919 г.[1]

1) Олонецкий район, Мурманское направление. Отмечается оживившаяся деятельность противника. По желдорожной линии в районе Кемь курсирует французский бронепоезд. В Кеми невыясненной численности отряд англичан под командой генерала Мейнард[2] и отряд русских добровольцев под командой офицера Топчевского. Англичанами по всему району усиленно распространяются прокламации с призывом сдавать оружие и вступать в отряды борьбы с большевиками. В Архангельске находится сформированный в северной части России отряд — легион Эстляндии.

Мурманско-Ухтинское направление. Желдорожный мост через Онду противником восстановлен. В Реболы (северо-восточнее Нурмес) батальон финнов невыясненного полка. На фронте Реболы — Корчуба отряды союзных войск, преимущественно англичан, в тылу смешанные отряды карел, китайцев и союзников.

Нурмес — Сердобольское направление. На строящейся желдороге Каламо — Суйстамо — Суоярви — Хаутаваара прокладка рельс не окончена, работы подвигаются медленно. В Вяртсиля, севзападнее озера Янис-Ярви, батальон Ладожского полка. В Иоенсуу части невыясненного полка (возможно карельского гвардейского).

Кексгольмское направление. Расположенные по восточной части Карелперешейка финские части 16 апреля будут сменены другими (предполагается 5 и 6 ротами Териокского погранбатальона). Сменяемые части отправляются в отпуск.

Выборгское направление. В Териоках трехдивизионный артполк: в 1-м дивизионе — 4 четырехорудийных батареи, из коих одна тяжелая, во 2-м дивизионе — 3 четырехорудийных батареи, из них одна

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 18/с, л. 7.

[2] Мейнард, Чарльз Кларксон-Мартин — английский генерал. В 1918—1919 гг. командующий оккупационными войсками на Мурмане.

тяжелая, в 3-м дивизионе одна легкая, одна тяжелая батареи. Гарнизон Ино — 1200 штыков невыясненных регулярных частей, 1500 штыков добровольцев местной охраны. В Выборге — 300 человек при 110 лошадях карельского кавалерийского полка (очевидно прежнего финляндского), офицерская школа, инструкторские курсы местной охраны. На станции 69 исправных паровозов, здесь же наготове вагоны, предназначенные трем бронепоездам. В Вильманстранде тяжелая батарея. В Тусула, 25 верст севернее Гельсингфорса, подтверждается 6 трехдюймовых батарей. В Выборге и Вильманстранде — значительные склады вооружения. В Гельсингфорс 31 марта прибыли из Копенгагена на финском пароходе «Меркур» 300 датских добровольцев, предназначенные к отправке в Эстляндию (предполагается в район Нарва — Юрьев). По сведениям газет, бывший гетман Скоропадский с разрешения правительства прибывает в Финляндию.

Выводы: 1) принимается на учет сформированный в Архангельске легион для Эстляндии, 2) шевеление противника на Мурманском фронте, 3) переброска в район Териок артполка восьмибатарейного состава, 4) сосредоточение подвижного желдорожного состава в Выборге, 5) оживление в форту Ино,— прибытие гарнизона в 1200 штыков.

Наштарм VII

Опрос пленного белофинна, 25 апреля 1919 года.[1]

Пленный уроженец гор. Николайштадта, Вазаской губернии, Иоганн Похгейсмяги, 26 лет, служит в 1 пограничном полку, 1 роте, 1 батальона; сформирован полк в гор. Гельсингфорсе, роты полка от 120 до 130 штыков, полк 3-х баталионного состава, в полку 12 рот. Пленный служит в полку всего 2 недели. При взятии в плен у него были отобраны командиром 171 полка документы, по коим значится, что он бывший моряк коммерческого флота. Имеет документы: от Англии, Америки, паспорт финского рабочего. У пленного имелась карточка добровольца, но последний утверждает, что она принадлежала не ему. Установить правильность показания не имеется возможности, так как на карточке не значится фамилия, кому она выдана. Командует батальоном и ротами один и тот же начальник — Изотала, чина которого пленный указать не может.

Находятся ли в рядах наступающих белофинов русские,— пленный не знает. Наступление белофинны начали от Салмы до Кондуши, на Видлицу, Тулоксу и на Мегрегу. Наступали партией в 135 человек. О том, кто находится с флангов, пленный не знает, так как наступают отдельными партиями, начальникам которых дают отдельные задания. Кроме того имеется Олонецкая добровольческая дружина, которая состоит из карелов и русских, количество по слухам до 2000 человек. В настоящее время дружина эта расформирована и влита в финские части. Дружиной командовал лейтенант (поручик) Каски. Высшее командование по слухам принадлежит Маннергейму. Иностранных отрядов имеется лишь один датский в количестве 360 человек, которые в настоящее время отправлены через Гельсингфорс в Эстляндию. Из иностранных офицеров находится три английских, заведующих продовольствием для гражданских лиц. У финнов имеется 3 полка кавалерии: Драгунский полк в Гельсингфорсе, Карельские кавалерийские юнкера в Тавастгусе и Финский драгунский полк в Выборге. Все полки трехэскадронного состава. В Выборге и Гельсингфорсе имеется

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 17/с, л. 247.

старая русская крепостная артиллерия, в Сердоболе Ладожская артиллерия. Всеми кавалерийскими частями командует генерал Вилькман. У Сердоболя на Ладожском озере имеются русские мелкие суда. В Гельсингфорсе имеется 22—24 мелких корабля. Финские белогвардейцы вооружены русскими и немецкими винтовками, пулеметами «Кольта» и «Максима» (по два пулемета в роте) и малыми немецкими пулеметами. Одежду шьют в Финляндии, но откуда получают сукно не знает.

Всякое наступление ведется тайно от солдат, настоящее наступление пленный считает простым набегом.

В последнее время в Финляндии образован парламент социал-демократов в количестве 40 человек, которые протестуют против наступления на русскую границу. При выступлении отряда 1 пограничного полка все были предупреждены, что отряд для охраны границы от грабежей русских коммунистов.

В прошлом году белогвардейцами была произведена мобилизация мужского населения от 18 до 40 лет, а в настоящее время с 21 до 25 лет. Отряд переправился через Ладогу на второй день пасхи на двух подводах и 200 парах лыж. На Мегрегу отряд наступал на 35 подводах.

Большая часть финнов высказывается за наступление.

При взятии в армию каждый подписывает 2-х месячный контракт, добровольцы поступают в части без такового.

В настоящее время у финнов наступает кризис в продовольствии и военном снаряжении. В пограничных полках довольствие получается за деньги. Одежду покупают все сами. Жалованье получают 300 марок. По газетам, как передает военно-пленный, армейцам выдают: ежедневно — 300 грамм хлеба, 1 лит. супу, 1 лит. каши, 20 грамм масла, 25 грамм сахару и 200 грамм мяса. Нижнее белье меняют в три недели раз. В казармах чистота, для каждого имеется матрас, одеяло и подушка; дисциплина строгая. Мобилизованные занимаются ежедневно четыре часа.

О наступлении солдаты не были предупреждены до подхода к границе, но последние [1] им заявили, что они должны наступать на Олонец. По словам пленного количество всех войсковых частей исчисляется в 120 тыс. штыков, в числе которых находится до 70% рабочих недоброжелательно относящихся к наступлению.

Опрос производил помвоенрук Лодейнопольского уездвоенкома.

Разведывательная сводка Штаба VII армии, 30 апреля 1919 г. [2]

Олонецкий район Повенецко-Мурманское направление: на Мурман идут новые английские вспомогательные отряды. Американскими войсками на севере России командует назначенный американский генерал Рихардсон, хорошо знакомый с севером России. По сведениям агента, в финских газетах от 14 апреля помещены статьи об упорных слухах, распространяемых в Финляндии, [относительно] перехода финскими добровольческими отрядами границы в районе Сальми, с целью наступления на восточную Карелию; указанные слухи вызвали запрос социал-демократов в Сейме, на который Генеральный штаб категорически заявил: ни один вооруженный финн (ни доброволец, ни регулярный солдат) не переходил границы. Вместе с этим Генштаб опровергает слухи о сосредоточении русских красных войск.

---

[1] Так в подлиннике.
[2] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, № 18/с, лл. 16—17.

В Финляндии в настоящее время идет переформирование войск, для чего, по непроверенным сведениям, прежние части пограничной полосы в наиболее важных пунктах заменяются новыми. С прибытием в Гельсингфорс французских офицеров Генштаба, инструкторов артиллерии, авиации переформированные части перегруппировываются, сосредоточиваясь в Нурмесе, будто бы с целью движения на Восток для совместных действий с союзниками, связь с которыми якобы уже налажена.

Во главе русской военной организации Финляндии стоит Юденич, секретарь его, бывший полковник, воспитатель Пажеского корпуса, начштаба Юденича генерал Горбатовский, генерал-квартирмейстер Акимов, старший адъютант генштаба полковник Даниловский. Англией обещаны Юденичу три миллиона фунтов стерлингов. Солдаты формируемой Юденичем армии приняли присягу «вернуть России ее прежние границы, бывшие в 1914 году».

В Ювяскюля, 50 верст северозападнее С.-Михеля, главный штаб белых карел, формирующий отряды карелов, которые по обучении отправляются в Карелию. Вместе с прибывшим вторым батальоном «Северных ребят» прибыли из Эстляндии батарея и часть солдат других финских отрядов, действовавших в Эстляндии, и офицеры, занимавшие высшие командные должности.

В Бьернеборг в сопровождении шведских ледоколов прибыло 22 парохода под английским флагом, конвоируемые шестью английскими контр-миноносцами. По показанию матросов, груз пароходов — оружие, военное снаряжение. Команда миноносцев значительно более принятых.

В Або продолжают прибывать пароходы с продовольствием. В связи с этим продовольственный вопрос Финляндии улучшается, хлеб выдается — 300 грамм в сутки на человека, каждую неделю остается излишек муки в 3 млн. кило, который составляет резерв страны. Без карточек продаются сушеные овощи, свиное сало, бобы, доставляемые Америкой. Еженедельно выдается 2—3 литра молока, масло и сыр. За последнее время выдано на человека рису, сахару, белой муки по 600 грамм каждого продукта.

В Ганг в десятых числах апреля прибыли три транспорта с грузом зерна.

В Фридрихсгаме 25 января открыт кадетский корпус, воспитанников 60 человек, окончание занятий 31 мая, после чего месяц топографических работ в Нейшлоте, затем служба в войсках до 1 сентября, после чего зачисление на офицерские курсы в Выборге.

Председателю министров нового кабинета Кастрему поручено Маннергеймом представить в Сейм проект новой формы правления на республиканских началах.

18 апреля финский шпион Леман с особо секретным заданием отбыл в Россию, в газете «Карьяла» умышленно сообщено о его смерти.

По газетным сведениям, финляндское посольство в Стокгольме категорически опровергает слухи о приготовлении Финляндии к войне с Россией.

В Прибалтийский район Финляндии прибыл из Эстляндии второй батальон «Северных ребят» — этим подтверждается возвращение в Финляндию всего полка Экстрема. По газетным сведениям, все финские отряды оставили Эстляндию, в последней осталось значительное количество финнов добровольцев, поступивших в отряды в полки Эстляндии. 9 апреля в Ревель прибыли ледоколы «Геркулес», «Ваза» и английское военное судно с грузом боевых припасов и продовольствия.

Газета «Русская жизнь» 12 апреля сообщает, что 30 марта крейсер «Каледон» и флотилия английских истребителей вышла в море из Христиании, назначением в Копенгаген и Балтику; газета полагает, что флот идет на помощь в борьбе с большевиками. В Стокгольме открылось новое вербовочное бюро добровольцев, во главе стоит датский лейтенант Поллудан... Вербовка дала 500 добровольцев, 3 апреля через Гельсингфорс отправлены в Ревель 175 солдат, 16 офицеров датчан под командой капитана Гудме. Часть американской комиссии прибыла в Либаву, в ближайшем будущем в Либаву ожидаются американские военные суда, на которых прибудут остальные члены комиссии.

Наштарм VII.

Постановление Совета Рабоче-крестьянской Обороны республики о введении осадного положения в Петрограде и в Петроградской, Олонецкой и Череповецкой губерниях, 2 мая 1919 г.[1]

В ночь на второе мая получено радиотелеграфное сообщение из Парижа о посланном будто бы финляндским правительством ультиматуме советскому правительству России, содержащем требование прекращения нападения в Карелии и угрозу объявления войны в случае неудовлетворения требования. До сего времени правительство РСФСР этого ультиматума финляндского правительства не получало и никакого наступления в Карелии не ведет.

Усматривая, однако, в полученном сообщении намерение финляндского правительства оправдать беззастенчивой ложью новый хищнический набег, желание обмануть финских рабочих и учитывая возможность наступления белогвардейских банд на красный Петербург, Совет Рабочей и Крестьянской Обороны постановил:

1) Объявить Петроград, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении.

2) Поручить Реввоенсовету республики принятие всех тех мер, кои он признает необходимыми для защиты Петрограда.

3) Предложить Петроградской Трудовой коммуне в деле защиты Петрограда оказывать Петроградскому окружному комиссариату по военным делам и N армии самое широкое содействие и помощь своим авторитетом и аппаратом.

4) Предоставить право Петроградскому комиссариату по военным делам призывать под ружье все то число способных к несению полевой и походной службы и нужных для формирования вспомогательных и тыловых армейских частей и учреждений рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, которое потребуется ходом военной обстановки.

5) Предоставить Петроградской Трудовой коммуне право получить все имеющиеся у населения имущество, пригодное для вооружения и снаряжения воинских частей, обороняющих подступы к Петрограду, и обязать Петроградский окружной комиссариат по военным делам принять действительные меры к получению указанного имущества.

6) Предоставить Петроградской Трудовой коммуне право вводить всеобщую трудовую повинность во всех отраслях труда и службы, кои могут оказать серьезную помощь при организации защиты Петрограда.

---

[1] «Правда» № 93, 3 мая 1919 г.

7) Поручить Петроградской Трудовой коммуне и Петроградскому окружному комиссариату по военным делам всеми имеющимися в их распоряжении средствами очистить тыл армии от контр-революционных элементов.

8) О сделанных распоряжениях и принятых мерах Петроградской Трудовой коммуне и Петроградскому окружному комиссариату по военным делам телеграфировать ежедневно Совету Обороны, Реввоенсовету республики; копия — Всероглавштабу.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин).
За Председателя Реввоенсовета Э. Склянский.

Из постановления Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов о создании Комитета рабочей обороны, 2 мая 1919 г.[1]

В силу объявления города Петрограда и Петроградской губернии на осадном положении, исполнительный комитет постановляет:

1. Создается Комитет рабочей обороны... Ему предоставляются неограниченные полномочия. Полномочия Комитета рабочей обороны распространяются на город и губернию.

2. В двухнедельный срок мобилизуются в городе и губернии все рабочие, прошедшие курс обязательного обучения. Проведение этой меры возлагается на Окружной военный комиссариат.

3. Всем домовым комитетам бедноты, а также управляющим или заведывающим домами, в которых нет ДКБ, предлагается немедленно учредить постоянную действительную охрану домов в течение дня и ночи. За проживание в доме преступников, спекулянтов или белогвардейцев, за укрывательство в нем дезертиров, за непрописку в срок живущих в доме и вообще за все то, что будет свидетельствовать об отсутствии в доме действительной охраны, члены ДКБ, а в соответствующих случаях управляющие или заведывающие домами, передаются в распоряжение Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и подлежат строжайшему наказанию.

Приведение в исполнение настоящего распоряжения возлагается на отдел управления Петроградского совета и состоящих в его распоряжении лиц.

4. Всякие собрания и увеселения как в публичных местах, так и в частных квартирах кончаются не позднее 11 часов ночи.

5. В двухдневный срок все граждане обязаны сдать в районные военные комиссариаты все незарегистрированное Петроградским К. Р. П. оружие и боевые запасы. Неисполнение карается расстрелом по постановлению Чрезвычкома.

Приведение в исполнение этой меры возлагается на отдел управления Петроградского совета.

6. Дезертирство, уклонение от явки к отбыванию воинской повинности, укрывательство дезертиров и содействие незаконному освобождению от воинской повинности караются расстрелом.

7. Распространение ложных слухов, черносотенная агитация, бесцельная стрельба на улицах и прочие действия, вызывающие ложную тревогу, караются строжайшим образом.

---

[1] «Петроградская Правда» № 96, 3 мая 1919 г.

Все на защиту Петербурга! Обращение Петроградского Совета, 4 мая 1919 г.[1]

Рабочие, красноармейцы, работницы, люди труда!

Нашему красному Петербургу вновь угрожает опасность. Финские белогвардейцы, подосланные французскими буржуями, хотят взять наш город и перерезать петербургских рабочих и работниц.

Французские буржуи сами бессильны двинуть на нас свои войска. Во Франции разгорается рабочая революция. Первое мая в Париже стало днем натиска французских рабочих на твердыни капитала. Французские буржуи нанимают поэтому финляндских палачей. Они хотят спустить на нас то финляндское белогвардейское зверье, которое сидит на горе костей истребленных в прошлом году финляндских рабочих.

Мы не хотим войны с Финляндией. Мы не выступаем ни с какими ультиматумами. Мы уверены, что финские рабочие сами скоро справятся со своей белогвардейской буржуазией. Но псы французской буржуазии бросаются на нас. Под ложным предлогом «освобождения» Карелии они хотят броситься на Петербург. Они прислали свои войска в Олонецкую губернию, режут там рабочих и крестьян. И сами же при этом кричат, что мы их обижаем.

Выступление белогвардейцев в Олонецкой губернии близко к ликвидации. Черная сотня, посмевшая восстать против крестьян и рабочих, получит достойный урок.

Теперь французская буржуазия, повидимому, от имени финляндского белогвардейского правительства, грозит нам ультиматумами. Ультиматума наше правительство не получило. Но надо быть готовыми ко всему.

Пусть знают белогвардейские гады: красный Петроград найдет достаточную силу в рабочих, красноармейцах и матросах Петербурга и окрестностей. Мы мобилизуем всех до последнего человека. Женщины встанут в ряды войск. Если финляндские белогвардейцы посмеют посягнуть на наш красный Петроград, столицу мировой пролетарской революции, мы сотрем в порошок эту белую гвардию.

Вместе с белогвардейцами-финнами на Петроград хищными взорами смотрят черносотенцы русские: Юденичи, Треповы и те русские офицеры, которые предают нас финляндской буржуазии. Смерть контрреволюции! — таков ответ петербургских рабочих, матросов и красноармейцев на покушение против Петербурга.

Рабочие, все под ружье, все мобилизованные немедленно вступайте в армию! Оставшиеся у станков, усильте работу!

Работницы, помогите рабочим исполнить свой долг.

Матросы, все как один, к винтовкам. Будьте готовы исполнить свой святой долг.

Красноармейцы, будьте готовы исполнить свой долг. Колчак, приятель финского палача Маннергейма, заявил открыто, что он идет против нас, чтобы отнять землю у крестьян, да еще заставить их заплатить особый оброк за то, что крестьяне в течение года пользовались помещичьей землей. Хотите, чтобы земля осталась за крестьянами, так защитите красный Петербург от нападения финляндской белогвардейской шайки.

Совет Рабоче-Крестьянской Обороны республики посылает нам достаточное подкрепление. Мы защитим наш красный Петроград. Мы уничтожим каждого, кто посягнет на великий город мировой революции.

---

[1] «Петроградская Правда» № 97, 4 мая 1919 г.

Рабочие и работницы, следите в оба за белогвардейцами. Каждого, кто вздумает в Питере чем бы то ни было изнутри помогать финской белой гвардии, мы истребим беспощадно.

Все на свои места! Дружная рабочая дисциплина. Одна дружная семья рабочих и красноармейцев, защищающих свой великий пролетарский город...

Все на защиту Петербурга!

Да здравствует красный Петербург!

Да здравствует Советская Россия!

Петербургский Совет рабочих и красноармейских депутатов, Петербургский совет профессиональных союзов, Пролетарская конференция Петербургской губернии, Рабочие кооперативы Петербурга.

Обращение кронштадтских моряков, рабочих и красноармейцев, принятое на митинге 4 мая 1919 г.[1]

Рабочим и крестьянам, всем трудящимся от красного Кронштадта.

Товарищи! Союзные хищники делают последнюю попытку задушить Советскую Россию, задушить международную революцию. Они доживают свои последние дни.

Они это знают.

И поэтому они хотят залить кровью весь мир рабочих и крестьян, задавить порыв миллионов людей труда к свободе и счастью. Они роют могилу трудящимся.

По их команде наступает Колчак на Восточном фронте. По их указке Маннергейм и финские белогвардейцы грозят разбойничьим налетом красному Петрограду. Напрасны их надежды.

Летняя кампания, которую они начали наступлением на всех фронтах, будет их последней кампанией против революции.

Колчак уже получил первый удар. Бугуруслан взят красными войсками. За этим ударом последует еще ряд мощных ударов, которые будут смертельными для русских белогвардейцев.

Маннергейма ждет та же судьба.

Мы, рабочие, матросы и красноармейцы красного Кронштадта, стоящие в полной боевой готовности на подступах к Петрограду, бросаем наш призыв рабочим и крестьянам всей России.

Красный Кронштадт никогда не молчал в тяжелые для революции дни.

Товарищи! Республика рабочих и крестьян, все наши завоевания, все наше будущее, наша свобода и счастье — в опасности.

Кровавые палачи грозят нам смертью.

К оружию!

Только рабы могут с тупой покорностью ждать милости и пощады от рабовладельцев.

Рабочие и крестьяне Советской России не бессильные рабы. Все они солдаты революции. Все они — под ружьем, когда революция в опасности.

Соберем все свои силы в железный кулак, раздавим белогвардейщину, разобьем хищных зверей, отнимающих у нас жизнь и свободу.

Товарищи! Только через наши трупы враг сможет пробить себе путь к сердцу советской земли.

---

[1] «Петроградская Правда» № 98, 6 мая 1919 г.

Но не жалким кучкам белогвардейцев разбить нашу могучую силу. Мы сотрем с лица земли всех врагов народа и освободим великую страну от цепей голода и нищеты.

Красный Петроград и Советская Россия в опасности.

Смерть контрреволюции!

Смерть Колчаку и Маннергейму!

К оружию! Вперед — к победе! За здравствует республика рабочих и крестьян!

Да здравствует коммунизм!

Матросы, рабочие и красноармейцы красного Кронштадта.

Из разведывательной сводки штаба VII армии, 15 мая 1919 г.[1]

По газетным сведениям, штаб Юденича в Гельсингфорсе, вербующий русских добровольцев на борьбу с Советской Россией, видимо организован с официального согласия правительства и именуется «Штаб главнокомандующего отрядами находящимися в Финляндии». В феврале Юденич посетил Париж. В данное время штаб вербует добровольцев в армию Колчака. С тою же целью в Гельсингфорсе, Выборге организованы «Русские комитеты»[2], которым правительством даны широкие права и полномочия. В состав правления над указанными комитетами входят следующие лица: председатель Антон Карташев, вице-председатель князь Владимир Волконский, члены — А. Графельт, Ф. Добрынин, А. Малахов, В. Шуберский, полковник Дурново. князь Оболенский, Ф. Утеман и другие.

Широкие права, данные комитетам, вызвали протест даже нюландского губернатора, помещенный в газете «Карьяла». Подготовка к активным действиям Финляндии с Россией продолжается: — по линии Выборг — Сердоболь — Нурмес и на Сальми производится перевозка финских войск. На ст. Куовала, севернее Котки, 2 поезда в составе 22 товарных вагонов и 8 платформ с прибывшими английскими и французскими танками, прислугой, предназначенные на Выборг.

Наступление на Россию ожидается по принуждению Антанты. По всей Финляндии появилась масса союзных офицеров. В Або, Ганге, Гельсингфорсе большие запасы продовольствия будто бы для Петрограда. Юденичем якобы получена телеграмма от английского правительства, в которой выражается уверенность легкого занятия Петрограда под руководством Юденича. Находящиеся в Ганге суда с боевыми припасами получили распоряжение перейти в Биерке. Есть сведения траления мин неизвестной эскадрой в Финском заливе. Териокским летучим отрядом местохраны отправлено 20 штыков в Олонец, 20 штыков в Рауту, на их место прибыло из Выборга 25 штыков. 2 мая из Сердоболя прибыло мобилизованных финнов: в Терионки — 115 человек и в Выборг — 345, 2 бронепоезда НР 1, НР 2 в составе двух бронированных вагонов, платформы с рельсами и паровоза в середине состава.

По газетным сведениям новый призыв Финляндии прошел успешно. Все части северной Финляндии уже пополнены, части южной Финляндии получают новобранцев из северной. В Гельсингфорс прибыло французское военное судно, высадившее морскую пехоту (численность неизвестна). По слухам в Финском заливе два английских военных судна.

Вр. Начоперот 7 (подпись).

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 18/с, лл. 20—21.

[2] «Русские комитеты» в Финляндии были созданы в январе 1919 г. из белоэмигрантов, с целью организации белой добровольческой армии для похода на Петроград. Во главе их стоял «Национальный русский комитет» в составе Карташева — председатель, Лацкого, кн. Волконского, П. Струве.

Ответ Советского правительства на ноту финляндского правительства, 20 мая 1919 г.[1]

Гельсингфорс, министерство иностранных дел.

Российское Советское правительство выражает самый энергичный протест против ничем не оправдываемого наступления и постоянных нападений Финляндии на территорию Российской Советской республики, а также против маневра, заключающегося в том, чтобы стараться прикрыть это нападение лживыми обвинениями.

Попытки финляндского правительства ложно приписать Российской Советской республике враждебные намерения или агрессивные действия, на основании противоречащих истине утверждений, могут быть рассматриваемы лишь как вызов, имеющий целью способствовать оффензиве против Советской республики.

Финляндское правительство не может не знать, что Российское Советское правительство постоянно воздерживалось от всяких наступательных действий против Финляндии и что теперь точно так же оно ограничивается по отношению к Финляндии необходимою самозащитою.

Еще 17 мая финляндские батареи Цумалы открыли без всякой причины огонь против русской территории на противоположном берегу Финского залива, пытаясь достигнуть своими снарядами русских укреплений Красной Горки. 18 мая финляндские форты Ино и Цумала, опять-таки без всякой причины, открыли огонь против наших судов. В то же время в течение последних дней на русском берегу Финского залива состоялись высадки или попытки высадок с участием финляндских отрядов.

Было лишь актом необходимой самозащиты, когда русские батареи Красной Горки сделали все нужное, чтобы заставить замолчать стрелявшие в них и наши суда финляндские батареи. Точно так же русские суда, которые, пользуясь своим неопровержимым правом, вышли из Кронштадтского порта, должны были выполнить несомненный долг защиты русского берега против нападений. С другой стороны вторжение в Олонецкий край[2], в котором участвовали и регулярные финляндские войска, сопровождалось на днях высадкой на восточном берегу Ладожского озера, и участие самих финляндских добровольцев в этих операциях было представлено в заявлении финляндского правительства в сейме, как пользующееся его одобрением.

Российское Советское правительство хорошо знает, что нынешнее финляндское правительство в своих враждебных действиях против Советской республики является лишь орудием в руках держав Согласия, желающих использовать его для нападения на Советскую Россию.

Утверждения, лживый характер которых, разумеется, известен финляндскому правительству, составляют, несомненно, часть того же плана нападения, подготовляемого державами Согласия. Эти вызовы не достигнут, однако, своей цели, ибо Российское Советское правительство не упустит никаких необходимых мер для защиты республики, и в то же время будет продолжать попрежнему быть совершенно чуждым каким бы то ни было наступательным намерениям против Фин-

---

[1] «Правда» № 108 от 21 мая 1919 г.— 20 мая 1919 г. Советское правительство получило ноту министра иностранных дел Финляндии с лживыми провокационными обвинениями по адресу советских войск, что они якобы бомбардировали без всякой причины с форта Красная Горка финляндский берег.

[2] Вторжение белофинских банд Маннергейма «Олонецкой добровольческой армии» в Олонецкий край произошло во второй половине апреля 1919 года. В июне 1919 г. части Красной армии разгромили белофиннов у Виалици и повели успешное наступление в Петроградском направлении.

ляндии. Российское Советское правительство, повторяя еще раз свой энергичный протест, выражает уверенность, что финляндские трудящиеся массы не дадут себя долго использовать в качестве слепых орудий империалистической политики Антанты и положат вскоре конец воинственным действиям нынешнего правительства Финляндии.

Народный комиссар по иностранным делам Чичерин.

Постановление ЦК РКП(б) о важности Петроградского фронта и о мобилизации коммунистов на помощь Петрограду, 21 мая 1919 г.[1]

До недавнего времени Петроградский фронт имел только второстепенное значение. За последние дни дело резко изменилось. Положение обрисовалось с полной ясностью. Империалисты со злости несомненно решили взять Красный Петроград. Они подкупили и натравили на Петроград белогвардейцев — финских и эстонских. Они вооружили и бросили на Петроград русские белогвардейские отряды генерала Юденича, полковника Балаховича и генерала Родзянко[2].

Английское и германское правительства дали белогвардейцам несколько миноносцев, которые пытаются высаживать десант. Финляндское правительство обратилось к Советскому правительству с лживой нотой, которая явно имеет целью подготовить общественное мнение Финляндии к открытому походу на Россию.

За последние дни на долю белогвардейцев, оперирующих против Петрограда, выпал большой успех. Неожиданный удар поколебал наши ряды. Из Петрограда на другие фронты отправлено было много сил. Сопротивление белогвардейскому удару было в начале очень слабо.

Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии, и первый одержал решающую победу.

Питерские рабочие, не жалея сил, отдавали десятки тысяч своих борцов на все фронты. Теперь вся Советская Россия должна пойти на помощь Петрограду.

ЦК предлагает Питерским организациям мобилизовать всех до единого рабочих и всех ответственных партийных работников, как то было в корниловские дни.

ЦК предлагает партийным и советским организациям губерний: Петроградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Сезеро-Двинской, Вологодской (эти две губернии сверх тех, кого они должны были дать Восточному фронту), Череповецкой и Витебской, всех своих мобилизованных по постановлению комитетов партии и профессиональных союзов, отправлять в распоряжение Западного фронта на помощь Петрограду, как можно скорее. Дорог каждый час. Петроград должен иметь такое количество вооруженных сил, какое нужно, чтобы защитить его от всех нападений.

И Советская Россия обещает ему это количество вооруженных сил.

Скорее на защиту Петрограда!

Центральный комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

---

[1] «Правда» № 109, 21 мая 1919 г.

[2] Родзянко А. П. — полковник царской армии, белый генерал. В 1919 г., до Юденича, командовал Северо-западной белой армией.

Из разведывательной сводки штаба VII армии, 21 мая 1919 г.[1]

Олонецкий район, сердобольское направление. В Сердоболе сосредоточено 8 рот Карельской гвардии. В гавани Сердоболя 6—8 пароходов, в трехстах метрах от берега стоит пароход «Темпере», имеющий беспроволочный телеграф и наблюдательную башню, вооружен двумя четырехдюймовыми, одним пятидюймовым орудиями. В начале мая на пароход «Валаам» погружено 400 килограмм динамита, гранаты и мины. В середине мая, направлением Сальми, отправлены пароходом 1500 штыков местной охраны, 100 велосипедов, 20 пулеметов, 8 авторужей, 2 четырехдюймовых и 3 трехдюймовых орудий. Почти ежедневно в Сердоболь продолжают прибывать летучие отряды местохраны, отправляемые на фронт через Койвуселька, близ Кителя; направлением Петрозаводск на днях отбыл отряд 300 штыков. На Сердобольское направление ожидается скорое прибытие пяти тысяч английских добровольцев с танками.

Генеральный финский штаб делится на три отделения: оперативное, этапное, разведывательное. В работе Генерального штаба принимают участие офицеры французского Генштаба. Вооружение, снаряжение армии, благодаря Антанте, вполне удовлетворительное. Флот с лихорадочною поспешностью организуется, приводится в боевую готовность. В Финском заливе, по агентурным сведениям, около тридцати союзных военных судов; 19 мая суда находились в районе Котки. 26 мая в двенадцати милях от Сан-Галли наблюдалась подлодка, замаскированная парусом, скрывшаяся в Капарской губе. Местной охране Гельсингфорса приданы саперная, пулеметная роты стрелков и рота телефонистов. Командует местохраной егерь-капитан Форсман.

В Кексгольме 20 мая образован Карельский областной комитет с целью оказания помощи Карелии в борьбе с красными, в состав Комитета вошли представители всех уездов Карелии. Комитетом формируется батальон, предположенный к скорой отправке на фронт в восточную Карелию. В Териоках 400 штыков, Райвола — 200 штыков гельсингфорской местохраны, по границе остались небольшие отряды местохраны, большинство переброшено под Олонец. Правительственным войскам запрещено подходить к границе ближе, чем на 500 метров, местохране приказано стрелять по пытающимся (не имеющим особого разрешения) проникнуть к границе. В Вильманстранде конно-егерский полк и полк тяжартиллерии. В Гельсингфорсе состоялось объединение русских партий с целью свержения большевиков, созыва нового Учредительного собрания России; объединители имеют постоянные сношения в Париже с группой Сазонова и Маклакова[2]. От первого прибыл в Гельсингфорс представитель (барон Шиллинг) с целью урегулировать взаимоотношения объединенной партии с финправительством.

Между Колчаком и Маннергеймом закончились переговоры по ведению операций против Северной области, в частности — Петрограда, Колчак просит скорейшего наступления Финляндии.

В Прибалтийский район — в Ревель прибыла английская добровольческая бригада — 4000 штыков, под командой майора Ландера, с помощью которой, совместно с десантными войсками, предположено продолжать наступление в Нарвском районе.

Врид. начопер 7.

---

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 18/с, лл. 23—24.

[2] Сазонов С. Д. — представитель министерства иностранных дел Колчака и Деникина в Париже, Маклаков — посол Колчака в Париже.

Обращение председателя Совета Рабоче-Крестьянской обороны В. И. Ленина и народного комиссара внутренних дел Ф. Д. Дзержинского к рабочим и крестьянам Советской России, 30 мая 1919 г.[1]

Берегитесь шпионов!
Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петербург с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройство восстаний в тылу, убийств коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их!

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны стать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу со шпионами и белогвардейскими предателями.

Каждый пусть будет на сторожевом посту в непрерывной, по военному организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Ленин.
Наркомвнудел Ф. Дзержинский.

Воззвание Реввоенсовета Балтфлота к морякам английского и французского флота, 7 июня 1919 г.[2]

Братья моряки!

Зачем пришли вы в наши воды? Зачем вы угрожаете Кронштадту и Петрограду? Зачем вызываете вы на бой нас, ваших братьев? Ваши правительства желают сделать из вас палачей русского народа. Вас обманывают. Вам рассказывают про Петроград и про всю Советскую Россию разные небылицы. Нет той клеветы, которую не пускали бы против рабоче-крестьянского правительства России. Неужели вы верите тем самым буржуазным правительствам, которые в 1914 г. ввергли всю Европу в бесчеловечную бойню? Неужели, по указке банкиров и генералов, вы пойдете против рабочих и крестьян?

Сделайте то же, что сделали ваши товарищи-моряки союзного флота под Одессой несколько месяцев тому назад: откажитесь быть убийцами русских рабочих и крестьян. Сделайте то же, что сделали американские солдаты и матросы в Архангельске осенью прошлого года.

Откажитесь воевать против нас. Мы хотим одного: чтобы английская и французская буржуазия оставила в покое нашу страну, чтобы земля в России принадлежала крестьянам, а не помещикам; фабрики и заводы — трудящимся, а не паразитам. Мы хотим мира. Мы добиваемся братства всех народов. Мы голодаем потому, что ваши правительства заставляют нас воевать, вооружают изменников — русских белогвардейцев, подкупают и натравливают против нас финскую и эстонскую белую гвардию. Нам не дают заниматься мирным трудом. Нам не позволяют наладить наше народное хозяйство.

Товарищи матросы английского и французского флотов, потребуйте вашего возвращения на вашу родину. Рабочие ваших стран не хотят

[1] «Известия» № 116 от 31 мая 1919 г.
[2] «Петроградская Правда» № 125, 7 июня 1919 г.

войны против Советской России. Напротив, они хотят учредить советы и у себя, недаром английское и французское правительства вынуждены скрывать правду. В Англии и во Франции они утверждают, что отказались от вмешательства в русские дела, а в действительности посылают вас в Россию для самого грубого вмешательства в дела нашей страны. И, если есть среди вас эстонцы или финны, пусть они откажутся воевать против нас. Русские белогвардейцы задушат Финляндию и Эстляндию, если вы поможете им задушить рабочую и крестьянскую Россию.

Мы же предлагали вам честный мир и в любой момент признаем полную самостоятельность ваших стран. Во имя товарищеской солидарности, мы предлагаем вам: прекратите вашу против нас войну, которая нужна только разбойникам международного капитала.

И в то же время мы заявляем вам категорически: только через наши трупы враждебные войска войдут в Петроград и Кронштадт. Каждый наш корабль будет защищаться до последней капли крови. Десятки тысяч рабочих, красноармейцев и матросов вооружились, чтобы защищать свой родной город — город мировой революции. Слово моряков Красного флота крепко: знайте, мы дорого продадим нашу жизнь, если вы будете воевать против нас! И вы поплатитесь немало! А рабочие ваших собственных стран будут смотреть на вас, как на каинов!

Да здравствует братский союз моряков всех стран!

Долой буржуазию и ее прислужников!

Да здравствует мировая революция!

Революционный Военный Совет Балтийского флота.

Телеграмма Штаба VII армии начштабам Северной и Южной группы, 15 июня 1919 г.[1]

По приказанию командарма сообщаю для сведения выдержки из приказа начальника Главного штаба главкома финской армии, добытого агентурой: «Начальнику 2 двизии генерал-майору Теслеву: Главное правительство приказало по мере возможности поторопиться организацией обучения тех добровольческих отрядов, которые уже собраны и находятся в вашем округе, так как им следует погрузиться на транспорты не позже 20 июня с. г., каковой срок считается окончательным, ибо, согласно договора заключенного с английским командованием, добровольческим отрядам надлежит быть с обозом и артиллерией на фронте Ингерманландии не позже первых чисел июля, когда начнутся решительные действия, т. е. одновременное наступление Колчака и польских войск.

Как солдат, так и офицеров, вплоть до чинов вашего штаба, следует держать в том убеждении, что главный удар на Петроград будет направлен с Карельского фронта и отправка главной части войск в Эстонию должна стать известна только в момент посадки самих войск на транспорт. Ваша обязанность по приготовлению, к которому следует приступить немедленно, состоит в укреплении у неприятеля убеждения, что главный удар должен произойти отсюда и что, таким образом, на этом части фронта сосредоточивается большое количество войск, тогда как на самом деле их отправляют в Эстонию. Для этого следует производить маленькие тактические разведки, производить конные и велосипедные наступления ко времени начала передвижения на Эстонском и Ингерманландском фронтах и распространять, при посредстве агентов и аэропланов, прокламации. Для этой цели на пополнение вам в ваше распоряжение поступят еще Ньюландский и

[1] ЦА РККА, ф. 190, оп. 2, д. № 20/с, л. 86.

Кексгольмский драгунские полки, две легких батареи, а также 4 аэроплана с абосской аэростанции и 2 с сердобольской аэростанции. Начальник штаба главнокомандующего генерал-майор Игнациус».

Несмотря на полученные сведения войскам Севгруппы на Карельском и Олонецком участках по прежнему надлежит быть бдительными и готовыми к встрече врага, могущего одновременно повести наступление из этих участков.

Врид. Наштарм VII военком (подпись).

II

Телеграмма Бера из Стокгольма министру иностранных дел Колчака, 25 января 1919 г. [1]

Генерал Юденич просит передать адмиралу Колчаку:

«С падением Германии открылась возможность образования нового фронта для действий против большевиков, базируясь на Финляндию и балтийские губернии; удобство сообщения с Антантой, краткость расстояния до Петербурга и Москвы двух очагов большевизма, при хорошо развитой сети путей сообщения составляют выгоды этого направления. Около меня объединились все партии: кадеты и правее программы (1 гр.) нашей, изложенной в телеграмме № 334; представители торгово-промышленного класса, находящиеся в Финляндии, обещали финансовую поддержку. Реальная сила, которой я располагаю в настоящее время: северный корпус — 3 тысячи человек дерется с большевиками в Эстляндии и 3 (1 гр.), находящихся в Финляндии и Скандинавии. Это кадры будущих формирований добровольческой армии. Я рассчитываю также и на некоторое число до 30 тыс. военнопленных офицеров и солдат, пригодных для армии по нравственному и физическому состоянию. Без помощи Антанты обойтись нельзя, и в этом смысле я вел переговоры с союзниками, но положительного ответа не имею. Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для наших беженцев, главным образом, офицеров. Необходима помощь в достаточном количестве вооружением, снаряжением, техническими средствами,— особенно танки, аэропланы, финансовая, продовольствием,— не только на армию, но и на Петербург и его губернию на время, пока не пробьемся на соединение с вами, после чего рассчитываем на продовольствие из Сибири. Не обеспечив продовольствием, занимать Петрограда нельзя, город буквально вымирает от голода. Вооруженные силы Антанты не требуются, достаточно флота, обеспечения портов, но если таковая будет, то это упростит и ускорит решение. Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой. Ответ прошу направить через нашего агента в Стокгольме.— Прибавка Кандаурова [2] к моей телеграмме № 6: «Вашу телеграмму 334-18 военным агентам передал Юденичу для ориентировки военных, объединяющихся вокруг него». Гельсингфорс 21 января № 65 генерал Юденич».

Бер.

Телеграмма Набокова из Лондона в Париж Сазонову, 17 февраля 1919 года. [3]

Английское министерство иностранных дел сообщило мне следующую телеграмму от своего представителя в Гельсингфорсе, переданную сюда по просьбе А. Карташева:

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 52, л. 8.
Бер — представитель «правительства» Колчака в Стокгольме.
[2] Военный агент Колчака в Скандинавских странах.
[3] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, № 52, л. 8.
Набоков — представитель «правительства» Колчака в Лондоне.

«Русский комитет в Финляндии, признанный финляндским правительством, переустроен и пополнен новыми членами — представителями торговли, промышленности, интеллигенции, финансов и рабочих. Товарищами председателя избраны Э. Грувикдос и князь Волконский. Первой задачей комитет ставит: оказание помощи русским беженцам, бегущим от большевистского террора, прокормление их и оказание им юридической помощи. Комитет намерен действовать в тесном единении с русскими организациями, имеющими целью восстановление законного порядка в России, а также считает нужным оказать помощь всем организациям политическим и военным, подчиняющимся признанному союзниками высшему русскому командованию. Военные власти считают, что для содержания войск, достаточных для занятия Петрограда, потребуется 100 миллионов рублей, для снабжения же столицы на первые два месяца после оккупации потребуется еще 200 миллионов рублей. Первоначальные расходы по набору войск и поддержке беженцев взяло на себя представительство русской промышленности и финансов. Все имеющиеся у них средства истощены этими расходами, и политическая и военная организация русского комитета помощи и Совет русской промышленности просят для исполнения указанной задачи кредита, а также специального кредита в размере 5 млн. финских марок для продолжения помощи русским беженцам. Эта телеграмма, дополняющая предыдущие и ближайшим образом выясняющая широкие задачи русских организаций в Финляндии, должна служить для вас убедительным доказательством того, насколько важно и настоятельно необходимо немедленно поставить эти русские организации в наивыгоднейшее положение. Необходимой предпосылкой является, по моему мнению, урегулирование отношения с финляндским правительством. Убедительно прошу вас проникнуться сознанием, что независимость последней есть совершившийся факт. Державы Согласия рано или поздно признают ее и нет никаких оснований думать, что они серьезно будут считаться с тем или иным отношением к этому русского правительства, которого они сами не решаются еще признать.

Набоков.

Сообщение газеты «Дело народа» о помощи французского правительства белофиннам, 29 марта 1919 г.[1]

По сведениям газеты «Новая жизнь», издаваемой белыми в Валке, французское правительство, по просьбе Маннергейма, согласилось послать специалистов в Финляндию. Глава французской военной делегации полковник Генер уже выехал в Финляндию через Стокгольм (Роста).

Телеграмма управляющего министерством иностранных дел Колчака Сукина Сазснову в Париж, 27 мая 1919 г.[2]

Нам сделано дополнительное сообщение французского правительства, отвечающее на ряд вопросов, возбужденных верховным правителем[3] некоторое время тому назад в беседе с генералом Жанен[4].

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп, 2, д. № 103, л. 49.
[2] ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, 1919 г., д. № 290, л. 15.
[3] Колчаком.
[4] Ген. Жанен, Пьер Морис. Во время империалистической войны находился при русском главнокомандующем, как представитель Франции. Во время гражданской войны командующий белогвардейскими и союзными войсками к западу от Байкала в Сибири и Восточн. России. Как показал процесс «Промпартии», ген. Жанен принимал активное участие с 1928 г. в подготовке новой интервенции против СССР, поддерживая теснейшие связи с контр-револ. и вредительскими организациями в СССР, осуществляя связь между ними и французским ген. штабом.

Верховный правитель неоднократно обращал внимание французских представителей на непоправимые ошибки, которые могли бы быть совершены союзниками, если бы они, не считаясь с настроениями возрождающейся России, вступили на путь расчленения нашей страны и закрепления независимости национальных группировок, образовавшихся на Западе России.

Французское правительство сочло нужным всемерно нас успокоить подтвердив, что ни один из национальных вопросов, кроме Финляндии и Польши, не решен конференцией [1]. Оставлено открытым также и определение восточных границ Польши.

Пишон нас заверил, что если Франция поддерживала Украину, Эстляндию, Латвию, то лишь только поскольку эти национальности являлись оплотом против большевистских организаций [2]. Нам определенно заявлено, «что Франция желает восстановления сильной России», не может сочувствовать ее распаду и предполагает проводить лишь только принцип гарантии для свободной жизни национальностей в пределах русского государства.

Сообщение это впервые официально отвечает на острые и больные вопросы, тревожащие наши политические круги и определяющие степень их расположения к западным демократиям. Оно произвело здесь самое успокоительное впечатление. Верховный правитель в различных беседах ссылается на получение от Франции объяснений, вполне его удовлетворивших.

Сукин.

Записка Бориса Арсеньева, 31 мая 1919 г. [3]

8-го сего мая я был принят главою финляндского государства генералом бароном Маннергеймом.

Пользуясь давним и довольно близким моим знакомством с ним, я совершенно откровенно, в дружеской частной беседе, задал ему вопрос, насколько справедливы слухи о возможности совместного русско-финского наступления на Петроград. Сущность ответа, который дал мне барон Маннергейм, сводится к следующему.

Да, такое наступление вполне возможно. Он, барон Маннергейм, хотел бы содействовать нанесению решительного удара господству большевиков в России. Но для того, чтобы русско-финский поход мог осуществиться, необходимо, чтобы какая-нибудь авторитетная русская власть признала независимость Финляндии, а также, чтобы финскому народу было обещано нечто такое, что могло бы дать ему необходимое воинственное одушевление, необходимый патриотический порыв, ибо нельзя ожидать, чтобы он ринулся в бой «pour les beaux yeux» России, с которой у Финляндии в прошлом было столько тягостных трений. Далее барон Маннергейм заявил мне, что наступление на Петроград он мыслит только, как совместное дружеское действие сил финляндских и русских.

После перехода русско-финской границы, гражданское управление оккупированной русской территории, а также и Петроградом, было бы, конечно, предоставлено русскому генералу, которому предстояло

---

[1] Мирная конференция в Париже в феврале в связи с заключением версальского мирного договора.

[2] Франция отрицательно относилась к государственной независимости указанных стран. Если же Франция, Англия, Америка и признала на время их самостоятельное существование, то исключительно в целях использования их как плацдарма для борьбы с Советской Россией.

[3] ЦГАОР, ф. 4887, 1919 г., д. 4, л. 13—17.

Арсеньев Борис — генерал, командующий корпусом Северо-Западной армии Юденича.

бы также и принять командование над всеми красными русскими воинскими частями, которые неизбежно, в случае русско-финского наступления, стали бы переходить на сторону победителей.

Затем барон Маннергейм выразил крайнее сожаление, что самый благоприятный момент для наступления безвозвратно упущен: если бы соглашение относительно русско-финского наступления последовало еще несколько месяцев тому назад, зимою, то у него была бы возможность, на санях и на лыжах, перебросить на фронт артиллерию с такой быстротой, которую теперь уже достигнуть нельзя; к тому же, тогда большевистский флот был затерт льдами, теперь же, как бы ни был этот флот слаб, он все же может оказать известное сопротивление и затормозить развитие операций. «Но несмотря на это и ныне,— закончил бар. Маннергейм,— я продолжаю быть сторонником русско-финского наступления на Петроград, но лишь при соблюдении с русской стороны указанных мною двух условий. Боюсь только, как бы момент опять не был вами упущен. Первое обращение, первый шаг должен быть сделан русскими. Парижское политическое совещание[1] не только его не делает, а, говорят, намерено даже протестовать против признания финляндской независимости державами победительницами, что в результате может только усилить недоверие финляндцев к русским.

Заключив из вышеприведенной беседы моей с бар. Маннергеймом, при которой присутствовал генерал кн. С. К. Белосельский-Белозерский, что, несмотря на все препятствия и затруднения, существует все-же возможность достигнуть дружеского соглашения относительно безотлагательного совместного русско-финского наступления на Петроград,— что означало бы нанесение решающего удара в самое сердце большевистской гидры и спасение миллионов наших братьев и сестер от всех ужасов голода и красного террора,— я поспешил выехать в Стокгольм для свидания с посланником нашим и членом Парижского совещания Гулькевичем[2], в надежде через его посредство достигнуть желательных результатов.

Выслушав сообщение мое о беседе моей с бар. Маннергеймом, г-н Гулькевич заявил мне, что только хозяин земли русской, т. е. будущее Учредительное собрание или Земский собор,— может решить вопрос такой первостепенной государственной важности, каким является признание независимости Финляндии, и что посему Парижское совещание не только не считает себя правомочным в решении этого вопроса, но даже (тут г-н Гулькевич показал мне телеграмму С. Д. Сазонова) протестует против признания финляндской независимости Англией и С. А. Соед. Штатами. Однако, добавил г. Гулькевич, представлялось бы, может быть, возможным найти выход из положения. Может быть, бар. Маннергейм удовлетворился бы заявлением, что Парижское совещание, не считая себя правомочным решить вопрос по существу, тем не менее не намерено посягать на независимость Финляндии. Если бы бар. Маннергейм изъявил готовность начать вести с Парижским совещанием переговоры в этом духе, то он мог бы дать соответственные поручения финляндскому посланнику в Париже. В этом смысле г. Гулькевич просил меня еще раз поговорить с бар. Маннергеймом, допуская при этом также и возможность того, что появление мое у него в качестве лица, хотя бы и частного, но все же имеющего к нему некоторое поручение от члена Парижского совеща-

[1] Политическое совещание в Париже (февраль-март 1919 г.) образовано из белоэмигрантов, с целью разработки русского вопроса для мирной конференции в Париже. Возглавлялось кн. Львовым, Сазоновым, Маклаковым, Чайковским.

[2] Гулькевич Конст. Ник.— агент «правительства» Колчака в Стокгольме.

ния, будет принято главою Финляндского государства, как тот первый шаг с русской стороны, на котором он настаивает.

20 мая я вновь был у бар. Маннергейма и сообщил ему содержание беседы моей с г. Гулькевичем. Бар. Маннергейм заявил мне в ответ, что он продолжает стоять на прежней своей точке зрения, которую он имел уже случай мне изложить; что открытое прямое провозглашение принципа независимости Финляндии,— независимости, ныне уже обеспеченной признанием держав победительниц,— какой нибудь авторитетной русской властью является той condition sine qua non, без которой не может быть и речи не только о совместном русско-финском наступлении на Петроград, но и вообще о доверчивом отношении финнов к русским; что поручить вести какие-нибудь переговоры с Парижским совещанием финляндскому посланнику в Париже бар. Маннергейм не может, так как, хотя конституция и предоставляет ему, как главе государства, право вести дипломатические переговоры, но что по соображениям тактическим и иным он от этого принципиально воздерживается; что, тем не менее, такие переговоры между Политическим совещанием и финляндским посланником он считал бы не только возможными, но и весьма желательными, однако, начаться они могли бы только в том случае, если Политическое совещание проявило бы необходимую гибкость (на этом бар. Маннергейм особенно настаивал, под гибкостью разумея, очевидно, первый шаг); наконец, что путем этих-ли переговоров, или других, необходимо было бы условиться относительно тех территориальных компенсаций, которые были бы даны финнам за их совместное с русскими наступление на Петроград. На мой вопрос, какие именно компенсации он имеет в виду, бар. Маннергейм мне ответил, что во всяком случае о Мурманской жел. дороге не заходит и речи, ибо Финляндия отнюдь не намерена посягать на великодержавные права будущей России на Севере; то, что Финляндия хотела бы получить — лежит на запад от этой дороги. Более определенно бар. Маннергейм в беседе со мной не высказался, но я имею основания полагать, что Финляндия хотела бы приобрести или порт в Ледовитом океане, вероятно Печенгу, или лютеранские приходы нашей Карелии, или то и другое вместе.

Вернувшись в Стокгольм, я рассказал К. Н. Гулькевичу все подробности только что приведенной второй моей беседы с бар. Маннергеймом. Пожалев о том, что главой Финляндского государства не было проявлено больше уступчивости, г. Гулькевич высказал, что, при таких условиях, остается только ожидать взятия Петрограда адмиралом Колчаком, которое рано или поздно, конечно, последует.

В заключение считаю долгом сообщить нижеследующие личные мои впечатления, вынесенные из двух разговоров моих с генералом бар. Маннергеймом.

Бар. Маннергейм хочет, чтобы совместное русско-финское наступление на Петроград состоялось. Он теперь уже — финляндский национальный герой. Но это его не удовлетворяет. Он хотел бы сыграть большую историческую роль и в России, в которой он прослужил 30 лет и с которой его связывает тысяча нитей. Финляндское правительство в своем целом к выступлению не стремится, но в конечном итоге решающий голос принадлежит не ему, а Маннергейму, за которым стоит белая гвардия, собравшая в своих рядах все, что есть в Финляндии крепкого и патриотически настроенного. С ней, с ее желаниями, с ее настроениями Маннергейму приходится считаться в первую очередь. Условия, которые он ставит — это ее условия. Если они будут приняты, он объявит поход на Петроград и белая гвардия пойдет за ним. Финляндское же правительство противодействовать не будет.

Борис Арсеньев.

Телеграмма Гулькевича из Стокгольма министру иностранных дел Колчака, 18 июня 1919 г.[1]

Финские войска в Петроград не вступают. В столицу войдет один Юденич во главе Северного корпуса. Для поддержания дисциплины в финские войска будут вкраплены финские белые добровольцы-стрелки. Для сношений с населением и на случай недоразумений при всех финских частях будут находиться комиссии из русских и финских офицеров. Опрос пленных, решение их участи, приведение приговоров в исполнение будут лежать исключительно в руках русских. В целях обеспечения безопасности в столице на первое время Маннергейм предоставляет Юденичу отборные кадры белых добровольцев-стрелков — профессора, видные коммерсанты и т. п., численностью всего до 5 тыс. человек.

Гулькевич.

Телеграмма Гулькевича министру иностранных дел Колчака, 18 июня 1919 г.[2]

Меня посетил только что прибывший из Финляндии французский морской агент Ферамонд.

По его словам Юденич и Маннергейм должны были вчера или сегодня подписать соглашение о совместных военных действиях.— Условия:

1) Территориальные уступки в Карелии, там где население выскажется за присоединение к Финляндии.

2) Уступка Печенги, согласно обещанию 1864 года. Окончательное решение вопроса предоставляется Лиге Наций.

3) Нейтрализация Балтийского моря, и

4) Культурная автономия финского населения Ингерманландии.

О финансовой стороне дела Ферамонд не упоминал.

От Юденича сведений об этом не имеется.

Гулькевич.

Телеграмма Гулькевича из Стокгольма в министерство иностранных дел Колчака, 18 июня 1919 г.[3]

Ферамонд лично сочувствует соглашению, считая силы Северного корпуса недостаточными для удержания Петрограда и развития операции на Москву. Опасается однако, что соглашение не удастся провести в жизнь из-за назревающего в Финляндии внутреннего кризиса

Гулькевич.

Телеграмма управляющего министерством иностранных дел из Омска в Стокгольм Гулькевичу, 24 июня 1919 г.[4]

Для генерала Юденича:

«Мною послана телеграмма генералу Маннергейму о желательности операций с финскими войсками против Петрограда. Ваше наступление на Петроград необходимо согласовать с Маннергеймом, если он согласится на мою просьбу. В противном случае, если Маннергейм откажется начать операции на Петроград, то вам надлежит принять все меры предосторожности в наступательной операции, в виду пере-

[1] ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, д. № 209, л. 72.
[2] ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, д № 290, 1919 г., л. 69 и об.
[3] ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, д. № 290, л. 71.
[4] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 77, л. 68.

броски значительных сил красных с моего фронта на ваш. Если вы не имеете уверенности в успехе, то полагаю лучше вам перейти временно к оборонительному образу действий для согласования наступательных операций вашего и Восточного фронта, о чем я сообщу вам дополнительно. Прошу сообщить мне ваше мнение. Адмирал Колчак».

Сукин.

Из телеграммы Гулькевича управляющему министерством иностранных дел Колчака, 2 июля 1919 г.[1]

В исполнение повеления верховного правителя я командировал советника Бера в Гельсингфорс.

Считаю вместе с тем долгом доложить, что в Финляндии за последнее время внутреннее состояние значительно обострилось. Брожение сильное. Число недовольных, примыкающих к красным, растет. Социалисты, составляющие две трети сейма, против вмешательства в русские дела. Двинуть финнов на поход против большевиков Маннергейм едва ли сможет без риска одновременно вызвать кризис власти.

С другой стороны, Маннергейм до сих пор подчеркивает, что прежде всего он финляндец и в политике своей руководится исключительно выгодами Финляндии. Прежние отношения к России всячески обходит. О службе вспоминает с глазу на глаз с великосветскими русскими друзьями, отпускает их очарованными и этим поддерживает в их среде и через них у союзников убеждение в своем руссофильстве.

Тщательно избегая в вышеизложенном критики действий Маннергейма, считаю тем не менее необходимым осведомить о сложившейся обстановке.

По получении вестей от Бера буду телеграфировать.

Гулькевич.

Телеграмма Гулькевича из Стокгольма в Омск Колчаку, 16 июля 1919 г.[2]

Передаю только что полученный ответ генерала Маннергейма на телеграмму верховного правителя:

«Прошу ваше высокопревосходительство принять мою благодарность за телеграмму от 23 июня, полученную мною 4-го сего месяца. Большинство финляндского народа вместе со мною с сочувствием следит за борьбой, которую вы, во главе храбрых русских войск, ведете с целью истребить большевизм, тем более что и мы принимаем в ней участие, раздавив в Финляндии красное восстание, которое поддерживается и направляется советским правительством, а затем в лице добровольцев, откликнувшихся на зов эстонского народа и населения Олонецкой губернии, в их тяжелой борьбе против большевиков. Хотя я и уверен, что и впредь мы будем в состоянии уничтожить всякую попытку поднять в Финляндии красное знамя революции, тем не менее знаем, что существующая советская власть представляет для нас постоянную угрозу и далеко не безучастны к страданиям, переживаемым русским народом под игом большевиков. Помимо гуманной стороны вопроса, взятие Петрограда имело бы большое значение, в виду значения этого города, как опорного пунк-

[1] ЦГАОР, ф. 200, д. № 53, л. 98.
[2] Там же, л. 151.

та военных действий советской власти в северной России, в виду сосредоточения в нем всех нитей северо-европейской революционной пропаганды. Поэтому финляндскому народу и его правительству далеко не чужда мысль об участии регулярных финляндских войск в освобождении Петрограда. Не стану от вас скрывать, господин адмирал, что, по мнению моего правительства, Финляндский сейм не одобрит предприятия, приносящего нам хотя и пользу, но требующего тяжелых жертв, если мы не получим гарантий, что Новая Россия, в пользу которой мы стали бы действовать, согласится на некоторые условия, исполнение которых мы не только считаем необходимым для нашего участия, но также необходимой гарантией для нашего национального государственного бытия.

Г. Маннергейм, 14 июля 1919 г.

Р. Хольсти министр иностранных дел».

Гулькевич.

Из телеграммы ген. Миллера адмиралу Колчаку, 22 июля 1919 г.[1]

В половине июня правительством был командирован в Финляндию генерал Марушевский[2], с целью информации финского правительства о Северной области, установления прямой телеграфной связи с Финляндией, установления личных сношений с генералом Юденичем и выяснения обстановки в Эстляндии.

Из личных разговоров Марушевского с Маннергеймом и Юденичем выяснилось нижеследующее:

1) Маннергейм предлагает в 10-ти дневный срок мобилизовать 7 дивизий, численностью до ста тысяч и с этими силами занять Петроград.

2) Дабы избежать грабежей и резни, финская армия в Петроград не войдет, а выдвинется сразу вперед до линии Волхова. В Петроград будет введен для обеспечения порядка особый отряд белых финнов, сформированный из особо надежных людей.

3) Под прикрытием финской армии в Петроград входит Юденич со своим штабом и офицерскими кадрами и приступает к формированию армии.

4) По сформировании русских частей они постепенно сменяют финнов, которые уходят к себе.

5) Финская армия действует, имея на Западе Русский корпус, уже сформированный в Эстляндии, и на Северо-востоке — русские части Мурманского района.

Как компенсация за оказанную помощь, Маннергеймом предъявляются следующие требования:

1) Признание полной независимости Финляндии.

2) Уступка порта в Печенгской губе с необходимой полосой для постройки железной дороги.

3) Рассмотрение в особой конференции впоследствии вопросов самоопределения некоторых карельских волостей, населенных элементами тяготеющими к Финляндии, причем Финляндия никаких завоевательных целей ни сейчас ни впоследствии не преследует.

4) Разрешение всех вопросов по уплате за русское казенное имущество, захваченное в Финляндии в 1918 году. По этим вопросам уже работает особая финская и русская комиссии и видимо недоразумений не возникает.

---

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 105, л. 113.

[2] Марушевский — генерал-майор, командующий финскими белогвардейскими войсками на Северном фронте.

5) На очереди стоял вопрос о нейтрализации Балтийского моря, дабы Россия не могла держать там флота, опасного Финляндии, но вопрос этот снят и рассмотрение его отложено.

Принципиальное соглашение по изложенному между Маннергеймом и Юденичем уже состоялось.

В разговоре с Марушевским Маннергейм подчеркивал необходимость принятия этих условий полностью и Северной областью.

Принимая во внимание положение правого фланга сибирских армий в настоящее время, учитывая полную необходимость оказать активную поддержку сибирским войскам и недостаточную силу войск Северной области, правительство полагает необходимым принять условия Маннергейма и предлагаемую помощь.

В вопросах общего положения России наибольшие жертвы в виде уступки порта на Печенге — являются деталью и выгоды предлагаемой помощи целиком их оправдывают.

Нельзя [этого] не предвидеть при существующем политическом положении Европы и близкой возможности ухода союзных войск из Северной области. Изолированное положение Области в этом случае, принимая во внимание недостаточную иногда устойчивость свежих мобилизованных частей, покоющуюся на обаянии поддержки всей Европы,— станет безвыходным.

Изложенное требует немедленных категорических решений, о чем и настоятельно прошу срочно меня уведомить.

Генерал Миллер.

Телеграмма ген. Миллера ген. Юденичу, 4 августа 1919 года.[1]

Копия Париж Маклакову для Сазонова и Чайковского.
Омск адмиралу Колчаку.

1. По малочисленности и нравственному состоянию войск после ухода англичан держать нынешний фронт[2] не представится возможным: с потерей веры у солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникнет большое дезертирство для непосредственного спасения своего деревенского имущества. Ныне на главном участке от Онеги до Пинеги 8 500 русских и столько же англичан. Против них, по английским подсчетам, до 23 тыс. большевиков. Перед правительством дилемма или отстаивать с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения в конце концов в самом Архангельске, без надежды продлить эту оборону долее конца октября, примерно месяц после ухода англичан, при чем наличные военные силы в последнюю минуту нельзя будет эвакуировать, в виду замерзания порта, или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области и перевести весь офицерский до 900 человек и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество, на другой фронт к Деникину, или даже может быть в Сибирь, для принятия участия в дальнейшей борьбе с большевиками. Так как создание войск в Северной области имело целью не защиту области от большевиков, а участие с наибольшей пользой в борьбе с большевиками для восстановления единой России, то решение вопроса зависит от общего положения на двух фронтах.

Что выгоднее в общих целях? Удержание части большевистских

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, 1919 г., д. № 13, л. 183.
[2] Северный.

сил в течение этих месяцев на Архангельском фронте, ценой собранных здесь офицеров, военного имущества и части солдат, или упразднение к началу октября Архангельского фронта и спасение кадров для возможного усиления ими другого фронта? Возможна переброска кадров и на Мурманский фронт, либо с оборонительной целью удержать в своих руках незамерзающий порт, либо для наступления между озерами,— последнее могло бы иметь какое-либо значение лишь в связи с наступлением на Петроград финляндцев и Юденича.

Англичане предлагают вывезти до 6 000 военных — офицеров, солдат, партизан, могущих опасаться мести большевиков, и кроме того до 8 000 лиц гражданских.

Прошу срочно осветить обстановку на фронтах вашем и Деникина, а также внутреннее положение у большевиков и высказать ваше мнение. Я полагаю, что если есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, Колчака и Деникина и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего, дабы не дать им даром в последнюю минуту моральный и материальный успех, могущий благоприятно повлиять на действия их на решающих фронтах и на их настроение. Если такой уверенности нет, то нужно ликвидировать дела в Северной области и спасти от бесцельной гибели боевые силы и средства здесь, собранные во имя освобождения России от большевиков, для использования на других фронтах.

Миллер.

Из телеграммы ген. Миллера в Омск управляющему министерством иностранных дел, 10 сентября 1919 г. [1]

В Финляндии растет движение в пользу выступления против большевиков. Этим необходимо воспользоваться без потери времени, т. к. с другой стороны ведется усиленная немецкая и большевистская пропаганда против оказания помощи России для взятия Петрограда. Решающую роль будет играть отношение к этому вопросу союзников, особенно Англии. Представители союзников на месте всецело за выступление Финляндии, видя в этом единственный выход из создавшегося положения, но опасаются... [2] я беседовал, по этому поводу с... [2], что в случае поддержки со стороны союзников и согласия с нами, готовы со своей стороны принять необходимые меры, сознавая что поход против Петрограда является лучшим средством оградить собственную страну от все возрастающей большевистской опасности и установить хорошие отношения с Россией.

Миллер.

Телеграмма Сазонова из Парижа управляющему министерством иностраных дел в Омск, 2 октября 1919 г. [3]

Во французском министерстве иностранных дел заявили здешнему финляндскому представителю, что Франция решительно против соглашения финнов с большевиками и что, если таковое соглашение состоится, она изменит свое до сих пор благожелательное отношение к Финляндии.

Сазонов.

---

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 82, л. 96.
[2] Пропуск в подлиннике.
[3] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 83, л 21.

Телеграмма полковника Кандаурова ген. Миллеру, 25 октября 1919 г.[1]

Прошу копию сообщить в Омск.

Наш офицер, покинувший Териоки 21 октября, сообщает, что в Кронштадте действуют сейчас только 3 крупных орудия на фронте Тотлебен, одно на Константиновском, три на Красной Горке. Антанта бомбардирует Кронштадт только 20 аэропланами, в том числе три финских, и изредка орудиями с мелких судов, могущих прорываться к фортам, крупные не действуют, боясь дредноута «Петропавловск». К начальнику Генерального штаба Энкелю относятся очень недоверчиво и авторитета он пока не имеет.

Кандауров.

Телеграмма Сазонова из Парижа управляющему министерством иностранных дел в Омск, 28 октября 1919 г.[2]

Маннергейм телеграфировал финляндскому президенту, чтобы побудить помочь Юденичу. Он сам готов тотчас же вернуться в Финляндию, если бы правительство поручило ему командование финскими войсками. По его словам выступление Финляндии встречает препятствие в отсутствии денег. Наше обещание возместить расходы впоследствии не разрешит затруднение. Необходимо...[3] невозможность для нас сейчас такую сумму, поручив выяснить в Лондоне возможность открытия банками кредита. На случай неудачи, прошу срочных полномочий заключить сделку. Положение Юденича крайне тяжелое.

Сазонов.

Телеграмма Колчака ген. Юденичу, 4 ноября 1919 г.[4]

Продолжаю считать желательным привлечение финляндских войск к операции против Петрограда. Уполномочил Сазонова на переговоры в этом смысле с финляндским правительством. Готов вступить в прямые сношения с финляндским правительством, аккредитовать при нем посланника и ничем не нарушать фактической независимости Финляндии. Согласен на заключение соответствующего военного соглашения о сотрудничестве русских и финляндских войск, а также дать обязательство, что военные расходы, связанные с совместными операциями, будут впоследствии оплачены российской казной. Дальше этого не считаю возможным итти и не могу согласиться на объявление «независимости Финляндии». Генерал Деникин разделяет это мое убеждение.

Адмирал Колчак.

---

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 105, л. 173.
Кандауров — военный агент Колчака в Стокгольме.
[2] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 83, л. 72.
[3] Пропуск в подлиннике.
[4] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. 83, л. 83.

Боевой путь Чапаева*

4. Поход 25 дивизии на Бугуруслан—Бугульму

Из приказа начдива 25, г. Бузулук, 1 апреля 1919 г., № 53.[1]

Согласно секретных приказов по войскам Южной группы за №№ 1 и 2 в состав 25 стрелковой дивизии входят следующие части.

1. Управление дивизии (формируется за счет управления бывшей 25 стр. дивизии, переданного в IV армию из состава I армии).

2. 73 бригада: 217 стр. полк, 219 стр. полк, 1 легкий артдивизион (три батареи), Отдельный кавалерийский дивизион, отдельная саперная рота.

3. 74 бригада: (бывшая Александрово-Гайская отдельная бригада) Савинский стр. полк, Краснокутский стр. полк, Балаковский стр. полк, отдельный легкий арт. дивизион (две батареи), отдельный кавалерийский дивизион, отдельная саперная рота (формируется), рота связи (формируется).

Распоряжением инспектора артиллерии IV армии (группы) приказано доформировать одну легкую артиллерийскую батарею.

4. 75 бригада: Иваново-Вознесенский стр. полк, 224 стр. полк, Самарский стр. полк.

5. Обще-дивизионные части:

а) 30 авиаотряд,

б) 4 отряд броневиков (из состава отряда два броневика ремонтируются в Саратове).

в) Покровский запасный батальон.

6. Для придания дивизии должной самостоятельности приказано сформировать.

а) Распоряжением начальника дивизии два управления бригад (1 и 3).

б) Распоряжением начальника инженеров IV армии (группы) инженерный батальон и одну отдельную саперную роту (для 3 бригады).

в) Распоряжением инспектора артиллерии IV армии (группы) Отдельный горный артиллерийский дивизион (для 3 бригады).

г) Распоряжением нач. штаба группы батальон связи и две роты связи (для 1 и 3 бригад).

д) Распоряжением инспектора кавалерии IV армии (группы) два Отдельных кавалерийских дивизиона (обще-дивизионный и для 3 бригады).

Начдив 25 (подпись).

Приказ начдив 25, г. Бузулук, 11 апреля 1919 г., № 058[2]

Согласно приказа командующего Восточным фронтом от 10 апреля 1919 г. в целях объединения действий против наступающей Уфимской

* Продолжение. Начало см. в № 6 (97) «Красного архива» за 1939 г.

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 6.

[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, лл. 7—8.

группы противника[1], который, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части I и V армий и угрожает одновременно выходом в тыл левого фланга V армии в районе Бугульмы и тем отрезать V армию от I; в состав Южной группы включается I и V армии.

Вверенной мне группе поставлена задача: удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу.

Вверенная мне 73 и 75 стрелковые бригады входят в состав ударной группы. Для выполнения поставленной мне задачи приказываю:

1. Командиру Отдельного кавалерийского дивизиона выступить 12 апреля с. г. с места настоящей стоянки, выслав головной отряд по направлению на север, по большой дороге от Бузулука на Бугуруслан, через с.с. Березовка, Троицкое (Жданова), Кушниково (Горки), Троицкое (Тоузаново), где расположиться и ожидать дальнейших распоряжений; на пути следования исправлять дороги и переправы через текущие ручьи.

2. Саперной роте 73 бригады выступить 12 апреля из Сорочинского с прикрытием кавалерии для устройства переправ через реки по путям следования бригады.

3. Командиру 73 бригады с вверенными полками, за исключением 218 стрелкового полка, выступить 13 апреля в 7 час. по нижеследующим путям:

217 стрелковому полку из Сорочинского по направлению на север через с. Никольское, что в 15-ти верстах от Сорочинского, до с. Скоковки, где и расположиться на ночлег. 14 апреля с. г. выступить на с. Покровка, где и расположиться на ночлег. 15 апреля выступить на с. Игнашкино, где сделать дневку, после чего выступить на Луговое, чтобы таковое было занято не позже 18 апреля, где и расположиться, ожидая дальнейших распоряжений.

4. Штабу бригады, совместно с 219 стрелковым полком, двигаться через с.с. Пьяновка, Пронькино, Яшкино на Грачевку, где и расположиться на дневку, и оттуда выступить на с. Бабинцевка (Новоселье), Чибриювку, каковую занять не позже 18 апреля с. г., где расположиться и ожидать дальнейших распоряжений.

5. Командиру 218 стрелкового полка со вверенным полком выступить 14 апреля из г. Бузулука по большой дороге через Троицкое, что восточнее большой дороги в 5-ти верстах, где сделать дневку; в дальнейшем следовать на Безводновку, где остановиться и ждать дальнейших распоряжений.

6. Командиру 75 стрелковой бригады со вверенной ему бригадой, за исключением 224 стрелкового полка, продолжать переход в район Бузулука. По прибытии расположиться в районе Тримихайловка (Сухо-Речка) — Яковлевка.

7. Командиру 74 стрелковой бригады со вверенной ему бригадой оставаться в городе Самаре, в резерве Южной группы.

---

[1] Вступительная часть данного приказа является цитированием, правда, весьма неточным, приказа войскам Южной группы Восточного фронта № 021 от 10 апреля 1919 г., опубликованного в № 2 (93) журнала «Красный Архив». Этим же приказом М. В. Фрунзе создается Южная группа армий Восточного фронта так наз. большого состава: в нее включаются, помимо IV и Туркестанской, I и V армии.

После создания Южной группы большого состава М. В. Фрунзе приступил к организации и проведению своего знаменитого контр-удара по Колчаку, участию в котором 25 стр. дивизии В. И. Чапаева и посвящена значительная часть настоящей публикации.

25 стр. дивизия была основным ядром ударной группы М. В. Фрунзе.

8. Всем складам и учреждениям отдела снабжения перейти в район ст. Богатое.

9. Штабу дивизии, управлению начальника артиллерии, общей канцелярии отдела снабжения, ветеринарному управлению, управлению артиллерийского снабжения, батальону связи и всем прочим командам и учреждениям оставаться на месте.

10. Начальнику отдела снабжения озаботиться устройством при станциях ж. д. Погромное и Бузулук баз для питания довольствием частей дивизии.

11. Заведующему артиллерийским снабжением озаботиться устройством баз на станциях Погромное и Бузулук, для непрерывного питания частей дивизии огнеприпасами.

12. О получении приказа и исполнении его срочно донести.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Коханов, 26 апреля 1919 г., 22 ч., № 064. [1]

Противник приостановил преследование по Самаро-Златоустовской железной дороге, подтягивает в районе западнее Бугуруслана части 3 корпуса и ожидает подхода к его левому флангу частей 7 корпуса, двигающихся южнее железной дороги. В направлении Сок-Кармалинское — Сергиевск он стремится овладеть последним и теснит наши части. Против 27 дивизии и отряда Чистопольского Военкома противник точно также активен.

Командующий Южной группой [2] приказал разбить и отбросить к северу Бугурусланскую группу противника до подхода к ней на помощь 6 корпуса.

Туркестанской армии, с сосредоточением в районе Бузулука, приказано с рассветом 28 апреля решительно атаковать в тыл эту группу в направлении ст. Заглядино — Бугуруслан с исходной линии Безводновка (Сл. Слободка) — Феклина.

Правее нас действует Туркестанская армия, левее же — 26 дивизия V армии. Разграничительная линия между 25 дивизией и Туркестанской армией следующая: река Кутулук, д. Феклина, Архангельское (Городецкое) и ст. Нагаткина — все для 25 дивизии включительно [3]. Между 25 и 26 дивизиями: Лазовка, Ниж.-Кинельское, Кинельское, Малышевка — все для 25 дивизии включительно.

1. Комбригу 74 выступить одновременно в 7 часов 27 сего апреля всем частям, стоящим в Кинель-Черкасской и Кинельской (Тулузанове), по направлению:

1) из Кинель-Черкаской в Лазовку, 2) из Кинельской (Тулузаново) — в Елховатку и Н. Ключевку. Указанные пункты занять ни в коем случае не позднее 16 ч. 27 апреля.

2. Комбригу 75 выступить из Коханова в 7 ч. 27 апреля в Языково (через Ржавец), занять его не позднее 16 часов 27 апреля и там остановиться.

Инженерному батальону запастись всем необходимым материалом для постройки мостов через реку М. Кинель: 1) Ниж. Кинельское, 2) Березняки, 3) Н. Нагаткина.

3. При занятии вышеуказанных пунктов восстановить тесную связь между частями 25 дивизии, а также и со всеми соседними частями

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, лл. 11—12.

[2] М. В. Фрунзе.

[3] «Все для 25 дивизии включительно» означает: все перечисленные пункты включены в границы 25 дивизии.

и со штабом 25 дивизии. При передвижении оставлять посты летучей почты через каждые 5 верст.

4. При занятии указанных пунктов выслать глубокую разведку в сторону противника, выяснить возможно точнее расположение его частей и донести мне о результатах не позднее 20 час. 27 апреля.

5. На выступление 28 апреля распоряжение будет дано особо.

6. Разграничительная линия между 74—75 бригадами следующая: а) Н. Ключевка — Н. Приют — Сосновка — Березняки (включительно) — все для 74 бригады, б) Ржавец — Никольское — Н. Нагаткино (включительно) — все для 75 бригады.

7. Комбригам 74 и 75: передвинуть артиллерийские базы со ст. Муханово в с. Коханов.

8. Ввиду отсутствия дивизионного отдела снабжения приказываю бригадным отделам снабжения немедленно в занятых местах организовать хлебопекарни и всемерно заботиться о своевременном снабжении своей бригады всем необходимым.

9. За неимением собственного транспорта — пользоваться подводами местного населения по мере потребности.

10. Штабу дивизии находиться в с. Коханов.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Коханов, 27 апреля 1919 г., № 065. [1]

Приказываю полкам вверенной мне дивизии 28 апреля с/г. перейти в решительное наступление и, разбив противника, к вечеру занять следующие деревни: Н. Нагаткино, Березняки и Нж. Кинельское.

29 апреля переправиться через реку М. Кинель и продолжать наступление в тыл противника в направлении на деревни Коптяжевка (Самодурова) и далее на Бугуруслан, для чего:

1) 221 стрелковому полку в 7 час. утра выступить из Лазовки и, заняв Нж. Кинельское, способствовать занятию деревень: Н. Приют, Никольское и Березняки, а также захватить и обследовать переправы через реку М. Кинель.

2) 220 стрелковому полку в 5 часов утра выступить из д. Елховатка, занять д. Подколки и оттуда повести наступление на д.: Н. Приют, Никольское и Березняки, где и захватить переправу через р. М. Кинель.

3) 222 стрелковому полку в 5 часов утра выступить из д. Н. Ключевка и повести, совместно с 223 стр. полком, под общей командой комбрига 75, наступление на д. Архангельское (Городецкое) и далее на д. Н. Ногаткино с тем, чтобы отрезать пути отступления противника из д. Березняки и тем отбросить его за реку М. Кинель.

4) 223 стрелковому полку в 8 часов утра выступить из д. Языково и повести, совместно с 222 стр. полком, наступление на д. Архангельское (Городецкое) и далее на д. Н. Нагаткино, где и закрепиться.

5) 75 кавалерийскому дивизиону в 5 ч. утра выступить из д. Новоникольская через Феклина на Ивановку, откуда и охранять разъезды на север, северо-восток и восток, а также войти в связь с Туркестанской армией.

6) Инженерной роте 24 дивизии выступить в 5 часов утра из д. Коханов в Нж. Кинельское, где и приступить к постройке переправы через р. М. Кинель.

7) 225 стрелковый полк назначается в дивизионный резерв, которо-

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 14.

му выступить в 5 часов утра из с. Коханов через д. Ржавец в д. Языково, где и ожидать дальнейших распоряжений.

8) Штабу дивизии находиться в с. Коханов.

9) Я буду находиться в д. Н. Ключевка, куда и присылать мне донесения.

10) Для более успешной пересылки донесений приказываю штабам бригад установить летучую почту с полками и со мной.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Телеграмма начдива 25 комбригу 74, 28 апреля 1919 г., 11 ч. 40 м.[1]

Во изменение приказа № 065[2] приказываю выставить сторожевые охранения кавалерийскими частями и отдельными батальонами в следующих местах: Нж. Кинельское, Подколки, Феклина.

Задерживать противника до подхода главных наших сил.

Приказ № 065 входит в силу для исполнения на 29 апреля с тех же часов, которые указаны в приказе.

В настоящий момент подтянуть все отставшие силы, сгруппировать возможно теснее в пунктах, указанных в приказе № 064[3], откуда после краткого отдыха нанести решительный удар противнику.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Коханов, 29 апреля 1919 г., 13 ч., № 066.[4]

Левее нас частями 26 дивизии заняты следующие пункты: Петровка (Вознесенка), Троицкое (Кураедова), Чекалинская, Аверкино и разъезд Муравка. Противник оказывает слабое сопротивление, повидимому, желая уклониться от боя или чувствуя свою слабость, в районе Аверкино, Бугуруслан и Пилюгино. Чтобы нанести противнику более решительный удар, Бузулукская группа уклоняет свое направление к востоку, своим левым флангом будет держать направления между Пилюгино-Лукинка — Наумовка и х. Травкина на Асекеево, во исполнение чего приказываю:

1. Командиру 74 бригады вверенной мне дивизии с занятием д. Ниж. Кинельское 221 полком, направить его немедленно на Березняки, где переправиться через р. М. Кинель, Подколочная и выйти на Каймакова, не заходя в Бугуруслан. 220 стрелковому полку с занятием Н. Приют, повернуть на восток на Н. Нагаткино.

2. 222 и 223 стр. полкам, под общей командой комбрига 75, с занятием Архангельское (Городецкое) направиться в Покровское (Скобелево), Пилюгино (Никольское), с занятием последнего на 30 апреля направление держать на Наумовку и Заглядино, где и связаться с частями 92 бригады. 25 стр. полку занять Феклина.

3. Гаубичной батарее и двум маршевым ротам в 12 ч. 29 апреля выступить из Коханов в Н. Ключевку, где и ждать дальнейших распоряжений.

4. Начальнику кабельного отделения 25 дивизии позаботиться постановкой одного телеграфного аппарата в Н. Ключевке.

5. Заведующему артиллерийским снабжением дивизии устроить

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 20.
[2] См. выше, стр. 71.
[3] См. выше, стр. 70.
[4] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 15.

базы артиллерийского питания в Преображенское (Карамзино) на все три бригады дивизии (то есть 73, 74, 75 бригады).

6. Начальнику артиллерии сформированную батарею немедленно передать 73 бригаде и направить в Архангельское (Городецкое).

7. Заведующим артиллерийским снабжением 74 и 75 бригад позаботиться устройством артиллерийских баз в Н. Ключёвке.

8. Я буду находиться в д. Подколки, куда и присылать мне донесения.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Любавино (Петровка), 1 мая 1919 г. 24 ч., № 067. [1]

Противник отбит и в панике отступает на северо-восток. Чтобы не дать противнику оправиться и закрепить позицию по правому берегу р. Кинель, приказываю:

1. Командиру 74 бригады занять дд.: Поникли, Наумовка, Марьинка.

2. Командиру 75 бригады занять дд.: Евсеево, Любавино (Петровка), Журавлевку.

3. С занятием 223 полком с. Любавино (Петровка) был замечен переправлявшийся противник через р. Кинель. Ввиду этого 223 полк не остановился, перешел на станцию Заглядино, откуда был противник выбит. Чтобы не дать закрепиться на правой стороне р. Кинель, приказываю во что бы то ни стало частям 25 дивизии переправиться на другую сторону р. Кинель и занять д.д. Верх, Заглядино и Нижн. Заглядино, где и укрепиться до подхода 73 бригады 25 стрелковой дивизии и 92 бригады Туркестанской армии.

4. Командиру 74 бригады занять участок от д. Верх. Заглядино (включительно) и до с. Завьяловка (включительно), откуда связаться с 26 дивизией.

5. 75 бригаде, 223 полку и 75 кавалерийскому дивизиону при выбитии противника [2] из д. Верх. Заглядино отойти в резерв. в д. Нж. Заглядино.

6. С подходом 225 полка немедленно переправиться через р. Кинель и занять с. Асекеево, совместно с 73 кавалерийским дивизионом, который временно входит в состав 25 стр. дивизии.

7. Командиру 76 бригады восстановить тесную связь с командиром 73 бригады.

8. По занятии вышеуказанных пунктов прошу донести мне, после чего будет дано новое распоряжение.

9. Командиру гаубичной батареи к 12 ч. 2 мая во чтобы то ни стало прибыть с гаубичной батареей на ст. Заглядино, для чего даю право пользоваться обывательскими лошадьми. Прибытие необходимо для борьбы с 6-дюймовыми орудиями, действующими со стороны противника.

10. Командирам бригад во чтобы то ни стало обеспечить себя огнестрельными припасами, в чем обязать командиров и начальников артиллерийского снабжения. За недоставку огнеприпасов виновных привлекать к ответственности и расстреливать на месте.

11. Ввиду отдаленности отделов снабжений от железной дороги и отсутствия подвод, обязать выпечку хлеба производить на месте местным населением и в случае отказа в выпечке хлеба арестовывать.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 19.
[2] Так в подлиннике, следует понимать: по выбитии.

12. Раненых направлять в город Бузулук в 73 лазарет.

13. Я буду находиться в селе Любавино (Петровка), куда и присылать донесения.

Начдив Чапаев.

Приказ начдива 25, с. Любавино (Петровка), 3 мая 1919 г., № 068[1].

1. По имеющимся сведениям противник занимает д. Тюрина (Белое-Озеро) при 6 орудиях, 300 кавалерии и полке пехоты.

Правее нас части 31 дивизии, которые обеспечат нам правый фланг, левее нас 26 дивизия, на правом фланге которой 233 полк занимает д. Красная.

Ввиду задержки противника в Бугуруслане, задача 25 дивизии способствовать 26 дивизии в занятии г. Бугуруслана и в продвижении на север, с целью отрезать пути отступления противника и тем покончить с армией противника на этом участке, для чего приказываю:

а) 74 бригаде: выступить из исходных пунктов в 7 час. 4 мая и занять следующие д.д.: Елатманка-Тюрина (Белое-Озеро), Нов. Тюрино-Еселевка (Насягай-Подгородная). Для обеспечения своего левого фланга выставить сторожевое охранение в д. Лабовка, что при впадении р. Бугуруслан в р. Мочегай. Кавалерийский дивизион выслать для разведки в д. Пронькина и на тракт, ведущий из Бугуруслана на Бугульму, где перехватить эвакуирующиеся обозы противника из г. Бугуруслана.

При занятии[2] д. Тюрина (Белое-Озеро), не останавливаясь, преследовать противника до д. Еселевка, где прижать противника к р. Б. Мочегай, дабы не дать увезти ему орудия.

б) 75 бригаде: выступить из исходных пунктов на северо-запад на д. Тюрина (Белое-Озеро), чем дать содействие 74 бригаде выбить противника из д. Тюрина (Белое-Озеро) и молниеносным ударом гнать к р. Б. Мочегай, не дать возможности противнику увезти орудия через р. Б. Мочегай.

223 полк остается в дивизионном резерве в д. Асекеево быть готовым во всякое время оказать содействие наступающим полкам.

2. Начальникам бригадных рот связи немедленно приступить к исправлению телеграфной линии со ст. Заглядино до Бугуруслана, по которой восстановить связь со штармом V.

3. Питание огнестрельными припасами — ст. Заглядино.

4. Эвакуационный пункт для раненых Пилюгино-Архангельское (Городецкое) — Елховатка — Страхово и ст. Богатое.

5. Комбригам 74 и 75 установить между собою прочную связь, дабы в одно время нанести противнику мощный удар с фронта и фланга.

6. Для улучшения связи выставить летучую почту и прислать в мое распоряжение в д. Любавино (Петровка) по 2 кавалериста от каждого полка.

7. Я буду находиться в д. Любавино (Петровка), куда и присылать все донесения.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Любавино (Петровка) 4 мая 1919 г., 20 час., № 069.[3]

1. Натиска 25 дивизии противник не выдержал и поспешно отступает, не задерживаясь на самых удобных позициях, укрепленных природой.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 24.
[2] Так в подлиннике, следует понимать: по занятии.
[3] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 24.

Несмотря на утомление от сверхестественных больших переходов, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, красноармейцы 25 дивизии гордо идут вперед, чем подняли дух красноармейцев 26 дивизии, которые, несмотря на великое сопротивление противника, задержавшегося в г. Бугуруслане, выбили его, и [противник] отступает в беспорядке на Бугульму.

Частями 26 дивизии заняты следующие пункты: Лабовка — Васильевка — Валентиновка и передовой отряд занимает северо-западную сторону д. Елатманки.)

2. Согласно приказа штарма V 4 мая с. г. 73 бригада выделяется из состава Туркестанской армии и передается в распоряжение начдива 25 стрелковой [1].

3. Задача нашей дивизии — отрезать противника и не дать ему возможности отступить на Бугульму, части которого [противника] находятся в районе д. Сидоровка — ст. Кабанова — Сергиевск и далее к р. Кондурч, в направлении на Рзд. Тенеево. Под сильным ударом наших войск и с занятием ст. Клявина, противник будет совершенно отрезан от тыловых баз, чем и лишим его боеспособности.

4. Для обеспечения нашего правого фланга подошла 31 дивизия Туркестанской армии, которая занимает д. Мордовская — Асекеева (Алексеевка), откуда выступила на д. Бестужевку (Карамзина) и Григорьевку, что на правом берегу р. Б. Мочегай.

5. Во исполнение задач 25 дивизии приказываю:

а) 73 бригаде: выступить частями вверенной вам бригады из занимаемых пунктов в 12 час. 5 мая с. г. и поспешить с передвижением их на линию д. Молчановка — Староверовка (все исключительно). С прибытием передовых частей на ст. Заглядино известить меня для указания дальнейших действий.

б) 74 стр. бригаде: выступить с места настоящей стоянки в 7 час. 5 мая с. г. и занять д.д. Ключевка, Староверовка, Пронькина. Разведку выслать на д. Каменка (Найкина) и Рожественское. О подробностях донести мне.

в) 75 стр. бригаде: выступить из с. Тюрина (Белое-Озеро) на д. Еселевка в 7 час. 5 мая и с занятием таковой выслать разведку на д. Молчановка. О результатах донести.

6. Оперативной части штадива 25 5 мая перейти в д. Красная, откуда восстановить связь вдоль ж. д. линии со штармом V, о чем донести мне. С восстановлением линии со штармом V в д. Красная перейти всему штабу.

7. Командиру роты связи 74 стр. бригады восстановить телеграфную линию, ведущую от Бугуруслана на Рожественское — в два провода.

8. Командиру батальона связи со всем гаражем, автомобилями и мотоциклетками выйти из г. Бузулука по тракту на Бугуруслан в д. Красная.

9. Донесения присылать в д. Красная, где я буду находиться.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

---

[1] 73 бригада 25 дивизии до этого времени находилась в составе Туркестанской армии и с 26 апреля 1919 г. вела наступление против 11 Уральской дивизии белых. Приказом директивной Южной группы от 4 мая 1919 г. за № 024 73 бригада 25 дивизии была включена в состав V армии. К вечеру 5 мая все три бригады 25 дивизии заняли указанные ей в приказе районы по линии Самаркина — Молчановка — Тюрино — Ключевка.

Из телеграммы начдива 25 наштабригу 74,5 мая 1919 г., 4 ч.[1]

Прошу при отдаче приказов быть внимательным. Приказ по 74 бригаде за № 08 считать недействительным и за проигрыш операции всю ответственность возлагаю на вас[2]. Прошу принять самые срочные меры во изменение приказа о выступлении частей 220 полка, которому выступить в 7 час. 5 мая из д. Вр. Заглядино на д. Ключевка. На расстояние 20 верст для походного движения по такой гористой местности потребуется 7 часов. 222 [полку] в приказе № 68 надо выступить в 7 час. на д. Пронькина, которому путь следования 7 верст, на что потребуется всего 2 часа.

Первый будет на расстоянии 7 верст между Лобановка (Лобовка) в 9 часов, второй же будет занимать д. Пронькина, который вступит с противником в бой.

И если противник окажет активное сопротивление, то до подхода 220 полка 222 полк может быть уже разбит.

Когда 220 полк ничего не знает, будет итти спокойно — такое растяжение сил недопустимо. Предлагаю изменить приказ: с подходом 220 полка к д. Ключевка, не доходя до нее 2-х верст время будет 13 часов. В 13 ч. выступить 222 полку из с. Тюрина (Белое-Озеро) на д. Ключевку — 222 полк будет находиться в 3-х верстах от Пронькина. Если противник окажет активное сопротивление в дер. Пронькина, то 220 полк своевременно подойдет на поддержку 222 полку и ударит с левого фланга.

Начдив Чапаев.

Приказание начдива 25, с. Любавино (Петровка), 5 мая 1919 г., 8 ч.[3]

С занятием пунктов, указанных в приказе № 069[4], комбригу 74 и 75 сделать тщательную разведку под наблюдением командиров полков и точно выяснить отход противника, то есть направление отхода.

Узнать самые точнейшие планы его действия наштадиву 25, наштабригу 74, наштабригу 75, штабригу 73. Выработать схему дальнейшего действия и доставить доклад о предстоящей операции по приказу от 4 мая № 069. Задача дивизии занять станцию Клявина. Наштабригам 74 и 75 снять кроки впереди лежащих местностей и расположения противника. Означенное представить не позже 12 ч. 6 мая.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказание начдива 25, с. Красная, 5 мая 1919 г., 19 ч.[5]

Предлагаю комбригам 74 и 75 выслать разведку и контрразведку, для чего воспользоваться можно местным населением, сочувствующим советской власти, при чем указать ему, что за неправильные донесения будет реквизировано все имущество разведчика.

Участок 74 бригады: справа налево от р. Алпаева до р. Турхановка, достигнув глубины Знаменка — Кудрино. Комбригу 75 дается участок: от р. Алпаева до р. Узели (вглубь — Ст. Узели).

О результатах донести не позже 12 час. 6 мая. На основании добытых результатов будет издан боевой приказ.

Начдив Чапаев.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 25.

[2] Речь идет о неточностях в расчете времени на походное движение, допущенных командованием и штабом 74 бригады 25 дивизии при выполнении приказов начдива 25 тов. Чапаева от 3 и 4 мая 1919 года №№ 068, и 069.

[3] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107(67—106), л. 31.

[4] См. выше, стр. 74.

[5] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 30.

Приказ начдива 25, с. Красная, 6 мая 1919 г., № 070. [1]

1. Части 3 корпуса противника, разбитые в районе Бугуруслана, отступают в северном направлении.

Части 11 дивизии 6 корпуса, подоспевшие к его левому флангу, также разбиты и отступают в северо-восточном направлении на Сарай Гир. Попытки противника сорвать нашу Бугурусланскую операцию путем захвата наших сообщений в районе ст. Кротовка со стороны г. Сергиевска, потерпели неудачу.

Четвертая Уфимская дивизия отбита и отброшена к северу от линии Коржевка — Копытовка и Нж. Орлянка; ее 1 бригада, по данным разведки, отходит к северо-востоку к ст. Сок-Кармалинское.

В районе Бугульминской ж. д. действует 8 дивизия и 16 полк 4 Уфимской дивизии [2]. Есть сведения, что к нему подходят части 15 полка из района Сергиевска.

Прибывающие пополнения противника не желают воевать и сдаются нам сотнями в плен.

2. Правее нас Туркестанская армия [3] переправляется через р. Б. Кинель и должна наступать на ст. Филипповку и ст. Сарай Гир. Ее кавалерия должна действовать в северном и северо-восточном направлении к Бугульминской ж. д. для захвата участка и мостов через р. Ик и г. Бугульмы.

Левее нас действует 26 дивизия, которая к 5 мая должна занять исходное положение по линии Турхановка — Тергали (Сосновка) — Покровская, с рассветом 6 мая начинать решительное наступление и к вечеру того же дня должна достичь линии Кудрино — Ст. Ганькина — Покровская.

К вечеру следующего дня должна занять линию Никитина (Билыкла) Давыдкина — Пригодна.

3. Войскам армии приказано перейти в решительное наступление по всему фронту, окружить и уничтожить противника в районе Сок-Кармалинская — Сергиевск и ст. Шентала.

4. Действия 25 дивизии должны быть особенно решительны и смелы. Дивизии держать тесную связь конницей с Туркестанской армией и выслать надежный боковой авангард.

5. Во исполнение приказа по Армии приказываю:

а) Комбригу 75: выступить из д. Тюрино (Белое-Озеро) в 10 ч. 6 мая с целью выбить противника из д. Молчановка и продолжать преследовать его д. Ст. Узели, каковую взять не позднее 6 мая.

б) Комбригу 74: Выступить в 10 ч. 6 мая с места настоящей стоянки [4] и двигаться на север, охватывая правым флангом д. Мордовская — Бокла вверх по р. Алпаева, держась левым флангом д.д. Ключевка — Рожественское — Алексеева (Соплевка) — Трифановка (все для

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, лл. 34—35.

[2] 3 мая 1919 г. началось отступление белых по всему фронту Южной группы. 11 Уральская дивизия из состава 6 Уральского армейского корпуса белых, как менее пострадавшая, со 2 мая была включена в резерв командующего западной армией белых в районе севернее Белебея. 4 Уфимская дивизия (из состава 2 Уфимского корпуса белых) была переброшена в район Кудрино — Рожественское (Мордовский Бугуруслан) по Бугульминскому тракту севернее Бугуруслана. 8 Камская дивизия (из 2 Уфимского корпуса) с Ижевской стрелковой бригадой (3 Уральского горного стрелкового корпуса) отходила на линию ст. Шентала Волго-Бугульминской жел. дор.

[3] Приказом — директивой Южной группы от 4 мая за № 024 на Туркестанскую армию возлагалось овладеть районом со стороны участка Златоустовской жел. дор. Сарай Гир — Филипповка, для прикрытия операции V армии со стороны Белебея, а часть своей конницы выдвинуть на Бугульму для удара по сообщениям белых.

[4] Т. е. района Елатманка — Староверовка.

74 бригады включительно). Полковой разведкой поддерживать тесную связь с 75 бригадой.

в) Комбригу 73: с выступлением 75 и 74 бригад немедленно выслать боковой заслон, не менее полка, для охраны правого фланга 25 дивизии — в д. Никольское (Городецкое), где полку расположиться вдоль р. Узели. Всю имеющуюся при полках кавалерию выслать в распоряжение командира 25 кавдивизиона. При занятии Ст. Узели, 73 бригаде сменить 75 бригаду, а последней отойти и расположиться в резерве для охраны правого фланга дивизии.

г) 25 кавдивизион, 73 кавдивизион, 75 кавдивизион — следовать уступом за правым флангом 75 бригады вверх по р. Узели, высылая вправо дозоры для охраны правого фланга 75 бригады. С подходом к д. Ст. Узели, охватив противника с северо-восточной стороны, ударить ему в тыл со стороны д. Нж. Павлушкина, чтобы не дать ему возможности уйти.

д) 74 кавдивизиону двигаться близким резервом между 75 и 74 бригадой вдоль р. Алпаева, не оказывая цели[1].

С подходом к д. Знаменское (Аксаково) при начатии боя пройти незаметно лесом и в разгаре боя ударить в тыл противнику с северо-восточной стороны от д. Алпаева, дабы прижать его к р. Бугуруслан.

6. Комбригам 73, 64 и 75 выслать по два ординарца от каждого полка в с. Красная для связи.

7. Донесения присылать через каждые 2 часа, а в экстренных случаях немедленно в с. Красная, где я буду находиться.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из приказа начдива 25, с. Красная, 6 мая 1919 г., № 071[2]

1. Противник, оказывая слабое сопротивление под дружным натиском частей 5 армии продолжает отступать на г. Бугульму.

2. Правее нас наступают части 31 дивизии Туркестанской армии, левее нас наступает 26 дивизия.

3. За блестящие успехи в последних боях, все взоры 5 армии устремлены на 25 стрелковую дивизию, которая своим решительным натиском должна отрезать пути отступления Бугульминской армии противника в районе Бугульмы и тем закончить эту операцию. Приказано не позже 12 мая 25 стрелковой дивизии занять г. Бугульму, во исполнение чего приказываю:

а) Комбригу 73: по занятии 75 бригадой д. Ст. Узели сменить таковую и нанести новый мощный удар противнику с целью занятия д.д. Богородское (Рус. Бокла), Сапожникова — Дмитриевское (Рус. Кандыз), где и остановиться на ночлег, выбрав удобную позицию для обороны. Полоса наступления 73 бригады справа: д.д. Нж. Павлушкино — Врх. Павлушкина — Андреевка-Ибраева и слева: Мордовская-Бокла — Алпаево и Маторино, все включительно для 73 бригады и, далее, быстрым продвижением в направлении на г. Бугульму, где отрезать пути отступления, сообщения и транспорты противника.

б) Комбригу 74: с занятием д. Знаменское (Аксаково) продолжать дальнейшее наступление совместно с 73 бригадой с целью занять

[1] «Двигаться близким резервом... не оказывая цели» — одно из выражений В. И. Чапаева, хорошо знакомых бойцам и командирам 25 дивизии. Смысл: двигаться в резерве на близком расстоянии от главных сил, но не делая из себя цели для артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и не обнаруживая своим движением главных сил.

[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 36.

д.д. Пашкино, Трифановку, где и остановиться на ночлег, приняв все меры к охране и обороне участка.

Полоса наступления для 74 бригады справа: д.д. Чекмарево (Александровка) — Пашкино и слева: Трифановка — Сок-Кармалинское — все для 74 бригады включительно.

в) Комбригу 75: двигаться резервом и охранять правый фланг наступающих частей 25 дивизии. Указание для согласованного движения с 73 бригадой получить у комбрига 73, при чем своевременно ставить меня в известность для получения указаний.

4. Разграничительная линия между 25 и 26 дивизиями д.д. Красная-Лабовка — Алексеева (Соплевка) — Анненкова-Трифановка — Черновка, все для 25 дивизии включительно.

5. Комбригу 74 и 75 восстановить телеграфную линию от Бугуруслана, идущую на Бугульму, в каковую будут включаться части 25 дивизии.

6. По занятии частями дивизии конечных сел и деревень для ночлега, если в таковых не будет удобных позиций для обороны, разрешается на усмотрение комбригов с совместным соглашением продвигаться вперед.

7. Всем командирам точно и неуклонно исполнять боевые приказы, одновременно в указанные часы и минуты, дабы не было того, что одна часть отставала, а другая выдвигалась вперед, отчего могут быть столкновения между своими частями. За промедление командиры будут привлекаться к ответственности.

8. Штабу дивизии (наштадиву 25 стрелковой с администр. отделом и остальными учреждениями) выступить 7 мая из с. Пилюгино в с. Красная, по прибытии в которое, не отпуская подвод, немедленно донести, на что будет особое распоряжение, где таковому остановиться...

10. Распоряжением начсанотд. V армии для эвакуации больных и раненых на Самаро-Златоустовской ж. д. назначить 3 санитарных поезда и 2 летучки [1], для чего всех раненых и больных красноармейцев 25 дивизии направлять через г. Бугуруслан. Старшему врачу дивизии открыть передовой перевязочный пункт в г. Бугуруслане.

11. Донесения посылать в с. Красная, где я буду находиться:

а) о занятии деревень и достигнутых рубежах немедленно,

б) ежедневные — к 6 час. 30 м. о прошедшей ночи и расположение частей,

в) оперативные — к 15 часам, разведывательные, о потерях и изменениях в расположении частей,— также к 15 часам.

Начдив. 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Трифоновка, 8 мая 1919 г., 23 ч. 15 м., № 072. [2]

1. На фронте 2 и 27 дивизий противник отступает и, видимо, сосредотачивается к районе Сок-Кармалинское — ст. Шалашникова и гор. Бугульма.

Чтобы вернее окружить сосредотачивающегося противника, 25 и 26 дивизиям приказано направление наступления уклонить несколько к северо-востоку и энергичными смелыми атаками отбрасывать противника к северо-западу, стремясь отрезать ему путь отступления на Уфу и Мензелинск.

---

[1] Летучка — паровоз и 2—3 вагона или платформы. Летучки, как средство передвижения и транспортировки, часто применялись в условиях гражданской войны.

ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 106, лл. 38—39.

Напряжение и смелость довести до крайности.

2. Правее нас наступают части 31 дивизии Туркестанской армии, левее — части 26 дивизии.

3. Во исполнение поставленных задач приказываю:

а) Комбригу 73: переменить прежнее направление частей бригады на северо-восточное направление через Татарский-Кандыз, Поповка, Алексеевка (Узла), Татарская Тумбарла включительно до левого берега р. Ик — все для 73 бригады.

б) Комбригу — 74: Поддерживая связь с 73 бригадой, занять не позже 9 мая Ибраева и Секлетарка.

в) Комбригу — 75: Оставаться в резерве дивизии, продвигаясь вперед по мере возможности и охраняя правый фланг наступающих частей дивизии.

4. Разграничительная линия между 25 и 26 дивизиями: Алексеева (Соплевка) и Подколочная (Зайкина) — все для 26 дивизии включительно.

5. Раненых и больных, до прибытия в город Бугуруслан перевязочного отряда 74 бригады, направлять в Советскую больницу в г. Бугуруслан.

6. Штаб дивизии со всеми отделами 8 мая в 8 ч. перешел из с. Красная в с. Рожественское (Мордовский Бугуруслан), куда и присылать мне донесения.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Дмитриевское, 10 мая 1919 г., № 073.[1]

1. Командюжгруппы тов. Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25 дивизии, с чувством гордости отметил высокодоблестное поведение всех войск 25 дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника[2] и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска дивизии с победой, командующий благодарит именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака, а с ним и всей контрреволюции. Еще одно небольшое усилие полков 25 дивизии и враг будет окончательно сломлен.

Вперед, товарищи! Вся Россия и трудящиеся всех стран смотрят на вас, избавления от гнета буржуазии ждут от вас трудящиеся.

2. Из перехваченных приказов противника видно, что он сгруппировал все свои силы в районе Татарский Кандыз — Секлетарка и пустил обходную колонну из резерва от Рыково через Алексеевка, Измайлова, Дмитриевская (Мордовская), Салихово. Означенная обходная колонна была разбита наголову кавалерийскими дивизионами и главные силы, шедшие в наступление,— 73 бригадой.

Из того же приказа усматривается, что с восточной стороны сил у противника уже нет.

3. Правее нас наступают части 31 дивизии Туркестанской армии, левее — части 26 дивизии.

4. Чтобы окончательно сломить врага, приказываю:

а) Комбригу 73: Выступив в 10 час. 11 мая, занять пункты: Алексеевка (Узла), Покровский (Урус-Тамак), Васильевский (Урус-Тамак) и

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, лл. 42—43.

[2] Ижевская отдельная стрелковая бригада входила в состав 3 Уральского горного стрелкового корпуса ген. Галицына западной армии ген. Ханжина. Ее состав к началу марта 1919 г.: 6 батальонов, 3500 штыков, 286 сабель, 36 пулеметов, 8 орудий.

Абдулино, имея задачей перехватить в указанном районе переправы через р. Ик. Кавалерию выслать вдоль левого берега р. Ик в направлении Дмитриевка (Бокла) на Исерганово, чем и перехватить путь отступающим под напором соседних бригад частям противника.

б) Комбригу 74: Выступив из исходных пунктов в 7 час. 11 мая, занять д.д. Васильевка (Федоровка), Благовещенская, что на р. Усула, двигаясь через Ивановка (Нутино).

Резервные части подвигать к с. Богородское (Яковлево) через Михайловское (Н. Мерчовщина).

в) Комбригу 75: Выступив в 5 ч. 11 мая, занять пункты: Дмитриевская (Мордовская), Кулбаева, Н. Шалты, высылая разведку на Суерметева, Н. Сулли и Сулли.

5. Штабу дивизии со всеми отделами 11 мая перейти в с. Дмитриевское (Рус.-Кандыз), куда и присылать мне донесения.

6. Дивврачу организовать перевязочный пункт в с. Дмитриевское (Рус-Кандыз).

7. Вновь напоминаю об обязательной присылке сведений о потерях (убитых, раненых и контуженных).

Начдив Чапаев.

Приказ начдива 25, с. Дмитриевское (Рус.-Кандыз), 12 мая 1919 г., 22 час. 45 м., № 074. [1]

1. 25 стр. дивизии приказано развить самые решительные действия, полные лихой отваги, дабы отрезать путь отступления противника на Уфу [2]. Правее нас действуют части 31 дивизии, 12 кавалерийский полк, который занимает д. Петровка на р. Ик.

Левее нас действует 26 дивизия, право-фланговый полк, который занимает д. Васильевка.

На высотах севернее д. Татарская-Тумбарла, возле опушки леса, у противника стоят 2 шестидюймовых орудия.

Во исполнение поставленной дивизии задачи по армии и чтобы не дать возможности противнику увести эти орудия, приказываю:

2. 73 бригаде выступить в 7 ч. 13 мая из исходных пунктов и занять д.д. Кызыльяровка, Уязы-Тамакова и выслать разведку в д.д. Ст. Чути, Муллина, Александровка (Кроткова) и Трукменева.

Комбригу 73, от д. Исерганово выслать обходную колонну на д. Туйрала — Васькина, дабы охватить противника, находящегося в лесу с орудиями возле д. Татарская-Тумбарла.

3. Комбригу 75 выставить сторожевое охранение в д.д. Суерметева, Абдул-Каримова, Кулбаева, Абдулина и Сулли.

4. Командиру 75 кавдивизиона перейти в распоряжение комбрига 75.

5. Комбригу 74 самым спешным порядком выступить из исходных пунктов в 7 ч. 13 мая и занять д. Тумбарла-Потаповка, чем и перехватить путь отступления противнику по большой дороге на Бугульму.

222 стрелковому полку принять самые решительные меры к охране левого фланга дивизии от д. Дымская до д. Рыково (Петропавловское), все включительно, и твердым своим воздействием на противни-

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 44.

[2] После боев под Бугульмой и на Белебеевском направлении V армия развила успешные наступления и подготовляла окружение разбитого противника в районе Бугульмы. 25 дивизии, входившей в состав V армии, было приказано действиями по сообщениям белых отрезать пути отступления противнику на Уфу.

Следует отметить, что с 24 ч. 11 мая V армия по директиве командования восточного фронта от 10 мая за № 166/с поступала в непосредственные распоряжения фронтового командования (с изъятием из подчинения М. В. Фрунзе), а 25 дивизия передана в состав Туркестанской армии.

ка оказать полное содействие всей 25 дивизии занять по фронту указанные пункты.

6. Донесения присылать до 12 ч. 13 мая в д. Поповка, а после в д. Татарская-Тумбарла, куда я выеду в 14 час.

7. Перевязочный пункт — в. с. Дмитриевское (Рус.-Кандыз), куда и направлять раненых.

Начдив 25 Чапаев.

Приказ начдива 25, с. Дмитриевское (Рус.-Кандыз), 13 мая, 1919 г., 9 ч. 45 мин., № 075. [1]

1. Сведения о противнике прежние.

Правее нас наступают части 31 дивизии, левее — части 26 дивизии, которая сего числа заняла д. Огородникова.

2. Во исполнение поставленных армией дивизии задач приказываю:

Комбригу 73 выступить сего числа из исходных пунктов и, не останавливаясь в д. Кызыльяровка, пустить обходную колонну через д. Александровка (Кроткова) и занять д. Ташла и Акбаш (Ташкичу), чем и отрезать путь отступления противника, который старается задержаться в д. Тумбарла-Потаповка.

Комбригу 73 выслать всю кавалерию в д. Москова, Апсялямова и Уруссы, где и связаться с частями 27 дивизии, занимающей д. Карамала.

С рассветом на 14 мая 73 бригаде занять всю линию ж. д. и от д. Каракашла до моста на р. Ик близ д. Наиково.

3. Комбригу 75 охранять левый берег реки Ик, выслав сторожевые заставы в д. Усман-Ташлы, Сулли и выслать разведку в д. Купченеева.

Одному полку 75 бригады по усмотрению комбрига занять д. Дмитриевка (Бакала), которому быть готовым в любую минуту оказать поддержку на 3 стороны: на д. Кызыльяровка, Тумбарла-Потаповка и г. Белебей.

4. Комбригу 74 во чтобы то ни стало и не останавливаясь ни перед какими трудностями, не теряя ни одного часа и минуты, стремительным натиском отбросить противника, который слабыми частями прикрывает путь отступления своим войскам.

5. Комбригу 74, держа крепную связь с 26 дивизией, оставить для прикрытия левого фланга дивизии один полк в д. Семеновка, другой полк — в Муртазина и авангардом занять с. Ефановку.

Во время движения 74 кавдивизиону, не жалея ни себя ни лошадей, пробраться хребтами гор, расстреливая с тыла и фланга задерживающегося противника.

Около д. Тумбарла-Потаповка у противника два шестидюймовых орудия и два трехдюймовых, которые приказываю во чтобы то ни стало взять со стороны Туйрала-Васькина, двигаясь совершенно скрыто для захвата этих орудий.

6. Донесения присылать в пункты, указанные в приказе за № 074 § 6 [2].

Начдив 25 Чапаев.

Приказ начдива 25, с. Ефановка, 14 мая 1919 г., № 076. [3]

Противник, разбитый в районе г. Бугульмы, глубоко охваченный в тыл нашими частями, начал стремительное отступление вдоль Бугульминской жел. дор.

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 45.
[2] См. предыдущий документ.
[3] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 46.

Чтобы окончательно разбить противника на Восточном фронте, штаб Южной группы возлагает на вверенную мне дивизию следующую задачу: смело охватывая левый фланг бегущего противника с юга не позднее 16 мая занять линию: З. В. Троицкий, Нж. Башниды, Супханкулова, Райманова, Купченеева и Суккулова.

Правее нас действуют части 31 дивизии, с которыми хорошо связан комбриг 75, левее нас части 26 дивизии 17 мая занимают Чекан на р. Ик, Сундюково и Мустахино.

Во исполнение приказа Южгруппы [1] за № 1211 приказываю:

Комбригу 75 в 12 час., 15 мая выступить из занимаемых пунктов и не позднее 12 час. 16 мая занять Купченеева и Суккулово, высылая разведку вправо до частей 31 дивизии и по направлению г. Белебея.

Комбригу 73 выступить в 6 час. 15 мая из занимаемых пунктов и, изменяя наступательное направление, переправиться через реку Ик, сбить противника с занимаемых высот и не позднее 16 мая занять З. В. Троицкий и Н. Башниды.

Комбригу 74 выступить в 4 ч. 15 мая из занимаемых пунктов, переправиться через р. Ик, не позднее 16 мая занять Райманова и Супханкулово.

Всем частям по занятии указанных пунктов стоять на месте до прибытия частей 2 дивизии, которые и заменят на этом фронте наши операции. Местонахождение мое — с. Поповка.

Командиру батальона связи из Поповки провести линию до Исерганово, где установить центральную станцию.

Всем комбригам немедленно связаться с центральной станцией в Исерганово.

Передовой дивизионный перевязочный отряд установить в с. Поповка (земская больница).

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Поповка, 15 мая 1919 г., 16 час., № 077. [2]

1. Во изменение приказа по дивизии за № 076 [3] 25 дивизии дается новая задача.

Противник скопляется значительными силами, намереваясь нанести удар на 31 дивизию Туркестанской армии, чем и нарушить план нашей операции.

Вверенной мне дивизии приказано не позже 16 мая занять участок Д. Д. Купченеева — Елань Чишма — З. В. Троицкий и Нж. Башниды.

2. Правее нас действуют части 31 дивизии Туркестанской армии, левее — 26 дивизии.

3. Во исполнение поставленных дивизии задач приказываю:

а) Комбригу 74 выслать сторожевой отряд на линию ж. д. Бугульма — Уфа не менее полка, которому вменить в обязанность загра-

---

[1] После переговоров по прямому проводу М. В. Фрунзе с командующим Восточным фронтом Самойло 12 мая наряду с другими требованиями, предъявленными М. В. Фрунзе, было удовлетворено (14 мая) настоятельное требование М. В. Фрунзе о выделении из состава V армии 2 и 25 дивизий и передаче их ему.

М. В. Фрунзе своим приказом от 15 мая № 1591 передал 25 дивизию в состав Туркестанской армии (с полуночи на 16 мая).

Переговоры по прямому проводу командующего южной группой с командующим восточным фронтом от 12 мая и приказ командующего Южной группой от 15 мая № 1591 см. в № 2 (93) «Красного Архива» («М. В. Фрунзе и организация разгрома Колчака»).

[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 48.

[3] См. предыдущий документ.

дить подступы броневому поезду противника на Бугульму, где и стоять до подхода частей 26 дивизии.

Остальным двум полкам бригады вести наступление на г. Белебей и занять не позже 16 мая следующие пункты: Нж. Башиды и З. В. Троицкий. По занятии указанных пунктов выслать разведку на д.д. Константиновка и Такаева. С подходом 26 дивизии высланный заградительный отряд от 74 бригады снять и присоединить к своей, т. е. 74 бригаде, о чем донести мне.

б) Комбригу 73 оказать содействие 74 бригаде в переправе через р. Ик, сбить задерживающегося противника на высотах правого берега р. Ик в районе Ст. Чути и переправиться по имеющимся мостам у д.д. Абдулина, Исерганово, чем и заставить противника отойти и дать возможность частям 74 бригады переправиться на правый берег р. Ик.

С выполнением указанной задачи занять следующие пункты: Н. Троицкий (быв. зав.), Суккулова — не позже 16 мая и выслать разведку на д.д. Елизаветино и Александровка.

в) Комбригу 75, оказывая содействие 73 бригаде при переправе через р. Ик, не позже 16 мая занять д.д. Елань, Чишма, Купченеева, держать непрерывную связь с 31 дивизией и выслать разведку вправо на д. Ермекеева, а по фронту на д. Крык-Нарат.

4. Командиру 25 кавдивизиона войти во временное подчинение комбригу 75.

5. Разграничительная линия между 25 и 26 дивизиями: Ташла — Н. Башиды — Константиновка — все для 25 дивизии включительно.

6. Штабу дивизии со всеми отделами и отделу снабжения с получением сего перейти в с. Поповка, где и расположиться.

7. Комбату связи немедленно приступить к проводке телеграфа в Дмитровка (Бакала), где установить телеграфный аппарат Морзе и центральную телефонную станцию.

Комбату связи поставить в известность командиров рот связи всех бригад о немедленной проводке от Дмитриевка (Бакала) линий к штабам бригад.

8. Комбату связи обязать население под их ответственность охранять линию проводов от порчи и за каждый порыв взыскивать штраф.

9. Дивизионному врачу открыть передовой перевязочный пункт в с. Поповка в здании местной советской больницы.

10. Начальнику снабжения дивизии организовать базу в с. Дмитриевское (Рус.-Кандыз), где открыть в достаточном количестве хлебопекарни.

Для действия броневого отряда в предстоящих операциях приказываю: начснабу 25 дивизии во что бы то ни стало доставить горючей смеси командиру бронеотряда.

11. Донесения присылать в с. Поповка, где я буду находиться.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ командюжгруппы М. В. Фрунзе командармам I, IV и Туркестанской, Самара, 15 мая 1919 г., 22 час. 30 м.[1]

Противник разбитый в районе Бугульмы пытается оказывать сопротивление в районе Белебея, куда сосредоточиваются свежие подкрепления, состоящие, главным образом, из частей корпуса Каппеля. В Оренбургском и Уральском районах казачество прилагает все усилия для овладения Оренбургом и Уральском и распространения восстаний среди населения. На вверенную мне группу в составе I, IV и

[1] ЦА РККА, ф. 157, д. № 1325, лл. 297—300.

Туркармии возложены задачи: 1) разбить Белебеевскую группу противника и 2) подавить восстания в Оренбургской и Самарской губерниях и Уральской области. Для проведения Белебеевской операции, обеспечиваемой с севера V армией, выдвигающей для этого одну дивизию на восток верхом по железной дороге Бугульма — Уфа из состава V армии выделяется 25 дивизия, включаемая с полуночи на 16 мая в состав Туркармии. Кроме того: из V армии выделяется 2 дивизия коей приказано, составляя резерв группы, направляться из района Бугульмы в район Купченеева — Суккулова, где она должна сосредоточиться к 19 мая.

Для подавления восстания в мое распоряжение передаются: двухполковая особая Самарская бригада, третья бригада 33 дивизии, Казанский мусульманский полк и первая кавалерийская дивизия.

Приказываю:

А) Для выполнения Белебеевской операции: 1) I армии, обеспечивая Белебеевскую операцию продолжением энергичного наступления на Стерлитамак, левым своим флангом, действующим в тесной связи с Туркармией, стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток, имея разграничительной линией с Туркармией Михайловка — железнодорожная станция Аксенова — Слак — Кашово — все для I армии включительно; 2) Туркармии, атаковав 31 дивизией, совместно с левым флангом I армии, противника с фронта, направить 25 дивизию севернее Белебея для глубокого охвата, с целью отрезать противника от сообщений с Уфой, имея разграничительную линию с V армией — застава ниж. Башниды — Константиновка — Яман-Купыр — Синаево — ж. д. ст. Усманово — все для Туркармии включительно; 3) всю наличную конницу немедленно бросить в тыл противнику, с целью перехвата его сообщений с Уфой; 4) так как имеются основания предполагать, что противник после целого ряда поражений не решится оказывать упорного сопротивления в районе Белебея, приказываю, учитывая эту возможность, развивать максимальную энергию при наступлении, причем особенную стремительность должны проявить конница и 25 дивизия, имеющие задачу отрезать противника от Уфы.

Б) Для ликвидации противника в пределах Оренбургской и Самарской губерний и Уральской области и подавления восстания: 1) Командарму I развить решительные действия с целью разбить и уничтожить противника, действующего в районе Илецкий городок — Оренбург. Для операции в районе Оренбурга кроме Казанского Мусульманского полка, выступающего 16 мая из Самары путем соответственной перегруппировки на фронте 20 дивизии, выделить достаточные силы для выполнения поставленной задачи; 2) командующему IV армией, развивая самые решительные действия — разбить Уральскую армию противника, восстановить жел. дор. сообщение Покровск — Уральск, овладеть Новоузенском и Ал/Гаем и подавить восстания в районе расположения армии, в пределах Уральской области и Самарской губернии. Для выполнения этой задачи в состав армии, кроме 22 дивизии, Савинского полка, отряда Соколова и полка Красной звезды, включаются: а) третья бригада 33 Стрелковой дивизии, расположенная в районе Пугачева, б) Самарская особая бригада, в составе 2-х стрелковых полков при 6 легких орудиях, направленная 15 мая из Самары через Бузулук и Соболев на Уральск; в) I кав. дивизия, прибывающая в район Ершов 17 [1], 279 стр. полк, направленный через Бузулук в Соболев; д) Рязанский коммунистический полк, направленный из

---

[1] В телеграмме неразборчиво. Документ отпечатан на телеграфной ленте с многими искажениями.

Самары через Б. Глушицу (Погановка) и Б. Черниговка в Ново-Озерный (что на тракте у реки Чеган). 3) Разграничительная линия между I и IV армиями — Бузулук — Иртецкое и р. Утва, все для I армии включительно.

Командюжгруппы М. Фрунзе.

Приказ начдива 25, с. Поповка, 17 мая 1919 г., 15 ч. 05 м., № 079.[1]

1. Согласно полученного приказа из штарма Южной группы за № 01591 от 15 мая с. г. и приказа по Туркармии № 09 от 16 мая 25 дивизия с 24 час. 16 мая с. г. в оперативном отношении выходит из V армии и подчиняется командарму Туркестанской армии[2].

2. Приказ по дивизии за № 078[3] отменяется ввиду невозможности выполнения такового из-за снесения водой мостов через р. Ик, отчего задержан подвоз патрон, снарядов и фуражного довольствия.

3. За время подхода транспорта всем комбригам вменяю в обязанность произвести перегруппировку войск в бригадах и приготовиться к нанесению решительного удара противнику.

Сделать предварительную разведку, дабы отыскать лучшие подступы к пунктам, занимаемым противником, чтобы с движением вперед не было ни одного лишнего шага.

4. В районе Белебей — Волго-Бугульминская ж. д. сосредоточиваются части противника (корпус Каппеля), который готовится нанести нашим войскам удар. Дабы не дать противнику оправиться, задача нашей дивизии еще вновь нанести решительный удар, от которого противник не мог бы уже оправиться.

5. Правее нас действуют части 31 дивизии и 3 кавалерийский дивизион[4] Туркармии, левее нас — части 26 дивизии.

6. Во исполнение поставленных дивизии задач приказываю:

а) Командиру 25 отдельного кавалерийского дивизиона Сурову: 25 кавдивиз.— 2 эск., 73 кавдив. — 1 эск., 74 кавдивиз.— 2 эск., 75 кавдивиз.— 2 эск. Итого 7 эскадронов.

Всем командирам кавдивизионов войти в подчинение Сурова, которому выступить в 4 ч. 19 мая из района Н. Троицкий (быв. зав.), незаметно пробраться лесом и долинами в обход между деревнями: Карсали, Тузлукуш, откуда разделившись: два дивизиона на север и два дивизиона на юг,— нанести противнику с тыла удар на д. Карсали и Тузлукуш, сжечь все мосты через р. Усень с целью перехватить все бегущие части и обозы противника от напора нашей дивизии.

б) Комбригу 75: — 225 полк в 4 ч. 19 мая двинуть из д. Елань Чишма, которому, выйдя на опушку леса и перекресток дороги (что между деревнями Савкина и Михайловская), ударить во фланг и тыл противнику, находящемуся в д.д. Савкина и Александровка. 223 полку ударить противника с фронта на дер. Елизаветино и Александровка с северо-западной стороны, чтобы заставить противника отступить

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 52.

[2] В приказе № 01591 М. В. Фрунзе поставил Туркестанской армии задачу: «атаковать 31 дивизией, совместно с левым флангом I армии, противника с фронта, направлять 25 дивизию севернее Белебея для глубокого охвата с целью отрезать противника от сообщений с Уфой...».

С севера Белебеевскую операцию должна была обеспечивать V армия. Резерв группы должна была составить выделенная из IV армии 2 дивизия.

Приказ командующего Южной группой от 15 мая 1919 года за № 01591 см. в книге 2 (93) «Красного Архива».

[3] Приказ В. И. Чапаева от 16 мая 078 ставил частям дивизии задачу на преследование противника.

[4] Так в документе. Фактически правее 25 с. д. действовала, кроме 31 с. д., бригада 3-й кавдивизии.

прямо в руки 225 полку. С занятием указанных пунктов бригаде продолжать движение на д.д. Самойлово и Анновка, которые и занять не позднее 19 мая.

в) Комбригу 73: выступить из района Н. Троицкий (быв. зав.), З. В. Троицкий в 4 ч. 19 мая с целью не позднее 19 мая занять д.д. Екатериновка, Чеганлы, Карсали и Карамала (Губеева).

г) Комбригу 74: 9 бат., 2 роты, 3 батар. и 36 пулеметов оставив 1 полк для прикрытия левого фланга дивизии в д.д. Н. Башниды и В. Башниды, остальным частям выбить противника из д. Константиновка и Такаева, каковые занять не позднее 19 мая, выслав разведку перед фронтом и влево для связи с частями 26 дивизии.

7. Разграничительная линия между 31 и 25 дивизиями: д.д. Ермекеева, Семено-Макарова, Знаменское (Кутуза), Трунтаишева и Аклаева — все для 31 дивизии включительно.

Между Туркестанской и V армиями: Заитова, Усла-Ташлы, Н. Башниды, Константиновка, Яман-Пупырь, Сапаева и станция Усманова — все для Туркармии включительно.

8. Оперативному отделу штаба дивизии 18 мая перейти в д. Дмитриевка (Бакала), а остальным отделам штаба дивизии оставаться в с. Поповка впредь до особого распоряжения.

9. Комбату связи оставить один промежуточный аппарат Морзе в с. Поповка, а остальному телеграфу перейти в д. Дмитриевка (Бакала).

10. Донесения присылать в д. Дмитриевка (Бакала), а с 12 час. 19 мая в З. В. Троицкий, где я буду находиться.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

5. 25 дивизия в Уфимской операции

Приказ начдива 25, г. Белебей, 24 мая 1919 г., 13 ч. 20 м., № 082.[1]

Противник отходит в северо-восточном направлении, группируясь главными своими силами в районе Уфы для защиты последней, стараясь в то же время нанести удар в правый фланг 26 дивизии.

Движение вверенной мне 25 стр. дивизии изменено. Новые разграничительные линии между 2 и 25 дивизиями: З. Усень-Ивановский — озеро Лели-Куль и Усманова (все для дивизии включительно).

Между 25 и 26 дивизиями (V-ой армией): Батыршакубова — Сводова и Благовещенский (все для V-ой армии включительно).

После краткой передышки новым мощным ударом потопим банды Колчака в реке Белой и очистим Уфу.

Необходимо для этого занять выгоднее положение, более сблизиться с крупными силами противника и разбить его группировку на правом фланге 26 дивизии, для чего приказываю:

1. Комбригу 75, оставив один полк в резерве в З. Усень-Ивановский, занять д. Куръятмасова и Курангулова.

2. Комбригу 73 занять д. Чапаева[2] и Барангулова.

3. Комбригу 74, оставив полк в резерве в д. Семенкина (Курган), занять д. Санаевой и Кидрясевой.

4. Разграничительная линия между 75 и 73 бригадами — д. Смойлова, Курангулова (все для 75 бригады включительно).

Между 74 и 73 бригадами — д. Чукады Тамакова, Ст. Семенкина.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 59.
[2] Название деревни — простое совпадение с именем В. И. Чапаева.

Б. Канлы-Туркеева и Барангуловой (все для 73 бригады включительно).

5. Выступить комбригам: 75 в 8 часов, 73 в 5 часов и 74 в 3 часа 25 мая с. г. и занять указанные пункты не позже 12 час. 26 мая.

6. Выходить из пределов разграничительных линий не допускаю.

7. На ночлег остановиться: комбригу 75 — в районе Писмянка и З. Усень-Ивановский; комбригу 73 — в районе Метев Басаева и Ст. Семенкина; комбригу 74 — в районе Семенкина (Курган), з. Поташ. и Чукады-Башева.

8. Начальнику сводного отряда кавалер. дивизионов (25, 73, 74 и 75) — 25 мая с. г. перейти на ночлег в З. Усень-Ивановский. Оставить один кавдивизион для охраны дороги, идущей из З. Усень-Ивановский на д. Куръятмасова,— для осмотра леса между названной дорогой, оз. Лели-Куль, д. Кидрячева и Матев-Басаева, а с остальными кавдивизионами выступить одновременно с 75 бригадой по дороге из д. Куръятмасова, с восточной стороны оз. Лели-Куль на д. Удрякбашева, оказывая содействие для занятия д. Барангуловой и Санаевой, ударить сгруппировавшемуся на правом фланге 26 дивизии противнику в тыл, далее производить разведку в направлении д. Нов. Каргала и Удрякбашева, тщательно изучая в этом районе местность и все речки.

9. В донесениях комбригу 75 указывать, что делается на участке частей 2 дивизии, а комбригу 74 — на участке частей 26 дивизии.

10. Донесения присылать в г. Белебей.

11. Дивизионный перевязочный пункт в г. Белебее, куда и направлять раненых.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Телеграмма наштадива 25 наштарму Туркестанской, 25 мая 1919 г., 19 ч. 22 м.[1]

Кавалерийским дивизионом в 12 ч. 25 мая после ружейной перестрелки занят З. Усень-Ивановский, а 222 полком сего же числа д. Чукады-Башева. Трофеи при занятии первого пункта: 8 ящиков с лентами к пулемету Максима, 5 тысяч ружейных патрон и одна лошадь с упряжью и с седлом.

Наштадив 25 (подпись).

Приказ начдива 25, г. Белебей, 26 мая 1919 г., 20 ч. 05 м., № 083.[2]

Правее нас действует 2 дивизия, левее — части 26 дивизии. Разграничительные линии между дивизиями прежние. Для задержки нашего движения противник ухватился за узел Бугурусланской и Бугульминской ж. д. в Чишма.

Но мы будем бить противника не так, как он хочет, а так, как мы хотим.

Дружным единовременным ударом с запада на Ново-Царевщина, Вер. Хозятова, Н. Хозятова, Макова, Чишма, Илькашева, Марусина и Алкина столкнем белогвардейцев с ж. д. для большого удобства топить последних в реке Белой и тем самым очистить себе путь к Уфе и дальше, а потому приказываю:

1. а) Комбригу 75,— взять Ново-Царевщина, Вер. Хозятова и Н. Хозятова.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 83.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 61.

б) Комбригу 73 с придачей 73 кавдивизиона — взять Макова, Чишма и Илькашева.

в) Комбригу 74 взять Арасланова и Аминева.

г) Сводный кавалерийский отряд: (без 73 кавдивизиона) с 74, 75 и 25 кавдивизионами по занятии 74 бригадой Нов. Каргала перейти в последнюю, откуда оказывать содействие этой бригаде, действуя с левого фланга дивизии для перехода последних через высоты левее Удрякбашева и дальше для занятия Калмаш. При приближении 74 бригады к Аминева и Арасланова быстрым неожиданным ударом перехватить железную дорогу в районе Марусина и Алкина, обеспечивая себя конной заставой на Арасланова.

2. Разграничительные линии между 75 и 73 бригадами озеро Лели-Куль — Усманова — р. Яман Удряк до Тюраева (все для 75 бригады включительно).

Между 74 и 73 бригадами Санаевой — Удрякбашева — Балышлы — Мулталыпова — Ниж.-Терма — Ермеева и Илькашева (все для 73 бригады включительно).

3. Всем комбригам выступить 28 мая: 75 бригаде в 8 час., комбригу 73 в 6 час. и комбригу 74 в 3 часа.

4. Занять указанные в параграфе 1-м пункты к 1 июня.

5. Из пределов разграничительной линии не выходить.

6. а) Первый ночлег провести: 75 бригаде в районе Б. Удряк, не переходя последней и обеспечивая правый фланг дивизии сильным резервом; 73 бригаде в районе Шамеева и Удрякбашева и 74 бригаде — один полк в Ниж. Каргала[1] два полка левее дер. Удрякшаева и Балышлы Мулталыпова по западной стороне дороги из Балышлы в Хлебодаровку.

б) Второй ночлег — 75 бригаде в районе д. Усманова, 73 бригаде в районе д.д. Сафарова и Нж. Терма, 74 бригаде в районе д.д. Ср. Терма и Камоги.

7. Комбригам строго согласовать свои действия между собой согласно настоящего приказа и схемы к нему. Эта согласованность особенно должна сказаться в последнем единовременном ударе всех трех бригад и сводного отряда на участок дороги Усманова — Чишма — Алкина.

8. Командирам батальона и рот связи развить максимум энергии и мобилизовать все средства для более лучшей и прочной связи в данной операции, как между частями, так и со мной.

В этой операции ко всем недостаткам в постановке связи я буду беспощаден.

По занятии Удрякбашева там должна быть тотчас же восстановлена телеграфная и телефонная станции.

9. Наштабригам разработать схему задания на данную операцию для командиров частей и по одному экземпляру прислать мне вместе с боевыми приказами.

10. Дивизионный перевязочный пункт — в г. Белебее.

11. Начальнику артиллерийского снабжения устроить передовые склады на данную операцию в Удрякбашева после занятия последней.

12. Первые два дня операции я буду в Белебее, куда и доносить мне, а на третий день перееду в Удрякбашева.

13. Всех сдавшихся и взятых в плен белогвардейцев, в том числе и офицеров с их документами, доставлять неприкосновенными в оперативный отдел штаба дивизии.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

---

[1] Так в подлиннике. По карте — Нов. Каргала.

Приказ начдива 25, г. Белебей, 29 мая 1919 г., 20 час., № 084. [1]

Правее нас действуют части 2 дивизии, левее — части 27 дивизии. Сбив противника с узла ж. д. Чишма и д.д. Аминева и Арасланова, останавливаться не будем. Несмотря ни на какие трудности, ни на какую усталость, необходимо напрячь все усилия, чтобы быстрее прижать противника к р. Белой и на его плечах перебросится на правый берег ее. Его активность на участке 26 дивизии есть ни что иное, как последняя отчаянная попытка задержать наш мощный удар, но мы эту активность используем для большего успеха, для чего приказываю:

1. а) Комбригу 75 по занятии указанных в приказе № 083 [2] пунктов продолжать дальнейшее наступление, имеющее целью войти в Уфу, где и остановиться.

Комбригу всеми мерами стараться не допустить неприятеля взорвать мост через р. Уфу.

б) Комбригу 73 с придачей 73 кавдивизиона: по занятии указанных ранее пунктов, двигаться дальше, переправиться через р. Белую и занять Степанова, Максимова (что на р. Уфе) и Богородское.

Комбригу, по подходе на своем участке к р. Белой, артиллерийским огнем не допустить движения неприятеля по железной дороге, идущей по правому берегу р. Белой.

в) Комбригу 74 по занятии Аминева и Новая, все время охраняя левый фланг дивизии сильными резервами не менее полка с батареей, переправиться через р. Белая, занять Н. Турбаслы и Турбаслы Ст.

г) Командиру сводного кавалерийского дивизиона: (25, 75 и 74 кавдивизион): все время находясь на левом фланге дивизии, оказывать содействие 74 бригаде и переправившись через р. Белую, стараться уничтожить противника с тыла.

2. Разграничительные линии: а) между 73 и 75 бригадами — Алкина — Любино — Петроматвеевка — Шигаева — Падеевка и Глумилино (все для 75 бригады включительно), б) между 73 и 74 бригадами — Арасланова — Кадырметева — Самодурова — Николаевка — Ветошникова — Степанова и Максимова (все для 73 бригады включительно).

3. Комбригу 75 доносить о том, что делается на участке соседней с ним 2 дивизии, а комбригу 74 о том, что делается слева, т. е. на участке 26 дивизии.

4. Всем комбригам принять меры к тому, чтобы саперные роты были снабжены всем необходимым для оказания содействия пехотным частям при переправе их через р. Белую.

5. Начальнику авиационного отряда производить разведку ежедневно утром и вечером по участку ж. д. от Чишмы до Козловская и Уфы по р. Белой до Благовещенский, каждый раз донося мне о всем замеченном.

6. Штабу дивизии перейти в Удрякбашева: оперативному отделу выступить в 5 час. 30 м. сего мая, а административному и всем остальным учреждениям и командам в 3 час. 31 мая.

Командиру батальона связи перейти с таким расчетом, чтобы связь во время передвижения штаба не была нарушена.

7. Завед. артиллерийским снабжением устроить базу в Удрякбашева.

8. Дивизионный перевязочный пункт в Балышлы-Мулталыпова.

9. Начальнику снабжения дивизии, не теряя связи, приготовиться к переходу на ст. Чишма и ждать на этот счет распоряжений.

10. Я буду находиться в Удрякбашева, куда и присылать мне донесения.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 63.
[2] См. выше стр. 88.

Телеграмма начдива 25 комбригу 74, с. Михайловка, 4 июня 1919 г., 8 час. 25 мин.[1]

Предлагаю оставить сторожевое охранение на берегу р. Белой, остальным людям дать отдохнуть, запастись снарядами. Свяжись с 26 дивизией. Вышли наблюдателя за ней. Я еду на переговоры к командарму и, как только узнаешь, что переправилась V армия, хотя один полк, то сейчас же начинай готовить переправу. Без меня не переправляться, я на переправе буду сам. Как только что заметишь на том берегу — наши части, сейчас же известите меня, а покаместь стой на месте. К гаубичным орудиям я снаряды пришлю. Донесения присылать в д. Авдонь.

Начдив 25 Чапаев.

Телеграмма Чапаева, комбригу 74, д. Авдонь, 4 июня 1919 г., 23 ч. 40 м.[2]

6 июня утром должен быть выполнен боевой приказ № 084[3]. Для успешности в исполнении такового на правый берег р. Белой будут переброшены три действующих броневых машины.

Комбригу 75 исправить для прохождения броневиков к 11 час. 5 июня большую дорогу, идущую от Арасланова на Уфу, а комбригу 73 — построить 3 плота и выбрать на своем участке более удобное место для переправы машин на правый берег.

Вам приказываю изыскать путь следования машин от дороги, ведущей от Арасланова в Уфу, к месту погрузки на плоты машин; выбранный вами путь исправить (сделать мостики, засыпать канавки и проч.) настолько, чтобы броневые машины в состоянии были на полном ходу пройти по данному пути. Об исполнении этой задачи донести мне не позднее 16 ч. 5 июня.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из приказа начдива 25, д. Авдонь 5 июня 1919 г., № 085.[4]

Для того, чтобы не дать возможности противнику уйти безнаказанно из района Уфы, мы перебросим на правый берег Белой три броневика, а потому приказываю:

1. Комбригу 75 немедленно принять меры к постройке мостов по дороге, ведущей из Арасланова в Уфу, у д.д. Салахова и Либино. Означенные мосты должны быть достаточной прочности, чтобы в состоянии пропустить три крупных броневика. Мосты должны быть готовы не позже 11 ч. 5 июня.

2. Комбригу 73 приготовить три плота для переброски на правый берег означенных броневых машин и изыскать на вверенном его бригаде участке место лучшее для этой переброски с тем, чтобы машины оказали большее содействие дивизии в достижении боевого приказа № 084. Плоты и место для переправы должны быть подготовлены не позже 13 ч. 5 июня.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 73.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 72.
[3] См. выше, стр. 90.
[4] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 64.

3. Комбригу 74 изыскать путь следования машин от дороги, ведущей из Арасланова в Уфу, к месту погрузки на плоты машин.

Выбранный комбригом путь исправить (сделать мостики, засыпать канавки и проч.) настолько, чтобы броневые машины в состоянии были на полном ходу пройти по данному пути. Задача должна быть исполнена не позднее 15 ч. 5 июня.

5. Зав. артиллерийским снабжением дивизии устроить базу артиллерийского питания в д. Авдонь.

6. Начальнику снабжения дивизии перейти на ст. Чишма.

7. Дивизионный перевязочный пункт — в д. Салахова.

8. Штаб дивизии со всеми его отделами в д. Авдонь.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из приказа начдива 25, д. Авдонь 7 июня 1919 г., 2 ч. 5 м., № 086. [1]

Слева от нас две бригады 26 дивизии в районе Ст. Баскаково и Топорнино (Покровская) уже переправились через реку Белую.

3 бригада той же дивизии должна была в ночь с 6 на 7 июня переправиться в районе Ахлыстина.

Правее нас действуют части 2 стрелковой дивизии. 8 сего июня нам надо выполнить боевую задачу, поставленную мной приказом по дивизии за № 084, для чего приказываю:

1. Командиру 75 саперной роты...

а) подчинив себе 73 саперную роту и роты 31 дивизии, приданные нам на время данной операции, на правом берегу р. Белой как раз по середине луки, напротив Красный Яр, устроить мостки для выгрузки пехоты из парохода.

б) Взять с правого берега, на том же участке, пробитый паром и приспособить его к перевозке тяжестей: броневых автомобилей и проч. Исследовать глубину реки у того же берега р. Белой для устройства подмостков к выгрузке броневых автомобилей, произвести подготовку дороги от места предполагаемого к высадке броневиков в направлении к Александровка настолько, чтобы была возможность действующим машинам выйти в район Александровка.

Все означенные работы закончить к 19 ч. 7 сего июня.

2. Комбригу 73, составив ударную группу из полков: 217, 218 и 220, одного баталиона 219, броневого отряда из трех броневых машин и 73 кавдивизиона, в 21 ч. 7 июня начать переправу по ранее подготовленному мосту, переправившись на рассвете 8 июня в 2 ч., выбить противника из окопов, ведущих от Н. Турбаслы к Александровке, направив 220 полк в Турбаслы Ст., занять Бочакеева, захватить железнодорожный мост через р. Уфу и I полк бросить с тыла на город, оказав этим содействие т. Потапову для занятия Уфы 75 бригадой.

Тов. Соколу с 2 батальонами 219 полка произвести одновременно с действительной переправой на плотах в районе д. Лавочное демонстрацию так, чтобы она ничем не отличалась от действительной переправы, для чего необходимо иметь вид готовящейся действительной переправы, установив на время взвод или орудие — обстрелять определенные пункты на противоположном берегу, как бы ведя артиллерийскую подготовку, но расходуя, конечно, минимум снарядов.

3. Комбригу 74, не медля ни минуты, переправиться следом за ударной группой и занять Н. Турбаслы, после чего подчинить себе

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 65.

220 полк и, исполнив боевой приказ № 84, далее оказать содействие 26 дивизии для занятия Благовещенский.

4. Комбригу 75 с начала переправы начать демонстрацию, выбрав на своем участке более подходящее место для переправы и начавши обстрел города. Демонстрацию производить, как указано т. Соколу, использовав для этой цели в районе ж. д. моста броневой поезд, и затем после переправы ударной группы следить за тем, чтобы противник не ушел из Уфы, употребив все свое внимание, чтобы вовремя ворваться через ж. д. мост в город.

5. Командиру 25 кавдивизиона переправиться следом за комбригом 74 и занять Верх. и Ниж. Изяки.

6. Командирам бригад и полков строго следить за тем, чтобы переправа была произведена в строго установленной очереди и порядке с тем, чтобы ни на минуту не допустить в Красный Яр толкотни и переполнения этой деревни частями.

7. Перевязочному дивизионному отряду выделить из Салахова передовой отряд и послать в Красный Яр.

8. Командирам батальона и рот связи принять все меры и усилия к установлению прочной технической связи между мной, штадивом, бригадами и частями. Для охраны проводов обязать население следить за ними и объявить ему, что оно ответственно за каждую порчу провода.

9. Я буду находиться с 20 час. 7 июня в Красный Яр, к каковому времени мне и направлять туда донесения.

Начдив 25 — Чапаев.
Военполитком — Дм. Фурманов.

Выписка из журнала военных действий Туркестанской армии, 9 июня 1919 г.[1]

...В ночном бою ранен в голову с аэроплана начдив тов. Чапаев...

Из приказа командюжгруппы М. В. Фрунзе по 25 дивизии, 10 июня 1919 г.[2]

9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25 стрелковой дивизии взят г. Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток, параллельно железной дороги.

Командюжгруппы М. В. Фрунзе.

Из отчета о боевых действиях 74 бригады 25 дивизии, с 2 июня по 11 июня 1919 г.[3]

Со 2 июня по 8 июня полки оставались на местах, ожидая подхода 26 дивизии и переправы ее через р. Белую. За это время пароходы были приспособлены к переправе, как пехоты, так и артиллерии. 220 полк несколько раз высылал разведку на ту сторону р. Белой, причем было обнаружено, что противник занимает д.д. Александровка и Турбаслы. Этой же разведкой было выяснено, что у противника имеются окопы в рост человека с проволочными заграждениями. 8 сего

[1] ЦА РККА, ф. 238, оп. 3, д. № 2, л. 23.
[2] ЦА РККА, ф. 157, д. № 1325, л. 319.
[3] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, лл. 66—68.

июня, во исполнение приказа по бригаде за № 21 и приказа по дивизии за № 84 220 полк, войдя в подчинение комбригу 73, в 21 час начал переправу через р. Белую на пароходах. Переправившись через р. Белую, 220 полк сразу пошел в наступление при мощной поддержке 74 артдивизиона и гаубичной батареи, которыми был открыт ураганный огонь по окопам противника у д. Александровка и Н. Турбаслы. Мощным натиском 220 полк взял окопы противника с 3 рядами проволочных заграждений и штыковым ударом опрокинул противника, который бежал оставив 4 пулемета. Дер. Н. Турбаслы была занята 220 полком, который занял позиции на высотах за этой деревней.. В это время в цепях появился тов. Фрунзе. Присутствие тов. Фрунзе в передовой цепи подняло дух уже утомившихся солдат, и они бросились в штыки. Неприятель был сбит, и 220 полк, захватив три пулемета, занял позиции по большой дороге, ведущей из Зав. Благовещенского на Уфу. В 10 час. 30 мин. было получено приказание занять Турбаслы Ст., для чего в помощь был прислан броневик и для охраны левого фланга один батальон 218 полка. Через час Турбаслы Ст. были заняты без боя.

Спустя час противник повел энергичное наступление на Домашкинский полк, действовавший влево от 220 полка, и на левый фланг 220 полка. Домашкинский полк, не выдержав натиска, стал отходить, и положение было восстановлено лишь переходом 220 полка в молодецкую контр-атаку.

Ночь на участке 220 полка и соседних полков прошла спокойно и утром 9 июня позицию батальона 218 полка занял переправившийся через Белую 221 полк. В течение дня противник делал попытки наступать, но был отбиваем ружейным и пулеметным огнем. К вечеру же 9-го противник, сосредоточив на участке 220 полка значительные силы, в несколько раз превосходящие наши пошел в наступление восемью густыми цепями. Командир 220 полка, подпустив противника на близкое расстояние, отдал приказание открыть залповый ружейный огонь и затем во главе полка бросился в контр-атаку и заставил противника бежать. На месте боя белыми оставлено много убитых. Здесь был захвачен 220 полком еще один пулемет. Затем вследствие продвижения 218 полка сильно вправо, 220 полк занял д. Степановка, где и расположился на ночлег. За эту операцию 220 полк шесть раз ходил в штыки и, если бы не доблесть и мужество т.т. этого полка, то 73 бригада могла бы быть сбита и сброшена в р. Белую. Потери полк понес значительные; около 200 человек убитыми и ранеными. Захвачено 8 пулеметов и около ста пленных. Против 220 полка действовало 4 пехотных и 3 кавалерийских полка противника.

222 полк по приказанию комбрига двинулся 8 июня к переправе, что у Дмитриевская и там переправившись занял Зав. Благовещенский. 9 июня 22 полк без боя занял деревни Степановка и Тимашева. 11 июня два батальона полка перешли в дер. Максимова, сменив 220 полк и выставив по р. Уфимке сторожевое охранение. Один батальон оставался в Тимашева.

Комбриг 74 (подпись).

Из телефонограммы начдива 25 начальнику штаба Туркестанской армии, комбригам 1, 2, и 3, 14 июня 1919 г., № 14.[1]

Доношу, что сего числа я выздоровел и вступил в командование вверенной мне 25 стр. дивизией.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 89.

Из приказа начдива 25, г. Ужа, 15 июня 1919 г., 13 ч., № 088. [1]

По полученным сведениям противник перебросил из района Уфы на Стерлитамакский фронт [2] 6 полков с тем, чтобы сбить части 24 дивизии.

Правее нас находится временно в бою 3 бригада 2 стрелковой дивизии и пока из него не выводится, в то время как 3 кавалерийская дивизия, стараясь быстро занять Архангельский, немедленно направится на участок ж. д. Урман — Балашева для самостоятельной работы в тылу противника.

Левее нас 31 дивизия в ночь с 15 на 16 июня начинает подготовку для перехода через р. Уфу (имея ввиду главным образом переправиться у с. Бочякеева) с тем, чтобы утром 16 июня выбить противника с линии: Касимово — Черникова — Ст. Березовка — Архангельское — Мряева — Карашиды и далее через Шеланны, Богдановский и Новотроицкое выйти на линию: Сред. Лемезы — Ниж.-Лемезы — Юрьевский и Казаяк — Кутушева.

В этой операции будут оказывать содействие бронированные пароходы. Для большей успешности 31 дивизии, мы, демонстрируя в нашем участке, окажем ей содействие.

Вверенной мне дивизии приказано, оставаясь в армейском резерве, удерживать участок р. Белая от д. Кабакова включительно до устья р. Уфа и последнюю до дер. Богородское исключительно, для чего приказываю:

1. а) Командиру 3 бригады — с придачей 73, 74, 75 и 25 кавдивизионов, удлинив свой участок немедленным занятием д. Кабакова, произвести в 2 ч. 16 июня на своем участке демонстрацию и, пользуясь содействием броневого парохода, в случае возможности, перебросить в Вознесенское один из полков и занять Погаево и Зинина, стараясь в то же время обстреливать артиллерийским огнем район Акбердина.

б) Комбригу 2 — Произвести в 2 ч. 16 июня одним полком на р. Уфе (напротив Карпово-Монаст. слободка и Петропавловское) демонстрацию и, стараясь переправиться на ту сторону Уфы, захватить Жилина; следя за дальнейшим ходом операций, не упустить случая захватить у противника орудия и пленных.

в) Комбригу 1 оставаясь на местах, быть готовым оказать содействие демонстрирующим частям дивизии и, если потребуется,— для преследования противника.

2. Если состоится переправа, частям вверенной мне дивизии быть беспощадными по отношению к противнику, не давая ему оправиться — уничтожать его.

Начдив 25 Чапаев.

Военполитком Дм. Фурманов.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 69.

[2] За месяц до событий, изложенных в настоящем приказе, командующий Южной группой своим приказом от 15 мая 1919 г., за № 01591 поставил перед I армией задачу: обеспечивая Белебеевскую операцию продолжением энергичного наступления на Стерлитамак, левым своим флангом, действующим в тесной связи с Туркестанской армией, стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток («Красный Архив» № 2 (93), 1939 г., стр. 32).

К северо-востоку от Стерлитамака наступала 20 стр. див. (I армии), которая обеспечивала Уфимскую операцию Туркестанской армии справа (с юга).

Подробно об обстановке на фронте 24 с. д. см. оперативную сводку штаба Южной группы № 02011 от 13 июня 1919 года. («Красный Архив», № 2 (93), стр. 42).

Приказ начдива 25, г. Ужа, 16 июня 1919 г., 14 ч. № 089.[1]

Попытки частей 31 дивизии переправиться через р. Уфу пока не удались и задача, возложенная на дивизию, не выполнена. На участке 24 дивизии неприятель по прежнему проявляет активность. Обе эти дивизии нуждаются в поддержке и им нужно во-время оказать должное содействие.

Вверенной мне дивизии приказано с 16 июня, входя в резерв Южной группы, выполнить двойную задачу:

1) Немедленно начать переброску частей дивизии в район г. Бузулука с расчетом, чтобы перевозка была закончена к 25 июня.

2) Перевозку произвести последовательно с тем, чтобы остающиеся на местах части дивизии могли в любой момент, в случае нужды, оказать помощь 31 и 24 дивизиям. Для чего приказываю:

1. Комбригу 1 (73 по прежней нумерации)[2], сосредоточив полки бригады в районе разъезда Дема ст. Юматова, к вечеру 17 июня приготовиться к посадке их на ст. Юматова.

2. Комбригу 2 (74 по прежн. нумер.) занять участок от устья р. Уфы до д. Богородское (исключительно) и быть готовым к передвижению в районе Дема — Юматова для отправки бригады в район Бузулука.

3. Комбриг 3 (75 по прежней нумерации), выполняя приказ по дивизии за № 088[3], принять все меры для обеспечения участка р. Белой до устья р. Карламань, сменив кавалерийские дивизионы.

4. Командиру 25 кавдивизиона, подчинив себе также 73, 74 и 75 кавдивизионы, по смене их выступить в район д.д. Гординовка и Петровская, откуда отправиться 18 июня походным порядком в район Бузулука. Маршрут будет указан дополнительно.

5. 220 полк остается во временном подчинении комбрига 3.

6. Штабу дивизии и всем управлениям ее (комендантскому и др.) произвести посадку вслед за частями 74 бригады (за частями 2 бригады), отделу снабжения дивизии, артиллер. снабжению и др.— вслед за частями 75 бригады (за частями 3 бригады).

7. О конечных пунктах остановки будет указано дополнительно.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ Реввоенсовета республики по личному составу армии, Москва, 14 июля 1919 г., № 137.[4]

Награждается орденом «Красного знамени» начальник 25 стрелковой дивизии тов. Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав, по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район, сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехо-словаков. 6 и 7 октября 1918 г., руководя отрядом (Николаевской дивизией) на подступах к Самаре, занятой чехо-словаками, одним из первых переправился через р. Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 70.
[2] После переформирования 25 дивизии бывшие 73, 74 и 75 бригады, входившие в состав дивизии, получили новую нумерацию: 1, 2 и 3.
[3] См. предыдущий документ.
[4] ЦА РККА, д. № 15, лл. 18—19.

был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстого, что дало возможность нам овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25 стрелковой дивизии, в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугурусланом, настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяца овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой, 8 [9] июня с. г. (при форсировании р. Белой) лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфы.

За председателя Реввоенсовета республики Э. Склянский.

6. На Уральск для освобождения 22 дивизии

Бои за Лбищенск и Сахарную

Из приказа командюжгруппы М. В. Фрунзе, по войскам группы, 14 июня 1919 г., № 137[1]

На фронте IV армии противник собравший снова разрозненные остатки своих полков перешел к активным действиям, угрожая г. Уральску, и уже выйдя на линию ж. д. в районе Шипово. Значительный отряд противника занимает район Б. Глушица (Погановка), причем его разъезды обнаружены на линии Ефремовка — Утевка (Селезня). Необходимо на фронте IV армии перейти в решительное наступление, нанести противнику сокрушительный удар, от которого он не мог бы более оправиться, и навсегда искоренить зародыши и очаги восстания и мятежей в Уральской области. Задача эта возлагается мною на I и IV армии со славной 25 стр. дивизией, грозное оружие которой хорошо известно мятежникам.

Приказываю 1) — 1 и 3 бригадам 25 дивизии немедленно готовиться к переброске на Бузулук и 19 сего июня начать посадку на ж. д. станция Юматова Дема; 2) 2 бригаду по выполнении возложенной боевой задачи направить к ж. д. дороге, с расчетом не позже 21 июня начать ее посадку; 3) переброску всей дивизии в район сосредоточения закончить не позже 25 июня; 4) станции высадки назначаю: для 1 бригады ст. Богатое, для 2 — Неприк и для 3 бригады Бузулук; 5) по выгрузке немедленно следовать в район: 1 бригаде — Петровка — Алексеевское (Землянка) — Несминовка — Славянка, 2 бригаде — Ромашкино — Семеновка — Сергеевка (Кобровка), 3 бригаде — Петровка — Курманаево — Кондауровка; 6) Начдиву 3 кавалерийской не позднее как к 27 июня перевести 12 кавполк в район г. Бузулук, а к 1 июля перейти туда же со штабом дивизии, передав отряд Каширина IV армии; 7) по сосредоточении в указанном районе 25 стр. дивизии 10 и 12 кавполков 210 полку составить особую группу под общим начальством начдива 25 т. Чапаева. Тов. Чапаеву быть в непосредственном моем подчинении. Дальнейшее распоряжение дополнительно; 8) Тов. Чапаеву держать связь со мной через Бузулук.

Командюжгруппы М. В. Фрунзе.

[1] ЦА РККА, ф. 157, д. № 1325, л. 333.

Приказ войскам Южной группы армий Восточного фронта, Самара, 23 июня 1919 г., № 02158 [1]

1. Противник, продолжая проявлять слабую активность на участке 20 ст. дивизии восточнее линии Оренбург — Стерлитамак, развивает усиленную деятельность на южном фронте группы; особенно энергичная деятельность казаков в Уральском районе, где противник повторно атакуя главные силы IV армии, прилагает все усилия для овладения Уральском, впредь до подхода туда наших подкреплений.

Часть сил противника, примерно около конной бригады, продолжает находиться на ближайших путях к юго-востоку от Самары, непрерывно передвигаясь с места на место.

2. Соседняя с нами справа X армия получила задачу приостановить наступление противника, стремящегося овладеть нижним течением р. Волга на участке Царицын — Астрахань.

Слева от нас V армия продолжает наступление, имея ближайшей задачей для своей Уфимской группы,— овладение районом Златоуста.

3. Войскам вверенной мне южной группы, с некоторыми дополнительно переданными в мое распоряжение частями, приказываю начать решительное наступление для выполнения возложенных на группу боевых задач:

а) Подавить восстания в пределах Уральской области и Оренбургской губернии.

б) Прочно закрепить за нами эти районы.

в) Восстановить связь с Туркестаном.

4. Ближайшими боевыми задачами ставлю:

а) IV-й армии при содействии особой группы, объединяемой под начальством начдива 25 тов. Чапаева, подчиняемого непосредственно мне, разбить главные силы противника, действующие в районе Уральска и соединиться с осажденным уральским гарнизоном.

При выполнении указанной задачи главные силы армии, сосредоточенные в районе Семиглавый Мар, развивая первоначально энергичные действия вдоль ж. д. до Переметная, в дальнейшем должны вести наступление для овладения районом форп. Чеганский, Кошумский, перехватывая ближайшие пути отхода от Уральска на юг.

Имея в виду дальнейшую задачу по овладению всей Уральской областью, командарму IV принять срочные меры по усилению Александрово-Гайской группы, которой будет дана самостоятельная задача — наступая через Сломихинская, выйти к Калмыковке, дабы перерезать тыл казакам, против которых с севера от Уральска будут действовать главные силы IV армии.

б) Коменданту Самарского укрепленного района, продолжая энергичные работы по формированию частей гарнизона, надежно прикрывать ж. д. мост через реку Волгу и ближайшие подступы к Самаре.

в) Группе тов. Чапаева, в которую кроме 25 стрелковой дивизии включаю особую бригаду под начальством тов. Плясункова в составе: 210 стрелкового имени Ленина полка, Рязанского стрелкового полка, 10 кавалерийского полка, одной легкой батареи и гаубичного дивизиона,— не позднее 27 июня сосредоточиться: бригаде тов. Плясункова — Александровка, Ивановка, Ореховка; 1 бригаде 25 дивизии — Славянка, Михайловка, Петровка, Алексеевское (Землянки) Несмияновка;

2 бригаде 25 дивизии — Сергеевка (Бобровка), Семеновка, Ромашкино;

---

[1] ЦА РККА, ф. 157, д. № 1325, л. 341.

3 бригаде 25 дивизии,— Кондауровка, Курманево, Петровка.

По окончании сосредоточения группе тов. Чапаева по особому приказанию начать решительное наступление в общем направлении на Уральск. При выполнении этой задачи группе, концентрически направляя свои части, в конечном результате выйти на фронт Корд. Деркульский, Уральск Дарьинский, разбить главные силы противника, действуя в полной связи с частями IV и I армий и освободить осажденный Уральский гарнизон.

г) I армии, в полной связи с группой тов. Чапаева начать решительное наступление частями Оренбургской дивизии, имея целью нанесение ударов в двух направлениях,— примерно, из района Шулаевка, Злобина, Елховка на Иртецкое и из района Ново-Киндельский, Жахов на Илецкий городок...

5. Все части вверенной мне Южной группы должны быть в полной готовности к наступлению не позже 27 июня; для начала общего наступления последует особое приказание.

6. Разграничительными линиями назначаются:

а) между X и IV армиями: Золотое — Казанка —Нижне-Эмбенское укр.,— все для X армии вкл.

б) между IV армией и Самарским укрепленным районом — р. Чагра, р. Подовка Марьинка (Марьевка), Пестравка,— все для укрепленного района включительно.

в) Между IV армией и группой тов. Чапаева,— Пестравка — Сестринский — Тяглинский — Умет Переметный — Корд. Деркульский — все кроме двух последних пунктов для IV армии включительно.

г) Между Самарским укрепленным районом и группой тов. Чапаева,— Пестравка — Б. Глушица — Александровка — Дмитриевка — Никольское (Домашкино) — Мочинская — все для укрепленного района включительно.

д) Между группой тов. Чапаева и I армией,— Бузулук — Лобазы — Петровка — Прокаевка — Кретовка — Мирошкин — Дьяково — все кроме Бузулука для I армии исключительно.

е) Между Самарским укрепленным районом и V армией,— Хрящевка — Ташелка — Кобельма — Хорошенькое — Кретовка,— все для V армии исключительно.

ж) Между I и V армиями,— Кротовка,— Феклина — Ефремова — Пр. Табынкс,— все для I армии включительно.

7) Помня чрезвычайную важность предстоящей операции, которая должна во что бы то ни стало сломать вооруженное сопротивление восставшего казачества, окончательно закрепить за нами весьма важный край, через который пролегают пути к столь нужным для нас топливу и Туркестанскому хлопку,— приказываю подготовиться к выполнению поставленных боевых задач самым тщательным образом.

Главное внимание требую обратить на боевую выучку войск, совершенно не умеющих, как-то показали неоднократные бои, действовать против конных частей казаков. Приказываю помнить, что противник, превосходя нас в подвижности, всегда будет иметь возможность действовать нам во фланг, прорывать наш фронт и даже производить частичные окружения и нападать на наши отдельные части с тыла. Однако, этим не надо смущаться, зная, что конница бессильна против даже небольших нерасстроенных частей пехоты, особенно если эта последняя имеет возможность пользоваться хоть какими-либо укрытиями, будь то даже в открытом поле.

Самое главное не дать себя застать врасплох, ибо иначе неизбежно появление паники со всеми ея катастрофическими последствиями.

На походе необходимо все ценное, особенно боевые припасы иметь в середине колонны и выслать охранение во все стороны как то тре-

буется полевым уставом при действии в степях против конного противника.

При появлении противника на походе не приостанавливать движения, а быть готовым к отражению атак с близкого расстояния и стремиться решительными действиями пробивать себе путь, стараясь выполнить поставленную на данный день задачу.

Опыт бывших боев показывает, что противник жидкими конными частями (лавой) окружает наши части, вынуждая их останавливаться и открывать огонь с огромных дистанций, зачастую сверхпредельных и следовательно безрезультатно... В конечном итоге, наши части, выпустив без всякого толку все патроны, становятся легкой добычей сплошь и рядом значительно слабейшего числом противника.

Особенное внимание приказываю обратить на самую серьезную службу охранения и поддержания боевой готовности частей при остановках на ночлеги.

Требую, чтобы каждое селение, занимаемое на ночь приводилось в оборонительное состояние, путем наскоро примененных подручных средств.

Помимо частей, долженствующих весьма бдительно нести непосредственно сторожевую службу с выставлением охранения во все стороны и с установлением связи с соседями, приказываю не забывать назначать в каждом пункте ночлега особые дежурные части, силой не менее одной трети численности всего гарнизона; эти дежурные части должны располагаться сосредоточенно, быть в полной готовности встать в ружье в каждую данную минуту и должны тщательно изучить весь район ночлега дабы по тревоге, хотя бы в полной темноте, без суеты и потери времени занять заранее намеченные боевые места. Остовом для позиций дежурных частей должны служить части сторожевого охранения на каждом данном угрожаемом участке при условии заблаговременного расположения в важнейших местах, засветло нацеленных пулеметов.

В темноте, как общее правило, ни артиллерия, ни кавалерия действовать не должны; весь успех ночных боев должен основываться на заблаговременном извещении дежурной части, спокойном занятии позиций и выдержанном с близких дистанций ружейном и пулеметном огне.

Важность правильного несения службы сторожевого охранения при ночлегах в сфере влияния противника настолько ясна, что, казалось бы, не должна вызывать особых указаний, однако, практика показывает, что некоторые части в этом отношении допускают преступную небрежность. Предупреждаю, что впредь обнаружение каких либо погрешностей в этом деле, особенно когда результатом явится боевая неудача, повлечет за собой самые суровые кары, при чем в провинившихся частях все виновные, начиная с командиров и комиссаров будут расстреляны.

8. Принимая во внимание особую чувствительность тыла, что главным образом касается группы тов. Чапаева и смежной с ним колонны из состава I армии, коим придется совершить длинный поход по степи в сфере влияния предприимчивого противника, приказываю:

а) При первоначальном выступлении из района сосредоточения взять с собою возможно большее количество боевых припасов, дабы временное перехватывание противником сообщения с тылом, всегда возможное при данной обстановке, не играло серьезного значения в смысле возможности чувствовать недостаток в боевых припасах.

б) Распоряжением начальника снабжения Южной группы образовать временный расходный склад огня и других припасов в Бузулуке, а Командарму I надежно прикрыть этот склад.

в) Все попутные селения приводить в оборонительное состояние, оставляя в них и небольшие гарнизоны, пользуясь для этого этапными войсками и создавая таким образом, прочно обеспеченные пути подвоза и сообщения с тылом.

г) Распоряжением начальника военных сообщений Южной группы придать в группу тов. Чапаева и в соседние с ней группу I-ой армии особые военнодорожные отряды, на обязанности коих возложить исправление дорог и переправ; особое внимание обратить на исправление тракта Бузулук — Соболев — Уральск во внимание к тому [1], что по этому пути будет направлен бронеотряд.

д) Всем начальникам широко пользоваться своими штатными инженерными частями, заблаговременно устраняя все препятствия на путях наступления и производя работу по укреплению занимаемых пунктов. Начальнику инженеров Южной группы и коменданту Укрепленного района по прибытии в Борская штаба 25 стрелковой дивизии немедленно передать в распоряжение тов. Чапаева 25 инженерный батальон в полном составе.

е) Распоряжение начальника службы связи штаба Южной группы подготовить особые рабочие колонны, которые должны, следуя с войсками восстанавливать, а где возможно, проводить новые телеграфные линии; особое внимание обратить на надежное исправление и охранение телеграфной линии вдоль тракта Бузулук — Уральск.

9) Все донесения присылать в штаб Южной группы в Самару.

Командюжгруппы М. Фрунзе.

Приказ по ударной группе, ст. Елшанская, 4 июля 1919 г., 14 ч., № 1 [2]

Задача группе не позже 15 числа сего месяца соединиться с Уральским гарнизоном; разбить противника на пути его отступления от Пугачева (Николаевск), имея в виду что с последним действует пешая Семеновская дружина при 12 орудиях, объединившая действующие в том районе казачьи банды. Кроме того, казаки отдельными конными отрядами находятся в районах: Шабалов-Соболево, Грязно-Иртекское, Нижне-Озерная. Все эти банды уничтожить.

Правее нас действуют части I [3] армии.

Левее нас действуют части I армии.

Разграничительная линия между IV армией и бригадой т. Плясункова: Яблонный-Гай — Смоленка — Умет Камеликский — Таловый и Переметная — все пункты для IV армии включительно. Между ударной группой Чапаева и I армией Сергеевка, западная часть Соболева и Дьяково.

Во исполнение поставленной мне Южной группой задачи приказываю:

1. Комбригу особой бригады т. Плясункову, охраняя правый фланг группы резервом, не имея ни одного полка уступом, выступить в 4 часа 5 июля не позже 8 июля занять Тяглинский, Землянский, Мордовские.

2. Комбригу I выступить 5 июля в 5 час. и занять не позже 8 июля пункты: х. Россошинский и Умет Грязный. Держать тесную связь кавдивам с бригадой т. Плясункова.

3. Комбригу 3 (без 75 кавдивизиона) выступить из занимаемых пунктов 5 числа в 7 час. и занять не позднее 8 июля Пономарев,

[1] Так в подлиннике.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 109.
[3] Так в документе, на самом деле правее 25 стр. дивизии действовали части IV армии.

западную часть Соболев; восточная же часть должна быть занята частями I армии.

4. 74 кавдивизиону держать тесную связь между 1 и 3 бригадой и в тыл со 2 бригадой, составляющей групповой резерв.

5. 2 бригада, оставаясь в групповом резерве и следуя за стыком 1 и 3 бригады, держась не далее в 10—15 верстах от них с расчетом, чтобы во всякое время быть в состоянии оказать содействие там, где это потребуется. К моменту занятия Соболев и Пономарев 2 бригаде, оставив в Покровке полк при штабе дивизии, с двумя полками выйти на линию между Пономарев и Умет Грязный и приготовиться к смене 3 бригады.

6. Командиру 25 кавдивизиона, с приданным 75 кавдивизионом, охраняя группу от удара во фланг и находясь для этого на левом фланге, держать тесную связь с частями I армии, по занятии 2 бригадой Соболев выслать сильные разъезды к истоку р. М. Быковка и сильными заставами охранять фланг группы.

7. Разграничительные линии между 1 бригадой и т. Плясунковым: Пестравский-Выселок (Тамбовка) — Августовка (Лемеховка) — М. Черниговка — Б. Черниговка — х. Зайкин, все для 1 бригады включительно; между 1 и 3 бригадами: Мурашкина — Карнаухово и Чеганский — все для 1 бригады включительно.

8. Командирам частей, имея в виду свойственный казакам способ ведения войны (партизанский), уметь этому способу противопоставить способ равносильный ему, пользуясь опытом наших прошлых удачных операций на Уральском фронте и горький опыт недавно разбитых здесь частей одной из бригад, не умевших противостоять партизанам. Всегда быть готовым справа и слева, с тыла и фронта принять неожиданный удар противника, обеспечивая себя надежными резервами. Напоминаю § 7 приказа за № 02158 комюжгруппы и предупреждаю, что при обнаруживании каких-либо погрешностей в этом деле, особенно когда результатом явится неудача, провинность повлечет за собой суровые кары начиная с расстрела командиров и комиссаров.

10. Не забывать связи — первое дело, отсутствие ее не допускаю и к виновным буду беспощаден.

11. Комбату связи поручить охрану проводов местному населению под гарантию, что в случае порчи связи ответственность вплоть до расстрела ложится на население.

12. С жителями, уличенными в явной контрреволюции и содействии неприятелю, бороться самым решительным образом, расстреливая на месте преступления.

13. Наштабригам разработать схемы операции согласно боевых приказов по бригадам и вместе с последними по одному экземпляру представить мне.

14. Оперативный отдел штагруппы 5 июля в 7 ч. выступает в Покровка, а административный в 3 ч. 6 июля следует туда же. Комбату связи немедленно выслать для восстановления телеграфных станций в Покровку отделение с таким расчетом, чтобы с прибытием оперативного отдела связь была бы уже восстановлена.

15. Дивизионный перевязочный пункт — село Покровка. База артиллерийского питания село Елшанская, канцелярии отдела снабжения, оставив склады в Богатое, перейти в Покровку.

16. Командирам бригад присылать донесения три раза в сутки к 4, 10 и 16 часам, указывая в последнем из них полное расположение частей; донесения о ходе боя присылать через каждые два часа.

Начгруппы Чапаев.

Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, с. Ново-Озерный, 10 июля 1919 г., 14 ч., № 03 [1]

Задача дивизии все та же — уничтожить казачьи банды и скорее соединиться с гарнизоном Уральска. Разграничительные линии между соседними частями дивизии прежние. Приказываю:

1. Разграничительные линии между бригадами сохранять согласно моего приказа № 02 [2].

2. Комбригу особой бригады Плясункову [3] охранять правый фланг группы, продвигаясь вперед, и не позже 12 июля перейти железную дорогу в районе х. Широкий и расположить части в районе Зелененький — Халилов, где и ждать моих дальнейших распоряжений.

3. Комбригу 1 стремительным натиском не позже 11 июля очистить весь правый берег р. Чеган до Мартиново от банд противника, стараясь последнего не выпустить из изгибов реки, где его и перетопить.

4. Комбригу 2 не позже 11 июля, не заходя в х. Сладков и не касаясь далее дороги от Сладков на Уральск, занять Гниловский, Дьяков. По занятии названных пунктов, очищая правый берег реки Урала от противника, быстро подходить по дороге, ведущей из Илецкого Городка на Уральск,— к Уральску.

5. Комбригу 3, не медля ни одной минуты, не позже 10 ч. 11 июля занять Рубежный, а затем в тот же день взять Требухин. Командиру отдельного кавдива 25, двигаясь впереди стыка 2 и 3 бригад, оказывая последним содействие, при подходе к Дьяков стремительным налетом броситься вдоль реки Урала, не давая противнику перевозить обозы на левый берег, уничтожая его в волнах Урала.

6. Штадиву оставаться в Ново-Озерный, куда и переехать базе артиллерийского снабжения.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, г. Уральск, 13 июля 1919 г., 17 ч., № 04 [4]

Задача дивизии уничтожить остатки казачьей банды в районе к югу от г. Уральска и тем обеспечить г. Уральск от набегов противника.

Правее нас будет действовать 22 дивизия, которая должна пробиться вдоль железной дороги к западу для соединения с Деркульской группой [5]. Левее нас действуют части Оренбургской дивизии. Дабы с наименьшими потерями сбивать противника с укрепленных пунктов по тракту Уральск-Лбищенск угрозой ему с фланга и во исполнение поставленной задачи, приказываю:

1. а) Комбригу 1 выступить из занимаемых пунктов в 14 ч. 14 июля и, двигаясь через Чернухин, Железнов Ш-й, занять не позже 16 июля форп. Чеганский, имея целью неожиданным ударом с фланга и тыла отрезать путь отступления противнику по тракту к югу.

б) Комбригу 2 оставив 221 полк для охраны г. Уральска, с остальными полками, т. е. 220 и 222, выступить из занимаемых пунктов

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 27, л. 15.
[2] Приказа в архиве не найдено.
[3] Тов. Плясунков погиб в марте 1921 г. в борьбе с бандами (бандой Попова — Вакулича) у станции Екатериновка (близ Аткарска), похоронен в Пугачеве в саду его имени.
[4] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 82.
[5] Деркульская группа войск (в других документах Шипово-Деркульская группа) с весны 1919 г. действовала на Уральском направлении в районе Шипово — ст. Деркуль. 17 июля 1919 г. после освобождения Уральска части Шипово-Деркульской группы в районе ст. Деркуль соединились с частями освобожденного от блокады Уральского гарнизона (22 див.).

в 4 ч. 14 июля и, выйдя на линию Халилов — Оз. Анисьины и правый берег р. Урала (все включительно), где задержаться, поджидая захода комбрига 1 и двигаясь уступом слева, чтобы одновременно с 1 бригадой ударить (1 с фланга и тыла, и 2 с фронта), дабы окружить и уничтожить противника в с. Круглоозерный-Серебрик и Форп. Чеганский, который занять не позже 16 июля. Разведку высылать влево для охраны фланга и связи с соседями.

в) Командиру 3 бригады, оставаясь на занимаемых пунктах, высылать усиленные разведки на левый берег реки Урала, держа связь с частями 74 бригады.

г) Командиру 25 кавдивизиона, оставаясь в занимаемых пунктах и держа прочную связь с штадивом, быть готовым в любую минуту оказать поддержку, куда таковая потребуется.

д) Комбригу Особой Плясункову.

Занять район Х. Гремячий и Бакаушин, где быть в резерве группы и, в случае потребности, своевременно оказать поддержку частям 25 и 22 дивизии.

С занятием вверенной мне группой Форп. Чеганский, особой бригаде перейти в распоряжение Оренбургской дивизии.

2. Всем комбригам держать между собой и с штадивом самую крепкую связь, оказывая друг другу поддержку, донося мне об этом. Я буду находиться в Уральске, куда присылать всякого рода донесения, организовав техническую связь и летучую почту.

3. По полученному радио противник повел усиленное наступление на Шипово-Деркульскую группу, которая отступила до ст. Шипово, по продвижении 22 дивизии на ст. Деркуль, особой бригаде Плясункова занять ст. Переметная и во всякий момент оказывать содействие 22 дивизии.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из оперативной сводки штаба Южгруппы, 13 июля 1919 г., 17 ч.[1]

25 дивизии отдан приказ перейти в наступление общим направлением Деркуль — Переметная, имея задачей уничтожить противника, группирующегося в районе названных станций, и соединиться с Шиповской группой.

Приказ начдива 25, г. Уральск, 14 июля 1919 г., 15 ч.[2]

До издания нового приказа и во изменение приказа по дивизии № 04[3] приказываю комбригу 1 с придачей 210 полка имени Ленина и 25 кавдивизиона занять не позже 15 июля 12 ч. Раз. Ростовский, Зелененький и Бакаушин. Комбригу 2 занять не позже 15 июля в 12 ч. х. Халилов и Ревунский. 211 полк оставить в г. Уральске до смены его частями 3 бригады. Комбригу 3 оставаться на месте и ждать прихода бригады, после чего занять участок Уральск — Требухин (все включительно), держа связь с частями I армии, охраняя г. Уральск с восточной стороны от налета казаков. Командиру Особой бригады, оставив 210 полк с остальными частями и учреждениями, немедленно направиться в район Требухин — Рубежный, где и остановиться, ожидая подхода 210 полка, и перейти в распоряжение штарма I на время операции для занятия ст. Переметная. 210 полк имени Ленина и 25 кавдивизион передается в распоряже-

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 9.
[2] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, лл. 11—15.
[3] См. стр. 103.

ние комбрига 1, которому вменяется в обязанность оказать содействие 22 дивизии для занятия ст. Переметная. После занятия ст. Переметная комбригу 1 210 полк немедленно отправить в Требухин. Всем комбригам держать тесную связь между собой и оказывать друг другу поддержку.

Начснабу дивизии, а также и в бригадах принять все меры для снабжения частей хлебом и подтянуть транспорты. Без моего ведома командирам частей ни в какие соседние части не давать ни снарядов ни патронов. Об исполнении настоящего приказания донести мне, после чего будет издан новый приказ по дивизии.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Телеграмма штабюжгруппы начдиву 25, 14 июля 1919 г.[1]

Наступление правого фланга I армии терпит неудачи. Части, выдвинувшиеся вперед, теряют взаимную связь и, встречаемые контрнаступлением противника, неся потери, возвращаются в исходное положение. Протяжение фронта и отсутствие резервов препятствуют нанесению противнику на фронте Иртецкое — Нижне-Озерная решительного удара. Необходимо ускорить переброску Особой бригады Плясункова на участок I армии в районе Генварцевское — Embулатовский, куда бригада должна прибыть не позднее 17 сего июля. Embулатовский 13 июля занят 440 полком (бывш. 2 Интернациональным). 14 июля утром противник атаковывал 439 Симбирский полк в районе Ростокагчуб — Хостберезова, охватив фланги и после упорного боя (убит комполка) с большими потерями отходит на Царево-Никольское. Такое положение создает известную угрозу тылу Уральска и требует скорейшей ликвидации противника в указанном районе. Вместо бригады Плясункова в состав 25 дивизии будет возвращен 224 полк. Для окончательного восстановления положения на участке ст. Переметная — Деркуль командюжгруппы приказал вам, занимая частями дивизии участок Требухин — Уральск, остальными силами перейти в решительное наступление в направлении Переметная — Деркуль, восстановить связь Уральск — Деркуль и отрезать пути отхода противнику, группирующемуся перед бригадой т. Плясункова (чем будет ускорена переброска этой бригады на участок I армии). Вместе с тем одновременным наступлением в направлении Форп. Чеганский перехватить переходящего от Переметной противника, имея конечной целью занять район Переметная, Форп. Чеганский и удержать Требухин.

Телеграмма наштадива 25, наштарму IV, г. Уральск, 17 июля 1919 г. 8 ч[2]

Части 1 бригады находятся в движении: 210 полк через хутор Бокаушин, Новенький, для занятия Гниловский, где переходит в полное подчинение комбрига особой Плясункова. 219 и 1 кавалерийский дивизион в движении для занятия хутора Солодовникова, 219 полк в движении для занятия Чернухин, откуда будет оказывать поддержку частям 2 бригады при занятии ею Железнов III-й. 217 полк — ст. Переметная. Части 2 бригады: 220 полк в движении на Железнов 3. 222 п. в движении через Железнов III и Серебрик на Балаганный; 221 полк держит тесную связь с 2 кавал. дивиз. и следует к большой дороге Уральск-Лбищенск. Части 3 бригады, 223 полк и

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 11.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, л. 304.

3 кавдивизион занимают Требухин-Рубежный; на участке спокойно. На хутор Генварцевское была выслана разведка, которая выяснила, что противник активных действий для занятия этого хутора не предпринимает. 225 полк в Яицке (Уральске) для несения гарнизонной службы.

Телеграмма наштадива 25 наштарму IV, 17 июля 1919 г.[1]

Частями 2 бригады взяты с боем Круглоозерный и Серебрик. Нами отбиты захваченные казаками в плен наши красноармейцы, которые оказались с перебитыми ногами. Противник по левому берегу р. Урала на Бухарской стороне быстро отходит в направлении на Лбищенск. Форп. Чеганский, по сведениям перебежчиков, сильно укреплен.

Оперативная сводка по 25 дивизии, 20 июля 1919 г.[2]

Ночь на участке 1 бригады 25 дивизии прошла спокойно. Части бригады занимают следующие пункты: 217 полк в 2 верстах западнее с. Журавлева, имеет связь с 191 полком[3], который занимает х. Турсенин; левее 219 полк на линии хут. Пивунова; 218 полк хут. Ермолаев совместно с 25 кавдивизионом имеет связь с 74 бригадой. Части лежат, окопавшись в поле. Противник часто пытается переходить в контр-наступление, но отбивается [нами] огнем и атаками. От остальных бригад сведений не поступало.

Со стороны противника на участке хут. Пивунов-Журавлев действуют 2 броневика. На участке 1 армии (восточнее Оренбурга) ввиду замеченной перегруппировки противника в районе Каменно-Озерная с целью не допустить возможности набегов его на наше расположение в районе Нежинский высланы 2 броневика. В ночь на 19 июля противник крупными силами повел наступление со стороны завода Кана-Никольский и Бикбулатов на дер. Сующева, стараясь перерезать дорогу на дер. Тюмбаево, и после 2-часового боя был отброшен. Одновременно мелкие части противника вели наступление на дер. Альмечево, но также безрезультатно. На участке 35 бригады разведка 178 полка окружила заставу противника в д. Атиково и взяла в плен 11 человек. Двумя ротами и тремя эскадронами 17 восткавполка без боя занят хут. Сенткулов, где противник отошел в юго-восточном направлении.

Дополнительно полученные: с 18 на 19 июля со времени налета казаков на 225 полк были ранены 3 номерных пулеметчика и под натиском противника пулемет был оставлен и захвачен казаками. Удалось только снять замок и приемник. На участке 3 бригады спокойно и расположение частей прежнее.

Телеграмма штадива 25 в штарм IV, 20 июля 1919 г.[4]

Части 1 бригады отступают на Железнов III за неимением патрон и снарядов. Срочно вышлите ружейных патрон и снарядов, хотя бы из соседних частей из района Шипово. Положение весьма критическое.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 155.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 158.
[3] 191 стр. полк 22-й стр. дивизии (бывший Балашовский полк Николаевской стр. дивизии).
[4] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, л. 17.

Телеграмма Чапаева командарму IV, 22 июля 1919 г.[1]

В неоднократных ошибках 22 дивизии[2] — невыполнение правильно назначенных боевых приказов — я усматриваю или неумение командования, или злоупотребление. В дальнейшем считаю с такими соседями воевать невозможно и травить свои войска я не намерен. Приказание командарма IV № 146 начдивом 22 не только не выполнено, но и в корне нарушено, ввиду чего пострадала целая рота 219 полка и Гаубичного; из строя вышли четыре орудия только благодаря неправильных действий соседей. В дальнейшем считаю с такими соседями воевать невозможным. Прошу для ликвидации Уральского фронта и скорейшей развязки с ним части 22 дивизии подчинить мне под одним руководством и строгим наблюдением. Такие ошибки допущены не будут и во избежание подобных ошибок в будущем я настойчиво прошу дивизию в оперативном отношении подчинить мне.

Начдив 25 Чапаев.
Вонполитком Дм. Фурманов.

Из телеграммы наштадива 25 в штарм IV, 23 июля 1919 г.[3]

В связи с наступлением правого фланга I армии в общем направлении на Илецкий Городок командиру 3 бригады 25 дивизии отдано следующее приказание: установить самую тесную связь с 210 полком имени Ленина и, по мере продвижения 210 полка, 3 бригаде продвигаться вперед, согласуя свои действия с 210 полком.

О продвижении 210 полка и 3 бригады доносить через каждые 6 часов. Приказание отдано 22 июля 18 ч. 30 м.

Разговор по прямому проводу В. И. Чапаева с В. В. Куйбышевым, 23 июля 1919 г.[4]

Чапаев — Тов. Чапаев у аппарата. Здравствуйте тов. Куйбышев. Я вам сейчас передам доклад и политический и оперативный.

Куйбышев — Здравствуйте тов. Чапаев.

Чапаев — 17 июля частями 25 дивизии заняты: 223 полком — Требухин, 225 полком — Рубежный. Запасной ротой 75 бригады — Трекинский. 2 батальонами 220 полка — город Уральск. 1 батальоном 220 полка — Шапов. 221 полком — Форп. Чеганский. 174 кав. дивизион несет охрану берега р. Урала от Круглоозерный до Шапов. 222 полком — кол. Ермальцева. 218 полк на линии восточнее Пивунов. 217 — на линии между Пивунов и Усиха. 25 кавдивизион между 217 и 218 полками, 219 полк левым флангом в Усиха, правым — в Турсенин, который на карте помечен неправильно. Турсенин находится в 2 верстах западнее и занимался 191 полком 22 дивизии. По приказу начдива 22 полк был отведен в 3 ч. 21 июля на хутор Астраханский, чем был открыт правый фланг 219 полка 73 бригады и хутор Турсенин занял противник, откуда ударил во фланг 219 полку и в тыл, где взял 100 человек в плен и 50 изрублено. Убежал только один ротный командир.

Во время этого неожиданного боя из строя выбыло 4 орудия. В разговоре моем по прямому проводу с командюжгруппой было указано,

---

[1] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, л. 32.
[2] 22-я дивизия действовала правее 25 стр. дивизии вдоль железной дороги на запад для соединения с Деркульской группой.
[3] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, л. 50.
[4] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, лл. 21—22.

что во вверенную мне дивизию послано 150 тыс. патронов на станцию Шипово, которых на станции Шипово не оказалось и задержаны были на ст. Озинки или Семиглавый Мар и которые прибыли в Шипово 22 июля в 14 ч. Противник был поставлен в известность, что патронов у меня нет, что выяснено из опроса перебежчиков с казачьей стороны. Ведь 22 дивизии приказано было 20 июля выступить и занять Турсенин, Соленую Лощину и колонию Шишонкова, но начдивом 22 не только приказ был не выполнен, но вскоре нарушен отводом полка 191 на хут. Астраханский, который в ночь с 22 на 23 пришел обратно на хут. Турсенин, отчего потерпел неудачу 219 полк. Приказ по IV армии за № 1163 считаю изданным неправильно и неумело, как не знающего расположения войска вверенной им армии. Приказано: 22 июля перейти в решительное наступление на кол. Ермальцево, Сараповец, которые частями вверенной мне дивизии заняты были еще 16 июля. Далее указывается — оставить значительный гарнизон в районе Форп. Чеганский и двумя бригадами перейти в решительное наступление свыше указанных пунктов на помощь 1 бригаде 25 дивизии, в чем я усматриваю, что командарм IV не знает, что у меня одна бригада находится в районе Рубежной и Требухин и один полк ее находится в распоряжении штарма I и один полк несет гарнизонную службу в г. Уральске. Мне желательно было бы спросить, где он нашел у меня 2 бригады, которые должны требовать отхода противника, действующего против бригады 25 дивизии. Сейчас идет допрос одного перебежчика, который указывает, какие силы боролись против бригады, из которых часть направлена на Сломихинскую, а часть в Илецкий Городок. Подробности сообщу через час.

К у й б ы ш е в.— Тов. Чапаев, ваш доклад очень ценен. Я разберусь в нем и сделаем соответствующие выводы. Через час пришлите запиской сведения от опроса. Сегодня вечером или завтра утром вызову к аппарату. Передайте привет всем вашим бойцам: Куйбышев.

Телеграмма начдива 25 командарму IV, 23 июля 1919 г., 20 ч.[1]

В последних боях против 2 бригады вверенной мне дивизии, принимали со стороны противника следующие броневики: 1) «Крокодил» с трехдюймовым орудием и пулеметом, образец танка, тяжелый на ход. 2) «Лазар» с орудием системы Смит-Виссон и пулеметы. 3) с одним пулеметом, очень быстроходный, и 4) коммунар с одним пулеметом. Броневики несколько раз прорывали нашу цепь и заходили в тыл. Громадные потери, понесенные бригадой, объясняются исключительно только анархическим поступком I армии, захватившей 17 броневотряд, принадлежащий 25 дивизии. Я теперь не надеюсь и не могу верить, что 3 бригада вверенной мне дивизии не попадет в лапы I армии на целый год, как 224 полк[2].

Начдив 25 Ч а п а е в.

---

[1] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, л. 26.

[2] 17 броневотряд 25 стр. дивизии длительное время находился в распоряжении I армии, 224 полк был оставлен в Илецком Городке еще по приказу Южной группы от 10 апреля 1919 г. за № 021. (В состав особой Оренбургской группы под начальством командующего Туркестанской армией, предназначенной для прикрытия района Оренбурга). Таким образом 224 полк был в длительном прикомандировании к I армии.

В. И. Чапаев, весьма дороживший всеми техническими средствами борьбы, приданными его дивизии и входившими в ее состав, и в особенности, броневиками, неоднократно протестовал как против лишения его дивизии технических средств, так и против изъятия из его подчинения частей, органически входивших в состав дивизии. Такое изъятие его штатных частей и средств он называл «распыленностью» дивизии. Ср. записку начдива 25 Чапаева в штарм IV от 29 июля 1919 г.

Из приказа начдива 25, 25 июля 1919 г., 2 ч. 20 м., № 66. [1]

1. Правее нас части 22 дивизии занимают линию Турсенин — Круглов — Земчинов — Широков — Ракчинце — Иваново. Дальнейшее наступление с 2 ч. 24 июля — должны занять х.х. Татаркин, Карлов и кол. Шишонкова [2]. Левее нас ударная группа Плясункова наступает в общем направлении на Илецкий Городок.

2. Комбригу 1, без кавдивизиона одним полком занять к. Простова, согласуя свои действия с частями 22 дивизии, левофланговые части которой должны занять кол. Шишонкова. С занятием указанного пункта укрепить его окопами с траверсами. Остальные два полка, наиболее пострадавшие в последних боях, отвести и расположить резервом в районе кол. Ермольцева и Форп. Чеганский, где дать частям оправиться и потребовать от кого следует пополнение. В любую минуту чтобы резерв мог оказать поддержку, кому таковая потребуется, принимая меры охранения со стороны левого берега р. Урал [3].

3. Комбригу 2 с занятием справа кол. Шишонкова и к. Простова одновременно двумя полками занять Кошумский и далее по линии вправо до установления прочной связи с 1 бригадой. По занятии указанного участка укрепить окопами с траверсами и ни шагу назад. Один полк расположить резервом в районе Чеганский, где потребовать от кого следует пополнения и проч.

4. Командиру 2 кавдивизиона расположиться в Круглоозерный и нести сторожевую службу по охране правого берега р. Урала на участке г. Уральск — Щапов...

6. Командиру 25 кавдивизиона продолжать движение через г. Уральск, занять район Гниловский — Дарьинский — Дьяков, откуда нести охрану правого берега реки Урала, ловить скрывающихся казаков в лесах с разным скотом, держа в то же время прочную связь по тракту с частями 3 бригады.

7. Командиру инженерного батальона дивизии, оставив в Уральске своего заместителя, с опытными инструкторами отправиться на участок 2 бригады, где по линии К. Простова — Кошумский совместно с командирами частей выбрать удобную позицию для обороны. Подчинив себе 1 и 2 саперные роты и не теряя ни минуты, приступить к рытью окопов с траверсами, привлекая к работе строевые части. О ходе работ доносить мне ежедневно к 20 часам. О получении и исполнении настоящего приказания донести мне в г. Уральск.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из телеграммы начдива 25, члену Реввоенсовета Южной группы Куйбышеву, 27 июля 1919 г. [4]

Командарм IV по поводу разговора с вами по прямому проводу, факты, указанные мной, по существу считает неточными и предоставляет вам на этот счет по трем пунктам объяснения. К пункту первому его объяснения необходимо прочитать параграф 4 боевого приказа от 20 июля, по которому 191 полк в 3 ч. двадцать первого должен был выступить в Земчинов и Круглов, и сообщение комбрига 122 дивизии от 20 июля за нумером 247/а на имя комбрига 73, в котором сообщается, что в 3 ч. 21 июля полк выступит из Турсенин, в 17 ч. 10 м.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 27, лл. 51—52.
[2] Во всех документах «Кол» — сокр. колодец.
[3] Так в подлиннике.
[4] ЦА РККА, ф. 254, оп. 4, д. № 248, л. 38.

21 июля было получено донесение о занятии противником х. Турсенин, оставленного на рассвете того же дня 191 полком.

В разговоре по телефону моего наштадива с начдивом 22, последний не отрицал оплошности оставления х. Турсенин и взвалил всю вину за этот поступок на комбрига. Наконец, следует посмотреть на этот счет все донесения и приказ по бригаде, чтобы убедиться в точности и правильности моего доклада. Его объяснения по поводу приказа за нумером 01163 считаю философией: приказы понимаются так, как они пишутся, и их писать нужно, чтобы не было различных толкований — просто и определенно, без ненужных фраз, понятным и не для генштабов языком, так, как писали их в Южгруппе и других армиях, без подписи «Генштаба», каковые приказы мною в точности выполнялись и впредь будут выполняться.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказание начдива 25 комбригу 1 и 2 29 июля 1919 г.[1]

Приказываю немедленно сделать срочное распоряжение всем начальникам частей в бригадах, чтобы не задерживали подводы, которые направляются к ним с доставкой всего необходимого, а в особенности патронов и снарядов. За короткое время послано в бригаду около пятисот подвод и ни одной до сего времени не вернулось обратно к коменданту штаба. Если так будет продолжаться дальше, то снаряды и патроны подвозить будет не на чем, все излишние подводы приказываю немедленно направить под конвоем к коменданту штаба дивизии. Об исполнении донести.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Записка начдива 25 в штарм IV, 29 июля 1919 г., 12 ч. 40 м.[2]

От г. Уральска до Кинделинское 120 верст. Такой участок для одной бригады охранять не в силах. Распыленная по одной роте не в силах охранять данный ей большой участок. Части могут быть легко разбиты противником, а поддержка ниоткуда не поспеет. На р. Урал есть много бродов, через которые казаки переправляются. Сравнивая боевую обстановку с участками других бригад, и наша 3 бригада двухполкового состава занимает громадный участок в сравнении с другими бригадами I армии трехполкового состава, участки которых не более 10—15 верст. Как Вам известно, несчастный 224 полк попал в чертовы лапы[3], которому, должно быть, не будет возврата. Я нахожусь в совершенном неведении, что за задача 25 дивизии. Боевой задачи нет никакой. Отдыху тоже нет и распылили всю дивизию мелкими частями, за которыми не в силах командному составу следить за порядком в частях и отдавать срочные распоряжения. Таким образом дивизия доводится до разложения. В некоторых полках идет волнение. И еще раз указываю: согласно устава в корне преследуется распыление частей и считаю строго недопустимым в дальнейшем находиться в таком положении. 220 полк, который бросался из стороны в сторону, разут и раздет, а также переходя из армии в армию, не получая белья и табаку, отказался выступить. В 223 полку уже третьему командиру полка угрожает смерть за недовольство на почве неудовлетворения красноармейских нужд и в проведении дис-

[1] ЦА РККА, д. № 81, лл. 243—244.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 27, л. 65.
[3] См. примеч. к телеграмме начдива 25 от 23 июля 1919 г.

циплины. Требую дать известную задачу 25 дивизии и не держать части в других армиях. Прошу указать, когда будет отдан 224 полк и когда будет для дивизии соответствующий участок. Задачу 3 бригада выполнила в точности, и думаю эту бригаду присоединить к своим остальным бригадам. Каждое промедление и задержка на месте ведут к разложению частей. Все войска 25 дивизии на протяжении 250 верст лежат в цепи под палящим солнцем в пыли и более 2 месяцев не мытые в бане, которых паразиты съели. Если не будет дано никакого распоряжения, я слагаю с себя обязанность начдива, мотивируя нераспорядительностью высшего командного состава, как передачи некоторых частей дивизии в другие армии, так и 16 бронеотряда, который до сего времени находится в I армии. 17 бронеотряд, вероятно, уже приведен в негодность, а потом пришлется мне как для мебели. Еще раз прошу — что за назначение 2 бригады 47 дивизии, идущей в город Уральск? Я думаю, если I армия слаба, то лучше было бы направить эту 2 бригаду 47 дивизии в I армию, а не держать мои части в I армии, в которых полная зараза к отступлению. Для передвижения больных и раненых красноармейцев на тракте Уральск — Оренбург необходимо иметь этапные пункты. На эту мою записку жду ответа и срочных распоряжений.

Начдив 25 Чапаев.

Приказание начдива 25, г. Уральск, 30 июля 1919 г., № 083 [1]

1. Ввиду предстоящего большого перехода приказываю: все кавдивизионы и полковые эскадроны отвести в более удобные места для поправки лошадей — вблизи воды и хорошего корма.

Все седла, подпруги и сбруи в кратчайший срок отремонтировать.

2. Командиру 1 кавполка, оставив малое количество лошадей при полку, полк спешить, а лошадей отвести на поправку в более удобные места.

3. Начальникам хозяйственных частей запастись достаточным количеством сыромятной кожи.

4. Командирам обозов и транспортов напрячь все усилия к ремонтированию всего транспорта.

5. Начснабам бригадным и дивизионному запастись в кратчайший срок достаточным количеством зерна и скота сроком не менее как на 5 месяцев.

6. Ветеринарным врачам все силы употребить к скорейшему излечению лошадей.

7. Командирам бригад и отдельных частей периодически проверять в своих частях успешность исполнения настоящего приказания, и в дальнейшем жалоб принимать не буду.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Записка начдива 25 командарму IV, 3 августа 1919 г. [2]

Противник силы свои сосредотачивает на Бухарской стороне Лука Вязовая, Лука Нижняя, Лука Самодурова и Ст. Либуецкая. С продвижением на Лбищенск противник может ударить на Круглоозерный, где тыл наш остается неприкрытым, чем может испортить весь наш маневр на Лбищенск. Чтобы обеспечить тыл наступающим частям 25 дивизии на Лбищенск, необходимо одну бригаду пустить по Бухар-

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 131.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 28, л. 1.

ской стороне по левому берегу р. Урала, ввиду чего без бригады двигаться вперед не могу, а буду издавать одновременно боевой приказ 3 бригаде переправиться в районе Трекинский через р. Урал для движения вперед совместно с 1 и 2 бригадой, а поэтому срочно дать распоряжение о снятии 3 бригады с участка Генварцевское, Требухин и Рубежный. Могу ли подчинить себе 2 бригаду 47 дивизии в свое распоряжение для задачи занять Рубежный — Требухин и держать связь с I армией для несения гарнизонной службы в гор. Уральске? По получении ответа на эту записку будет издан боевой приказ по 25 дивизии.

Начдив Чапаев.

Приказ начдива 25, г. Уральск, 3 августа 1919 г., 23 ч. 30 м., № 07.[1]

По агентурным сведениям и со слов перебежчиков в лагере противника настроение паническое. Все ценности стараются увезти и в нашу сторону выслано большое количество шпионов для выслеживания наших сил, дабы нанести нам сильнее удар.

Чтобы не дать противнику ориентироваться и привести свои войска в порядок, по приказу IV армии за № 01231 мы должны атаковать противника одновременно с двух сторон: 3 бригада 50 дивизии наступает от станицы Сломихинская на Форп. Кызыль-Убинский на Сахарную, чтобы перерезать дорогу отступающему противнику на Гурьев.

Правее нас одновременно будет наступать 50 дивизия.

Во исполнение поставленной задачи вверенной мне дивизии приказываю:

1. Комбригу 1 и комбригу 2 выступить 5 августа в 3 ч. и не позже того же дня занять линию Уроч. Чала-Бай и Коловертный и далее: 6 августа занять линию Лука-Бухарская и Форп. Бударинский; 7 августа — линию Форп. Кожехаровский — л. Хуторская и 8 августа — Лбищенск.

2. Комбригу 1 и 2 при наступлении вперед иметь не менее одного полка в резерве.

3. Разграничительные линии между 25 и 50 дивизиями: Переметная — Солодовников — Соленая-Лощина — кол. Страмоусово — Стольников — Лука Буҳарская (все включительно для 50 дивизии) и р. Кушум исключительно для 50 дивизии; между 1 и 2 бригадами [25] дивизии — к. Простова, Лощ. Чан-Суат, и хут. Мульзыль (все пункты для 1 бригады включительно).

4. Согласно телеграммы наштарма IV, 2 бригада 47 дивизии входит в мое подчинение в предстоящих операциях.

5. Комбригу 2 47 дивизии не позже 12 ч. 5 августа занять двумя полками Дьяков, Рубежный, Дарьинский, Гниловский, Трекинский, и полком г. Уральск.

По занятии вышеуказанных пунктов сменить 2 кавдивизион и 1 кавполк, которым по смене немедленно выйти на линию 1 и 2 бригад 29 дивизии, где им и будет указана дальнейшая задача. Комбригу 3 с получением сего один полк немедленно перебросить в Круглоозерный, а по занятии частями 2 бригады 47 дивизии указанных ей пунктов остальные части 3 бригады сосредоточить в районе Круглоозерной — Серебрик и один полк в районе г. Уральска.

7. Командиру инженерного баталиона немедленно приступить к постройке мостов и переправ через реку Урал в районе города Уральска и Круглоозерный, подчинив себе 1, 2 и 3 саперные роты, имея ввиду переправлять их орудия.

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, лл. 140—141.

8. Начальнику артиллерийского снабжения немедленно открыть базы с достаточным количеством огнеприпасов в Кошумский.

9. Дивизионному врачу открыть перевязочные пункты в форп. Чеганский и Круглоозерный.

10. Всем командирам при присылке донесений точно указывать хутора, не нанесенные на карте, ориентируя их по имеющимся названиям по 10 верстной карте.

11. Врид комбату связи принять все меры к исправлению проводов за 2 бригадой, дабы связь не прерывалась ни на одну минуту.

12. Все донесения присылать через 2 бригаду телеграфом в Уральск, а по занятии частями Форп. Бударинской я с оперативным отделом перейду в Форп. Скворкин.

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказание начдива 25, 4 августа 1919 г.[1]

Войсковая разведка поставлена крайне плохо, тогда как без войсковой разведки действовать нельзя. Разведывательные сводки либо совсем не подаются к указанному времени, либо сведения в них так преувеличены, что вести учет сил противника невозможно. Полки не стараются узнать, какие действуют против них части противника, состав их вооружения, участок, занимаемый частью. На запрос наш относительно частей противника, действующих на участке нашей дивизии, бригадами не было донесено, так что на участке всех трех бригад одновременно действовал один и тот же полк. Отсюда видно, что сведения эти старые. Приказываю немедленно принять все меры к тому, чтобы улучшить это дело и поставить на должную высоту. За несвоевременную подачу разведывательных сводок буду строго взыскивать, дабы искоренить это халатное отношение к делу.

Начдив 25 Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Из приказа начдива 25, г. Уральск, 5 августа 1919 г., № 08.[2]

Сведения о противнике прежние. Правее нас наступают 1 бригада 50 дивизии, которая и будет прикрывать наш правый фланг. 2 бригада той же дивизии перебрасывается на новый фронт.

3 бригада 50 дивизии продолжает наступать в общем направлении на Сахарную.

Левее части I армии развивают успех от Илецкого городка на Красноярская. Приказываю:

1. Комбригу 1 и 2 продолжать выполнение приказа по дивизии № 07 и с занятием города Лбищенска остановиться, прочно удерживая фронт.

2. Комбригу 2 бригады 47 дивизии, не оставляя полка в г. Уральске, не позже 7 августа всей бригадой занять пункты Иртецкое, Кирсановское, Генварцевское, Требухин, Рубежный, Дарьинский, Трекинский, которые прочно удерживать.

3. Комбригу 3 с получением сего немедленно сделать распоряжение всем трем полкам, включая сюда 224, передвинуться в район г. Уральска, где оставить два полка и один полк в Круглоозерный, где и сосредоточить вверенную вам бригаду не позже 9 августа.

С рассветом 10 августа по построенным мостам через реку Урал у г. Уральска и Круглоозерный перейти в решительное наступление

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 153.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 147.

на левый берег р. Урала и занять линию — мельницу Менового двора, Катын-Мала и Аул Баскунчау (карта 5 верст в дюйме).

4. Временно командующему 1 кавполком немедленно выступить из занимаемых пунктов в Круглоозерный, где и быть прикрытием по постройке моста саперными ротами через р. Урал.

5. Командиру 2 кавдивизиона немедленно выступить в распоряжение командира 2 бригады.

7. Командиру 1 кавполка собрать весь полк в Круглоозерный, переправиться вслед за 3 бригадой на левый берег реки Урала, после чего будет дана особая задача.

8. Начальнику артиллерии 25 (дивизия) придать взвод орудий 1 кавполку.

9. Начальнику артиллерийского снабжения приложить все силы к доставке патрон и снарядов в 1 и 2 бригаду.

10. Начальнику снабжения организовать хлебопекарни в Форп. Чеганский и Форп. Бударинский.

11. Командиру инженерного баталиона напрячь все усилия к постройке мостов через р. Урал, которая должна быть закончена не позже 9 августа.

12. Параграфы приказа по дивизии за № 07 §§ 8, 9, 10, 11, 12 остаются в силе [1].

Начдив Чапаев.
Военполитком Дм. Фурманов.

Приказ начдива 25, г. Уральск, 15 августа 1919 г., 19 ч., № 09. [2]

Противник на некоторых участках дивизии проявляет слабую активность.

Правее нас действуют 3 бригада 50 дивизии, которая находится в районе Оз. Кызыль-Убинское в направлении Сломихинская — Сахарная.

Левее — части I армии — Илецкий Городок и его район.

Вверенная мне дивизия с приданной ей 2 бригадой 47 дивизии и 1 бригадой 50 дивизии — должна нанести еще мощный удар противнику для занятия новых рубежей. Во исполнение чего приказываю:

а) Комбригу 2 не позже 16 августа занять линию х. Старый — М. Утяб-Баласы и кол. Макеева; 17 августа — линию М. Иман-кыз, коп. Чим кудук и коп. Джайли-бей; 18 августа — Догодаево, Мар. Даровой и Подставной пост, выслав сильную конную связь вправо в 3 бригаду 50 дивизии; 19 августа занять линию коп. Козырева — кол. Круглова — кол. Чиркова и коп. Карай; 20 августа ударом слева и тыла занять Сахарную, где и уничтожить противника.

б) Комбригу 1 оставаясь 16 августа на месте, а далее двигаясь уступом слева, 17 августа занять линию кол. Скворкина и тракт [3], 18 числа на линию Оз. Арсентьева и 20 августа одновременно ударом с 2 бригадой с двух сторон занять Сахарную.

в) Комбригу 3, подчинив себе 420 полк, не позже 16 августа занять линию Л. Кунешникова — М. Мозан — Мельницы (что на перекрестке дорог: Талдыан — Оба-Бока и ж. д. Уральск — Илецк, М. Ак-Чуак, Коп-Пресн и на левом берегу реки Урала Уроч. Казаркино.

г) Комбригу 2 (47 дивизии), отдав 420 полк в подчинение комбригу 3, с остальными частями проявить активную деятельность и на участке этих двух полков наметить переправы через р. Урал и быть

[1] См. выше, стр. 112.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 166.
[3] Тракт Уральск — Лбищенск — Сахарная.

готовым в любую минуту оказать поддержку левому флангу 3 бригады и в то же время держать прочную связь с частями I армии.

2. Врид. командиру 1 кав. полка выступить в г. Лбищенск, где войти в распоряжение ком. группы, а оставшихся пеших кавалеристов подчинить комбригу 3, где на Бухарской стороне при первой возможности пополниться лошадьми, помня, что лошадей в тылу нет.

3. Командиру инженерного батальона немедленно приступить в Уральске к устройству и организации водного транспорта по р. Уралу до Лбищенска. Саперные роты отправить по бригадам, которые в пути следования должны исправить все плохие мосты как для автомобилей, так и артиллерии. У Форп. Бударинский построить пеший мост через р. Урал.

4. Вр. комбату связи устранить все неисправности по линии от Уральска до Лбищенска и далее по мере продвижения частей. Оставив необходимое количество аппаратов с людьми в Уральске для налаживания связи с 2 бригадой 4-й дивизии 3 бригадой, с Форп. Бударинский и Штармом, с остальными передвинуться в Форп. Бударинский.

5. Штабу дивизии, политотделу, полевой почте, коменданту штаба, коменданту этапа, ветеринарному лазарету, 26 авиаотряду — не позже 17 августа в 12 часов прибыть в Форп. Бударинский.

6. Дивизионному врачу открыть перевязочные пункты в Форп. Бударинский и Лбищенске.

7. Командиру дивизионного транспорта по одному взводу транспорта поставить в Щапов, Форп. Скворкин и Форп. Бударинский, которые и будут работать между этими станциями, подвозя самое необходимое для фронта.

8. Начальнику снабжения, оставаясь с отделами на месте, требовать из штарма автомобили, мотоциклеты, огнеприпасы, налаживать транспорт и снабжать достаточным количеством огнеприпасов действующие части, а также фуражом и продовольствием.

9. Начальнику артиллерии необходимую часть управления артиллерии передвинуть в Форп. Бударинский вслед за штадивом.

10. Заведующему инженерным снабжением дивизии вменяется в обязанность оказывать полное содействие командиру инженерного батальона в доставке ему всевозможного материала по постройке.

11. Командирам всех частей заполнять 10 верстные карты ненанесенными хуторами и проверять точнее имеющиеся пункты на картах вплоть до схем.

12. Донесения присылать в Форп. Бударинский с 17 августа 12 ч., где я буду находиться.

Начдив 25 Чапаев.

Приказание начдива 25 комбригу 1 и 2, форп. Бударинский, 16 августа 1919 г., 17 ч. 30 м. [1]

По только что полученным сведениям казаки намереваются ударить с тыла, переправившись у Форп. Бударинский или Лбищенск. Для наблюдения за берегами р. Урала и охраны телеграфная линия Форп. Бударинский — Форп. Горячинский разбивается на 3 части: Форп. Горячинский — Форп. Мергеневский включительно охраняется постами от штаба 2 бригады. Форп. Горячинский исключительно — Форп. Кожехаровский включительно — постами штаба 1 бригады, а Форп. Кожехаровский исключительно — Форп. Бударинский и далее к Уральску — постами штадива 25. Все вооружены должны быть, на чеку, вплоть

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 178.

до нестроевых. Чуть что замечено будет, немедленно доносить в штадив Форп. Бударинский. Не теряя ни одной минуты времени, продвигаться вперед вдоль р. Урала и по тракту на Джамбейтинскую Ставку, где и выйти на линию г. Лбищенска — Джамбейтинская Ставка не позже 22 августа. Донесения присылать с 17 августа и до 16 ч. 18 августа в Форп. Горячинский, где я и буду находиться, после чего буду в Форп. Бударинский. О получении приказания донести мне.

Начдив Чапаев.

Телеграмма наштадива 25 наштарму IV, 18 августа 1919 г., 1 ч. 20 м. [1]

1 бригада: частями бригады 17 августа в 11 ч. 35 м. занят Форп. Горячинский. На участке 1 бригады появились два неприятельских аэроплана и над Форп. Чеганский сбросили несколько бомб. 2 бригада занимает участок от кол. Коновалова до М. Шура включительно, противник отходит к Форп. Мергеневский. 221 полк в 4 ч. выступил для занятия кол. Макеева, 210 полк выступил для занятия М. Утяб-баласы. При переходе 1 кавполка 15 августа из Уральска в Форп. Кожехаровский в числе 200 сабель добрая половина выбыла из строя за недостатком корма и падежа лошадей. От 3 бригады сведений не поступало.

Телеграмма наштадива 25, наштарму IV, форп. Бударинский, 19 августа 1919 г. [2]

Бой длился целый день 18 августа и только на рассвете 19 августа части 1 бригады овладели этим форпостом [3]. Наши потери за весь день боя 18 августа следующие: убито людей 42, ранено 225, чел., пропало без вести 2. Лошадей убито 40, ранено более 120 ч. Во время боя под начдивом т. Чапаевым, комбригом 2 ранены лошади, у комполков 217 и 218 — убиты. Помполка 217 тов. Петров смертельно ранен. В 73 кав. дивизионе осталось в строю 17 всадников.

Из телеграммы Начдива 25 комбригу 2, 22 августа 1919 г., 12 ч. 15 м. [4]

Приказываю немедленно присоединиться к 1 бригаде 25 дивизии, где и получить патроны и хлеб. 1 бригада заняла Сахарную. Противник отступил. Хотя бы с тыла, но присоединяйся. Патрон не дам ни одного. Не намерен сдавать казакам.

Начдив Чапаев.

Приказ начдива 25, пос. Карпинский, 23 августа 1919 г., 12 ч. 45 м. [5]

Во изменение приказа по дивизии № 09 комбригу 1 в составе: полков пять — 217, 218, 219 с придачей 220 и 221, батарей пять и Кубанский дивизион,— чтобы занять Сахарную и не упустить противника со всеми его обозами, приказываю двумя полками держаться с фронта на юг, тремя полками и кавалерией ударить справа правым плечом и этим отрезать путь к отступлению противника. Комбригу 2 в составе: полков 4, 1 кавполк, 5 батарей, не отрываясь ни на шаг от правого фланга группы, один полк держать в южном направлении и

[1] ЦА РККА, ф. 184, оп. 3, д. № 107, л. 174.
[2] ЦА РККА, ф. 184, оп. 3, д. № 107, л. 173.
[3] Форп. Мергеневский.
[4] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 213.
[5] ЦА РККА, д. № 81, л. 211.

3 полка змейкой для обеспечения правого фланга действующей части. Кавалерийский полк поставить по усмотрению комбрига. Во время действия иметь достаточные резервы. С наступлением темноты подвести все войска на линию первой бригады. Возлагаю на комполков принять самые строгие меры к самой широкой ночной разведке.

Из полученных сведений противник хочет отступить на Калмыковск. С целью не дать противнику уйти, ночью в разведку пойти ротным командирам. Если будет замечен отход противника, не медля ни минуты, донести. Час вступления назначаю на 4 час. утра 24 августа. Если противник будет сниматься вечером, то с вечера же начать преследование.

Поставить телефоны от позиций до комполков. Я буду находиться на левом фланге между первой и второй линией окопов. За упущение противника ответственность возлагаю на командиров полков и бригад.

Для выступления часы установить по штабу бригады. За промедление выступления командиры будут отданы военно-полевому суду.

Начдив Чапаев.

Телеграмма наштадива 25 наштарму IV, форп. Бударинский, 25 августа 1919 г., 8 ч. 25 м.[1]

В 11 часов 24 августа частями 1 и 2 бригад 25 дивизии после упорного боя занята Сахарная и в 19 час. 24 авг. на участке 1 бригады противник повел наступление на Сахарную с юго-западной стороны, но нашим огнем был отбит. 218 полком захвачено у противника 15 тысяч патронов, 5 пулем. лент с патронами, запасные части к орудиям и один поврежденный аэроплан. Части расположены следующим образом: 218 полк цепью от р. Урал вправо, на линии 219 полк. 217 полк в одной версте от Форп. Каршинский фронтом на запад для охраны правого фланга бригады. На 2 бригаду противник дважды переходил в наступление пехотой и кавалерией при поддержке двух броневиков. Обе атаки противника отбиты. Полками бригады захвачено у противника 30 тысяч патронов, три пулемета, количество взятых винтовок еще не выяснено. В 4 часа 23 августа противник силою до шести полков с большим количеством пулеметов и при 3-х орудиях, под прикрытием ураганного артиллерийского, ружейного и пулеметного огня, повел наступление на Хуторское, где находились два батальона 224 полка. Противник 3 раза бросался в атаку в конном и пешем строю, но каждый раз отбивался с громадными для него потерями. Бой кончился в 16 ч. 30 м., противник отступил на восток, где и окопался. С нашей стороны: убито 7, ранено 40; лошадей убито 5, ранено 12.

Приказ начдива 25, форп. Бударинский, 25 августа 1919 г., 20 ч. 30 м., № 010.[2]

После занятия Сахарной противник бежал к югу. На Бухарской стороне в направлении на Джамбейтинскую Ставку противник проявляет некоторую активность.

Правее нас действуют части 50 дивизии (3 бригада).

Левее части I армии 24 августа (3 бригада 49 дивизии) перешли в наступление к югу за строющуюся железную дорогу Уральск — Илецк.

Дабы устранить постоянную угрозу слева на Бухарской стороне от казачьих банд и загнать в пески, где их ждет окончательная поги-

[1] ЦА РККА, ф. 184, св. 3, д. № 107, лл. 216—217.
[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 107, л. 204.

бель, и для закрепления района Сахарной,— весь участок 25 дивизии разбиваю на 3 участка: первая правофланговая группа под управлением комбрига 1 в составе: 1 и 2 бригады 25 дивизии и 1 бригады 50 дивизии.

Вторая — средняя группа под управлением командира 218 полка т. Бубенец в составе 218 полка, 223 полка, 1 кав. полка и Кубанского кавдивизиона.

Третья — левофланговая группа, состав прежний без 223 полка.

Во исполнение вышеизложенного приказываю:

1. Правофланговая группа: закрепить район занятых пунктов Сахарная, Форп. Каршинский и Форп. Мергеневский, где вырыть окопы с помощью инженерных рот, упорно оборонять эти пункты. Построить переправу через р. Урал, по которой выслать разведку по Бухарской стороне, а также и вправо, пользуясь стоянкой, пополняться всем необходимым и одеть полки в суконное обмундирование.

Средняя группа: переправив 1 кавполк и Кубанский кавдивизион через р. Урал не позже 27 августа, а 218 полк 29 августа в районе Форп. Мергеневский на Бухарскую сторону, где тесно связаться с 223 полком, стоявшим на Бухарской стороне против Лбищенска, и всей группе не позже 2 сентября занять линию: Вишневый ильмень, ур. Тайлан, Буне-Кудук и Тарджимановский, что на южном берегу озера Челкар, чем и облегчить задачу 3 бригаде для продвижения на Джамбейтинскую Ставку.

Левый боевой участок без 223 полка: имея тесную связь с средней группой, не позже 2 сентября занять линию Мунашевский — Донгумок-со-тленкеевский и Тамусайский, держа связь влево с частями 3 бригады 49 див. I армии.

2. Командиру 25 инженерного батальона, войдя в соглашение с командиром средней группы, немедленно предоставить в распоряжение его, куда он прикажет, паром, который построен в Уральске и находится в пути следования на Форп. Бударинский, и приступить к постройке парома через р. Урал для усиления снабжения продуктами и огнеприпасами средней группы в районе Форп. Мергеневский, пользуясь всевозможным подручным материалом.

3. Разграничительная линия между IV и I армиями: р. Умба, оз. Соркуль (что у песков Кугузюк-Куль, Аше Саб джикенды), все для IV-й.

4. База снабжения огнеприпасов и продовольствия будет в Лбищенске, где таковые и получать.

5. Командиру группы весь рогатый скот и лошадей у богатых киргизов реквизировать, на что составить точные списки и снабдить конским составом свою кавалерию, а излишек немедленно отправить в распоряжение командира группы.

6. Еще раз напоминаю всем комбригам и наштабригам: поставить себе раз навсегда за правило, чтобы при занятии каждых новых рубежей немедленно заполнять наши голые десятиверстные карты и схемы теми пунктами, дорогами и знаками, которые существуют на месте, но нет на карте, а также и исправлять названия. Такие исправленные схемы присылать вместе с донесениями.

7. Начснабу всеми средствами усилить подвоз для пополнения базы снарядами, патронами и продуктами в г. Лбищенске, помнить, что части идут в пески, и принять все меры к снабжению 1 и 2 группы фуражем и довольствием, т. к. люди совсем голодают, для чего привлечь мирных жителей к выпечке хлеба.

8. Донесения присылать в Форп. Бударинский, где я буду находиться.

Начдив Чапаев.

Разведывательная сводка по 25 дивизии, 28 августа 1919 г., 10 ч.[1]

27 августа была произведена воздушная разведка с бомбометателями и разбрасыванием литературы. Разведкою замечено: первая цепь противника в виде застав в отдельных окопах в пяти верстах севернее Форп. Каленовский, численностью до 700 штыков. Версты 3 от селения главные цепи в окопах, численностью 1500 штыков. Окопы тянутся от р. Урала и на запад на расстоянии версты 4 длиной; левый фланг загнут полукругом, сзади окопов расположены повозки группами, 15 в каждой группе, приблизительно в версту. Сзади этих окопов на берегу реки (названия на карте нет) расположен обоз подвод до 400 и коновязь коней до 600. От этих окопов еще тянутся окопы длиной полверсты перпендикулярно основным окопам. С левого фланга — по руке неприятеля, в которых тоже помещаются стрелки численностью до 600 штыков. На линии к западу верстах в 2½ от Форп. Коленовский обнаружено 3 орудия друг от друга шагов 200, на кладбище селения еще 2 орудия, по всей вероятности, тяжелого калибра. За селением Форп. Каленовский движения большого не замечено. В конце селения с южной стороны большой обоз и скот, обоз повозок до 1000. Перед самым селением, севернее, роются окопы, сброшено пять штук по 25 фунт. бомб в главные окопы, попадание очень удачное. На территории противника разбросано 30 ф. литературы. На обратном пути самолет обстрелян сильным артиллерийским огнем, шрапнелью повреждена левая плоскость аппарата. Продолжительность полета 2 ч. 45 м., высота от 1000 до 1200 метров.

Телеграмма наштадива 25 наштарму IV, форп. Бударинский, 28 августа 1919 г., 4 ч. 5 м.[2]

Правофланговая группа: на участке расположения правой группы день прошел спокойно. Высланная разведка в сторону противника в юго-восточном направлении от Сахарной заметила конную заставу противника верстах в 3 от Сахарной, которая сообщила на главную заставу, откуда показалось около 100 всадников и стали преследовать нашу разведку. По ним был открыт ружейный и пулеметный огонь, после чего противник пустился в бегство. Во время перестрелки ранен взводный командир разведки. Высланная разведка на юг углубилась на 5 верст. Обнаружено 2 сотни казаков, по ним был открыт огонь нашей разведкой, и они разбежались. Разведка, высланная в юго-западном направлении, углубилась на 8 верст и обнаружила несколько застав, охраняющих линию фронта. Разведка, высланная на запад от Форп. Каршинский, выдвинулась на 18 верст, но противника не обнаружено. Передовая линия в 3 верстах к югу от Сахарной. На левом фланге 221 полк, на правом 220 и 222 полки, 2 кавдивизион в резерве в Сахарной.

Левофланговая группа: движение в районе расположения 224 полка, противник ведет целые сутки усиленное наступление, в количестве 2 дивизий и 3 орудий, старается ударить на левый фланг нашей группы, чтобы отрезать наши впереди стоящие части.

Телеграмма начдива 25 командарму IV, форп. Бударинский, 28 августа 1919 г., 14 ч. 20 м.[3]

Противник ведет уже целые сутки усиленное наступление в районе расположения 224 полка в составе 2 дивизий и 3 орудий. Старается во что бы то ни стало ударить на левый фланг нашей группы, дабы

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 511, л. 12.
[2] ЦА РККА, ф. 184, оп. 3, д. № 107, лл. 231.
[3] ЦА РККА, ф. 184, оп. 3, д. № 107, л. 234.

отрезать впереди стоящие части. На поддержку послан 1 батальон 418 полка и 1 батальон 419 полка. Связи с бригадой 49 дивизии не имеется, так как она по всей вероятности находится в Приуральском, что в 15 верстах от Илецкого Городка, а не край реки Утвы [1]. Прошу вас, чтобы части I армии, 3 бригады 49 дивизии, выдвинулись на линию левофланговой группы вверенной мне дивизии, так как фланг той группы открыт и противник может свободно обойти ее.

Донесение наштадива 25 в штабарм IV, 30 августа 1919 г., 20 ч. 20 м. [2]

Опросом бежавшего из плена бывшего красноармейца, который находился в Сахарной, выяснено, что из Сахарной на Бухарскую сторону 20 августа переправились Гурьевские конные полки с 4 орудиями.

Начдив Чапаев.

7. Гибель В. И. Чапаева

Последние часы Чапаева [3]

Существует несколько версий о том, как погиб Чапаев, но одна из них является наиболее часто повторяемой, наиболее вероятной.

Прежде всего, кое что о той общей обстановке, в которой он жил перед смертью. Дивизия шла на юг, к морю. После того, как освобожден был Уральск — ее победное шествие шло безостановочно через Чеганский, Лбищенск и Сахарную — на Гурьев. Чапаев, по природе своей человек боевой и позиционный, никогда не мог засидеться в штабе и все время рвался на позицию. Бывали случаи, когда он на долгое время совершенно [оставлял] штаб и непрерывно переезжал из полка в полк, непосредственно руководя операциями и участвуя в боях. Таким же образом он вел себя и до последней минуты. Мы часто навещали позиции, объезжали бригады и полки и настолько уже были уверены в прочности победы, что чем дальше, тем меньше обращали внимания на охрану глубокого тыла, отдавая все свое внимание почти исключительно позиции и ближайшей к передовым окопам местности.

Казаки, под натиском наших войск, с боем отходили вглубь степей и выявляли совершенную неустойчивость и неспособность активно сопротивляться. Только временами, чувствуя какие-либо затруднения и уловив удобный момент, они делали стремительный набег и пытались произвести суматоху и разгром. Надо сказать, что эти набеги обычно кончались для казаков очень худо. Наши части, уже хорошо искушенные в борьбе с казачеством, знали их партизанскую тактику и применялись к ней всемерно: казаки обычно встречались ураганным огнем и оставляли у нас лошадей и трупы. Так, например, всем памятны схватки под Генварским [4], где были захвачены целые сотни поседланных казацких коней, оружие и все казацкое добро. Сам Чапаев, бившийся в степях еще в прошлом году, все время предупреждал командиров о необходимости проявлять максимум бдительности, ибо

---

[1] Так в подлиннике.

[2] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 511, л. 13.

[3] ЦА РККА, ф. 106, д. № 93 (200—248), л. 176. Заголовок подлинника.

Статья Дм. Фурманова, помещенная в листовке газетного типа, изданной политотделом Туркфронта под заглавием на первой странице: «Памяти героя пролетарской революции и полководца красноармейцев Василия Ивановича ЧАПАЕВА».

[4] Так в подлиннике. По карте — Генварцевское.

налет может быть и среди бела дня, и с любой стороны. Чапаев, так хорошо знавший казацкую тактику и так часто учивший осторожности своих боевых командиров,— сам сделался жертвой своей неосторожности и непредусмотрительности.

Штаб стоял в Лбищенске. Части вышли на Сахарную. Чапаев только что вернулся с позиции. Его предупредили, что около Лбищенска бродят казацкие разъезды, был даже случай, когда казаки сделали набег на запутавшийся в степи наш обоз. Но Чапаев не придал всему этому особого значения и не принял тех мер, которые следовало бы принять. Правда, караулы и посты в Лбищенске были на местах; правда, что высланы были наши разведки в глубь степи.

Но ни караулы, ни разъезды не нащупали неприятеля, уже почти вплотную подошедшего ко Лбищенску. В ночь с 4 на 5 сентября, часа приблизительно в 4, казаки огромною массой налетели на Лбищенск и кинулись прямо к учреждениям.

В общей суматохе сначала трудно было что-либо разобрать: ружейные залпы, пулеметный треск, вой, отчаянные крики жителей — все смешалось в ужасающую какофонию. В это время в середину, по главной улице, въехал на повозке казацкий пулеметчик, держась обеими руками за пулемет. На него кинулся наш начальник штаба, бывший офицер, тов. Новиков, сбил его с повозки, отнял пулемет и начал бить по наступающим казакам. Вместе с ним был и военный комиссар дивизии тов. Батурин.

Было выпущено две ленты, но тут вдруг застрял патрон, пулемет перестал работать и казаки, воспользовавшись моментом, наскочили и стали рубить отважных пулеметчиков. Батурин был зарублен в куски, а Новиков, тяжело израненный, каким-то чудом успел заползти в халупку и там, спрятавшись в подполье, продержался до подхода наших войск. Он был подобран...

Был расстрелян заведующий политотделом, тов. Суворов, а вместе с ним и некоторые ближайшие сотрудники: тов. Крайнюков, бывший в то время комиссаром штаба дивизии, а до этого работавший председателем Лбищенского ревкома. В то время он был уже ранен в грудь и торопился вскочить на лошадь, обливаясь кровью. Казаки наскочили, захватили и тут же расстреляли его.

Чапаев в это время, собрав человек двести храбрецов, пытался было прорваться сквозь густую цепь казацкой конницы. Но патроны уже подходили к концу, а дополнить было не откуда. Казаки, видя это, напирали все смелей и смелей. Вот уже наших прижали к самому берегу, вот они стоят почти безоружные и частью кидаются с крутого откоса в мутные волны Урала, частью гибнут здесь же на месте, пробитые казацкими пулями.

Чапаев все еще крепится. Он в одной руке держит винтовку, в другой револьвер. Выхода совершенно никакого нет, но он все еще не сдается. Уже много трупов полегло вокруг него, много бойцов утонуло в холодных волнах, а Чапаев, словно привидение, все еще стоит на обрыве. Кто видел — говорит, что это была замечательная, сильная, душу раздирающая картина. Он был уже ранен в руку и в лицо. По щеке струилась кровь, он вытирал ее рукавом рубахи. Потом видели, как он опустился на землю, может быть раненый еще раз. Снял сапоги и кинулся в волны. Больше его не видали. Раненый и обессиленный, он не мог переплыть широкий и неспокойный Урал.

Иные говорят, что он все-таки доплыл до следующего берега и уже только на берегу умер от жестокой раны, полученной от пущенной в догонку с другого берега пули. Казаки по обеим сторонам Лбищенска поставили пулеметы и косили жестоким огнем всех, кидавшихся

в воду. Одна из этих пуль видимо положила и Чапая. Иные говорили, что он забрался на бродившего в степи верблюда и уехал. Но все это мало вероятно. Чапаев утонул в Урале.

Дм. Фурманов.

Телеграмма завхоза 222 полка 25 дивизии наштабригу 2, форп. Горячинский, 5 сентября 1919 г., 20 ч.[1]

Доношу, что в районе Лбищенска идет пулеметная и ружейная стрельба. Для охраны Горячинской станицы[2] выставлены цепью красноармейцы обозов 222 и 217 полков. На случай действий патронов в запасе нет. Прошу срочного распоряжения.

Из приказа начдива 25, 11 сентября 1919 г.[3]

Предстоящая осенняя распутица вынудила казаков решиться на отчаянный маневр. 5 сентября с/г. фланговым набегом противником был уничтожен гарнизон Лбищенск.

Начдив 25 (подпись).

Из объяснения наштабрига 1 25 дивизии, 12 сентября 1919 г.[4]

Приказом по 25 стрелковой дивизии от 25 августа с/г за № 010 участок дивизии разбит на три участка: 1) правофланговая группа. 2) Средняя группа. 3) Левофланговая группа.

Правофланговая группа должна закрепить район занятых пунктов Сахарная, Форп. Каршинский и Форп. Мергеневский, где вырыть окопы и упорно оборонять эти пункты.

Средняя группа должна не позднее 27 августа переправиться в районе Форп. Мергеневский на Бухарскую сторону, где тесно связаться с 223 полком, стоящим на Бухарской стороне против Лбищенска, и всей группе не позже 2 сентября занять линию Вишневый Ильмень, ур. Тайлан, Буне-Кудук и Тарджимановский (что на южном берегу оз. Челкар), чем и облегчить задачу 3 бригады для продвижения на Джамбейтинскую Ставку.

Левая группа, связавшись с средней, не позже 2 сентября должна занять линию Мунашевский — Донгумак-Со-Тленкеевский и Тамусайский.

Правофланговой группой задача эта выполнена в точности и части группы были расположены в следующем порядке: 2 бригада 25 див двумя полками, окопавшись, занимала оборонительную линию в районе Сахарная в юго-восточном направлении с интервалами между ротами 20 саж. Один полк в резерве расположен в стан. Сахарная. 1 бригада 50 дивизии двумя полками, окопавшись, занимала оборонительную линию в том же районе в западном и северо-западном направлении в трех верстах от Сахарной, а один полк в резерве в Сахарной.

1 бригада 25 дивизии занимала одним полком оборонительную линию, окопавшись, впереди Каршинского в двух верстах в южном и западном направлениях, а один полк в резерве расположен в пос. Каршинском.

Места расположения частей номерами указать не могу, так как части, стоящие на оборонительной линии, время от времени сменя-

---

[1] ЦА РККА, ф. 1312, оп. 2, д. № 304, л. 283.
[2] Так автор донесения называет форп. Горячинский.
[3] ЦА РККА ф. 1312, оп. 2, д. № 12, лл. 5.
[4] ЦА РККА, д. № 65, лл. 1—4.

лись резервными частями, и распоряжения и вообще весь материал в данных случаях или утерян или не приведен в порядок частями, в виду создавшегося ненормального положения в связи с налетом на Лбищенск.

Пос. Форп. Мергеневский охранялся следующими частями: штабриг 1 25 дивизии с комендантской командой, управления 1 и 2 артдивизионов с артпарками, обозы 2 разр. 220 полка и 74 кавдивизиона, 74 отд. сапрота, в общем насчитывалось до 300 штыков при двух пулеметах.

Форп. Горячинский охранялся обозами 2 разр. 217 и 219 стр. полка, руж. пул. парк 1 бригады 25 дивизии. Были ли еще какие части, не знаю, также и численность гарнизона.

Лбищенск охранялся следующими частями:

Школа инструкторов численностью, по частным сведениям, около 300 чел., но была ли она вооружена, не знаю. Некоторые обозы 2-х разрядов, отдел снабжения 1 бригады, этапная рота и много других команд и учреждений дивизии и, по частным слухам, всего гарнизона было до 700—800 чел. Какие меры охранения были приняты, неизвестно, в крайнем же случае может точные сведения дать Наштадив 25 находящийся в настоящее время в эвакуации вследствие ранения в бою в Лбищенске. До момента налета связь штадива с правой группой имелась телеграфная, а в средней — конная, в момент нападения телеграфная связь была порвана.

Разведка производилась частями конная и от штадива воздушная.

До момента нападения на Лбищенск о присутствии противника в районе Чижинских разливов ничего не было известно. Но возможность прорыва противника с юго-востока между Сахарной и Сломихинской на северо-восток в направлении Шипово учитывалась, так как тактика казаков, проявленная в период гражданской войны, главной целью их действовать в нашем тылу.

По официальным и частным сведениям картина казачьего набега на Лбищенск рисуется так:

Перед рассветом 5 сентября прекратилась связь телеграфная со штадивом, а на рассвете получено сообщение по телефону, что на Форп. Горячинский налетела сотня казаков со стороны Лбищенска. Налет был предупрежден красноармейцем, который, по словам, следовал из Лбищенска и был по дороге настигнут казаками, но каким-то родом пришлось спастись. Стоящие в Горячинском обозчики скоро развернулись, заняли окопы и атаку казаков отбили. Казаки предпринимали еще атаки и всегда отбивались и обозчикам удалось продержаться до подхода батальона пехоты, высланной из Форп. Мергеневский. К вечеру слухи о занятии казаками Лбищенска усилились, начали прибегать красноармейцы с Бухарской стороны, которым удалось переплыть через Урал. По их словам, казаки совершили набег со стороны Сломихинской. Подойдя близко к Лбищенску, бросились в атаку, сняли наши сторожевые посты, влетели с пулеметами в город, их было численностью до 600 чел. сабель и не менее как при 20 пулеметах. Бой был в городе отчаянный, группировались кучки красноармейцев и бросались на казаков. Особо отличался т. Батурин [1]. С небольшой кучкой красноармейцев, он собственными руками отбил у казаков пулемет и начал из этого пулемета наносить казакам поражение. Напрасны были усилия начальствующих лиц к восстановлению порядка. Превосходя численностью и технически, казаки скоро подавили наших храбрецов, не подготовленных к отпору. Погиб т. Батурин и по всей вероятности и т. Чапаев. Начальник снабжения 1 бригады 25 див. т. Козлов покончил с собой. Люди бросались в Урал с крутого берега вышиною в 5 саж. и разбитые от падения сваливались в воду. По занятии нами Лбищенска видели ужасную картину места кровавой свалки, все

улицы и берег сплошь усеяны винтовками и трупами, кирпичные ямы завалены расстрелянными (по словам очевидцев тут же по окончании боя расстреляны 150 чел. более видных лиц). В общем, весь гарнизон умирал геройски, видно, что никто не желал просить у казаков пощады.

О вывозе имущества и транспорта и говорить не приходится, так как свободный выход из Лбищенска был только один — это с крутого яра в Урал.

Это все совершилось не более как в течение трех часов.

Как я выше сказал, казаки численностью около 100—120 сабель одновременно с Лбищенском сделали налет на Форп. Горячинский, что им не удалось, но все же весь день держались перед форпостом.

К истории интервенции на Севере

Организаторы прошлой и настоящей империалистических войн — английские и французские империалисты, любители загребать жар чужими руками,— в 1918 г. без объявления войны вторглись в нашу страну с Севера и совместно со свергнутыми Великой социалистической революцией помещичье-капиталистическими классами пытались уничтожить Советскую республику и восстановить капиталистический строй, а наш многомиллионный народ превратить в колониальных рабов англо-французского капитала.

Вскоре после Октябрьской социалистической революции английские и французские захватчики начали тайно обсуждать вопрос о вмешательстве во внутренние дела Советской республики. В декабре 1917 г. уже был решен вопрос о «сферах влияния» в России между Англией, Францией и другими империалистическими государствами.

Антанта, находясь в состоянии войны с Германией, была обеспокоена образованием Советской республики, ее выходом из войны, отводом с фронтов многомиллионной русской армии, проливавшей кровь в интересах англо-французского капитала и русского царизма.

В разъяснение причин грабительского вторжения интервентов в нашу страну, «Краткий курс истории ВКП(б)» говорит: «Империалисты Антанты опасались, что заключение мира между Германией и Россией может облегчить военное положение Германии и соответственно затруднить положение войск Антанты на фронте. Они опасались, далее, что установление мира между Россией и Германией может усилить тягу к миру во всех странах, на всех фронтах и тем подорвать дело войны, дело империалистов. Они опасались, наконец, что существование Советской власти на территории громадной страны и ее успехи в стране, последовавшие после свержения там власти буржуазии, могут послужить заразительным примером для рабочих и солдат Запада, охваченных глубоким недовольством затянувшейся войной и могущих — по примеру русских — повернуть штыки против своих господ и угнетателей. В виду этого правительства Антанты решили начать военную интервенцию (вмешательство) в России с тем, чтобы свергнуть Советскую власть и поставить буржуазную власть, которая восстановила бы в стране буржуазные порядки, отменила бы мирный договор с немцами и воссоздала бы военный фронт против Германии и Австрии» [1].

Англия начала интервенцию при помощи своих войск, хотя это было не так легко, ввиду серьезного натиска Германии на всех фронтах. В. И. Ленин указывал на VII Всероссийском съезде Советов, что «первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск» [2]. Однако и это нужно было подготовить не просто лобовым ударом, а предварительно развернув определенную контрреволюционную работу внутри нашей страны по сколачиванию враждебных советской власти сил, развернув широкую сеть шпионажа и подрывную террористическую деятельность против вождей проле-

[1] «История ВКП(б)», краткий курс, стр. 215.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 592.

тарской революции и руководителей Советской республики. Эту черную работу англо-франко-американские заправилы возложили на своих агентов, находящихся в России, и на целую армию шпионов-разведчиков, связанных с царскими генералами, офицерами, эсерами, кадетами, меньшевиками и троцкистско-бухаринскими бандитами, засевшими в Советских органах. Дипломатия «союзников» пустила в ход все средства для удушения Советской республики. После подписания брестского мира дипломатический корпус «союзников» под видом протеста выехал из Петрограда в Вологду, рассчитывая на бо́льшую безопасность и удобство сношений с подпольными контрреволюционными организациями. Все руководители контрреволюционных заговоров и мятежей были непосредственно связаны с ними и получали от них деньги для осуществления плана удушения Советской республики.

В начале 1918 г. был организован контрреволюционный «Союз возрождения России» в Москве, в который вошли самые махровые контрреволюционеры, начиная от царских генералов, офицеров и кончая кадетами, эсерами и меньшевиками.

«Союз возрождения» был на полном иждивении англо-французских посольств и выполнял их планы, направленные против нашего народа. Целый ряд филиалов этого «Союза» в Петрограде, Ярославле, Вологде, Архангельске и других пунктах Советской России занимался вербовкой членов, подкупами антисоветских элементов, набором военных кадров для будущих белогвардейских банд и подготовкой военных мятежей.

Восстание чехо-словаков, начавшееся 17 мая 1918 г., Ярославский мятеж 6 июля 1918 г., мятеж «левых» эсеров в Москве, убийство т.т. Володарского и Урицкого, покушение на жизнь В. И. Ленина, подготовка убийства тт. Ленина, Сталина и Свердлова — все это дело кровавых рук локкартов, нулансов, контрразведчиков англо-французского империализма, злейших врагов советского народа.

В. И. Ленин в своей речи на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. говорил: «Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас,— теперь уже стоит против нас англо-французский империализм, он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам»[1]. Война интервентов против нашего народа подтвердила и сейчас с каждым днем подтверждает правильность ленинских слов.

* * *

Вопреки категорическим указаниям товарищей Ленина и Сталина об опасностях интервенции и о необходимости принятия решительных мер против вторжения англичан, председатель Мурманского краевого совета троцкист Юрьев, по указанию предателя Троцкого и англо-французских «дипломатов», заключил с оккупантами «соглашение», вероломно предав советский народ и Красную армию.

18 марта 1918 г. Англия высадила в Мурманске десант в 500 человек, в июне в 2 000 чел. и через небольшой промежуток времени численность своих войск в Мурманске довела до 8 000 чел., став полным хозяином на побережье Белого моря.

Укрепившись в Мурманске, интервенты пополняли свои силы и готовили удар на Архангельск. Под прикрытием английского посольства, а также посольств некоторых «нейтральных» стран, зависимых от англо-французского капитала, начала сползаться на Север контрреволюция всех мастей, с целью организации переворота в г. Архангельске.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 161.

Товарищи Ленин и Сталин приняли решительные меры по обороне Севера от интервентов. Учитывая возможность оккупации Архангельска, И. В. Сталин направил туда специальную комиссию по разгрузке архангельского порта и повседневно следил за ее работой. Попытки врагов сорвать эту работу были сломлены. Благодаря т.т. Ленину и Сталину почти все военные запасы, бывшие в Архангельске, были своевременно вывезены в глубь страны и впоследствии были использованы Красной армией в борьбе с интервентами.

В. И. Ленин после высадки английского десанта предлагал прибегнуть к помощи авиации. Следя за продвижением англичан по Двине, он категорически указал командованию Северного фронта: «Теперь вы должны наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало[1].

По распоряжению товарища Ленина на Север были посланы вооруженные отряды рабочих из Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска. Владимир Ильич сам тщательно следил за их снаряжением и обеспечением всем необходимым. Не удовлетворяясь простыми сводками с фронта, он требовал самых подробных отчетов с перечнем фактических данных о ходе борьбы с интервенцией англо-французов и с белогвардейской опасностью.

Тов. Сталин, находясь на Восточном фронте, принимает целый ряд мер, направленных на укрепление Северного фронта, с целью преградить движение интервентов в центр и не дать им возможности соединиться с Колчаком.

Директивы товарищей Ленина и Сталина местным парторганизациям обеспечили организацию на Севере Красной армии и партизанских отрядов, громивших интервентов и белогвардейцев и закрывших им пути продвижения вглубь страны.

Подготовленный интервентами контрреволюционный переворот 1 августа в Архангельске был специально приурочен к моменту высадки английских войск. Эсеровские марионетки в руках англичан по-холопски приветствовали интервентов с надеждой, что верховное управление Северной области «сумеет, в особенности с помощью союзников России, утвердить свою власть в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской и Вятской губерниях, чтобы впоследствии слиться с всероссийским правительством»[2].

Грабительское вторжение англичан и французов в Северную область осуществилось только вследствие предательства троцкистов, засевших в советских органах и прикрывавших белогвардейцев-шпионов, которые подготовили сдачу Мурманска и Архангельска; Красная армия была в это время отвлечена на другие фронты, против более сильного противника.

После вторжения оккупантов в Северную область начали прибывать французские, американские, польские, итальянские и сербские отряды, которые под руководством английского командования вели борьбу против Советской власти.

Издевательства, насилия, грабежи и массовые расстрелы коммунистов и сочувствовавшего советской власти населения,— вот основные методы расправы интервентов с жителями оккупированных районов.

Один из участников северной авантюры, американец Chronicler (псевдоним) в своей книге «Архангельск. Война Америки с Россией» пишет: «Эта война на Севере России вдохновлялась главным образом Англией и являлась с ее стороны попыткой навязать свою волю русскому народу. Эта кампания была продолжением той политики, которую Англия проводила в Южной Африке, в Египте, в Месопотамии и в Индии».

Борьба рабочих и крестьян Северной области в тылу у интервентов, удары Красной армии, героическая подпольная работа коммунистов, несмотря на свирепый террор, ежедневно парализовывали действия интервентов и белогвардейцев. Эсеровское «правительство», как недостаточно решительное, было

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 492.

[2] «Интервенция на Севере в документах», Москва — Ленинград, 1933 г., стр. 14.

отставлено и заменено интервентами военной кликой Миллера, полностью выполнявшей все требования интервентов. Под руководством англичан генералы Марушевский и Миллер проводили несколько раз принудительную мобилизацию, но результаты были плачевны. В одном из своих последних «воззваний» к населению Миллер заявил: «Военно-продовольственные запасы были закуплены в достаточной мере, но яд большевистского разложения проник в умы нашей армии, и она, не подкрепленная тылом, потеряла свою стойкость, оставляя позиции без всякого натиска со стороны большевиков. Начались мятежи, части стали переходить к противнику, на призыв главнокомандующего о немедленной поддержке армии свежими силами населения для поднятия настроения откликнулись лишь единицы» [1].

Не лучше обстояло дело и среди войск интервентов. Солдаты интервентов требовали вывода их из Северной области. Пролетариат западно-европейских стран требовал прекращения кровавой политики англо-французских заправил, поджигателей войны и интервенции.

Под натиском советского народа в тылу и сокрушающими ударами Красной армии на Северном фронте интервенты, спасая остатки своих частей, позорно капитулировали и 27 сентября 1919 г. вывели свои войска, оставив на произвол судьбы разлагающуюся белогвардейщину.

Обанкротившиеся интервенты, уничтожившие десятки тысяч лучших сынов и дочерей нашей родины, ограбив на сотни миллионов рублей население оккупированных ими районов, не прекратили интервенции и после эвакуации войск. Они содержали на свой счет всю белогвардейщину на всех фронтах, превратили Польшу и Финляндию в плацдармы интервенции и всеми силами стремились удушить Советскую республику.

Публикуемые ниже документы отражают положение белогвардейской шайки Миллера после капитуляции интервентов. После неудачной авантюры на Севере при помощи своих войск, англо-французские заправилы продолжали интервенцию чужими руками. Это обычная практика англо-французских поджигателей войны и интервенции. Документы отражают панику белогвардейцев, которые боялись уже за свои шкуры. К союзникам и в «нейтральные» страны посыпались телеграммы с просьбой вербовать добровольцев для Северного фронта. Некоторые «нейтральные» страны, зависимые от англо-французского империализма, всячески старались оказать помощь русской контрреволюции и содействовали белогвардейским агентам в наборе и в покупке людей, которые должны были проливать свою кровь в интересах англо-французской империалистической касты и разгромленных русских белогвардейцев.

Пока Красная армия громила и уничтожала интервентов и белогвардейцев на Восточном и Южном фронтах, белогвардейская клика Миллера при помощи Англии и на ее счет покупала людей для формирования «добровольческих» отрядов. Военные агенты занимались покупкой и спаиванием молодежи, безработных и пленных солдат, принуждая их подписывать контракты. Попытка создать оккупационную армию из «добровольцев» не удалась. Среди завербованных в Швеции, Дании, Сербии и Бельгии были главным образом авантюристические и уголовные элементы, основной профессией которых были грабежи и убийства. Некоторые документы говорят о том, как верный слуга Англии, Маннергейм, готовил поход 100-тысячной армии на Петроград.

После разгрома интервентов и белогвардейцев на Восточном и Южном фронтах, Красная армия без особых усилий вышвырнула интервентов за пределы нашей страны и очистила Север от белогвардейщины.

21 февраля 1920 г. Красная армия заняла Архангельск. «Усилиями Красной армии и доблестью героического пролетариата прорублено новое окно в Европу. Врагам русского народа не захлопнуть его никогда» [2].

Н. Прокопенко

[1] «Интервенция на Севере в документах», 1933, стр. 84.
[2] «Известия ВЦИК», № 38/885 от 20 февраля 1920 г.

Из телеграммы Маклакова из Парижа председателю Временного правительства Северной области, 6 марта 1919 г.[1]

Отношение союзников к вопросу интервенции выразилось окончательно в форме публичных заявлений английского и американского правительств об отказе помогать нашей борьбе с большевиками присылкою войск, но о готовности оказывать нам поддержку снабжением, оружием и прочим необходимым материалом, инструктированием с присылкою своей на добровольческих началах (армии).

Нам известно, что действительные намерения влиятельных правительств идут в нашу пользу значительно дальше, но об этом не объявляется публично. Мы изыскиваем меры использования также находящихся во Франции наших 3/4 солдат, частью из числа здесь сражавшихся, частью вернувшихся сюда из германского плена. Теперешняя политика союзных правительств по вопросу интервенции объясняется существующим очень сложным политическим положением и оппозиционным отношением конвенции — левых групп и народных масс, что вызвано утомлением войною, неосведомленностью населения об истинном положении в России с одной стороны, а с другой,— сильною большевистскою агитациею, которая широко ведется в Европе, особенно в Америке.

Маклаков.

Телеграмма Набокова из Лондона в Омск министру иностранных дел, 15 мая 1919 г.[2]

За последнее время в печати крутой поворот в нашу пользу. Выставляют тезисы: во-первых, признание русского правительства адмирала Колчака, во-вторых, прекращение всяких сношений с большевиками, в третьих, активная военная помощь русским для взятия Петрограда. Описывая отъезд английских частей в Архангельск, газеты отмечают отличный состав этих частей и воодушевленное настроение. Полное наше объединение, вера в себя и деловитость — и дело наше будет выиграно.

Набоков.

Телеграмма ген. Миллера в Омск председателю совета министров, 4 июня 1919 г.[3]

Ожидается оставление Петрограда большевиками. Кто руководит операциями против Петрограда и в какой мере участвуют русские войска (нам) здесь не ясно. Прошу телеграфировать имеют ли лица, стоящие во главе, полномочия и указания от адмирала Колчака и какие. Временное правительство Северной области полагает, что создание нового, совершенно обособленного, правительства в Петрограде недопустимо и находит желательным включение Петрограда и всей освобожденной вокруг него (области) в орбиту полной компетенции Временного правительства Северной области, как только установится через Петрозаводск и (Званку) непосредственная связь с Петроградом. Для выяснения обстановки командируется генерал-лейтенант Марушевский.

Миллер.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 34-б.
[2] ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, д. № 128, л. 9.
[3] ЦГАОР, ф 176, оп. С. М., 1919 г., д. № 15, л. 68

Телеграмма ген. Миллера генералу-квартирмейстеру штаба главнокомандующего, 8 июля 1919 г.[1]

8 июля вернулся из Гельсингфорса генерал Марушевский. Доношу сведения, полученные мною от него: от Нарвы на Петроград действует отряд генерала Родзянко, он...[2] окружен силою до 10 тыс. штыков, а также до 3 тыс. карельских партизан. Эти отряды Петроград взять не смогут, генералу Родзянко они пока не подчинены. Генерал Юденич живет в Гельсингфорсе, приказ о назначении его главнокомандующим Западного фронта им получен, но власти у него нет. Что касается Финляндии, то там правительство руссофильское. Генерал Маннергейм обеспокоен только непризнанием адмиралом Колчаком финляндской независимости. Если последует признание адмиралом Колчаком финляндской независимости, генерал Маннергейм обещает немедленно двинуть 100 тыс. штыков на Петроград.

Миллер.

Телеграмма ген. Миллера в Париж Чайковскому и Сазонову, 2 августа 1919 г.[3]

Ввиду заявленного мне официального ухода английских и итальянских войск в сентябре и отказа от присылки обещанного на Мурманске французского батальона и трех батарей, военное положение сделается сразу критическим, вследствие несоответствия сил и крайне невыгодного стратегического положения на Архангельском фронте, неисправленного за нынешнее лето по отсутствию активных действий. Единственный выход — создание нового фронта при участии Финляндии, как ни кажется принципиально неприемлемым ее требование признания независимости. Фактически независимость существует и оспаривать ее мы не в силах, поэтому из-за соблюдения принципа нельзя лишаться ее помощи, могущей обеспечить не только успех на Петроград, но и успех совместного выступления войск Северной области. В противном случае вследствие своей изолированности и маложелательности обречены на поражение при некотором усилии большевиков. Адмирал Колчак полагает, что только союзные державы могут побудить Финляндию к активному выступлению, особенно Англия. Если так то настал последний час сделать эту попытку для спасения не только Петрограда, но и Северной области. Миллер.

Из телеграммы ген. Миллера в Омск адмиралу Колчаку, 3 августа 1919 г.[4]

Английские власти предлагают заблаговременно под прикрытием английских войск эвакуировать из Архангельска часть гражданского населения, чинов администрации, всех офицеров, надежных солдат и военное имущество, или в Мурманск для создания там прочной обороны, или даже к Деникину.

31-го английский главнокомандующий сообщил о полученном им приказании эвакуировать все английские войска до замерзания порта. До 1 сентября войска останутся на фронте, после чего постепенно будут уводиться. К половине октября эвакуация закончится. Аналогичное распоряжение получено и для Мурманского края.

Малочисленность и неустойчивость русских войск, подверженных пропаганде, проявившаяся в заговорах против офицеров в нескольких полках, заставляет сомневаться в возможности продержаться...

Миллер.

---

[1] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, д. № 53, л. 160.
[2] В подлиннике пропуск.
[3] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, 1919 г., д. № 13, л. 181.
[4] ЦГАОР, ф. 200, оп. 4, 1919 г. д. № 113, л. 3.

Телеграмма ген. Миллера в Белград Штрандману, 24 августа 1919 г.[1]

В состав союзных войск, оперирующих на Мурманском фронте Северной области, входит один запасный сербский батальон. Солдатам, из которых многие по несколько лет находятся на войне, обещано скорое возвращение на родину, одновременно с эвакуацией английских сил. С уходом союзников для области создается весьма тяжелое положение, ввиду сравнительной малочисленности русских войск по отношению к большому протяжению линии фронта и неблагоприятного впечатления, производимого на молодые формирования оставлением союзниками, в которых они видели надежную опору.

При таких обстоятельствах для обороны области имело бы серьезное значение, если бы, взамен уходящего батальона, были бы присланы сюда новые сербские вооруженные силы. Мы уверены, что наш призыв в критическую минуту за братской помощью не останется без отклика как у правительства, так и населения Сербии, связанной столькими узами с Россией, и что найдется достаточное число добровольцев, которые пожелают сменить своих уставших, заслуживших отдых товарищей.

Прошу вас приложить все усилия к оказанию содействия в этом вопросе, имея в виду возможность доставления войск в Архангельск до закрытия навигации до конца октября. Для вашего сведения сообщаю, что сербские войска могут не потребоваться для активных действий, они, главным образом, нужны для поддержания порядка и несения охранной службы, кроме того присутствию их придается большое моральное значение.

Кроме того очень прошу также сохранить здесь, пока имеются сербские войска, военного атташэ майора Павловича, присутствие которого может стать весьма полезно.

Генерал Миллер.

Из телеграммы Маклакова из Парижа в Омск управляющему министерством иностранных дел, 26 августа 1919 г.[2]

После долгих настояний армия Юденича получила из Англии полное военное снабжение на армию в 10—11 тысяч человек, т. е. на одну дивизию. Дальнейшее снабжение армии Юденича союзниками приостановлено из-за недостатка транспорта. Ввиду рискованного положения армии Юденича и необходимости покончить со взятием Петрограда до зимы, посланник в Стокгольме Гулькевич, по полномочию Юденича и с согласия Гофа[3], заключил договор со шведской фирмой о поставке Юденичу к 4 сентября нового стиля снабжения для нужд армии в 60 тысяч человек, согласно списку Юденича. Стоимость около 38 миллионов крон, обеспеченных личными векселями Гулькевича на шестилетний срок без поручительства. Как по стоимости, так и по короткому сроку поставки, договор исключительно выгоден. Гулькевич убедительно просит ныне же принять зависящие меры к тому, чтобы по векселям было уплачено в срок. Порт отправки Любек.

Маклаков.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, д. № 4, л. 3. Штрандман — представитель Колчака в Сербии.
[2] ЦГАОР, ф. 200, оп. 2, 1919 г., д. № 82, л 53.
[3] Гоф — англ. генерал, в 1919 г. представитель Антанты в Сев. Прибалтике.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Копенгагене Потоцкому, 28 августа 1919 г.[1]

Прошу вас передать мою искреннюю признательность сенатору Засядко и членам Союза печати за их любезную телеграмму и за выраженную готовность быть полезными Северной области.

Союз печати мог бы оказать действительную услугу области, если бы взял на себя задачу осветить в прессе то трудное положение, в котором она очутилась вследствие внезапно принятого английским правительством решения отозвать все свои войска. Объявленная нам в последних числах июля эвакуация союзных войск, которую сначала предполагалось совершить постепенно, растянув ее до начала ноября, принимает на деле гораздо более поспешный характер и должна, повидимому, закончиться к концу сентября.

Помимо того, что область не могла своевременно принять меры к сосредоточению организации сложного дела обороны края в одних русских руках и ныне вынуждена приложить крайние усилия, чтобы справиться с этой задачей, несмотря на чрезвычайное ослабление боевых сил с уходом союзников, приходится констатировать, что особая интенсивность эвакуации тяжело отзывается и в другом отношении. Отвлечение тоннажа не только для вывоза людей, но и всякого рода военного материала, затрудняет снабжение области продовольствием, углем и другими крайне необходимыми припасами, которых область лишена совершенно и на получение которых после ухода союзников трудно расчитывать, так как с ноября навигация прекращается.

Насколько область не была подготовлена к происходящему видно из того, что еще в июне сюда прибыли добровольческие английские части, для ведения летней кампании, ныне же эти части, почти не приняв никакого участия в военных операциях, должны нас покинуть задолго до окончания удобного для операции сезона.

Обрисовав общественному мнению положение области, Союз печати мог бы пропагандировать идею отправления на Северный фронт добровольцев из Скандинавии, присутствие которых в рядах наших войск служило бы наглядным доказательством того, что они борются за правое дело, и являлось бы для них сильной моральной поддержкой.

Миллер.

Телеграмма ген. Миллера в Омск адмиралу Колчаку, сентябрь 1919 г.[2]

Полагая крайне желательным, в виду отозвания всех союзных войск, привлечь взамен их хотя бы незначительную иностранную вооруженную силу, присутствие которой производило бы здесь наилучшее моральное впечатление, я обратился с этой целью через Штрандмана с соответствующим призывом к сербскому правительству; я предложил прислать сюда части, составленные из добровольцев, которые явились бы сюда на смену находившегося до сего времени в составе войск Мурманского фронта сербского батальона.

Королевич регент[3] отнесся к этому предложению весьма сочувственно и заявил, что тотчас будет приступлено к набору добровольцев, как только английское правительство обеспечит их перевозку на

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 32.
[2] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 8, л. 12.
[3] Александр Сербский.

Север России и содержание на тех же основаниях, что и раннее бывших здесь сербских войск. Об этом поставлены в известность Сазонов и Набоков. Однако для вернейшего успеха дела, которому по местным условиям мною придается несомненное значение, я просил бы снабдить наших представителей инструкциями об энергичных настояниях перед английскими властями для получения необходимого в данном случае содействия с тем, чтобы сербские добровольцы были доставлены в Архангельск по возможности до замерзания порта, то-есть до начала ноября.

Генерал Миллер.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 7 сентября 1919 г.[1]

Вербовка добровольцев среди солдат бежавших из плена не дает пока результата. Сибирцы согласны ехать только рабочими на железную дорогу.

Потоцкий.

Телеграмма ген. Миллера в Лондон Саблину, 20 сентября 1919 г.[2]

Одновременный уход всех английских сухопутных и морских сил 28—29 сентября создает крайне тревожную обстановку в городе, где преступные и большевиствующие элементы несомненно готовятся к вооруженному выступлению, в связи с неудачами на фронте. Необходимо иметь в городе прочную войсковую часть, ничем не связанную с местным населением. Сербский батальон предположен к увозу из Мурманска 2 октября. Прошу срочного распоряжения доставить его в Архангельск до ухода английских войск и оставить его здесь до конца октября исключительно для гарнизонной службы.

Миллер.

Из телеграммы нач. штаба Северной армии ген. Квецинского в Копенгаген для ген. Марушевского, 21 сентября 1919 г.[3].

Прошу напрячь все усилия к возможно скорой высылке как формируемых в Германии контингентов из наших пленных, так и добровольцев из Дании, Швеции и Норвегии, конечно, из надежных элементов. Сербский королевич разрешил отправку добровольцев из Сербии на Север. Павлович остается в Архангельске.

Квецинский.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 22 сентября 1919 г.[4]

22 сентября видел Маннергейма, проезжавшего в Лондон. Ваша телеграмма им получена лишь в середине сентября. Видимо он глубоко разочарован, что ни Колчак, ни вы не пошли навстречу выступлению Финляндии. Чайковский по его словам был совсем против соглашения нашего и Юденича. Дело поправимо только в Лондоне и Париже, при чем Маннергейм не склонен продолжать разговор, но будет проводить свои идеи через англичан. В Финляндии силы Севера преувеличиваются и полагают, что английские добровольцы останутся. Осведомленность об истинном положении дел усилит шансы групп желающих говорить с большевиками.

Потоцкий.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 37.
[2] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 218-б.
[3] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 44.
[4] Там же, л. 45.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 23 сентября 1919 г.[1].

Капитан Поллудан, организатор добровольцев в Эстляндии, предлагает немедленный набор 300 человек. Если нам средства позволят, то количество может быть повышено до 1000 человек датчан и шведов. Условия: обмундирование и паек, жалование офицерам — до 500 крон, унтер-офицерам — до 350, рядовым — 200. Отряд в 500 человек стоил бы 110 тыс. крон в месяц, расчет русскими рублями по курсу. Кроме того, необходим фонд здесь 500 тыс. крон для обеспечения инвалидов и семей по расчету до 5000 крон на отдельные случаи. Все расчеты,, возможно, удастся понизить. Прошу ответа срочно. В утвердительном случае вышлю Поллудана немедленно к вам.

Потоцкий.

Из телеграммы ген. Миллера в Париж Сазонову и Чайковскому, 28 сентября 1919 г.[2]

Масса военного имущества потоплено и уничтожено зря. Генерал Раулинсон[3] во всех распоряжениях руководствуется одной идеей оставить нам возможно меньше, из опасения что оставленное имущество попадет в руки большевиков, и увезти войска возможно скорее, не считаясь совершенно с нашим военным и внутренно-политическим положением. Содержание сербских войск в крайнем случае можно взять на счет русского правительства. Скорейшее прибытие в Архангельск их крайне важно.

Миллер.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Выборге ген. Гулевичу, 28 сентября 1919 г.[4]

Для усиления войск Мурманского района необходимо произвести мобилизацию всех русских, проживающих в Финляндии, в возрасте от 19 до 40 лет, и отправить в штаб генерала Скобельцына[5] непосредственно через финляндскую границу. Прошу вас сделать призыв, указав на аналогичное распоряжение адмирала Колчака в отношении всех русских, проживающих заграницей. Об уклонившихся донесу как о дезертирах. Телеграфирую одновременно министру иностранных дел в Гельсингфорсе, прося оказать нам содействие в деле, имеющем целью наилучшее обеспечение финляндской границы от красной опасности.

Миллер.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Копенгагене Потоцкому, 29 сентября 1919 г.[6]

На условия согласен, желательно батальон в 1000 человек и предлагаю Поллудану немедленно приступить к формированию отряда; не

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 47.
[2] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 221-б.
[3] Раулинсон Генри Сеймур, р. 1864 г., барон, англ. фельд., в 1915 г. команд. армией на западно-европ. фронте, с 1919 г. нач. эвакуации интервентов с Севера России, в 1920—25 г.г. главноком. индо-британских войск в Индии.
[4] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 3.
[5] Генерал Северной белой армии, в 1919 г. командующий Мурманским фронтом.
[6] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 47.

вижу надобности предварительного приезда сюда, получится излишнее замедление. Уполномачиваю вас заключить договор. Необходимые к включению в договор условия с нашей стороны телеграфирую дополнительно.

Миллер.

Телеграмма Штрандмана из Белграда ген. Миллеру, 1 октября 1919 г.[1]

Лично передал королевичу регенту вашу просьбу об оставлении батальона в вашем распоряжении до конца октября. Его высочество, осведомившись из показанной мною вашей телеграммы о готовности сербов остаться, дал согласие и приказал телеграфировать своему военному агенту в Лондоне для сообщения командиру батальона, подтверждая вчерашнюю телеграмму (военного министра). При этом он указал мне на желательность верного обеспечения, согласно вашему обещанию, вывоза батальона из Архангельска в конце октября.

Штрандман.

Телеграмма ген. Миллера в Париж Сазонову, 4 октября 1919 г.[2]

Если английское правительство затрудняется взять на себя содержание сербского батальона и перевоз его из Сербии, то содержание может быть принято на счет Северной области. По доставке батальона в один из портов Франции или Дании, он может быть перевезен в Северную область русским тоннажем.

Миллер.

Телеграмма ген. Миллера в Париж Сазонову и Чайковскому, 7 октября 1919 г.[3]

Крайне нужны 75-миллиметровые снаряды срочно двадцать тысяч гранат и десять тысяч шрапнели; прошу отправить первым отходящим из Франции или Англии ледоколом.

Миллер.

Телеграмма военного агента в Брюсселе полк. Прежбиано ген. Миллеру, 9 октября 1919 г.[4]

Прибывший в Брюссель господин Ландман сообщил мне о желательности навербовать отряд добровольцев для Архангельска. Вопрос этот уже здесь возбуждался месяца два тому назад по инициативе бельгийцев, но был оставлен ввиду отказа генерала Деникина, куда желали ехать добровольцы[5], а также из-за отсутствия средств. Полагаю возможным организовать отряд для Севера, присоединив к нему имеющихся в моем распоряжении русских добровольцев из бывших пленных. Отношение бельгийцев к русским очень хорошее, и желание возобновить сношения со всеми частями России проявляется всеми кругами. Второй вопрос, возбужденный Ландманом,— закупка угля, думаю, что будет очень трудный вопрос ввиду недостатка такового во Франции. Весь имеющийся уголь распределяется

[1] ЦГАОР, ф. 17, д. № 4, л. 5.
[2] Там же, л. 6.
[3] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 232-б.
[4] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 7.
[5] Так в подлиннике.

особой международной комиссией в Париже, которая разрабатывает проект закупки угля в южной России, и вошла в сношения по этому вопросу с Деникиным. Благоволите телеграфировать: желательна ли организация добровольческого бельгийского отряда. Если окажется необходимым, то какие материальные условия могут быть предоставлены добровольцам; желательно ли изыскать вооружение и снабжение добровольцев; каким образом может быть произведен платеж за содержание добровольцев, их обмундирование и прочее; каким образом полагаете организовать их перевозку в Архангельск? Имеются предложения бельгийской фирмы на покупку до трех тысяч автоматических девятиразрядных пистолетов по цене 65 франков, желательна ли их покупка?

Прежбиано.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 14 октября 1919 г.[1]

Капитан Поллудан выезжает с командой в 30 человек. Условие заключил на основании телеграммы Квецинского № 623. Поллудан обязан до 1 декабря перевезти в Архангельск 2 роты и пулеметное отделение, всего 500 человек. Еще 500 обещает после 1 декабря. Необходимо предупредить консула Нардэ, чтобы встретил, отправил к нам. Наблюдение за Бюро здесь возьмет на себя Потоцкий, обо всем сообщено Кандаурову[2], который поможет в Стокгольме.

Потоцкий.

Из телеграммы военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 15 октября 1919 г.[3]

В Лондон прибыл генерал Добржанский, организатор галичан и русских крестьян в Америке. Добржанский предлагает до 2 500 надежных добровольцев этой категории. Четырнадцатого выехал в Лондон на несколько дней, и если перевозку можно наладить, донесу телеграммой об условиях. Хочу в Лондоне организовать пропаганду и давать статьи в прессу о Севере, чтобы парализовать вредную полемику газет...

Потоцкий.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 15 октября 1919 г.[4]

Получил сведение, что предположено высадить английские войска, вывезенные из Архангельска, в район армии генерала Юденича. Английские солдаты недовольны эвакуацией и английское правительство хочет использовать их настроение для оказания содействия при операциях против Петрограда и заодно изолировать немецкое влияние. Прошу передать в Омск.

Потоцкий.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Париже ген. Щербачеву, 17 октября 1919 г.[5]

Сообщаю условия, на которых приглашаются добровольцы из Англии: продовольствие, обмундирование, снаряжение, вооружение, те же, что были в английской армии, за наш счет. Пенсии за увечье и

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 60.
[2] Полк. ген. штаба, с 1917 г. военный агент в Стокгольме.
[3] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 3, л. 61.
[4] Там же, л. 62.
[5] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 244.

семьям те же, что в русской армии. Жалование командного состава добровольческих частей, соответственно получавшемуся англичанами в Сев. экспед. корпусе: командиру батальона — 5 000 общегосударственных рублей, майору — 4 500, капитану — 4 000, лейтенанту — 2 800. Солдатским чинам от 1 200 до 775 рублей в месяц. Семейным солдатам дополнительно 200 рублей. Дорога в обе стороны за наш счет. Эти условия были сообщены Ермолову и английскому офицеру, взявшемуся составить добровольческую бригаду с полным подчинением русской военной власти и ответственностью перед русским военно-окружным судом.

Миллер.

Телеграмма Базили из Парижа ген. Миллеру, 22 октября 1919 г.[1]

Французское правительство ответило, что оно не имеет возможности отправить из имеющегося здесь недостаточного наличия выстрелов 75 и 155-миллиметровых. Вместе с тем сообщается, что французский военный агент на Мурмане получил инструкцию сдать русским властям раньше своего отбытия во Францию требуемые вами боевые припасы из складов, находящихся в экономии. Одновременно французское правительство указывает на возможность нахождения таких же боевых припасов в румынских складах на Севере. О результатах наших сношений с румынским представителем по этому вопросу обязательно вам немедленно телеграфно сообщу.

Базили.

Телеграмма военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 27 октября 1919 г.[2]

В виду необходимости при начале вербовки быть обеспеченным денежными средствами и невозможности точно определить заранее сумму расхода прошу о срочном переводе аванса в 100 тыс. франков в Брюссель. Приблизительно, полагаю, обмундирование и первоначальные расходы будут около 500 франков на человека. Содержание, впредь до отправки, надеюсь устроить в кредит у бельгийского правительства.

Телеграфируйте, какое количество добровольцев желательно.

Прежбиано.

Телеграмма наштасева Рецинского военному агенту в Бельгии Прежбиано, 1 ноября 1919 г.[3]

По вашей телеграмме от 27 октября Главкосев признает желательным иметь первоначально до одной тысячи человек добровольцев.

Наштасев Рецинский.

Телеграмма наштасева Рецинского военному агенту в Брюсселе Прежбиано, 6 ноября 1919 г.[4]

Главкосев приказал просить вас принять все меры к подысканию тоннажа для доставки из Англии бригады добровольцев, примерно до 2500 человек. Желательно получить тоннаж и кредит за счет общего государственного долга.

Наштасев Рецинский.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, 1919 г., д. № 13, л. 253.
[2] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 55, л. 10.
[3] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 14.
[4] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 16.

Телеграмма военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 11 ноября 1919 г.[1]

Бельгийское правительство уступило мне за счет государственного долга 50 траншейных мортир типа Делатр и к ним 15 тыс. снарядов. Мортиры эти легко переносимы. Кроме того могу получить некоторое количество аэропланов разных германских типов. Подыскать охотников летчиков бельгийцев возможно. Желательна присылка специалиста, знающего условия работы на Севере для приема; знание французского языка необходимо. Ландман рекомендует летчика Туманова.

Прежбиано.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 12 ноября 1919 г.[2]

Из польских кругов сообщают, что генерал Маннергейм проехал в Варшаву для переговоров об установлении единого фронта для совместного наступления против красных.

Потоцкий.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Копенгагене Потоцкому, 15 ноября 1919 г.[3]

Наши пароходы прибудут за добровольцами приблизительно 1 декабря на 300 чел. и 15 декабря на 300 чел. Более точные сроки будет телеграфировать нам следующий с первым пароходом капитан Голосов. Направляйте добровольцев в Берген русскому консулу к указанному сроку времени. Поллудану указано быть осторожней.

Миллер.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 26 октября 1919 г.[4]

Из весьма осведомленного источника сообщают: 23 октября в Гельсингфорсе должно было быть заседание Государственного совета, на котором обсуждалась возможность участия в действиях против Петрограда Финляндии. Английский посланник должен был принять участие в заседании. Ожидается приезд генерала Маннергейма, симпатии коего нам (искренни), он развивает русские идеи и готов обратиться с призывом к вольным стрелкам, приняв над ними командование. Положение должно выясниться в течение ближайших дней.

Прошу передать в Омск.

Потоцкий.

Из письма военного агента в Париже Щербачева ген. Деникину, 15 ноября 1919 г.[5]

Милостивый государь Антон Иванович.

...Переходя к отношению союзников к русскому вопросу, приходится сказать, что оно оставалось до самых последних дней все тем же неопределенным и расплывчатым, с случайными и частичными декларациями отдельных министров. 8-го же ноября н. ст. Ллойд-Джордж удивил всех заявлением о желательности скорейшего мирно-

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 25.
[2] Там же, д. № 3, л. 70.
[3] Там же, л. 72.
[4] Там же, л. 66.
[5] Там же, д. № 5, лл. 96—97.

го разрешения русских внутренних конфликтов. Это заявление встревожило всех, ввиду совпадения с новыми мирными предложениями советского правительства. И в печати и в парламентских кругах явилось опасение за возможность новой попытки в роде Принкипо[1]. В тот же день я был уведомлен, что французское правительство категорически осуждает высказанное Ллойд-Джорджем предположение, а парламентские деятели отправились к уезжавшему вечером 8 ноября в Лондон Пуанкаре и поручили ему решительно противиться каким бы то ни было попыткам сближения или компромисса с большевиками. Аналогичные инструкции были даны Клемансо, сопровождающему Пуанкаре.

В результате, в Лондоне состоялось международное совещание, на котором вынесено решение, в силу которого ни одно союзное правительство не приступит к переговорам с Россией доколе не будут достигнуты следующие основные условия:

1) Уничтожение Советов, 2) роспуск Красной армии, 3) созыв совещания земских организаций и Учредительного собрания.

Ллойд-Джордж на следующий же день, т. е. 13 ноября, сделал в Палате общин соответственное разъяснение, сказав, что не имел вовсе ввиду никаких переговоров с большевиками, а только лишь выразил надежду на быстрейшее прекращение кровопролития и решение русского вопроса. Русский вопрос, добавил он, будет обсуждаться на специальной конференции представителей союзников, в которую должны быть также внесены неразрешенные до сего времени мирным конгрессом вопросы, как турецкий и т. д.

Относительно помощи антибольшевистским правительствам Ллойд-Джордж прямо заявил, что новых против намеченной ранее программы каких бы то ни было пособий английское правительство, ввиду трудного финансового положения, дать не может.

Щербачев.

Из телеграммы ген. Миллера в Париж Сазонову, 17 ноября 1919 г.[2]

Последние заявления Ллойд-Джорджа заставляют опасаться, что Северная армия лишена будет обещанной материальной помощи. Задержка в присылке наших ледоколов усугубляет мое беспокойство. Северная область в отношении всякого военного снабжения всецело зависит от ввоза извне, для чего нужны ледоколы и подвоз необходимого военного имущества, списки коего сообщены Саблину. Нужда в ледоколах, угле и особенно зимнем обмундировании — шубы, мундиры, теплые перчатки,— достигла большой остроты и дальнейшая задержка в прибытии ледоколов и в снабжении солдат зимней одеждой неминуемо отразится на численности армии, твердости ее настроения и ее боеспособности. После революции у нас не армия, а милиция, лучшее материальное обеспечение продовольствием и одеждой, по сравнению с большевиками, является наиболее лучшим союзником.

Миллер.

---

[1] Имеется в виду предполагавшаяся конференция на Принцевых островах в Мраморном море. 23 января 1919 г. было получено предложение Америки и Англии о созыве конференции для разрешения «русского вопроса», путем соглашения между Советским правительством и белогвардейскими правительствами, существовавшими тогда на территории СССР.

Советское правительство нотой от 4 февраля выразило согласие на участие в конференции, но Колчак, Деникин и др. отказались от участия, и конференция, таким образом, не состоялась.

[2] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 13, л. 276.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 25 ноября 1919 г.[1]

Поллудан обязался доставить 500 человек к 1 декабря: это выполнено быть не может, лично я воздействовать не могу; — уже началась в прессе кампания против вербовки. Делаю всякие уступки, выдаю авансы.

Потоцкий.

Телеграмма военного агента в Финляндии ген. Гулевича ген. Миллеру, 10 декабря 1919 г.[2]

Могу командировать 600 чел. Путевые расходы каждого 1000 марок и 1000 рублей. Кредит имеется 10 тыс. марок, ныне ассигнованных, и старого остатка 20 тыс. марок, что допускает отправку 20 человек. Для дальнейшей отправки ассигнуйте 500 тыс. марок и 500 тыс. рублей.

Гулевич.

Из телеграммы ген. Квецинского военному агенту в Копенгагене Потоцкому, 12 декабря 1919 г.[3]

Капитану Поллудан: «Право организации в Скандинавии добровольцев сохранено за вами в полной мере. Объявленные приказом главнокомандующего правила приема иностранных добровольцев, относящиеся хотя и ко всем нациям без исключения, тем не менее не нарушают вашего договора, ибо не предусматривают никакой организации в Скандинавских странах. Прибывающих же в Архангельск хотя бы и из Скандинавии добровольцев полезных для обороны области главнокомандующий не считает возможным отправлять обратно на родину только потому, что они не прошли через ваше бюро, и эти люди будут зачисляться на русскую службу».

Подтверждая, что исключительное право организации добровольческой помощи скандинавскими добровольцами предоставлено капитану Поллудан, главкосев не видит нарушения условий в приеме в состав русских войск отдельно приехавших в область шведов.

Квецинский.

Телеграмма военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 15 декабря 1919 г.[4]

Благоволите приказать Лондону и Парижу уведомить меня заблаговременно о всех судах идущих в Архангельск, с указанием числа людей, могущих быть отправленными, и количества груза, [которое могут] принять на борт. Затрудняюсь заключить контракт с добровольцами, не имея уверенности в возможности отправить. Крайне опасаюсь, что задержка в отправке уже нанятых людей, отказавшихся для поездки от другого заработка, вызовет среди них неудовольствие, тем более, что я соглашаюсь считать срок службы лишь только с момента отправки, отказываясь выдавать деньги за сидение в Бельгии. При промедлениях возможны нападки прессы, которые не только погубят дело, но пошатнут общее положение агентуры.

Прежбиано.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, д. № 3, л. 79.
[2] Там же, д. № 5, л. 51.
[3] Там же, д. № 3, л. 88.
[4] Там же, д. № 5, л. 58.

Из телеграммы военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 2 января 1920 г.[1]

Первый отряд добровольцев около 120 человек, при трех-четырех офицерах, готов к отправке и я должен был принять его на русское жалованье с 1 января, при чем мною выдается лишь только аванс, желательно отправить людей возможно срочно, необходимо обмундирование; достать в кредит у бельгийского и американского правительств не удалось, придется купить в частных руках, что будет стоить не менее 200 франков на человека. Телеграфируйте покупать ли таковое, и в утвердительном смысле перевести не менее двухсот тысяч бельгийских франков, в виду недоверия к стоимости русских денег, все требуют обеспечения роста в валюте на основании сообщения из Парижа. Есть ли у вас необходимое вооружение для людей? По вопросу авиационного имущества, таковое уступают за государственный долг, подробности условия выясняю и телеграфирую дополнительно.

Прежбиано.

Телеграмма ген. Миллера военному агенту в Брюсселе Прежбиано, 8 января 1920 г.[2]

Обмундирование нужно получить в счет государственного долга. Таких сумм для перевода не имею; дальнейший приток добровольцев приостановите, если нельзя получить в кредит обмундирования, а для принятых на службу израсходуйте 24 тыс., из полученных вами 100 тыс. на отправку добровольцев. Саблин уведомил, что перевозка на русских судах из Англии будет даром, придется платить лишь за продовольствие в пути. Наши рессурсы в валюте крайне ограничены. Вооружение имеем. Очень благодарю за авиационное имущество, непременно нужны запасные части.

Миллер.

Сообщение Отдела иностранных дел генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего, 11 января 1920 г.[3]

В ответ на отношение от 6 января с. г.[4] Отдел иностранных дел имеет честь сообщить, что по вопросу об иностранцах и их роли и влиянии в политической жизни Северной области он считал бы желательным передать, для осведомления правительства Южной России, нижеследующее:

Со времени эвакуации области союзными войсками иностранный элемент сколько нибудь значительной роли в политической жизни не играет и заметного влияния на ход событий не оказывает. После того, как в ноябре 1918 г. сформировалось в Сибири временное всероссийское правительство и русская политическая жизнь стала тяготеть к этому новому центру, союзные иностранные государства, видимо, соответственно учли этот момент и, отозвав из Архангельска своих послов,— последним из их числа отбыл представитель Англии г. Линдлей в феврале 1919 г.,— оставили здесь лишь весьма ограниченный персонал посольств с первыми секретарями во главе, в качестве поверенных в делах. В наступивший вслед за этим период времени ясно выявилось господствующее влияние Великобритании, обладавшей наибольшим числом войск, в то время как контингенты других союзни-

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 61.
[2] Там же, л. 63.
[3] Там же, лл. 89—90.
[4] Там же, л. 88.

ков, несмотря на их крайнюю незначительность, начали постепенно еще больше уменьшаться. Такое положение продолжалось вплоть до самой эвакуации союзников в конце сентября, которая под влиянием английского командования была проведена в несколько большем даже масштабе, чем это можно было бы предполагать, так как англичане настояли не только на выезде всех союзных граждан, но и понуждали к эвакуации подданных близких к области Скандинавских стран, за которыми был прислан специальный пароход в сопровождении норвежского военного судна.

Само собой разумеется, что все иностранные дипломатические представители покинули Архангельск; мало того, существовавшие здесь английское и американское штатные консульства совершенно закрыты, равно как прекратили деятельность временные консульства Франции, Италии, Китая. Выехал из Архангельска даже местный старожил норвежский генеральный консул, проведший здесь свыше двадцати лет службы. Таким образом с уходом иностранных войск все иностранное представительство в Северной области свелось к нештатным временным консульским агентствам Норвегии, Швеции и, по какому-то недоразумению, Бельгии в Архангельске и французского консульского агента в Мурманске; в Мурманск после того вскоре прибыл агент Финляндии на правах консула. Деятельность этих случайных агентов выражается лишь в исполнении самых незначительных консульских обязанностей, ни на какую более крупную роль они не претендуют. Вскоре должен отбыть отсюда бельгийский агент, которому здесь делать нечего. Таким образом, можно сказать, что Северная область лишена иностранного представительства и в отношении ее со стороны иностранцев принято пока выжидательное положение.

Несмотря на происшедший как бы перерыв сношений с иностранцами Северной области, в силу ее полной зависимости как в военном, так и продовольственном отношениях от снабжения извне, приходится обращаться через наших дипломатических представителей за границей к правительствам главным образом Англии, Франции и Америки, хлопоча о пополнении запасов всякого рода военных материалов. Одновременно при помощи наших торговых агентов ведутся переговоры о доставлении необходимых области продуктов питания и таких основных предметов потребления, как например уголь, без которого Архангельск, в особенности в зимнее время, был бы лишен средств сообщения с Западной Европой и с Мурманском, служащим складочным местом доставляемых в область припасов.

С момента оставления края союзниками добывание за границей необходимого снабжения встречается в общем с неблагоприятными условиями и сопровождается крайними затруднениями, так как, повидимому, по крайней мере, в настоящее время, приходится пока отказаться от надежды получить что-либо на льготных основаниях, то есть в счет государственного долга России или хотя бы в долгосрочный кредит. Все требования на какие бы то ни было предметы принимаются, или за наличный расчет в валюте (в Англии), или встречаются с требованием покрытия стоимости нужных грузов ценным ныне сырьем (во Франции), или, в лучшем случае, удовлетворяются с предоставлением некоторой рассрочки платежа (в Америке). Между тем имевшаяся в распоряжении Северной области валюта близится к истощению, новых источников ее получения не предвидится, за исключением леса, что же касается экспортных товаров, то все, что имелось в Архангельске на складах и все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти что безвалютно, примерно на сумму 4 мил. ф. ст.

По вопросу о влиянии иностранцев на экономическую жизнь Северной области Отдел будет в состоянии доставить сведения по получении отзыва Отдела финансов, торговли и промышленности, с которым делается сношение.

Управляющий канцелярией (подпись).

Телеграмма военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 14 января 1920 г.[1]

Обмундирование, ружья за счет кредита у частных лиц достать, конечно, нельзя. Правительство дать таковые отказалось, в виду отсутствия запасов. Попытаюсь достать русское обмундирование из русской базы во Франции. Что касается перевозки, то таковая бесплатна, но продовольствие стоит из Англии в Архангельск для офицеров — 12 фунтов, для солдат — семь. Курс фунта выше 42 франков. Продолжить дело без дополнительного аванса невозможно, так как, кроме расходов по отправке, расходую на содержание рекрутского бюро и на телеграммы в Архангельск. В виду политического и военного положения России доверия к русскому рублю нет, рубль стоит лишь только несколько сантимов, потому пришел к заключению гарантировать добровольцам минимальный курс рубля, считая фунт равным 80 рублям, как мне было указано Парижем, который сообщил для руководства копию контрактов, заключаемых с чехословаками для Севера. Без подобной гарантии ни одного не пошло бы и все дело имело бы несерьезный вид.

Доверенный Ландмана господин Ламинг сообщил мне, что достать тоннаж для перевозки угля без уверенности обратного фрахта невозможно, цены на уголь с каждым днем растут, одна цена фрахта в Мурманск без страховки 110 шиллингов тонна.

Остроградский отказывается принять уголь на имеющиеся у него пароходы, при чем он сообщил Дмитриеву, что им выполнена вся угольная программа Северной области. В виду этого полагал бы желательным довести хотя бы одно дело до благополучного конца, а потому испрашиваю вашего разрешения использовать находящиеся в Париже 620 тыс. на окончательную организацию и снаряжение добровольцев. Что касается до аэропланов, то таковые принимаются со всеми запасными частями, пулеметами, радиостанциями и проч.

Прежбиано.

Телеграмма военного агента в Копенгагене Потоцкого ген. Миллеру, 20 января 1920 г.[2]

В Париже принято решение снять блокаду с большевиков, немедленно можно ожидать шагов к заключению мира между Антантой и большевиками. Если бы была признана в Париже и Лондоне полная самостоятельность Северной области, то в случае мира край был бы обеспечен от нашествия большевиков. Позволю себе советовать дать указание нашим представителям в этом смысле, так как усиление области войсками Юденича вряд ли исполнимо в краткий срок и без затруднений.

Потоцкий.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 66.
[2] Там же, д. № 3, л. 119.

Телеграмма Квецинского военному агенту в Бельгии Прежбиано, 20 января 1920 г.[1]

Достать обмундирование из русской базы во Франции чрезвычайно желательно. Приложите для этого все усилия. Дополнительный аванс отпущен быть не может, добровольцев возможно принимать лишь в пределах 100 тыс. франков, как то сообщалось вам телеграммой моей 12 января.

Гарантировать курс рубля возможно лишь, пока добровольцев будет немного, при большем количестве их, область на себя такого обязательства взять не может. Парижские 620 тыс. использованы быть не могут, так как они расходуются по указанию Лондона. Сообщите когда предположена отправка авиационного имущества.

Квецинский.

Телеграмма военного агента в Бельгии Прежбиано ген. Миллеру, 28 января 1920 г.[2]

В виду невозможности организовать что-либо на имеющиеся средства, прекратил вербовку, отправляю уже законтрактованных и организованный авиационный отряд, привлекаю преимущественно русских летчиков. Командование отрядом поручено летчику Лариновскому; первые четыре аппарата будут готовы к отправке в начале февраля. Погуляев обещал прислать необходимый тоннаж.

Прежбиано.

Телеграмма Квецинского военному агенту в Копенгагене Потоцкому, 2 февраля 1920 г.[3]

По имеющимся сведениям, среди офицеров Бермонта имеется много ненадежного элемента, политиканствующих. Северной области нужны офицеры исключительно надежные, дельные, добросовестные служаки, вне политики. Телеграфируйте, сколько офицеров можно отобрать требуемых качеств. Благоволите едущих предупредить, что северная армия построена на строгих законах дисциплины и порядка, нарушение которых сурово карается.

Квецинский.

---

[1] ЦГАОР, ф. 17, оп. 1, д. № 5, л. 83.
[2] Там же, л. 75.
[3] Там же, д. № 3, л. 109.

Быт солдат в царской казарме

Старое, дореволюционное прохождение военной службы являлось для трудящихся масс тяжелой, каторжной повинностью. День, в который с церковных амвонов объявлялся «всемилостивейший» манифест о призыве, становился днем народного горя и печали. По селам и деревням, заливая горе вином, новобранцы пели:

Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты.
Пальцы рубит, зубы рвет —
В службу царскую нейдет.

Отрицательное отношение трудящихся масс к солдатчине в царской России не случайно.

Русский народ, отличавшийся необычной храбростью и выносливостью, не боялся опасностей войн. Даже больше, русский народ любил воевать, и в борьбе за свою независимость показал величайшие в истории войн образцы самоотверженности и героизма, стойкости и самопожертвования, перед которым всегда преклонялись наиболее сильные и опасные враги и захватчики, покушавшиеся на Россию. Полтавский разгром шведов, штурм Измаила, Бородинская эпопея — только наиболее яркие эпизоды, непревзойденные примеры героизма и стойкости, свойственные великому русскому народу.

Но для реакционного русского самодержавия вооруженная сила необходима была не для защиты «отечества», а для угнетения малых народностей и, для подавления революционных движений рабочих и крестьян. «Постоянное войско,— писал в 1905 г. Владимир Ильич Ленин,— везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага» [1].

Для того, чтобы армия могла выполнять жандармские функции, правительство изолировало солдатскую массу от народа, объявляло ее стоящей вне политики и всеми средствами, с помощью дворянского офицерства, превращало армию в бессловесное и послушное орудие, способное беспрекословно защищать господствующий класс от всех и всяких врагов. Достигалось это различными способами воздействия, среди которых большое место занимали зуботычины, розги, издевательства и религиозное ханжество.

Еще до отправки рекрутов в полк царские пастыри в длинных рясах читали им пространные проповеди о христианской морали, о повиновении и послушании, о необходимости защищать веру и божьего помазанника на земле — царя. Самым страшным и зловещим призраком царской армии была казарма. Если дореволюционная Россия справедливо считалась тюрьмой народов, то царская казарма была тюрьмой в тюрьме.

«Казарма в России,— писал Владимир Ильич Ленин,— была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком» [2].

И внешне казарма напоминала тюрьму.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 397.
[2] Там же, стр. 395.

В отчете Главного военно-санитарного управления за 1910 г., где даны обобщающие сведения о санитарном состоянии армии, мы читаем: «До настоящего времени самым крупным недостатком в нашей армии... является то обстоятельство, что весьма многие казармы, как жилые помещения, далеки от самых скромных требований гигиены. Прежде всего необходимо отметить тесноту и недостаток кубического содержания воздуха. Отсутствие особых столовых и комнат для занятий делает еще более чувствительным этот недостаток, способствуя образованию пыли в помещениях... Плохой обмен воздуха дает себя знать особым, присущим казармам, специфическим запахом, который особенно усиливается в ночное время» [1].

Далее в этом документе говорится о сырости, грязи, отсутствии бань, прачечных и т. п., и эти факты констатируют не частные лица, а государственное учреждение, ведавшее санитарным благоустройством русской армии. Антигигиеничная обстановка казарм тяжело отражалась на здоровьи солдат. Болезни среди солдат были массовым явлением. По числу больных русская армия, по сравнению с армиями западных стран, занимала первое место.

Так, например, в 1908 г. находилось на излечении в военных госпиталях и околотках, не считая единичных посещений, 564 837 человек, что составляло почти 50% всего наличного состава армии.

В 1908 г. лечилось: больных органами дыхания — 63 563 человека, больных желудком — 55 193 человека, сифилисом — 67 273 человека и различными заразными болезнями — 79 407 человек. Неудивительно, что по смертности рядового состава русская армия также занимала одно из первых мест. В 1908 г. умерло по официальным, далеко не точным сведениям, 4 942 человека, в 1910 г.— 5 070 человек и в 1911 г.— 4 768 человек или 1,14%. Кроме этого ежегодно из армии выбывало несколько десятков тысяч человек по причине неспособности к службе. Так, например, в 1908 г. было отчислено от военной службы по неспособности 56 788 человек. Что из себя представляет категория неспособных к военной службе можно видеть из высказываний главного врача Гвардейского корпуса: «Число умерших от легочных болезней,— писал этот врач в 1902 году,— а также уволенных в неспособные по причине их вообще велико. Многие увольняются в таком состоянии, что большей частью по прибытии на родину умирают, или обессиленные, с глубоко подорванным здоровьем, становятся инвалидами, нуждаясь в посторонней помощи» [2].

Сотни солдат, не вынося каторжной жизни, кончали самоубийством, калечили себя и бежали с военной службы.

Ежегодно русская армия теряла умершими, бежавшими, отчисленными в неспособные, преданными суду и т. п. почти до 10,5% наличного состава армии.

Но самый главный порок царской армии заключался еще не в этом. Главное было в том, что солдат был бесправен. Его безнаказанно мог бить, издеваться над ним любой начальник, начиная с фельдфебеля и кончая генералом. Солдатам запрещалось ездить в вагонах трамваев, так как по понятию царских сатрапов нахождение в вагоне солдата и офицера одновременно являлось оскорблением офицерского достоинства; солдат не мог посещать общественных мест, как-то: зоологические сады, кафе и проч.

Еще накануне мировой войны у входа в Петроградский зоологический сад висело унижающее достоинство русского солдата объявление: «Собакам и нижним чинам вход воспрещается». Солдаты не имели права участвовать в политической жизни страны. Прибывавшие в казарму молодые солдаты поступали в полное распоряжение фельдфебелей, которые, пользуясь своей властью и безнаказанностью, вымогали у солдат деньги и всячески издевались над ними. Жаловаться солдат не мог. За жалобу его ждала новая, еще более жестокая, расправа. Так, например, в 1909 г. командир роты 3 Перновского полка избил палкой гренадера Левитина. Левитин решил подать жалобу на

[1] См. ниже, стр. 160.
[2] См. ниже, стр. 148.

командира. Узнав об этом командир вызвал к себе солдата и предложил ему небольшую сумму денег, угрожающее заявив: «Брось, не жалуйся — тебе больше попадет». Когда же солдат отказался от денег, командир написал на него рапорт о том, что Левитин сломал у него палку. И судьба гренадера была решена. Его предали суду и приговорили к 10 годам каторги [1].

Другой не менее характерный случай произошел в 1912 г. в 3 пограничном Заамурском полку. Рядового 4 роты Романова избил унтер-офицер Павловский. Романов вынужден был обратиться в госпиталь, где было обнаружено повреждение уха. Началось следствие. Производивший дознание офицер записал в протоколе, что Романова ударили по щеке. Последний заявил, что его вначале ударили по уху, а затем били по щекам. Офицер заявил: «Не разговаривай о том, что у тебя не спрашивают, а то будешь разговаривать, то я еще дам тебе по другому уху» [2].

И такие факты не единичны. Солдат обязан был терпеливо сносить издевательства и удовлетвориться обещаниями, что за богом молитва, а за царем служба не пропадет.

Не всегда солдаты безропотно сносили издевательства. История России знает не мало случаев волнений и восстаний в царских войсках. Но эти восстания были разрозненны и неорганизованны.

В статье В. И. Ленина «Доклад о революции 1905 г.» дана исчерпывающая характеристика недостатков солдатских бунтов: «Широкие массы матросов и солдат,— пишет Ленин,— легко начинали бунтовать. Но также легко делали они ту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства; таким образом начальство выигрывало драгоценное время, получало подкрепление, разбивало силы восставших, а затем следовало самое жестокое подавление и казни вождей» [3]. У них,— говорит В. И. Ленин,— «нехватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: нехватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции» [4].

Старая царская армия с ее бытом и нравами навсегда отошла в прошлое. Печатаемые ниже документы показывают только частично тяжелое и бесправное положение русского солдата. Эти документы помогут нашей прекрасной молодежи лучше понять весь ужас недалекого «вчера» и заставят еще сильней любить свое радостное и счастливое «сегодня».

Материалы хранятся в Центральном Военно-Историческом архиве.

М. Семин.

Из отчета Главного военно-медицинского управления за 1902 г. [5]

...Переходя к разбору причин развития болезней органов дыхания и мер борьбы с ними в армии, следует сказать, что этот вопрос в отчетном году обстоятельно разработан в отчете корпусного врача гвардейского корпуса.

Хотя взгляды и наблюдения названного врача касаются круга службы и жизненной обстановки гвардейцев, но многое из высказанного им представляется одинаково ценным для ознакомления с причинами распространения болезней органов дыхания и мерами борьбы с ними вообще в рядах войск. Предварительно необходимо заметить, что по распространению болезней органов дыхания и убыли от них, как

---

[1] См. ниже, стр. 155—157.
[2] См. ниже, стр. 167.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 351.
[4] Там же, стр. 350—351.
[5] Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1902 г., СПБ, 1904 г., стр. 206—209.

показывает цифровая характеристика развития означенных болезней в армии, первое место занимает Петербургский округ.

Такую печальную привилегию этого округа, главным образом, создает и ежегодно поддерживает гвардейский корпус, в котором болезни органов дыхания являются настоящим бичем. Поэтому вполне понятно, почему корпусный врач гвардейского корпуса, разрабатывая собственно вопрос о причинах большого числа уволенных в неспособные и умерших среди подведомственных его санитарному попечению войск, остановился на весьма подробном разборе причин развития болезней органов дыхания и мер к устранению этого печального явления.

Исходя из положения, что причина грудных заболеваний, преимущественно хронических форм их, как например, чахотки — этой жилищной болезни, лежит главным образом в антигигиенических условиях ближайшей жизненной обстановки, упомянутый врач сосредоточивает свое внимание на оценке качества воздуха и количества света в гвардейских жилых казарменных помещениях, а также касается пищевого довольствия, одежды, сна, характера службы гвардейцев и, наконец, заглядывает в душевный мир их. По поводу всего этого он говорит, между прочим, следующее.

Требуемого по положению количества воздуха (не менее 1½ куб. саж. на человека), при температуре 12°—14°, в действительности не бывает во многих казарменных помещениях, если принять в расчет объем печей, сундуков, шкафов и прочей мебели. Санитарное состояние казарм еще более ухудшается при наличии в них отделений с работающими до поздней ночи портными и сапожниками, особенно в зимнее время, когда ко всему этому присоединяется необходимость считаться во многих казармах с сырым и холодным воздухом, не нагреваемым нередко даже при основательной топке выше 8°—9°. При такой обстановке солдат, заболевший каким-либо хроническим страданием легких, не в состоянии поправиться и, если во время не будет подвергнут серьезному лечению, то неминуемо попадет в число неспособных или умерших. Помимо плохого воздуха казармы нередко, особенно в зимнее время, страдают от недостатка света, так как многие из них освещаются отраженным светом с узких улиц, с дворов, загроможденных флигелями и складами дров. Далее — пища высокорослых гвардейцев в количественном отношении рассчитана по одному масштабу, как и для малорослого армейца, что не может не отразиться на питании гвардейцев...

Число умерших от легочных болезней, а также и уволенных в неспособные по причине их вообще велико. Многие увольняются в таком состоянии, что большей частью, по прибытии на родину, умирают, или обессиленные, с глубоко подорванным здоровьем, становятся инвалидами, нуждаясь в посторонней помощи, не говоря уже о том, что подобные больные могут распространять болезни (например чахотку). В санитарных отчетах войсковых врачей между прочим встречаются также указания на то, что многие из уволенных в неспособные по III ст. не могли быть отправлены на родину вследствие слабости, и умерли в лечебных заведениях...

Обращение солдат 2 Красноярского железнодорожного батальона в Красноярский комитет РСДРП, сентябрь 1905 г.[1]

Мы, нижние чины 2 железнодорожного батальона, просим местный комитет Р. С. Д. Р. П. предать гласности возмутительные факты грабительства и мошенничества нашего начальства, в лице полковника

[1] ЦВИА, ф. 1450, оп. 5, д. № 3, лл. 71—72.

Алтуфьева и его присных. Не будем говорит о том, сколько унижений и оскорблений приходится переносить нам; не будем говорить и о том, что в лице солдата они не видят человека, способного чувствовать и понимать, как и все люди. Нет, начальство смотрит на нас, как на предмет, который можно безнаказанно грабить и эксплоатировать. Оно грабит те последние крохи, которые нам полагаются от правительства Романова, и нам часто приходится буквально голодать только потому, что начальству нужна экономия, которую они целиком кладут в свой карман. Но зато в приказах они кормят и обращаются с нами хорошо.

А что они сделали с нашими деньгами, доставшимися нам потом и кровью на Либаво-Роменской ж. д. Из трех тысяч, которые мы там заработали, по алтуфьевскому приказу осталось 800 рублей, а спустя месяц, по приказу его помощника Симашко, осталось всего 400 рублей. Но и этих денег нам не дают в уверенности, что мы все снесем и будем молчать. Но и наше терпение лопается. В настоящее время когда мы, нижние чины, работаем — часть в мастерских и депо, а часть у частных подрядчиков, Алтуфьев и компания продолжают тянуть свою линию. И вот 7 сентября к нам приехал какой то генерал, к которому мы обратились с жалобой. Но, как мы теперь окончательно уверились, нет правды у правительства Николая Обманова. Результат нашей жалобы вышел плачевный: некоторым придется сидеть под арестом, некоторым стоять под ружьем. И это только за то, что мы, нижние чины, решились пожаловаться на полковника; за то, что мы хотели узнать, куда деваются наши деньги, которые начальство, придерживаясь разных положений о хозяйстве, загребает в свой бездонный карман.

Кроме того, по выезде из местечка Барановичи, где мы стояли, наше начальство оборудовало лавочку для батальона; топоры приобретались на суммы, заработанные нами в разное время. Эту лавку мы взяли с собой, и вот теперь, вместо того, чтобы дать возможность покупать нам из нее, приспешники Обманова продали весь товар купцам, у которых мы и берем его за двойную цену. Много, много нам приходится терпеть и переносить от начальства, поставленного любвеобильным царем Обмановым. И мы с нетерпением ждем того часа, в который, по знаку революционных партий, нам придется или умереть, или свергнуть это ненавистное иго и отомстить.

Долой самодержавие!

Нижние чины 2 железнодорожного батальона.

Ответ Красноярского комитета РСДРП на обращение солдат 2 Красноярского железнодорожного батальона, сентябрь 1905 г.[1]

Оглашаемые солдатами 2 железнодорожного батальона факты не представляют собой чего-либо исключительного в ряду тех безобразий, которые царь со своими опричниками проделывает изо дня в день над несчастными русскими солдатами. Если мы тем не менее решили напечатать это письмо, то делаем это только потому, что оно исходит от людей малосознательных, почти совершенно не задетых революционным движением: они на собственной шкуре убедились, что такое русское самодержавие, и это убеждение, как и обращение их к нам, нам особенно дорого. Читайте же, солдаты, это письмо своих товарищей и убедитесь, вместе с ними, что вы должны бороться не за царя, а против него, за русский народ, за его политическую свободу. Переходите же, солдаты, на сторону народа и потребуйте рядом с ним и вместе с ним, свержения самодержавия и учреждения демократической республики.

[1] ЦВИА, ф. 1450, оп. 5, д. № 3, л. 71.

Да здравствуют русские солдаты, переходящие на сторону народа.

Мы печатаем доставленное нам письмо без каких бы то ни было изменений; мы не позволили себе сделать даже стилистических исправлений; лишь местами исправлена орфография. Вместе с тем мы еще раз напоминаем солдатам, что все сообщаемые ими факты грабежа и насилия над ними со стороны их начальников найдут себе место в издаваемом Сибирским союзом социал-демократическом листке или в отдельных листках вплоть до того момента, пока мы не сломим самодержавия и не добьемся в России полной свободы печати.

Красноярский комитет.

Письмо рядового 2 Восточно-сибирского саперного батальона К. С. Спирта брату Н. С. Спирта, 28 марта 1907 г.[1]

Здравствуй дорогой брат Никита Савич, и сестра Елена Григорьевна!

В первых строках моего письма спешу я вас уведомить, что я в настоящее время нахожусь в полном здравии, чего вам желаю, всего лучшего на свете и вашим деткам. Никита Савич, я ваше письмо получил еще в феврале месяце, и я вам уже послал это третье письмо, но не знаю почему вы мне не пишете ничего, или вы не получаете от меня? Никита Савич, меня крайне удивляет твое письмо, которое ты прислал мне. Меня страшно оно обидело, ты пишешь, что за богом молитва, а за царем служба не пропадает. Нет, Никита Савич, ты лучше скажи, что за царем нагайка не пропадет, которая у нас парит по плечам, а за богом пулеметы не пропадают, которым в настоящее время приобщают у церквах. Ты подумай, Никита Савич, на каком основании ты [это] написал. Неужели вам сладко достаются царские плети, которыми засекают старых и малых, которые голодом помирают.

Вот, Никита Савич, послушай мои речи, которые я тебе выскажу, какую нам царь дает милость. Вот наш царь на две категории службу разбил. 1905 года съехались: Трепов, Дурнов, Ренненкампф [illegible] Комельский и говорят: «ты знаешь что царь? Ты как был разбойником нашим атаманом, давай мы закон создадим; первый закон — нагайка, второй закон — пулеметы; нагайку мы пустим в городах и селах, а пулеметы поставим возле церквей. Когда будут идти молиться, так чтобы они проходили сквозь строй пулеметов и чтобы преклонялись им, а если кто скажет, что так бог повелел под пулеметом молиться, его сейчас забирают и сажают в тюрьму, говорят это бунтовщик. А нагайка для того, если только кто скинет шапку просить милостыню, его сейчас начинают кормить по плечам».

И вот, братец, я вас спрашиваю, что вам царь, чем он вас обеспечил, кроме только последнюю каплю крови высасывает из народа; он берет на службу. Кого защищать? Купцов, фабрикантов, дворян и попов, которых он обеспечил. Вся земля у них и мы на них работаем как лошади, день и ночь не имеем отдыха, и вы мне пишите — царю проклятому служить, грабителю. Он вас кровью залил народной! Я люблю народ, за него избавиться от такого ярма — произвола, накормить его и снять с него ярмо, которое плечи перетерло. Я сижу страдаю, но не покорюсь врагам. Помру за правду, сладко смерть принять за идею святую. Тот не есть человек, который только за себя живет, а народ страдает, и он его считает за собаку. Человек должен жить и делать хорошие дела, для блага народа.

Да здравствует свободная Россия! Сгибни деспотизмы проклятые, дай дохнуть свежим воздухом народу и малюткам-сироткам в павшие очи их за свободу.

С тем до свидания. Ваш брат К. С. Спирта.

---

[1] ЦВИА, ф. 1468, оп. 14, д. № 186, лл. 37, 38.

Отношение командира 10 пехотной дивизии командиру 5 армейского корпуса Н. В. Шутлеворту, 10 июля 1907 г., № 363. [1]

Считаю необходимым довести до сведения вашего следующие несоответствующие понятию о воинской службе случаи, имевшие место в двух частях вверенной мне дивизии.

В последних числах июня сего года в руки ефрейтора 2 роты 40 пехотного Колыванского полка Максима Любовского, неизвестно каким путем, попала обращенная к солдатам прокламация Российской социал-демократической рабочей партии о роспуске II Государственной думы. Любовский, вместо того, чтобы представить эту прокламацию своему непосредственному начальнику, передал ее для прочтения другому нижнему чину своей роты.

В том-же полку 20 сего июня, во время производства командиром полка опроса нижних чинов 1 батальона о протухших порциях мяса, оказавшихся в общем ящике для мясных порций, старший унтер-офицер 2 роты Фома Кучин стал подстрекать близ стоящих в строю нижних чинов не отвечать на приветствие командира полка, а на его вопрос: «кто не ел порций — подыми руки вверх», шепотом передавал совет, чтобы все поднимали руки.

Когда же сверхсрочный унтер-офицер 1 роты Долженков стал останавливать Кучина, предупреждая, что об этом он доложит командиру роты, то Фома Кучин, а также каптенармус 2 роты младший унтер-офицер Егор Остапов начали сперва упрекать Долженкова, а потом и ругать площадною бранью.

Близ стоявший вышеупомятый Максим Любовский принял также участие в этих пререканиях, поддерживая унтер-офицеров Кучина и Остапова.

Другая часть — это 39 пехотный Томский полк, в котором 7-го сего июля нижние чины 1 и 3 рот не пожелали идти на кухню получать борщ, приготовленный из капусты со свекольником.

Борщ по заявлению как офицеров полка, так и врачей дивизионного и полковых, был прекрасного качества. Нижние же чины не захотели его разбирать вследствие того, что во время сбора к обеду несколько нижних чинов — подстрекателей стали кричать, что «борща не брать и на обед не выходить». После опроса чинов обеих рот командиром полка люди пошли на обед, борщ был получен и съеден.

Всем этим случаям я не придаю особого значения в смысле возможности массового нарушения порядка в частях дивизии, но, очевидно, в каждом полку есть по несколько унтер-офицеров достаточно обработанных агитаторами и находящихся в выжидательном положении, чтобы при первом благоприятном случае сделать попытку вызвать беспорядки.

Дознание относительно попыток к бунту в Колыванском полку передано военному следователю, и я отдал соответствующий приказ дивизии № 50, которым лишил виновных унтер-офицеров Фому Кучина и Егора Остапова унтер-офицерского звания. Ефрейтор Максим Любовский переименован командиром полка в рядовые. Кроме того Фома Кучин по приказанию командира бригады арестован до распоряжения и все трое тем же приказом по дивизии переведены в другие полки.

О случае в Томском полку еще не закончено дознание, но на церковном параде этому полку по случаю полкового праздника, в своем обращении после поздравления, я сделал нижним чинам соответствующие внушения и указания.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

(Подпись).

[1] ЦВИА, ф. 2189, оп. 1, д. № 76, лл. 225—227.

Из письма солдата Д. Айзенберга к М. Карлинскому в Чикаго, 30 января 1908 г.[1]

В июне 1906 г. полк, в котором я имел честь служить, восстал с оружием в руках, требуя проведения в жизнь человеческих прав, но, к сожалению, нашлись слишком отсталые, слишком темные солдаты, которые пошли против нас, восставших, и своим бессознательным выступлением подавили восстание. Осужден я на 8 лет каторги, но сидеть долго, конечно, не буду, твердо в это верю. Бессознательные уже раскаиваются. Армия стала зрячей и увидела, против кого и чего она должна действовать оружием. Уйдя в запас, бессознательные встретили дома, в деревнях, заслуженное презрение. Голод и нужда близких выучат их быть честными сынами своего народа. Общее восстание армии не за горами. Прежние неудачные попытки доказали, что выступить надо всем сразу и во всех пунктах. Работа теперь кипит. До скорого свидания, дорогой брат. Пиши мне. Адрес: Александровская центральная каторжная тюрьма, Иркутской губернии.

Из письма солдата А. Чижова к П. Колосову в Лозанну, 13 февраля 1908 г.[2]

С военной службой и условиями ее я уже вполне освоился. Наш батальон состоит из трех саперных рот и одной телеграфной. Попал, к счастью, в последнюю. Служба у нас чистая, имеешь дело с аппаратами, с гелиографом и проч. С лопатой же дела иметь вовсе не придется. Товарищи — одна благодать. Все развитые, сознательные субъекты. Командир батальона, кажется, понял с кем имеет дело, сказал речь и грозил в случае чего пулеметами, но нам его пулеметы не страшны, не на таких напал. Темного, серого новобранца они жмут во всем, одурманивают уставами, играют на его верноподданнических чувствах и проч. ерунде, но таких новобранцев что то мало видно, все пошла нашего поля ягода. Покажем мы им уставы и верноподданнические чувства! Не сможешь ли прислать «газетку». Пригодилась бы. Пиши чаще, не забывай.

Рапорт военного прокурора военно-окружного суда командующему войсками Иркутского военного округа, 30 июня 1908 г.[3]

Приказом по войскам Иркутского военного округа от 21 февраля 1907 г. № 87 предан Иркутскому военно-окружному суду стрелок 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка Радченко, при чем в том же приказе говорится, что стрелки Гайсинер и Федосеев будут преданы по задержании их, так как дело о них, как о бежавших, было приостановлено.

В настоящее время стрелок Гайсинер задержан из бегов и допрошен в качестве обвиняемого, почему и может быть предан Иркутскому военно-окружному суду. Донося о чем, прошу ваше высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение отдать приказ в дополнение вышеуказанному о предании Гайсинера Иркутскому военно-окружному суду по обвинению его 1) в том, что в августе месяце 1906 г., в городе Красноярске, в казарме собирал около себя нижних

---

[1] ЦВИА, ф. 1468, оп. 14, д. № 186, л. 33.
[2] Там же, л. 34.
[3] ЦВИА, ф. 1468, оп. 14, д. № 189, л. 146.

чинов, умышленно, с целью побудить к нарушению долга воинской службы, читал им прокламации и говорил, что «правительство зря расстреливает людей», что «необходимо устроить забастовку, чтобы нижним чинам прибавили жалованье, а молодым солдатам 5 роты говорил «не слушайте взводных и отделенных», т. е. в деянии, предусмотренном 131 ст. угол. улож. 2) в том, что вечером 30 августа, когда унтер-офицер одной с ним роты Булгаков отводил Радченко и Федосеева на гауптвахту, он, выйдя на крыльцо и грозя кулаком, крикнул Булгакову «мы тебя решим, попадись только», добавляя к этому площадную брань, что предусматривается лит. Б-101-103 ст.ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г. изд. 3,

3) и наконец в том, что содержась под арестом на гауптвахте 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка, расположенного в гор. Красноярске, объявленном на военном положении, он в ночь на 29 ноября 1906 г. самовольно отлучился с указанной гауптвахты, и задержанный скрыл свое настоящее звание, назвавшись Гершельманом, и открыв свое действительное имя 24 октября 1907 г., что предусматривается 128, ч. 1, 131, примечан. 132 и 133 ст.ст. XXII кн. св. В. П. 1869 г. изд. 3.

И за эти деяния стрелок Гайсинер на основании 260, 262 и 267 ст.ст. XXIV кн. св. в. п. 1869 г. изд. 3, должен быть предан Иркутскому военно-окружному суду.

Копию означенного приказа о предании суду прошу приказать препроводить мне вместе с представляемым при сем делом для составления обвинительного акта о названном нижнем чине.

Военный прокурор, генерал-майор (подпись).

Из заключения военно-прокурорского надзора Иркутского военно-окружного суда, 23 августа 1908 г.[1]

Командир 1 роты 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка рапортом от 11 мая 1907 г. за № 89 донес по команде, что накануне дежурный по роте ефрейтор Пересунько доложил ему о нижеследующем: около 8 часов вечера 10-го того же мая в 4 роту пришел батальонный писарь Петр Михайлов, подсев к ефрейтору Пересунько и унтер-офицеру Кожемякину, начал говорить о тягости военной службы, о разорении крестьян выколачиванием податей, о расходовании этих податей на генералов и офицеров, а также о том, что все это можно переделать, и тогда всем будет хорошо, никаких податей платить не придется.

Предварительным следствием и дознанием по этому делу выяснено следующее:

10 мая 1907 г. около 8-ми часов вечера в 4 роту 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка пришел стрелок того же полка Петр Михайлов, бывший тогда батальонным писарем. Он вошел в комнату, где были унтер-офицер Кожемякин и ефрейтор Пересунько. Обращаясь к унтер-офицеру Кожемякину, Михайлов начал говорить, что служить нижним чинам тяжело, что слушать начальство не следует, что напрасно унтер-офицеры набивают головы солдат дисциплиной, что по приходе со службы солдата будут разорять непосильными податями, которые затем промотают генералы и офицеры, что все это можно переделать, и тогда всем будет легче, и платить подати не придется...

[1] ЦВИА, ф. 1468, оп. 14, д. № 189, лл. 128, 129.

За означенное преступное деяние на основании ст.ст. 260 и 262 кн. XXIV св. в. п. 1869 г. изд. 3, стрелок 30 Восточно-Сибирского стрелкового полка Петр Михайлов подлежит преданию Иркутскому военно-окружному суду.

Помощник военного прокурора, капитан Кононович.

Из обвинительного акта приамурского военно-окружного суда, 31 августа 1908 г.[1]

22 мая 1908 г. на разъезде Эхо Китайско-Восточной железной дороги штабс-ротмистр Леонтьев, садясь на поданную ему его конным вестовым Петром Городекиным лошадь, нанес последнему удар рукоятью хлыста по лицу и ногою в бок, а когда выехал в поле, то приказал Городекину бежать за ним, держа свою лошадь в поводу, а потом еще несколько раз ударил его хлыстом...

Рядовой же Петр Городекин показал, что 22 мая, когда он подавал штабс-ротмистру Леонтьеву лошадь, последний, ему неизвестно за что, ударил его ручкой хлыста по лицу, а когда штабс-ротмистр Леонтьев сидел уже в седле, и он, Городекин, придерживал стремя, то нанес ему удар ногою в бок и сказал, что когда они выедут в поле ему попадет по настоящему. Когда вслед затем они выехали в поле, штабс-ротмистр Леонтьев приказал ему спешиться и бежать за ним тем аллюром, каким он поедет, а потом приказал сесть верхом и стал стегать его хлыстом по спине.

Из рапорта врача 10 отряда начальнику лагерного сбора от 24 мая с. г. за № 739 видно, что при освидетельствовании рядового Городекина у него были установлены на теле: в области правой лопатки поверхностная ссадина и большой кровоподтек, на наружной и внутренней поверхности левой щеки небольшие ссадины и несколько ссадин на левом боку.

По письменным сведениям штабс-ротмистра 11 отряда Заамурского округа пограничной стражи Иван Иванович Леонтьев происходит из потомственных дворян Орловской губ., родился в 1872 г., на службе с 4 декабря 1890 г., в офицерских чинах с 14 мая 1896 г., православный, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался четырнадцать раз, из коих три раза за нанесения побоев нижним чинам.

На основании изложенного штабс-ротмистр Леонтьев обвиняется в том, что 22 мая 1908 г. на разъезде Эхо Китайско-Восточной железной дороги, он, садясь на поданную ему его конным вестовым Городекиным лошадь, нанес названному нижнему чину удар рукоятью хлыста по лицу, затем, сидя в седле, вновь нанес удар ему ногою в бок, а выехав в поле, сперва приказал ему спешиться и бежать за ним с лошадью в поводу, а потом, приказав ему вновь сесть на лошадь, стал стегать его хлыстом по спине, что предусмотрено ст. 187 кн. XXII св. в. п. 1869 г. изд. 3 и ст. 1489 улож. о нак. угол. и исправ.

Обвинительный акт составлен 31 августа 1908 г. в крепости Владивостоке[2].

---

[1] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 1400, л. 2.

[2] По приговору Приамурского военно-окружного суда от 8 (21) октября 1908 г. штаб-ротмистр Леонтьев был приговорен к 3-месячному содержанию на гауптвахте.

Отношение мобилизационного отдела Главного штаба начальникам штабов военных округов, 6 сентября 1908 г., № 932.[1]

При сем препровождается копия секретного циркулярного распоряжения министерства внутренних дел по управлению по делам о воинской повинности от 23-го минувшего августа за № 26 для соответствующих с доклада командующему войсками округа распоряжений.

При этом главный штаб сообщает, что уездные воинские начальники по получении от чинов министерства внутренних дел сведений о неблагонадежных в политическом отношении новобранцах, по примеру прошлых лет, обязаны сообщать полученные сведения в те части войск, куда назначены заподозренные в политической неблагонадежности новобранцы, для установления за ними в войсках негласного, но бдительного наблюдения.

Кроме того главный штаб в настоящем году также признает необходимым немедленно по прибытии новобранцев в войсковые части производить подробный осмотр принесенных ими с собой вещей.

Справка: секретные циркулярные отзывы главного штаба от 6 октября 1907 г. за № 1049 и 6 февраля 1908 г. за № 146.

Врид. начальника отдела, генерал-майор Фрейман.

Рапорт начальника Тульской конвойной команды главному инспектору пересылки арестантов, 4 марта 1909 г., № 741.[2]

Из прибывших во вверенную мне команду 30 новобранцев призыва 1908 г. нет ни одного хорошо грамотного, годного для подготовки из него писаря. Рапортом от 28 января с. г. за № 254 я просил начальника бригады о переводе одного или двух хорошо грамотных молодых солдат из других конвойных команд для вышесказанной цели, на что управление бригады отношением за № 926 уведомило меня, что сведений, где имеются грамотные нижние чины, не имеется и, если известно где таковые имеются, то сообщить. По наведенным справкам от начальников команд района бригады оказалось, что хорошо грамотных молодых солдат соответствующих для подготовки писаря не имеется.

Донося о вышеизложенном, прошу о переводе для указанной цели из других команд, где имеются излишние одного или двух молодых солдат хорошо грамотных.

Начальник Тульской конвойной команды, подполковник (подпись).

Из акта дознаний, произведенного по делу о гренадере 10 роты 3 Перновского полка, 21 мая 1909 г.[3]

Вследствие предписания командира полка от 21 мая 1909 г. за № 3013 3 гренадерского Перновского полка подполковник Шебуранов производил дознание по делу о гренадере 10 роты Янкеле Абрамове Левитине, обвиняемом в умышленном неисполнении приказания ротного командира и нанесении удара начальнику из нижних чинов, при чем обнаружилось следующее: обвиняемый гренадер 10 роты 3 гренадерского Перновского полка Янкель Абрамов Левитин, ср. службы 1907 г., вероисповедания иудейского, опрошенный мною 25 мая 1909 г. показал: 18 мая я стоял дневальным, ко мне подошел артельщик Дацук и сказал, что меня требует на кухню ротный командир. Я пошел вслед за артельщиком на кухню и там подождал немножко. Рот-

[1] ЦВИА, ф. 1468, оп. 14, д. № 190, л. 16.
[2] ЦВИА, ф. 2000, оп. 4, д. № 168, л. 18.
[3] ЦВИА, ф. Московский воен. округ, д. № 11—247, лл. 7—8.

ный командир говорит мне: «Почему колья не обрезаны». Я говорю, ваше высокоблагородие, мне так приказал делать фельдфебель подпрапорщик Макаров — обрезывать мне не приказывали». Тогда ротный командир не разговаривая со мной, поднял палку и начал меня колотить по левому боку и спине, когда я увидел что мне из под палки не уйти, то после 3-х ударов я подставил свою руку при чем у меня, когда он ударил в руку, осталось половина палки. Тогда я от нервности схватил половину палки в обе руки и начал ломать. Тогда подпрапорщик Поляков получил приказание, чтобы взять у меня палку. Когда подпрапорщик подошел и захватил меня за обе руки то я руками в то время поломал палку. Когда я поломал палку, подпрапорщик опустил мне руки и не стал брать у меня палки; тогда я взял эти два куска в одну руку и держал их.

Когда ротный командир призвал меня к себе еще ближе, потащил меня за рубашку к огороду поближе и сказал мне, чтоб я сейчас взял пилу и стал обрезывать колья, то я сказал:— «слушаюсь», то он еще раз размахнулся половиною палки, которая была у него в руках — но не ударил и тот час я пошел за пилой в роту и взял пилку и вернулся в огород обрезывать колья. Только я не успел обрезать и одного кола, пришел гренадер Пономарев и сказал: «брось, Левитин, обрезывать, иди становись под ружье. И когда я стоял под ружьем ротный командир пришел, взял журнал взысканий и записал за неисполнение приказания подпрапорщика фельдфебеля. Когда я отстоял четыре часа с двух часовым промежутком отдыха, после этого я заявил своему отделенному жалобу.

На завтра на занятиях ротный командир не приходил — только младшие офицеры, то тогда подпрапорщик фельдфебель Макаров доложил штабс-капитану Зыкову, что я заявил жалобу на ротного командира — тогда последний, штабс капитан Зыков, зазвал меня в ротную канцелярию и распросил на что я хочу жаловаться, я ему все рассказал, он пошел к ротному командиру, потом перед обедом ротный командир зовет меня к себе в барак. Когда я пришел к нему в барак, то он послал деньщика в собрание за обедом, а сам сказал мне: «поближе подходи к столу», положил револьвер на стол, он начал меня спрашивать — «ты заявил жалобу», я ответил: «так точно ваше высокоблагородие». Тогда он стал говорить: «брось не жалуйся — тебе больше попадет — и начал мне грозить, что я сломал палку и я могу достать за это арестантские роты». Когда я сказал, что не могу простить ваше высокоблагородие за то, что вы меня много раз били и обижали все время больше всех, тогда он подошел ко мне, начал гладить по голове и сказал: «не жалуйся, тебе лучше будет в роте, я не стану больше бить тебя, не стану обижать тебя, и не стану подавать на тебя рапорт, а если ты станешь жаловаться, то я подам рапорт, что ты сломал мою палку».

Я на все это не согласился и продолжал жалобу иметь. Он тогда подошел к столу, разгорячился и сказал: «Я тебя засушу, ты у меня будешь... в штаны». Я тогда начал плакать, убиваясь на мою судьбу, в это время он хотел мне дать деньги, но я ни коим образом не хотел брать. Тогда ротный командир подошел ко мне, опять начал меня гладить, целовать и меня уговаривать: «что я не стану тебя бить больше и ты будешь жить в роте хорошо и не сдадут тебя под суд», но я не согласился и сказал: «никак нет ваше высокоблагородие».

Он тогда подошел к столу, взял кусок бумаги и начал писать на меня рапорт, в это время принес деньщик ему обед. Когда он написал рапорт, то он послал деньщика за подпрапорщиком Поляковым. Подпрапорщик Поляков пришел сейчас же вместе с деньщиком и ротный командир сказал подпрапорщику: «Вот я написал рапорт на Левити-

на» и взял перечитал нам рапорт, тогда он велел подпрапорщику Полякову уйти, а рапорт дал деньщику, чтобы отнести в роту дать писарю переписать и мне велел уйти. Перед моим уходом он меня спросил, стоял ли я вчера под ружьем. Я ответил «стоял» — и он прибавил: «будешь стоять и сегодня» и ушел [1].

Рапорт командира 3 роты 2 артиллерийского полка Владивостокской крепости командиру батальона, 25 мая 1909 г. [2]

Производя 16 с. г. мая опрос жалоб в командируемой мною роте, ниже поименованные нижние чины срока службы 1909 г., заявили следующее: младший фейерверкер Евдоким Сикорский, командующий 1 взводом, заставлял своих людей взвода и некоторых нижних чинов срока службы 1909 г. из других взводов делать прыжки по 100, по 200 раз вне часов занятий до полного переутомления людей, когда же последние отказывались прыгать, то он приказывал вытягивать им руки и бить их по рукам, сняв для этой цели с себя портупею, бляхой.

Кроме того, наказывал их таким способом: так называемым «гусиным шагом», т. е. приказывал опуститься на носки, поднять руки вверх, приложив кисти рук к голове, зажав пальцы в кулак, оставив вытянутым указательный палец, изображая этим рога и в таком положении ходить вокруг всей казармы.

Тех же, которые падали, бил ремнем по рукам. Эти же нижние чины заявили мне о неполности получки ими сахара, каждый месяц не додавал по 36 золотников на человека из своего взвода, что в сумме составляет около 11 фунтов сахару. Млад. фейерверкера Евдокима Сикорского я немедленно отстранил от должности командующего взводом и назначил другого.

О вышеизложенном доношу [3].

Командующий ротой, подпоручик (подпись).

Из донесения командира 1 бригады начальнику 18 пехотной дивизии, 25 мая 1909 г. [1]

О комплектовании 69 пех. Рязанского полка.

Представляя при сем сведение о числе новобранцев, назначаемых расписанием Главного штаба в 69 пехотный Рязанский полк в течение последних пяти лет, я прихожу к тому заключению, что главный полковой контингент новобранцев образуется из уездов Рязанской губернии, затем следуют новобранцы уездов Эстляндской губернии и Волынской (вместе с евреями).

Ознакомившись с составом нижних чинов полков вверенной мне бригады, я не могу оставить без внимания того обстоятельства, что новобранцы Рязанской губернии не отличаются нравственными качествами, как вследствие хождения их на отхожие промыслы в такие центры, как гг. Москва, Одесса и т. п., а также влечения их к фабричному Московскому району.

Насколько велик % последних, показывает состав полковой учебной команды, взятой мной по состоянию на 1 февраля 1909 г., из которого

---

[1] Решением Московского военного окружного суда от 21 августа (сентября) 1909 г. рядовой Я. Левитин был лишен воинского звания и сослан на 10 лет на каторгу.

[2] ЦВИА, ф. 1578, оп. 2, д. № 1866, л. 26.

[3] Е. Сикорский был отдан под суд и приговорен к лишению звания младшего фейерверкера и аресту на 20 суток.

[4] ЦВИА, ф. 2000, оп. 4, д. № 168, лл. 28—29.

видно, что из числа 77 ч. этой команды — 37 бывших хлебопашцев, т. е. 48%, остальные же люди по бывшей своей профессии не могут считаться желательными, как будущие унтер-офицеры, и если были зачислены в команду, вопреки существующим по сему предмету распоряжениям, то объясняется это лишь невозможностью сделать выбор людей более соответствующих...

Насколько случаи нарушения обязанностей службы в нравственности прогрессируют в полку, видно из того, что подсудимых нижних чинов было:

в 1904 г.— 42 чел.
в 1905 г.— 33 чел.
в 1906 г.— 35 чел.
в 1907 г.— 79 чел.
в 1908 г.— 81 чел.

Конечно в это число не вошли такие нижние чины, к которым было применено дисциплинарное взыскание вместо предания суду.

Все вышеизложенное вынуждает меня просить ходатайства вашего превосходительства перед Главным штабом о замене, хотя бы на некоторое число лет, контингента новобранцев Рязанской и Эстляндской губернии другими губерниями и тем самым дать полку возможность улучшить свой состав как в физическом, так и нравственном отношении и, таким образом, подойти под уровень требований, предъявляемых полку в той же степени, как и к другим полкам с более удачным комплектованием.

Генерал-майор Баташев.

Из обвинительного акта Приамурского военно-окружного суда, 6 марта 1910 г.[1]

28 января 1910 г. в селе Новокиевском, старший врач 6 Восточно-Сибирского стрелкового полка рапортом по команде от того же числа и года за № 64 донес, что 27 января сего года в полковой околоток прибыл молодой солдат того же полка Дмитрий Жмуров с разрывом правой барабанной перепонки, причем рассказал, что его ударил перед тем по этому уху младший унтер-офицер его роты Томилов.

По мнению его, врача, последствием такого повреждения может быть потеря слуха, гноетечение и неспособность к военной службе.

Спрошенные на дознании по этому делу лица показали:

Молодой солдат Дмитрий Жмуров: что как то утром, на занятиях учитель молодых солдат младший унтер-офицер Томилов заметил на нем слабо затянутый ремень и приказал поэтому явиться к себе после обеда. В 1 час дня он, Жмуров, исполняя приказание, подошел к Томилову в то время когда тот лежал на койке. После явки Жмурова, Томилов, продолжая лежать, заставил первого делать гимнастику: прыжки и бег на месте. Спустя некоторое время он, Жмуров, устав, попросил учителя Томилова разрешить отдохнуть, на что последний ответил: «если не можешь, то падай». Продолжая, поэтому делать гимнастику, Жмуров окончательно выбился из сил и вследствие этого остановился. Тогда Томилов встал с постели и ударил Жмурова в правое ухо. От боли последний заплакал и на другой день, вследствие появившегося шума в ушах и неперестающей боли, принужден был отправиться в околоток.

Показание Жмурова подтвердили: Зудин, Видавский, Калинин, Мельник и Воробьев...

---

[1] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 2621, л. 2.

На основании изложенного младший унтер-офицер Томилов обвиняется в том, что состоя в урочище Зайсан учителем молодых солдат 15 роты 6 Восточно-Сибирского стрелкового полка, он 25 января сего года прийдя в запальчивость и не случайно, а с знанием последствий своего деяния, нанес рукой удар по правому уху молодого солдата той же роты и полка Жмурова, результатом чего был разрыв барабанной перепонки, что предусмотрено 1 ч. 1480 ст. улож. о нак. угол. и испр. и 187 XXII кн. с. в. п. 1869 г. изд, 3 [1].

Военный прокурор генерал майор — Шинкаренко.

Из отношения и. д. начальника Мобилизационного отдела ГУГШ в Главный штаб, 18 октября 1910 г. [2]

О недопущении строевых нижних чинов евреев к производству в унтер-офицеры и об ограничении производства в унтер-офицерское звание (старший разряд) музыкантов и нестроевых нижних чинов из евреев.

До 1861 г. нижние чины из евреев, согласно ст. 568 кн. 1 части II. св. в. п. 1859 г., могли быть производимы в унтер-офицеры только за боевые отличия, при чем на производство их испрашивалось высочайшее разрешение.

С 1861 г. по новой редакции названной выше статьи, объявленной в приказе военного министра 1861 г. за № 251, нижних чинов из евреев разрешено было допускать к производству в унтер-офицеры.

Однако, в дальнейших законоположениях и административных распоряжениях доступ нижних чинов из евреев к унтер-офицерскому званию был стеснен и поставлен в зависимость от усмотрения ближайшего строевого начальства.

Так, приказаниями военного министра в 1895 и 1896 гг. [3] не разрешен допуск евреев на некоторые должности и в некоторые части войск и учреждения военного ведомства, что равносильно ограничению прав при прохождении военной службы.

В положениях об обучении в учебных командах и школах, высочайше утвержденных в 1879, 1884 и 1901 годах, право выбора нижних чинов, для назначения в названные команды и школы, предоставлено батарейным, ротным и эскадронным командирам и обусловлено тем, чтобы выбираемые, помимо хороших нравственных и служебных качеств, обладали характером, необходимым для унтер-офицера...

Вследствие приведенных выше ограничений, в войсках были только единичные случаи производства строевых нижних чинов евреев в унтер-офицеры и сравнительно большее число случаев производства в унтер-офицерское звание (старший разряд) нижних чинов евреев, занимающих нестроевые должности и музыкантов.

В 22 день сентября 1910 г. по всеподданнейшему докладу вр. управляющего военным министерством о нежелательности иметь вообще в командном составе нижних чинов евреев, последовало высочайшее соизволение на установление нижеследующих мер для ограждения

---

[1] По делу унтер-офицера П. Томилова Приамурский военно-окружной суд 10 апреля 1910 г. вынес следующее постановление: «1) За причинение удара нижнему чину лишить Томилова унтер-офицерского звания и подвергнуть строгому аресту на двадцать суток. 2) По обвинению в причинении увечья тому же нижнему чину (по заключению врача у солдата Жмурова был найден разрыв барабанной перепонки — *М. С.*) считать невиновным и по суду оправданным» (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 2621, л. 47).

[2] ЦВИА, ф. 2000, оп. 4, д. № 167, л. 100.

[3] Отношение Главного штаба начальникам штабов военных округов от 28 октября 1895 г. за № 2707 и отзыв Главного военно-медицинского управления от 15 февраля 1896 г. за № 138 (прим. в подлиннике).

командного состава от доступа в него нижних чинов евреев и для ограничения вообще числа нижних чинов евреев унтер-офицерского звания в составе музыкантов и нестроевых нижних чинов:

1) Воспретить назначение нижних чинов евреев в учебные команды и школы для прохождения в них курса и подготовки к унтер-офицерскому званию.

2) Воспретить назначение вольноопределяющихся евреев в учебные команды и допущение их, а также евреев, поступивших на службу по жребию на двухлетних правах, к испытанию.

3) Допускать из нижних чинов евреев, занимающих нестроевые должности и музыкантов, к производству в унтер-офицерское звание (старший разряд) только особо заслуживающих этого и при том на такие должности, которые не совмещают в себе отличное знание дела (мастерства) с начальническими функциями по отношению к нижним чинам.

4) Допускать в военное время производство нижних чинов евреев в унтер-офицеры за боевые отличия на общих основаниях — без всяких ограничений.

5) Предоставить военному министру право устанавливать ограничения в допуске нижних чинов евреев на некоторые должности и в некоторые части войск, управления, заведения и учреждения военного ведомства.

О таком высочайшем соизволении сообщается для руководства.

И. д. начальника отдела, полковник Лукомский.

Из отчета Главного военно-санитарного управления за 1910 г.[1]

Санитарная обстановка армии и мероприятия по ее улучшению.

До настоящего времени самым крупным недостатком в нашей армии с санитарной точки зрения является то обстоятельство, что весьма многие казармы, как жилые помещения, далеки от самых скромных требований гигиены. Прежде всего, конечно, необходимо отметить тесноту и недостаток кубического содержания воздуха. Отсутствие особых столовых и комнат для занятий делает еще более чувствительным этот недостаток, способствуя образованию пыли в помещениях и затрудняя правильную очистку последних. Наличность почти во всех казармах лишь естественной вентиляции не допускает удовлетворительного проветривания жилых помещений. Плохой обмен воздуха дает себя знать особым, присущим казармам, специфическим запахом, который особенно усиливается в ночное время.

Далеко не редкость сырые и холодные казармы. Отхожие места во многих случаях примитивного устройства, очень холодны и значительно удалены от казарм, находящиеся же в самих казармах или вблизи часто настолько плохо оборудованы, что из них в жилые помещения проникает зловоние. Так, в двух каменных 3-х этажных зданиях, в которых размещаются нижние чины 1 гусарского Сумского полка, стены зимой промерзают и из отхожих мест проникает зловоние. Во 2-м гренадерском Ростовском полку в нижних этажах казарм — сырость. В 3 гренадерском Перновском полку казармы тесные, сырые; отхожие места холодные, построены близко от казарм, вследствие чего в помещениях сильно портится воздух. Казармы 31 артиллерийской бригады, переделанные из конюшень, ветхи, с низкими потолками, сырые.

---

[1] Всеподданнейший отчет военного министра за 1910 г. СПБ. 1912 г. стр. 142—144.

Особенно в неблагоприятных условиях казарменного размещения находятся войска Приамурского военного округа. Только половина (54%) нижних чинов размещается в каменных казармах инженерного ведомства. Представляя собой с санитарной точки зрения наилучший тип постройки, казармы эти весьма малочисленны, а потому и не удовлетворяют самой насущной потребности войск. Кроме того, вполне понятно стремление вывести нижних чинов из плохих помещений в казармы нового типа, вследствие чего и получается очень тесное размещение. Около 25% размещается в бревенчатых и дощатых бараках временной постройки, с одинарными деревянными полами или даже просто с деревянной настилкой между нарами и кроватями. Около 8% нижних чинов помещается в деревянных казармах инженерного ведомства, давней постройки, ветхих и совершенно неприспособленных к суровому и изменчивому климату округа. Около 6% нижних чинов живут в деревянных бараках инженерного ведомства, которые в виде построек временного типа были возведены для надобностей минувшей войны, а затем более или менее приспособлены для постоянного пользования. Около 5% обитает в землянках, полуземлянках, блиндажах, мазанках и т. п. примитивных сооружениях, что уже, конечно, не выдерживает никакой санитарной критики.

Вследствие недостатка казарменных помещений нижние чины в Приамурском округе размещаются вообще весьма скученно. Содержание воздуха во многих случаях понижается до 0,5 куб. саж. на человека. В виду тесноты помещений 76% нижних чинов спят на нарах, в том числе 29% на двухярусных. Скученность размещения не позволяет как следует изолировать трахоматозных. Только немногие части могут отводить для них отдельные помещения, в большинстве же войсковых частей им отводятся лишь отдельные углы в общих комнатах. Так же точно, не считая редких исключений, в казармах округа нет особых комнат для столовых и занятий.

К крупным санитарным недостаткам надо отнести отсутствие во многих частях собственных бань и прачешных, так что нижним чинам приходится пользоваться частными банями, представляющими для моющихся опасность заражения различными болезнями, а белье отдавать в стирку прачкам на сторону или мыть самим в тех же банях наскоро, кое-как. Кроме того, бани, которыми приходится пользоваться некоторым войсковым частям, значительно удалены от казарм, что представляет большое неудобство в холодную зимнюю пору.

Из писем отставного ген.-майора А. В. Жиркевича военному министру Сухомлинову, 14 февраля 1911 г.[1]

.. Позвольте доложить вашему высокопревосходительству, что положение общих (главных) гауптвахт в России — продолжает быть исключительным по своей вопиющей ненормальности.

Такая гауптвахта, в силу годами создавшегося у нас порядка и рутины, находится совсем в иных условиях, чем, например, гауптвахты при отдельных частях войск.

Последние, будучи организованы всегда в районе частей, не рвут внутренней связи с этими частями. Заключенные нижние чины постоянно находятся в сношении с товарищами-сослуживцами, со своими караулами, ротами, батареями, эскадронами; они могут делать заявления в части; начальство не забудет их и проверит каждую их жалобу. Они как-бы у себя дома.

[1] ЦВИА, ф. 2000, оп. 3, д. № 859, лл. 3—14.

Но то ли видим мы по отношению к главным (общим) гауптвахтам?!...

Подчинение комендантских управлений, по уставу, начальникам гарнизонов, на практике, конечно, оказывается лишь подобием контроля, а то и фикцией (прикажите навести справку, часто ли этот контроль осуществляется начальством в действительности?).

Нижние чины, сидящие на главных гауптвахтах, надолго, если не навсегда, прекращают связь со своими частями.

Они, к тому же, являются чужими для комендантского управления.

В свою очередь, и комендантское управление им чуждое.

Никакой нравственной связи, поэтому, между заключенными, к тому же, часто перемещающимися из одной гауптвахты в другую, и комендантским начальством нет и едва ли может быть при существующих на гауптвахтах порядках и личном составе комендантских управлений.

Вечно сменяющиеся караулы — тоже чуждый для военных узников элемент, и наоборот.

Комендантские управления, к тому-же, завалены, до невозможности, срочной канцелярской работою и им зачастую не до заключенных.

А в результате — то полное заброшенное состояние наших главных грауптвахт, о котором многие годы я говорю и пишу бесплодно... [1]

Разрешите мне, для подтверждения только что сказанного, описать вам откровенно, с ручательством за верность изображения, состояние одной такой общей грауптвахты всего три — четыре месяца тому назад, не называя до времени ее местонахождения.

Вот картина этого, забытого начальством учреждения, на темном фоне безучастного, бессердечного, иными словами, противозаконного отношения к ней чинов местного комендантского управления:

1) Помещение старое, сырое, холодное, давно уже несоответствующее нуждам гауптхвахты. Стены так ветхи и сыры, что в некоторых местах их легко пробивает сабля.

2) Внутри, в коридорах, в камерах, в отхожем месте, в помещении караула — грязь и вонь.

3) В камерах несносный нездоровый воздух, какая-то особая «атмосфера» — в виде тумана, насыщенного разного рода вредными испарениями.

4) Во многих камерах нестерпимо холодно, так как, независимо от сырости наружных стен: а) печи неисправны, б) каптенармус, пользуясь тем, что чины комендантского управления по целым неделям не появляются у арестованных, топит камеры не ежедневно, по своим личным соображениям. В результате, нижние чины, чтобы согреться, по утрам лежат на нарах закутанными в шинели еще в 9 часов утра, а в камерах беспорядок.

5) По небрежности (или бессердечию) того же каптенармуса, халатности офицерского состава комендантского управления и безразличному отношению к своим прямым обязанностям караульных начальников, во многих окнах камер, в течение нескольких дней, вставленные вторые рамы оказались, например, без форточек, почему, будучи приставлены к рамам с форточками, они окончательно лишили камеры и того немногого притока воздуха извне, который был до того. В одной из таких, общих, камер чахоточный больной, заражающий остальных, здоровых товарищей по заключению, прямо задыхается в душ-

[1] Письмо Жиркевича печатается не полностью. В выпущенных местах говорится о мероприятиях, которые, по мнению автора, должны улучшить положение на гауптвахтах. В числе прочих мер ген. Жиркевич предлагает военному министру увеличить штат священников, проводить религиозные беседы среди заключенных, снабдить военные тюрьмы иконами, религиозной литературой и проч.

ном помещении, но напрасно умоляет перевести его в комнату «с форточкой».

6) В другой, одиночной камере находится пять дней подряд нижний чин посиневший, задрогший от холода. Ему, по роду его наказания, не полагается матраца, подушки, а рваная шинель не греет тело. Несчастный, при посещении его, оказывается днем лежащим на голых нарах, с лицом, закутанным в полотенце, в которое он дышет, чтобы — по его признанию — хоть сколько нибудь согреться. Дело в том, что несмотря на холод на дворе, его, по забывчивости начальства, держат в этом каменном мешке, где печь давно испорчена и помещение, поэтому, никогда не отапливается.

7) Вместо положенных по уставу двух раз в месяц арестованных водят в баню только раз в месяц, или раз в три недели, по партиям; причем времени для мытья каждой партии дается, в [целях] экономии дров, так мало, что многие не успевают помыть своего белья, почему тело заключенных, их белье — грязны, покрыты паразитами, а сами узники, при нестриженных волосах и оборванном платье производят поистине впечатление бродяг. Так как, по неволе, белье их моется и сушится в камерах же, то это увеличивает только беспорядок, сырость и грязь в помещениях.

8) В некоторых камерах энергичные, бесчисленные мазки пальцами крови на стенах указывают на упорную борьбу узников с клопами: клопы в щелях нар, в трещинах стен. Их множество. К окончательному их уничтожению мер не принимается.

9) Каптенармус разносит по камерам кипяток не рано утром, как то полагается, а около 10 часов дня, почему такой кипяток, ввиду обеда в 12 часов не достигает своего назначения, и по утрам люди не могут согреться в холодных помещениях.

10) Некоторые заключенные не имеют обуви, вследствие чего целые дни бродят босиком по холодному, асфальтовому полу, простуживаясь, и производят видом своим гнетущее впечатление.

11) О враче нижние чины гауптвахты давно уже не слыхали. О фельдшере — тоже.

12) Они жалуются на то, что комендантское начальство их посещает крайне редко, с большими перерывами, что докладные записки об их нуждах возвращаются им из комендантского управления под тем предлогом, что таковые будто бы написаны не до форме; как же надо писать их,— им, заключенным, не объясняется.

13) В некоторых (дырявых, старых) матрацах, крайне грязных и едва ли когда либо мывшихся, вместо соломы — вонючая, перепревшая труха. Некоторые заключенные, по виду их ареста, лишены даже и этих подобий матрацов, а, между тем, положены спать на койки, приспособленные к матрацам, имеющие, поэтому, доски с такими большими промежутками, что при лежании тело попадает в эти промежутки и сон обращается в длящуюся пытку.

14) Особенно тяжело положение тех узников, которые отбывают на упоминаемой гауптвахте сроки положенного им по суду заключения, за неимением мест в крепостях и тюрьмах: части войск не считают уже их своими; в тоже время они лишены платья, обуви, белья, которые дали бы им карательные учреждения. Они не знают, кого должны просить, кому жаловаться... Они мрачны, озлоблены на начальство...

Я не буду продолжать описание дальнейших ужасов упоминаемой гауптвахты; но уверен, что все это продолжается там и в настоящую минуту, пока пишу я вашему высокопревосходительству эти строки, как убежден и в том, что подобное же наблюдается и на других гауптвахтах.

Мне тяжело сознавать, что, быть может, я утомляю внимание вашего высокопревосходительства излишними подробностями... Но без этих набросков с натуры многое в моем настоящем заявлении было бы мертво и непонятно...

По слухам, проникшим в печать, в скором времени предвидится у нас реорганизация дисциплинарных частей, и военных тюрем. И в этой среде я много и усердно поработал в свое время...

Но разве может быть подобная реформа достаточно полной и жизнеспособной, если одновременно с нею не будет проведена и реформа главных (общих) гауптвахт?!

Конечно, нет, так как почти все, отбывающие наказание в дисциплинарных частях и военных тюрьмах, предварительно многие месяцы просидели уже на главных гауптвахтах, развращаясь там и нравственно, и физически. Неужели это — желательный элемент для военно-карательных учреждений?!...

Нельзя закрывать глаза также и на то обстоятельство, что значительная часть заключенных главных гауптвахт возвращается обратно в части войск, благодаря прекращению дел — или полному, или в дисциплинарном порядке, а также ввиду оправдательных по суду приговоров.

Отвыкшие от строя, физических упражнений, потерявшие к себе уважение, озлобленные на начальство, благодаря безучастному отношению к нуждам их большинства комендантских управлений, часто расстроившие здоровье свое — ввиду гигиенической обстановки главных гауптвахт, наконец, развращенные дурным влиянием окончательно-погибших товарищей по заключению, разве могут такие, возвращающиеся в строевые части нижние чины, внести туда что-либо, кроме того же разврата и непорядка, в которых воспитала их современная главная грауптвахта?!...

Оздоровляя всю армию, нельзя же оставлять без внимания таких заразных углов, как гауптвахта!.. Ваше высокопревосходительство! Если бы я мог влить в настоящее письмо мое к вам все те тяжелые впечатления, которые накопились на памяти моей и совести за эти долгие десять лет бесплодной борьбы за участь военных арестованных, присоединив к ним те слезы, стоны, проклятия, которые довелось мне видеть и слышать по гауптвахтам России, сознавая, притом, личное свое бессилие, немощь и видя общее равнодушие, а подчас терпя и унижения при вмешательстве в горькую участь военных узников!!...

Вашего высокопревосходительства усерднейший слуга,
преданный Александр Жиркевич.

Приказ командира 10 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, 2 июля 1911 г.[1]

Из заключения военно-прокурорского надзора Приамурского военно-окружного суда нахожу, что канонир 7 батареи вверенной мне бригады Григорий Меркулов обвиняется, 1) в том, что в феврале месяце сего 1911 г. в городе Хабаровске он, будучи учителем молодых солдат 7 батареи вверенной мне бригады, потребовал от одного из обучаемых им молодых солдат Закирова 50 копеек деньгами, а когда Закиров их ему не дал, то выдрал его за уши и пригрозил ему, сказав: «завтра ты узнаешь, если не дашь деньги», и на следующий день привел свою угрозу в исполнение, заставив Закирова делать приседание в течение около часу с поднятыми вверх руками (ст.ст. 115 и 2 части 377 и 2 части 378 уложения о наказаниях уголовных и исправительных).

[1] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3293, л. 4.

2) В том, что тогда же и там же и состоя в той же должности он, Меркулов, ударил обучаемого им молодого солдата кулаком по голове и другого портупеей по спине (ст. 186 кн. XII св. в. п. 1869 г. изд. 3) и 3) В том, что тогда же, там же и состоя в той же должности занимал у подчиненных ему молодых солдат деньги (ст. 195 кн. XII св. в. п. 1869 г. изд. 3).

На основании ст. 260 и 262 кн. XXIV св. в. п. канонира Меркулова предаю Приамурскому военно-окружному суду.

Командир бригады, генерал-майор Кистер.

Докладная записка Главного управления генерального штаба военному министру, 14 октября 1911 г.[1]

Ваше высокопревосходительство приказали опровергнуть напечатанное газетой «Утро России» в статье «Мнимым защитникам армии» сообщение будто у ворот Летнего сада имеется надпись: «Собакам и нижним чинам вход воспрещается».

Представляя при сем на одобрение вашего высокопревосходительства проект соответствующей заметки для напечатания ее в газете «Русский инвалид» Главное управление генерального штаба докладывает о нижеследующем:

По наведенной справке, в императорском ботаническом саду вывешены правила посещения этого сада, в коих, между прочим, имеется воспрещение вводить в него собак, а в п. 4 этих правил сказано: «Нижним чинам, кантонистам и простолюдинам вход воспрещается без особого на то разрешения». По справке в комендантском управлении выяснилось, что распоряжений о воспрещении нижним чинам посещать какие бы то ни было общественные сады, кроме увеселительных, ни начальником гарнизона города Петербурга, ни комендантским управлением, отдаваемо не было.

В комендантском управлении высказано предположение, что допуск нижних чинов в Летний, Таврический и Ботанический сады воспрещен распоряжением исходящим от администрации этих садов, каковое предположение подтверждается и доложенным выше содержанием правил посещения Ботанического сада.

Ввиду изложенных соображений Главное управление генерального штаба проектировало опровержение чисто формального характера[2].

Ген.-майор Эльснер.

Дознание командира 3 пограничного Заамурского пехотного полка по делу солдата полка Н. И. Захарьева, 11 апреля 1912 г.[3]

Молодой солдат 8 роты, Николай Иванович Захарьев, мещанин местечка Межибужье, православный, 22 лет, холостой, срока службы 1912 г., под судом не был, спрошенный мною 13 сего апреля показал:

«Я был в 10 роте, куда прибыл на рождество. В начале января, кажется, 7-го числа на поверке вышел следующий случай: я носил на кухню воду, был без пояса, отделенный ефрейтор Стасишин приказал стать на поверку. Как был без пояса, так и стал, по забывчивости. За это он меня наказал: держать под козырек 2 часа и приказал дежурному смотреть, держу-ли я. Когда я продержал долго, пока не сомлела рука, и устал, рука, так устала, что до козырька

[1] ЦВИА, ф. 2000, оп. 3, д. № 775, л. 2.

[2] Последний абзац в тексте подчеркнут синим карандашом и напротив рукой Сухомлинова сделана помета «хорошо».

[3] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3711, лл. 50—51.

не прилегала, а отошла, руку-же ниже плеча я не опускал; отделенный подошел, подтолкнул под локоть, чтоб я правильно держал. После подошел взводный старший унтер-офицер Малых, обругал меня по матерному, сказал, что я не исполняю приказание, я же приказание исполнял, только уставшая рука уже не держалась; схватил меня за глотку, на землю бросил, стал бить ногами (толкнул раза четыре или пять, сказав: «Что ты еще представляешься»). Я поднялся и сказал: «Вам не людей обучать, а в лесу с дубинкой стоять».

Я пошел в умывальник расстроенный, сидел там. Потом взводный пришел и сказал мне: «Дурной. Ничего не думай, ложись на койку, отдыхай». Я сказал, что я доложу командиру полка, что меня били. Он мне сказал: «Я не буду докладывать, а ты будешь; я еще хуже тебе буду делать». После этого я разулся и лег на койку. Он сказал дневальному: «Смотри, что бы он никуда не ушел». В то время, когда он меня бил, он мне угрожал «Пока будет присяга, я тебя в гроб загоню, а после присяги попадешь во взвод, тебе тоже жизнь не будет мила».

Раньше он меня обижал. Был такой случай раньше: Я не знал, что нельзя выпить рюмку; меня перед обедом угостил земляк одной рюмкой водки, так что я был совсем трезвый. Это было перед обедом. Взводный старший унтер-офицер Малых заметил, что от меня пахнет водкой, приказал мне в наказание взяв руки на бедра и сделав приседание, пройти в таком положении всю казарму прыжками 40 раз. Я прошел два раза и больше не был в силах и начал проситься. При этом, когда я прыжками шел через казарму, я должен был, по приказанию взводного, кричать на самого себя: «Дурак. Не хорошо делать. Плохо после водки опохмеляться, больше не буду пить». Других случаев не было. От этого я еще не вполне расстроился, а когда он заставлял меня держать 2 часа под козырек, пихал ногой и угрожал, что в гроб загонит, тогда я вовсе задумал лишить себя жизни, не знал, что с собой сделать.

На другой день после того как меня били, во время утреннего осмотра, когда у меня не оказалось деревянного молоточка, которым штык отбивают, меня опять на прыжки поставил отделенный в то время, когда другие стояли вольно, а потом пошли оправляться. А я все прыгал, через 2 шага в третий, примерно минут 25. Вернулись люди, я был на занятиях. Во время занятий меня не били. Сейчас же после занятий был обед. Пообедавши я побежал на кухню, взял топор, пошел на двор и ударил топором по пальцу, положив его на колодку, сколько раз, не помню. Кто-то сказал фельдшеру. Он прибежал. Меня взяли в казарму, перевязали и отправили в больницу. В больнице я пробыл около двух месяцев. Когда я рубил, я себя не помнил. Доктор Попов, который меня лечил, признал, что я 6 раз ударил по пальцу.

После больницы я попал во вторую роту, а оттуда в 8-ю. Во 2 роте я на занятиях не был, с разрешения начальства, только пол подметал. В 8 роте я тоже на занятиях не был: хотя рука зажила, но еще больно. Я только пол подметал. Когда я прибыл в 8 роту на другой день меня позвал фельдшер и спросил про палец; я доложил, что я его отрубил. Сначала я сказал, что нечаянно это сделал. Меня еще и в больнице допрашивали, я говорил, что нечаянно, боясь, что сделал это с горя. Потом подумал, что кто сознается то и наказание легче; и рассказал все фельдшеру, как били и все. Тогда фельдшер приказал стать на занятия до прихода ротного командира. Меня водили в строй на занятия; рука болела и сейчас болит, держать винтовку правой рукой не мог. Мне давали учебную винтовку в левую руку, когда же строй останавливался, то я винтовку не снимал, потому, что не мог, и держал на плече. Мне приказали идти в околодок, я

ходил. Доктор посмотрел и ничего не сказал. Ходил я в околодок с фельдшером 8 роты. Почему в книге больных я не был записан, я не знаю. Фельдфебелю я сказал, что пойду к доктору, рука зажила, только не могу заниматься и гимнастики делать, потому что мне больно. Мне во 2 роте младший унтер-офицер Коваленко говорил, что он читал в приказе, что мне дали до суда освобождение. Фельдфебель говорил, что мне надо к доктору; я ему сказал, что я все что смогу делать, буду делать, а что не смогу,— не больно. Меня не заставляли больного делать, только пол подметал, казарму убирал, окошки и икону вытирал. Фельдфебель говорил, что после присяги строго. Я сказал, что с винтовкой присягать я не буду; мне больно ее держать, а так служить я присягну верой и правдой. На присягу я пошел. Когда была команда на присяге, «выходить 12-му году» я не сразу понял, что нужно и пошел когда фельдфебель объяснил. Я на присяге поднял руку и все слова за священником повторял. Когда я пошел рубить палец, я вовсе и не думал избавиться от службы, я не знал, что с собой сделать, чтобы меня взяли от взводного. Когда меня били в 10-й роте, видели это молодые солдаты: Лавров, который теперь в 6-й роте, и другой молодой солдат Зуев, который теперь в Тяньцзине. Они сами мне рассказывали, а я не помню что [1].

Показание рядового 4 роты 3 пограничного Заамурского пехотного полка А. Е. Романова по делу унтер-офицера Павловского, 12 июня 1912 г. [2]

Я, Романов Алексей Ермолаевич, рядовой 4 роты 3 пограничного Заамурского пехотного полка, 23-х лет, православный, малограмотный, не судился, обвиняемому посторонний; по делу показываю: 27 марта этого года, когда я был в учебной роте 2 отряда Заамурского округа пограничной стражи, то и. д. фельдфебеля этой роты ст. унтер-офицер Павловский побил меня и при этом повредил мне левое ухо. Произошло это при следующих обстоятельствах: 27 марта, около 4½ часов вечера, когда я был в помещении роты, туда пришли фельдфебель учебной роты Щеглов и унтер-офицер Павловский с женой. Унтер-офицер Павловский, увидав меня, стал меня толкать к выходной двери в коридор. Фельдфебель Щеглов сказал унтер-офицеру Павловскому: «Зачем ты его тащишь». Унтер-офицер Павловский, не ответив ничего, поволок меня в коридор и, когда я взял руку под козырек (я был в фуражке, так как я был в то время дневальным), начал меня бить по лицу. Первый удар он нанес мне правой рукой по левому уху. От этого удара у меня сразу закружилсь голова, в глазах от острой боли сделалось темно и я только смутно чувствовал, что унтер-офицер Павловский продолжал наносить мне руками удары по левой и по правой стороне лица. В коридоре в это время никого не было.

Придя в себя от боли я бросился в казарму крича и плача. Как я вбежал должны были видеть находившиеся в казарме фельдфебель учебной роты Щеглов и рядовой 2 роты 4 погр. Заамурск. пехотного полка Трифон Муравлев. Когда унтер-офицер Павловский меня бил в коридоре, то дверь в казарму была затворена. Я хотел сейчас же показаться фельдшеру, но его не оказалось дома и я, доложив отделенному начальнику младшему унтер-офицеру Артемьеву, пошел и показался фельдшеру Вроне только на другой день утром.

---

[1] Унтер-офицер А. Малых был предан временному военному суду в г. Харбине и приговорен к аресту на гауптвахте сроком на один месяц. Решения суда о солдате Н. Захарьеве в деле не имеется.

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 2490, лл. 25—26.

Еще 27 марта через полчаса как меня побили, я докладывал об этом отделенному, который сам первый спросил меня что со мной случилось, увидав на моем лице синяки. Показавшись фельдшеру Вроне я и ему доложил, что меня побили, и что теперь от удара по левому уху у меня из этого уха идет воздух и я чувствую сильную боль в этом ухе и в голове. Фельдшер приказал мне зажать нос и надуться и, когда я это сделал, то у меня пошел из уха воздух и фельдшер, заметив это, сказал мне: «Довольно». Показывал я ему и синяки под левым глазом. Под правым глазом у меня синяка не было.

Потом, когда через месяц меня допрашивал офицер (штабс-капитан) 3 погр. пех. полка, фамилии которого я не знал, то они мне прочитали, что будто бы меня унтер-офицер Павловский ударил по правой щеке и что от этого у меня сделался синяк под правым глазом; на это я тогда же доложил, что меня сначала ударили по левому уху, а потом били по той и другой щеке, и что синяк был не под правым глазом, а вокруг левого глаза. На это офицер, производивший дознание, сказал мне: «Не разговаривай о том, что у тебя не спрашивают, а то будешь разговаривать, то я еще дам тебе по другому уху». После этого я замолчал. Я забыл сказать, что когда унтер-офицер Павловский меня бил, то от него я заметил запах водки. Когда я пришел в приемный покой госпиталя, там меня осмотрел доктор, фамилии я этого доктора не знаю. Я доложил доктору, что меня побили и, что у меня от этого болит левое ухо и левый глаз; вокруг этого глаза тогда у меня был синяк почти что черный. Доктор меня не стал осматривать и отправил меня в шестой барак на осмотр. Там меня осмотрел врач Глаголев. Ухо он мне осматривал с трубочкой, впустив туда капель и отправил в роту. После этого я ходил в шестой барак каждый день на перевязку и мне пускали в ухо когда капли, а когда порошки. До нанесенных мне побоев уши у меня никогда не болели, я хорошо слышал на оба уха; теперь у меня бывают боли в левом ухе и на это ухо я слышу хуже чем на правое. Больше ничего показать не могу. Показание мне прочитано. Записано правильно [1].

Из обвинительного акта Приамурского военного окружного суда, 18 июля 1912 г. [2]

При рассмотрении в военно-прокурорском надзоре Приамурского военно-окружного суда дознания о состоящем в учебной команде стрелке 7 Сибирского стрелкового полка Иване Гаере, обвинявшемся в нанесении удара своему взводному командиру младшему унтер-офицеру Кисину, было обнаружено и сообщено в порядке 375 ст. XXIV к. с. в. п. 1869 г., начальнику 2 Сибирской стрелковой дивизии о том, что названный унтер-офицер Кисин в виде наказания неоднократно тянул вверенный ему взвод за уши, в том числе и стрелка Гаера и кроме того 30 мая ударил его по спине прикладом, а 31 мая кулаком.

По поводу описанного было произведено дознание и допрошенные лица показали следующее:

Стрелок Иван Данилов Гаер,— что он, находясь в учебной команде, числился во взводе унтер-офицера Кисина. Кисин, обучая свидетеля, за делаемые последним ошибки, часто тянул его в виде наказания за уши и тянул очень больно. 30 мая 1912 г. взвод Кисина занимался

[1] По решению Хабаровского временного военного суда от 16 (29) августа 1912 г. унтер-офицер Павловский за нанесение побоев рядовому Романову был приговорен к содержанию на гауптвахте сроком на один месяц (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. 2490, л. 24).

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3648, лл. 2—3

прикладкой и прицеливанием стоя и с колена. Так как Кисин командовал без перерывов, то свидетель под конец утомился и не успевал садиться на колено одновременно с товарищами. За это Кисин ударил свидетеля два раза прикладом по спине, настолько сильно, что свидетель чуть не свалился с ног.

31 мая взвод занимался отданием чести. Свидетель приложил руку к головному убору неправильно. Кисин ударил за это свидетеля по лицу и поправил. Потом стали отдавать честь, становясь во фронт с правой ноги. Свидетель опять ошибся, выставив левую ногу. Кисин второй раз ударил свидетеля в лицо и дернул за ухо. Свидетель не выдержал и сам ударил Кисина. От удара у Кисина свалилась фуражка. Он ее поднял, выругался площадной бранью и сказал: «ты что, драться вздумал». «А вы что деретесь?», ответил свидетель, Кисин еще раз хотел ударить свидетеля в грудь, но свидетель отступил и удар пришелся по руке.

Тянул ли Кисин за уши других нижних чинов своего взвода свидетель не замечал, но стрелок Забродский жаловался ему, что получил от Кисина удар прикладом.

Стрелок Иникеевич Забродский,— что унтер-офицер Кисин, у которого он, свидетель, состоял во взводе, 30 мая 1912 г. два раза ударил его, свидетеля, прикладом по спине за то, что свидетель на маршировке с песнями сбился с ноги. Далее свидетель объяснил, что он сам видел, как Кисин несколько раз тянул Гаера за уши, но какого числа и месяца это было, не помнит. Тянул Кисин за уши и его, свидетеля, и других стрелков своего взвода например Дульшевича, Королева...

Стрелок Григорий Вознюк,— что он видел, как Кисин ударил Гаера по щеке и вообще Кисин имел привычку ошибавшихся во время занятий своего взвода тянуть за нос и за уши, а стрелок Федор Рощин,— что Кисин за ошибки ударял иногда подчиненных палкой...

На основании изложенного, 7 Сибирского стрелкового полка младший унтер-офицер Александр Васильевич Кисин обвиняется:

1) в том, что в с. Новокиевском Приморской области во время состояния в 1912 г. взводным командиром в учебной команде неоднократно тянул в виде наказания за уши и за нос своих подчиненных, между прочим, Гаера и Забродского, что предусмотрено 1 пол. 189 ст. XXII кн. с. в. и. 1869 г. изд. 3.

2) в том, что там же 30 и 31 мая 1912 г. ударил стрелков вверенного ему взвода Забродского два раза прикладом по спине и Гаера два раза прикладом по спине и два раза кулаком по лицу, что предусмотрено 186 ст. тех же книги и свода.

Обвинительный акт составлен 18 июля 1912 г. во Владивостоке[1].

Военный прокурор, генерал-майор Шинкаренко.

Из показания солдата 2 взвода 4 Сибирского стрелкового полка А. Крышевича по делу старшего унтер-офицера того же полка А. Полянского, 22 августа 1912 г.[2]

Я, Арсений Севастьянович Крышевич, стрелок той же роты, 22 лет, православный, неграмотный, под судом не был, обвиняемому посторонний, предупрежден о присяге на суде и об ответственности за ложный донос по делу, показываю:

Взводный Полянский почему-то всегда на меня серчает и часто меня бьет. Раньше я был в первом взводе и никогда ни в чем замечен

[1] Решением Приамурского военно-окружного суда от 12 сентября 1912 г. унтер-офицер А. Кисин был приговорен к содержанию под арестом на хлебе и воде сроком на 1½ месяца (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3648, л. 28).

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3773, лл. 38—39.

не был. Служил хорошо, как и все, и никаких недоразумений у меня по службе не было. Но попал я в 3 взвод, и моя служба стала прямо невозможной. Никаких пропусков я не совершаю, но меня во 2 взводе и под винтовку стали ставить, и в журнал взысканий записывать. Первый раз побил меня Полянский после первого моего дневальства после принятия присяги. Я был ночным по казарме с винтовкой. У нас в умывальнике есть куб, где кипятится чай. Кипятили там в то время чай инструктор Абашин и столяр, фамилии которого не помню. Кажется, его фамилия Рожков. Вот этот Рожков попросил меня подсыпать угля под куб. Я не имел еще понятия о том, что мне нельзя уходить с поста в умывальник. Я пошел и подсыпал угля. Меня увидел каптенармус и сказал мне, что мне туда нельзя ходить. Я ушел и больше в умывальник не ходил. Но каптенармус сказал взводному Полянскому о том, что я был в умывальнике. И вот, когда, сменившись с поста я лег спать, то Полянский меня ударил поясом с бляхой так, что я страшно испугался и вскочил на ноги.

Через некоторое время я был часовым в карауле при интендантской сенопрессовальне. Стоя на посту я почувствовал себя дурно. Мне что-то показалось страшное, я «сомлел» и упал. Разводящий меня привел в караульное помещение. Оправившись от этого обморока, я снова пошел на пост. После этого, по смене с караула подпрапорщик фельдфебель мне сказал, что я «отклоняюсь от службы». Я доложил подпрапорщику, что я не отклоняюсь от службы. И раньше, дома ничего не боялся, хотя у нас леса, а мне приходилось ходить по лесу во всякое время суток. После этого разговора взводный Полянский зазвал меня в палатку и там меня поколотил. После этого я стал всего пугаться и стал чувствовать себя плохо. Я пошел в околоток. Доктор давал мне порошки. От них я стал спокойнее.

Потом был случай в карауле при полковой гауптвахте. Была дождливая погода. Караульный начальник — унтер-офицер Полянский приказал не выносить всем своих ружей с собой на посты, а брать те ружья, которые уже были сразу вынесены при первой смене, с тем, чтобы не мочить всех ружей. Настало время мне идти на пост. Стала строиться смена, а нужно заметить, что мою винтовку взял с собой при первой же смене разводящий, и с ней ходил все время. И когда смена наша стала строиться, то разводящего с моей винтовкой не было в караульном помещении. Но я сразу то не узнал, что он взял мою винтовку только вижу, что моей винтовки нет. А узнавал я свою винтовку во нашитому кусочку кожи на погонном ремне. Вот я доложил караульному начальнику, что моей винтовки нет. Караульный начальник Полянский спросил у меня № моей винтовки. Я помнил, что № 61 тысяча, а дальше забыл. Тогда взводный закричал на меня, что я теперь пропаду за свою винтовку и несколько раз ударил меня по лицу. Тут же вскоре возвратился в караульное помещение разводящий с моей винтовкой в руках.

Увидев мою винтовку, я воскликнул: «Вот моя винтовка». Вследствие полученных мной в этот раз от Полянского побоев у меня три дня болели зубы, и я не мог есть ничего кроме белого хлеба, размоченного в чаю. Через некоторое время мы занимались прикладкой. Взводный проходил с нами шестое упражнение. В то время, когда он объяснял людям, как делается это упражнение, меня позвали на наводку, так что его объяснений не слышал. Потом я примкнул к партии из 6 человек, с которыми взводный Полянский делал упражнение. Мы рассыпались в цепь и стали проделывать прикладку. Я не выбрасывал учебных патронов, а лишь примерно действовал затвором. Оказалось, что нужно было выбрасывать патроны, чего я не знал. За это взводный ударил меня 3 раза по лицу кулаком.

Наконец 5 августа, я был назначен в караул. Нужно заметить, что у меня преют ноги, и их нужно постоянно обмывать и присыпать порошком, что мне делают в околотке. Так как предстояло стоять на посту, и если не сделать присыпания, то я бы не мог выстоять все время, то до развода утром я ушел в околоток. Ушел не самовольно, а спросился у отделенного...

К разводу я уже был при своем взводе, чтобы идти в караул. Но взводный Полянский наскочил на меня около палатки и раз восемь ударил меня по лицу. Вся левая половина лица у меня распухла. Я пошел в караул и отбыл этот наряд. До сих пор я ни разу не докладывал начальству о побоях, наносимых мне взводным. Но в этот раз последствием полученных мной побоев явилась такая сильная зубная боль, что я должен был пойти в околоток и просить врачебной помощи, и доложил врачу отчего у меня болят зубы. Больше ничего показать не могу. Прочитано. Записано правильно[1].

Неграмотный.

Докладная записка солдата 1 телеграфной роты 6 Сибирского саперного батальона В. Раммо командиру роты, 6 сентября 1912 г.[2]

Прошу ваше благородие о ходатайстве перед командиром батальона и соответственными высшими инстанциями о моем переводе в какую-либо другую часть, так как служить в 6 Сиб. саперном батальоне, я, со дня подачи этой докладной, по нижеследующим мотивам, отказываюсь.

Телесные наказания, как известно, давно уже уничтожены в русских войсках, в 6 же Сиб. саперном батальоне они сохранились до сего времени в форме битья г.г. офицерами нижних чинов. Еще 3 сентября поручик Молчанов побил четырех человек: дежурного по кухне, ефрейтора Погребняка и рядовых Шурыгина, Паутова и Потапчика (вестовых пор. Молчанова, подпор. Робук и подпор. Пивоварова). Незадолго до этого, перед выездом из лагеря, поруч. Молчанов до крови избил барабанщика Форполя. Неоднократно били нижних чинов вверенной вам роты и др. частей, бил пор. Скурский, подпор. Робук.

Три последних случая с пор. Молчановым и случаи, когда в лагерях вами был побит ряд. Рыжков и поручиком Скурским писарь при канцелярии батальона ряд. Коваленко, произошли после того, как один из г.г. офицеров батальона, а именно пор. Скурский, получил выговор в приказе за аналогичный поступок (ефр. Голоскех).

Повидимому подобное обращение с нижн. чинами стало органической особенностью батальона и поэтому остаться служить в нем значило бы согласиться на нравственное участие в этой батальонной «особенности», что, однако, противно моей совести.

А так как телесные наказания в русской армии уничтожены законодательным порядком, я полагаю, что имею за собой право отказаться от службы в части, где они еще применяются и просить о моем переводе в часть, в которой телесные наказания действительно уничтожены.

Одновременно с сим, копии докладной отправлены мной начальнику

---

[1] Решением Приамурского военно-окружного суда от 16 октября 1912 г. старший унтер-офицер Полянский был приговорен к содержанию под арестом сроком на 20 суток (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3773, л. 21).

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 3775, лл. 26—27.

Владивостокской крепостной саперной бригады и коменданту крепости и командующему войсками Приамурского военного округа [1].

Рядовой В. Раммо.

Из акта медицинского освидетельствования солдата 9 роты 12 Сибирского стрелкового полка С. Кагарманова, 15 марта 1913 г. [2]

...Был освидетельствован молодой солдат 12 Сибирского стрелкового наследника цесаревича полка 9 роты Сафуан Кагарманов, поступивший в госпиталь 14 марта с. г. в 5 часов вечера. Из расспросов Кагарманова через переводчика 3 батареи 1 мортирного дивизиона 3 Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Ульдана Гальманова выяснилось, что неделю тому назад подпрапорщик 12 Сибирского стрелкового наследника цесаревича полка Воскресенский приказал подвесить его на турник под колени за то, что тот не мог залезть на турник, при чем за ноги держал его учитель унтер-офицер Черников, а за голову порпрапорщик Воскресенский, затем его раскачали, а когда отпустили, то он упал на землю мимо матраса, ударившись грудью, животом и коленями, при чем получил несколько больших ссадин на левом колене. После этого подпрапорщик Воскресенский стал его бить палкой по спине и шее, а учитель унтер-офицер Черников и ефрейтор Маслаков били его кулаками и ногами, при чем Черников сильно бил ногами по животу. В это время у него сделалась рвота. Следующие 4 дня подпрапорщик Воскресенский заставлял его нести службу и ставил под винтовку дважды в день по 2 часа и не пускал в околоток, и когда пришел в роту ротный командир, подпрапорщик отправил его в околоток, откуда его отправили в госпиталь.

При осмотре найдено: лицо землистого цвета, черты заострились, глаза ввалились; больной худ, мышцы слабо развиты, подкожный жировой слой почти отсутствует. На левом колене имеется большая ссадина величиной в ладонь, покрытая коркой и одна небольшая ссадина. На всех пальцах левой руки, кроме 4-го, имеется по одной ссадине на тыльной поверхности; все ссадины покрыты коркой, других наружных повреждений не найдено. Границы сердца нормальны, сердечные тоны чисты, очень слабы, пульс 104, очень слабого наполнения, временами пропадает, ритмичный. В легких усиленное везикулярное дыхание, затрудненное вследствие болезненности живота, хрипов нет, края легких подвижны; живот вздут, сильно болезнен при ощупывании, прощупать внутренние органы живота нельзя. Перкутарно: тупой тон в нижней половине живота от пупка. Общее состояние очень тяжелое. Предсказание насчет выздоровления плохое. На основании вышеизложенного совещание врачей приходит к заключению, что у больного имеется воспаление брюшины и кровоизлияние в брюшную полость, вызванное нанесенными ему побоями

---

[1] На докладной записке, вероятно, командиром роты написано: «...Командиру Владивостокской крепостной саперной бригады. Тут приносится жалоба. В законе указано на что может жаловаться н. чин и кому может быть подана жалоба. Следует произвести дознание на предмет привлечения р. Раммо суду за подачу неправ. жалобы и обращение к начальству. Г. Л. Н. 7/IX».

По докладной записке солдата В. Раммо назначено следствие. Приводимые в письме факты об издевательствах офицеров над рядовыми на дознании подтвердились, однако Раммо был предан Приамурскому военно-окружному суду и за «оскорбление» офицеров в письме присужден к одиночному заключению в военной тюрьме сроком на три месяца с переводом в разряд штрафованных. (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. 3775, л. 17).

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 4036, л. 2.

и падением с турника. Крепость Владивосток. 15 марта 1913 года[1]. Что подписями и приложением казенной печати удостоверяется.

Председатель совещания:
Вр. и. д. главного врача 1-го Владивостокского крепостного временного госпиталя, коллежский советник (подпись).

Циркулярное отношение министерства внутренних дел губернаторам, 27 июля 1913 г.[2]

В видах пресечения новобранцам, в особенности из числа фабричных и заводских рабочих и лиц, находившихся в отхожих промыслах, возможности приносить с собой в войсковые части преступные прокламации и вообще произведения нелегальной литературы, министерством внутренних дел в призывы 1906—1912 г.г. было предложено начальникам губерний и областей сделать распоряжение о производстве чинами полиции отдельных осмотров вещей тех из призывных, относительно коих возникнет подозрение о нахождении у них прокламаций или запрещенных изданий. При этом министерством указывалось, что подобные осмотры должны быть производимы с полной осмотрительностью и, по возможности, без излишней огласки — во избежание возникновения со стороны призывных каких-либо неудовольствий и столкновения их с чинами полиции, а также — что осмотры эти следует повторять и при явке новобранцев на сборные пункты из домашнего отпуска.

Признав, по соглашению с военным министром, соответственным применить указанную меру и в призыв текущего года, уведомляю о сем ваше превосходительство для зависящих распоряжений.

Временно управляющий министерством внутренних дел, сенатор А. Лыкошин.

Рапорт караульного начальника Никольск-Уссурийской гарнизонной гауптвахты дежурному по караулу, 10 августа 1913 г.[3]

В 6½ часов утра 10 августа сего года караульный унтер-офицер 16 роты 3 Сибирского стрелкового полка Степан Дрига, придя ко мне в комнату, доложил, что в камере № 7 (общей) арестованный нижний чин 21 Сибирского стрелкового ее величества полка Степан Бубнов, сняв икону — сломал ее и бросил в парашу. Бубнов лично заявил мне, что он бога раньше признавал, а теперь, когда его бог допустил, что бы осудил его, он не признает и поэтому бросил икону в парашу[4].

Подпоручик Добрынин.

Донесение тамбовского губернатора начальнику Тамбовской местной бригады, 22 июля 1914 г.[5]

Кирсановский уездный исправник донес мне, что при освидетельствовании в Кирсановском уездном по воинской повинности присутствии запасно-отпускных нижних чинов, призванных по объявлении мобилизации на военную службу, Кирсановский уездный воинский

[1] Солдат С. Кагарманов умер в госпитале 22 марта 1913 г.
[2] ЦВИА, ф. 2000, оп. 4, д. № 1317, л. 1.
[3] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 4073, л. 2.
[4] Стрелок С. Бубнов был предан Приамурскому военно-окружному суду и приговорен к 10 годам каторги (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 4073, л. 26).
[5] ЦВИА, ф. 1614, оп. 2, д. № 3038, л. 65.

начальник полковник Ермолов настолько был несдержан и раздражался, что позволял себе без всякого на то повода и причин оскорблять действием призываемых, а 19 июля, в присутствии многотысячной толпы запасных и их семейных, имевшимся в руках металлическим рупором ударил в голову запасно-отпускному из крестьян Осино-Гаевской волости села Вышенки Александру Григорьеву Зимнухову и нанес ему рану в область затылка в коже длиной в полтора сантиметра, находившемуся же на руках у Зимнухова пятилетнему сыну Федору тем же рупором причинил царапину между пальцами правой руки. Когда призванные увидели своего окровавленного товарища и услыхали крик ребенка, то моментально произвели полный беспорядок: подняли страшный шум, начали ломиться в ворота присутствия, желая самосудом расправиться с воинским начальником, в окна полетели камни и т. д. Толпу с трудом удалось успокоить: обозленные запасные требовали немедленного же удаления из состава присутствия полковника Ермолова. В виду случившегося воинскому присутствию пришлось сделать перерыв и о происшествии сообщить начальнику гарнизона — командиру 3 запасного кавалерийского полка генерал-майору Керну, который не замедлил приехать в присутствие, сам нашел необходимым заседать вместе с Ермоловым, успокоив толпу обещанием, что при нем полковник не позволит себе никого оскорблять. Дальнейшее освидетельствование призванных нижних чинов продолжалось нормально и без инцидентов. Причиной описанного случая послужила просьба Зимнухова, обращенная к воинскому начальнику, пожалеть его с малолетними детьми, из коих одного, пятилетнего Федора, держал он на руках. Зимнухову тотчас же была оказана медицинская помощь в Кирсановской земской больнице, поранение его относится к разряду легких ран.

Об этом сообщаю вашему превосходительству для сведения и зависящих распоряжений.

Губернатор (подпись).

Отношение и. д. начальника Главного управления генерального штаба начальнику Петроградского военного округа Н. Е. Туманову, 10 октября 1915 г.[1]

Председатель Государственной думы получил следующее извещение о бедственном положении нижних чинов в Красном Селе.

«Призванных в ряды армии ратников 2-го разряда и выздоровевших воинов сейчас содержат в холодных конюшнях. Соломы под бок дано мало. Спят защитники отечества не накрывшись, плохо одетые и все кашляют, дрожат и все проклинают. Понадеясь на казенное обмундирование и теплое помещение, своего платья со двора не взяли и теперь ужасно страдают. Смерть уже многих избавила от страдания здесь в Красном Селе, а болезнь — спутник каждого. Несчастные, простудившись в морозную ночь, должны бегать за кипятком и ждать дрожа несколько часов около кипятильника кипятка, чтобы немного обогреться. Но кипяток за недостатком котлов далеко не всем достается. Защитники отечества холодные и голодные в 7 часов утра после поверки отправляются на площадь на ученье. Они до 7 часов не дождавшись кипятка и не было своих денег купить хлеба к завтраку, а у кого были деньги, не купил хлеба — простоял у кипятильника да и купить негде.

В полдень, наслушавшись бранных слов последней степени и почувствовавши не раз физическое воздействие за неумелое выполнение

[1] ЦВИА, ф. 2000, оп. 4, д. № 1805, лл. 285—286.

движений, защитников отечества ведут на обед. Обед совершается на отвратительно грязных столах, которые стоят в зловонной грязи, в которую завязают ноги и от которой начинает тошнить. В этой отвратительной обстановке воины наполняют желудок бурдой, которая приготовляется с рыбой, а иногда с мясом. Около столов стоят массы воинов, просящих хлебнуть несколько ложек, так как они от полученной порции голодны. Ужин совершается в той же обстановке, но только в абсолютной темноте. Хлеба, сахара, чаю на день выдают меньше нормы. Деньги за принесенное белье, сапоги и за дни, в которые пища не выдавалась, не выдают. Словно никому дела нет, что воины нуждаются в теплом помещении, в здоровой в достаточном количестве пище и им принадлежащих деньгах, и что смерть уносит многих безвременно и что они единственные кормители устарелых родителей, которых одни лично призревали. Пусть не думает отечество, что у него есть защитники, готовые положить живот свой за веру, царя и отечество. В нас отечество должно видеть обозленных на свое отечество и думающих только о своих интересах и не верующих ни словам царя, ни отечества. Как можно верить, когда мы пропадаем от холода, а рядом стоят сотни пустых домов. У каждого защитника созревает убеждение, что он единственный защитник своей семьи и себя, и убеждения сильно растут глядя на пустые постройки, которые свободно могут быть и должны быть предоставлены защитникам отечества.

Во имя человеколюбия, спасите нас, оберегите нам здоровье.

Скажите отчеству, почему мы, защитники, оказываемся плохими защитниками. Пусть знает отечество, что люди, которые с радостью сделались защитниками родины, ужаснулись обстановки, испугались угрозы ротных командиров, передаваемых громогласно фельдфебелями, быть с выбитыми зубами, не хотят замерзнуть в конюшнях, когда рядом стоят сотни пустых домов, перестали быть истинными защитниками отечества. Если не изменят положение защитников отечества, то, уверяю, что недалеко то время, когда штык бойца повернется, не дрогнув, в обратную сторону».

Член государственной думы Дмитрюков также имеет сведения о том, что в 176 пехотном запасном батальоне нижние чины, якобы, голодают.

О голодовке новобранцев в Новгородской губернии члену государственной думы Шингареву пишут следующее:

«Вблизи ст. Волхов, Николаевской железной дороги, в старых казармах аракчеевских времен, рассчитанных на 2—3 тысяч человек, помещено 15 тыс. Нары в три этажа сделаны на скорую руку. Солдаты-новобранцы голодают. Хлебопекарни не рассчитаны на это количество, и хлеба не хватает. Среди призванных ропот».

Об изложенном, по приказанию военного министра, имею честь сообщить вашему сиятельству.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

М. Беляев.

Показание священника церкви при Анучинской дисциплинарной роте В. Михайловского, 20 июня 1914 г.[1]

17 июня с.г. утром я вел беседу с заключенными разряда худших. Заключенный Живетьев стал спорить со мной по разным, сначала религиозным, вопросам, а потом перешел на посторонние. Я старался вразумлять его, но потом он вскочил и сказал: «Больше не хочу

[1] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 7782, л. 4.

я слушать ваши беседы. Вы проповедуете одно, а делаете другое» и собрался уходить с урока. Я хотел, чтобы он остался, но он не захотел. Тогда я позвал дежурного по роте младшего унтер-офицера Долгих, который и увел его в карцер. Больше показать ничего не могу [1].

Рапорт заведующего Харбинской гарнизонной гауптвахтой коменданту города Харбина, 24 октября 1913 г. [2]

Доношу, сего числа, при обходе моем барака № 3 гарнизонной гауптвахты, ко мне обратился арестованный рядовой 6 роты 4 пограничного пехотного полка Илья Козаков (срок наказания по суду коему сегодня кончался) со словами: «Возьмите эти тряпки — я их носить не буду: на военной службе я много уже пострадал» и протянул мне свои погоны. Удивленный поступком рядового Козакова, я стал разъяснять ему всю безрассудность его поведения, но Козаков остался непреклонным и, несмотря на мое приказание, категорически отказался взять обратно погоны и одеть их. Свидетелями этого были: дежурный по гауптвахте мл. унт.-оф. Сорока и караульный начальник ст. унтер-оф. 1-й роты 4-го пограничного пехотного полка Трояновский. О изложенном доношу на ваше усмотрение [3].

Штабс-капитан Ярмолович

---

[1] Решением Приамурского военно-окружного суда от 14 августа 1914 г. Е. Живетьев за оскорбление священника, за невыполнение приказания начальства и оскорбление суда был приговорен к 7 годам арестантских работ (ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 7782, л. 27).

[2] ЦВИА, ф. 1568, оп. 2, д. № 4547, л. 1.

[3] Солдат И. Козаков был предан суду и приговорен к заключению в дисциплинарном батальоне сроком на 2 года без изъятия от телесных наказаний.

Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в.

При разделе Речи Посполитой прекратилось ее существование как политически самостоятельного государства. Вся Белоруссия была присоединена к дворянской Российской империи. Присоединив Белоруссию, Екатерина II встала на путь скорейшего ее объединения с империей. Прежде всего в ново-присоединенных белорусских областях вводилось общероссийское административное губернское деление с соответствующими правительственными учреждениями. В начале XIX в. Белоруссия в административном отношении разделялась на губернии: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую, Гродненскую [1] и Белостокскую область, отошедшую к России по Тильзитскому договору Александра I с Наполеоном [2].

Это административное деление сохранялось до 1842 г. По указу от 18 декабря 1842 г. [3] Белостокская область вошла в состав Гродненской губернии, а из Виленской губернии была выделена отдельная Ковенская губерния. Витебская и Могилевская официально назывались «белорусскими» губерниями, а Гродненская и Виленская «литовскими». Указом Николая I от 18 июля 1840 г. было приказано перестать пользоваться терминами «губернии Белорусские и Литовские», поименовывая «губернии каждую отдельно» и вместе с тем предлагалось «правила сего держаться и впредь, иначе не прописывая, как поименно губернии» [4]. Так было запрещено Николаем I пользоваться термином «Белоруссия» в официальных документах.

Вместе с тем, в виду особого военно-политического положения, было сохранено и деление Белоруссии на два генерал-губернаторства, при чем в ведении белорусского генерал-губернатора находилась и Смоленская губерния. Присоединенный к России край Екатерина II называла «исконно-русским» и целью своей политики ставила освобождение Белоруссии от польского влияния, что нашло свое отражение в насаждении в Белоруссии русско-дворянского землевладения. Екатерина II в результате разделов Речи Посполитой получила в свое распоряжение значительный земельный фонд, образовавшийся из конфискованных частновладельческих земель и перешедших в казну «старостинских и экономических» (казенных) имений. Этот фонд был использован для раздачи населенных земель в собственность фаворитам, высшим гражданским и военным чиновникам.

Екатерина II хранила неприкосновенность польского дворянского землевладения, если поляки держали себя лойяльно в отношении России и принесли присягу на верность новой власти. Александр I амнистировал даже тех литовских польских панов, которые в свое время перешли на сторону Наполеона и участвовали в его борьбе против России.

Царизм был очень осторожен в своей политике по отношению к польскому дворянству в надежде, что оно не отнесется враждебно к объединительной политике правительства. Совершенно иная политика была в отношении крестьянства. Екатерина II и ее преемники поддерживали неприкосновенность

[1] ПСЗ, т. XXVI, № 20004; 20162.
[2] ПСЗ, т. XXIX, № 22647.
[3] ПСЗ, т. XVII, № 16347.
[4] Рубинштейн, Хронологический указатель указов правительства и распоряжений по губерниям Западной России, Вильно, 1894 г., стр. 455.

крепостного права и были готовы с оружием в руках защищать польских и новых русских помещиков против крестьян. Надежды крепостных на улучшение своего положения не оправдались. Царизм не мог встать на сторону крепостных против польских помещиков, раз классовой опорой самодержавия было дворянство. Царизм не мог ослабить власть польских помещиков над своими крепостными, если он желал иметь польское дворянство на своей стороне.

Екатерина II распространила на польское дворянство все права российского дворянства. Польские помещики получили право ссылать своих крепостных в Сибирь на каторгу и поселение. Указом Сената 15 октября 1775 г. было разрешено белорусским помещикам продавать крепостных на своз в другие губернии, так как «они [помещики] приняты в русское подданство и пользуются одинаковыми правами с русским дворянством, а потому у них нельзя было отнимать свободы в продаже людей без земли» [1]. Частновладельческие крестьяне были обложены подушной податью в 70 к. с души, а крестьяне казенного ведомства по 1 руб. в год [2]. На крестьян была распространена рекрутская повинность. Белоруссия была территорией барщинного хозяйства. Накануне отмены крепостного права количество барщинного крестьянства было свыше 92,0%. Еще до разделов Речи Посполитой крестьяне отбывали барщину до 6 дней в неделю, не говоря о ряде других натуральных повинностей, которые вся крепостная деревня была обязана отбывать на своего помещика.

Польские и русские помещики, за редкими исключениями, самостоятельно не вели своего хозяйства. Обычно, они сдавали их в аренду. Арендатор со своей стороны поступал таким же образом. Эти суб-арендаторы являлись величайшими эксплоататорами крепостного крестьянства, отданного им помещиками в буквальную эксплоатацию. Так помещик, арендатор и суб-арендатор отнимали у крестьян последние жизненные силы. Царизм равнодушно относился к слезам и стону крепостного крестьянства Белоруссии.

Экономическое положение крестьян было невыносимым. Польские паны еще до разделов Речи Посполитой, стремясь увеличить доходность своих имений, сокращали крестьянские земли. Большая часть земли была в руках дворян. Крестьяне, в условиях крепостного права, постепенно обезземеливались и вели полунищенское голодное существование.

Присоединение Белоруссии к дворянской империи имело громадное значение для развития помещичьего хозяйства, так как Белоруссия вошла в состав такого политического организма, в котором буржуазные отношения уже пустили достаточно глубокие корни и где крепостное хозяйство уже начинало трещать по швам.

Втягивание помещичьего хозяйства в общеимперские товарно-денежные отношения влекло за собой усиление внеэкономического принуждения крестьян, ухудшало их экономическое положение и обостряло классовые противоречия в деревне. Они осложнялись еще противоречиями национальными и религиозными. Уже крестьянское движение в Витебской губернии при Павле I было ответом на гнет и насилия помещиков, которые, перестраивая свое хозяйство, пытались приспособить его к условиям, главным образом, внешнего рынка. Во время Отечественной войны крестьяне всей Белоруссии восстали против своих помещиков и вели партизанскую борьбу против французской армии. Наполеону приходилось выделять воинские отряды для подавления крестьянских движений и для охраны помещичьих имений [4]. Пребывание на территории

---

[1] ПСЗ, т. XX, № 14576.

[2] ПСЗ. т. XXI, № 15794.

[3] И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 378, Л., 1925.

[4] «Записки игумена Преста» Виленский Археографический сборник, т. II, ст. XXXIV, Вильна, 1867.
«Записки маркиза Пасторе», стр. 181—214. «Полоцко-Витебская Старина», т. III, Витебск, 1916.
В. Красинъский, Минский департамент великого княжества Литовского, стр. 47—52. Спб. 1902 г.

Белоруссии «великой армии» и русской армии подорвало производительные силы Белоруссии. Погибло две трети скота, земельная запашка сократилась. Отсутствие скота лишало возможности удобрять пашню. В связи с плохой обработкой земли и неблагоприятными климатическими условиями, Белоруссию, в особенности Витебскую и Могилевскую губернии, постиг величайший голод. Даже царское правительство вынуждено было признать это официально и отпустить средства помещикам на продовольствие крестьян. В действительности, средства эти пошли на восстановление помещичьего хозяйства с помощью нового внеэкономического нажима на крестьян. Ответом на эксплоататорскую политику помещиков были крестьянские движения в Могилевской и других белорусских губерниях [1].

Царизм вынужден был признать невыносимо тяжелые условия жизни крепостного крестьянства, но причины безнадежного положения крестьян, согласно указаниям помещиков, были обнаружены не в феодально-крепостнической эксплоатации крестьянства, а в эксплоатации крестьян евреями. Поэтому, по просьбе белорусского дворянства, именным указом 11 апреля 1823 г. евреи должны были к 1 января 1825 г. переселиться из сел и имений в города [2]. Во время «великого голода» многие крестьяне ушли от своих помещиков в южные губернии. Помещики молчали, пока был голод, но после его окончания они подняли вопрос о возвращении в имения к помещикам всех крестьян, ушедших во время голода. Указ Комитета министров 15 декабря 1822 г. удовлетворил ходатайство помещиков [3].

Помещики бесконтрольно распоряжались личностью, имуществом и жизнью своих крестьян, бывших в их глазах только «быдлом» — скотом. С конца двадцатых годов крестьянские движения в Белоруссии стали неизбежным спутником усилившейся феодально-крепостнической эксплоатации. Крепостное хозяйство вступило в полосу своего загнивания. Помещики крепко держались за феодально-крепостническую форму эксплоатации крестьян, доводя ее до изощрения. Естественно, что обострение классовых противоречий в деревне неизбежно влекло за собой подъем волны крестьянских движений.

Публикуемые ниже документы, хранящиеся в архиве III отделения канцелярии е. и. в., иллюстрируют как помещичий произвол в отношении крестьян, так и невыносимо тяжелое положение крепостного населения. Правительство обнаруживало полное равнодушие к судьбам крестьян и стремилось лишь к тому, чтобы крепостное крестьянство, любыми средствами принуждения, было приведено в повиновение своим помещикам. Дворянское правительство не могло не поддержать свою социальную базу.

Упорная война крестьян против помещиков продолжалась и никакие правительственные меры не могли принудить крепостное население оставаться спокойным. Ненависть к крепостному праву и к своим эксплоататорам была так сильна, что правительственные мероприятия были не в силах ее задушить.

Крестьянские движения в Белоруссии, на основании публикуемых документов можно разделить на четыре группы: 1) с конца двадцатых годов до введения инвентарей в 40-х годах, 2) крестьянские движения накануне крестьянской реформы, 3) крестьянские движения в связи с крестьянской реформой и введением уставных грамот и 4) крестьянские движения в связи с деятельностью поверочных комиссий.

Каковы бы ни были причины крестьянских движений, царское правительство в дореформенное и пореформенное время прекращало их часто при содействии военной силы. В этом отношении методы расправы оставались одними и теми же. Формы крестьянских противофеодально-крепостнических выступлений в дореформенное время были весьма разнообразны, начиная от простого отказа выхода на барщину и кончая восстанием крестьян против помещиков. Крестьяне приводились в повиновение «домашними и полицейскими средствами» воз-

[1] Отчеты могилевского губернатора за 1821—1824 гг.
[2] ПСЗ, т. XXXVIII, № 29420.
[3] ПСЗ, т. XXXVIII, № 29232.

действия или с помощью вооруженной силы с преданием военному суду, несмотря на то, что правительственная администрация сама признавала невыносимо тяжелое положение крепостных крестьян. Минский губернатор в секретном докладе 1841 г. писал: «жестокость, излишняя строгость, частая несправедливость и чрезмерное требование владельцев, арендаторов, администраторов, поверенных, экономов и т. д. или нищета крестьян от обременительности возлагаемых на них работ, продолжительность отлучений от семейств в дальние заработки и без необходимых переселений с одного места на другое решали их (крестьян) на самоубийства и даже посягания иногда на смертоубийства»[1].

Правительство Николая I, громко заявив «что всякие толки о свободе крестьян... суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамеренными людьми «строго предписывало» начальникам губерний иметь неослабное наблюдение, дабы разглашатели подобных слухов «...были... предаваемы суду для поступления с ними... со всей строгостью закона»[2]. Так правительство вместе с дворянами находилось в состоянии постоянной войны с крепостными крестьянами. Поводы к выступлениям крестьян против помещиков были крайне разнообразны, как-то отказ от выхода на барщину, отказ в поставке рекрут, «отягощение лишними работами и обременение непомерным взысканием податей деньгами и натурой», жестокое обращение с крестьянами, отказ перейти под власть новых наследников, переход казенного имения в частные руки и т. д.

Крестьяне в своей противо-феодальной борьбе проявляли удивительную стойкость, выдержанность и мужество. Так крестьяне местечка Крошин Новогрудского уезда, Гродненской губернии, отказывавшиеся в июне 1828 г. пахать землю, «хотя и с голоду помрут», оставались, по словам автора официльного документа, несмотря на присутствие роты солдат «в упрямстве и прежней закоснелости», не желали итти на барщину, отвечали уговаривавшей их администрации: «что секите розгами, хотя до смерти, или головы посрубайте, а не будем повиноваться»[3].

В январе месяце 1829 г. вспыхнуло крестьянское движение в имении кн. Любомирской, Белицкого повета Могилевской губернии, где крестьяне отказались поставить рекрута. Они выгнали войта (старосту) из слободы за то, что он не присоединился «к совместному с ними возмущению». Крестьяне, «собравшись толпами, ходили по улице вооруженные топорами, ружьями и кольями, ободряя друг друга, похваляясь стрелять и бить, если кто из полицейских чиновников коснется их брать».

В имении Чериковского повета Могилевской губернии, крестьяне умершей помещицы Гайковой резко выступили против попыток разделить имение между 17 наследниками, заявив о своем нежелании им повиноваться. Крестьяне взяли в свои руки управление имением. Когда же губернская администрация пыталась арестовать одного из зачинщиков, то «крестьяне бросились с азартом к освобождению оного, других же взятых пред тем под стражу освободили и за всеми убеждениями оказали неповиновение не только владельческому управлению, но и судейской власти»[4].

Насколько настойчивым и упорным было крепостное крестьянство в своей противофеодально-крепостнической борьбе, об этом свидетельствует движение крестьян Люцинского староства Витебской губернии, вспыхнувшее в начале 1836 г. В старостве числилось свыше 11 тыс. крепостных крестьян. В 1778 г. Люцинское староство было передано графине Борх и ее сыну Иосифу в арендное пользование. Положение находившихся в аренде крестьян было очень тяжелое. Крестьяне, по сведениям министра финансов Канкрина, каждый год отправляются на работу в другие губернии количеством от 300 до 700 чело-

---

[1] А. Шлюберг, Паны и селяне у першоі полове XIX стагодзиддя, Менск, 1924, стр. 19.
[2] Манифест 12 мая 1826 г.
[3] См. ниже, стр. 186.
[4] См. ниже, стр. 188.

век, благодаря чему крестьяне были не в состоянии засеять свои поля. Три года подряд 1832, 1833, 1834 были на Витебщине неурожайными. Крестьяне остались совершенно без хлеба. Ввиду своего невыносимо тяжелого положения, крестьяне подали генерал-губернатору жалобу. Последняя осталась без результатов, а гр. Борх непокорных крестьян отдал в солдаты.

Несмотря на свое тяжелое положение, крестьяне не получили никакой помощи от господской администрации. К тому же гр. Борх насчитал за крестьянами долгов на 70 тыс. руб. Крестьяне в свою очередь предъявили свои претензии и правительственная комиссия признала справедливым иск крестьян на сумму 58 757 руб. 35 коп. Такое решение только вызвало недовольство крестьян. В начале 1836 г. гр. Борх умер, и староство вновь поступило в распоряжение казны. Крестьяне взяли управление имением в свои руки, не выполнив требования администрации избрать новых старост и сотских. Вместе с тем крестьяне отказались выполнять ряд обязательств, заключенных графом Борх.

Правительственная комиссия не обратила никакого внимания на жалобы крестьян. Последние с своей стороны бойкотировали ее и не считались с распоряжениями администрации, которая явно не желала удовлетворить претензии крестьян Люцинского староства[1]. Так представляется дело крестьян Люцинского староства по материалам канцелярии генерал-губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского. Отчет, представленный в III отделение[2], далеко не полон и не дает возможности установить причины крестьянского движения в Люцинском старостве. Движение было прекращено применением военной силы. Губернская администрация должна была отметить «чрезвычайную азартность и мужиков и баб»[3].

Однако жестокая расправа с восставшими крестьянами не примирила их с своим тяжелым положением.

В 1840 г. Люцинское староство было вновь передано наследникам гр. Борха. Крестьяне предполагали подать губернской администрации жалобы на своего помещика. В сентябре 1840 г. они отказались выйти на барщину. Сам губернатор немедленно приехал в Яноволь, центральное имение Люцинского староства, и собрал крестьян на сход. Крестьяне в количестве 600 ч. явились на сход «верхом на конях». Однако, все уговоры и окрики губернатора не произвели на крестьян никакого впечатления. Тогда для усмирения крестьян Люцинского староства был послан батальон солдат. Как только крестьяне узнали о движении батальона, они собрали две сходки, некоторые присягнули «никого не выдавать до последней возможности». В октябре месяце витебский губернатор сообщил генерал-губернатору о полном успокоении крестьян. Военно-судная комиссия приступила к производству следствия. Карательный батальон был уведен.

В октябре 1846 г. крестьяне вновь восстали. Они выгнали из староства всю господскую администрцию и организовали собственное управление староством. Взяв управление староства в свои руки, крестьяне запретили вести какие бы то ни было разговоры со всеми приезжавшими в староство. Корчмарям и крестьянам было запрещено отлучаться от староства. Вместе с тем они проходили военную подготовку в ожидании неизбежного столкновения с войсками. По поручению схода дьякон Збоев составил воззвание к солдатам, в котором восставшие крестьяне просили солдат иметь значки, если они будут их усмирять. В противном случае они встретят их своим войском, численность которого доходила до 800 ч. Крестьяне готовились к борьбе за освобождение от феодально-крепостнических отношений. Вновь приехавший губернатор убеждал крестьян выполнить все требования администрации. Крестьяне отвечали губернатору и его чиновникам: «мы знаем, что вновь хотите привести батальон, но уже теперь не то будет; вы достаточно и так попили нашей крови, а теперь, когда

---

[1] М. Мялешко, Паншчына на Беларусі, Менск, 1923, стр. 7—8.
[2] См. ниже, стр. 190.
[3] М. Мялешко, Указ. соч., стр. 10.

придет батальон, всею волостью подымем бунт, встретим кольями, стрельбой, все поломаем, свяжем вас и пошлем к царю». Крестьяне, правда, оказали героическое сопротивление, но были разогнаны карательным батальоном. Началась дикая расправа. Военно-судная комиссия вынесла 200 приговоров, по которым все были осуждены. Некоторые из осужденных были присуждены к наказанию 8 000 ударов шпицрутенов и были засечены на смерть. Сотни людей были сосланы в Сибирь — на каторгу и поселение. Помимо этого все крестьяне Люцинского староства подверглись поголовной порке [1]. Таков был финал восстания крестьян Люцинского старостата.

Шеф жандармов в своем отчете за 1840 г. должен был отметить, что при подавлении восстания крестьян было убито 21 человек. Шеф жандармов признавал, что «неповиновение крестьян наиболее происходило от желания их избавиться от помещичьей власти и от притеснений самих помещиков или управителей» [2].

Жестоко подавляя крестьянское противо-феодально-крепостническое движение, николаевское правительство в то же время весьма снисходительно относилось к злоупотреблениям помещиками своей властью, хотя бы они носили явно уголовный характер.

Конец сороковых годов — период подъема крестьянского движения во всей империи, в том числе и в Белоруссии.

Зверства помещиков в отношении своих крестьян начали беспокоить даже дворянское правительство.

В 1847 г. происходили крестьянские движения на почве введения инвентарей. В Могилевской губернии крестьяне «для отомщения за угнетения крестьян» убили «шесть и ранили восемь дворян». В том же году возникло большое крестьянское движение в Витебской губернии на почве слухов, что «работавшим три года на московской железной дороге даруется свобода» [3]. По данным годового отчета в западных губерниях «крестьяне возмущались против помещичьей власти» в 12 имениях. Все эти волнения «большею частью происходили от обременения крестьян работами, от дурного с ними обращения и от стремления крепостных людей к свободе» [4]. Вместе с тем, шеф жандармов вынужден был отметить, что в губерниях Виленской, Гродненской и Ковенской крестьянские движения происходили под непосредственным влиянием «возмущения поселян в Галиции против помещиков», «также на почве введения инвентарных правил» [5].

Инвентарные правила были введены в 1846—1847 гг. в губерниях Ковенской, Гродненской, Виленской и Минской, где в сущности ограничились проверкой и исправлением действующих инвентарей [6]. Они составлялись по усмотрению помещиков, которые имели полную возможность, путем сокращения крестьянских наделов, расширить свою «барскую» землю.

Несмотря на непрерывную цепь крестьянских волнений, помещики продолжали жестоко обращаться с своими крестьянами, что начинало беспокоить жандармскую власть «тщетно стремившуюся поддержать спокойствие в деревне» [7]. Крепостная Россия в 40—50-х годах представляла собой «ужасное зрелище страны, где торгуют людьми», «где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка» [8]. Царское правительство подавляло крестьянские движения всеми имевшимися в его распоряжении средствами принуждения, но оно было не в силах задушить

---

[1] М. Мялешко, Указ. соч., стр. 18—20.
[2] Е. Мороховец, Крестьянское движение 1827—1849 гг., вып. I, стр. 44, М. 1931.
[3] Е. Мороховец, Указ. соч., стр. 77.
[4] Е. Мороховец, Указ. соч., стр. 78.
[5] Там же, стр. 69, 85.
[6] И. Игнатович, Помещичьи крестьяне, стр. 219.
[7] Е. Мороховец, Указ. соч., стр. 123.
[8] В. Белинский, Письмо к Гоголю, 1936, стр. 11—12.

в крепостном крестьянстве ненависть к феодально-крепостническому угнетению и жажду свободы. Крестьянские движения взрывали слагавшуюся веками систему феодально-крепостнической эксплоатации. Вместе с тем и самое крепостное хозяйство все больше и больше связывалось с рынком, явно становилось убыточным для самих помещиков. Польские помещики в Белоруссии стремились освободиться от стеснявших их хозяйственную деятельность инвентарей, так как они в известной степени препятствовали полному обезземелению крепостного крестьянства. Обезземелить крепостное крестьянство и получить дешевые рабочие руки — таков был план польских крепостников. Для этой цели нужно было уничтожить систему инвентарных правил, но царское правительство на это пока не шло.

Царизм не верил в лойяльность польских помещиков и введением инвентарей стремился показать свою внешнюю заботливость о крестьянах с тем, чтобы использовать их для борьбы против помещиков, если последние вновь решатся поднять восстание. Царизм, считая, что «крепостное право есть зло, но еще большее зло к оному касаться», вводил инвентарные правила не с целью подрыва, а с целью укрепления феодально-крепостнических отношений. Инвентарные правила были проведены в интересах помещиков и самими помещиками. Они дали возможность помещикам, при составлении инвентарей, еще более сократить «крестьянскую землю». Польским помещикам было нужно, чтобы вся «крестьянская земля» стала «барской», но осуществление этого плана было возможно при условии пересмотра «инвентарных правил» и организации крестьянского быта на новых условиях. Так рождался у польских помещиков план личного безземельного освобождения крестьян от крепостного права.

Рескриптом на имя виленского генерал-губернатора 20 октября 1857 г. разрешено было открыть в губернии по одному подготовительному комитету, а потом одну общую комиссию в Вильне для составления проектов положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян, а 5 декабря 1857 г. было разрешено открыть местные комитеты для той же цели, в губерниях Могилевской и Витебской [1]. Вместе с тем на губернаторов была возложена обязанность наблюдать, «чтобы крестьяне, оставаясь в полном повиновении помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и толкам».

Опубликование 21 ноября 1857 г. «Дополнительных правил» комитетом и комиссиями определяло порядок тех вопросов, которые подлежали обсуждению комитетов, и которыми намечался план реорганизации быта крепостного крестьянства [2]. Эти правила были проникнуты крепостническим духом, так как уничтожение крепостной зависимости крестьян предполагалось совершить не вдруг, а постепенно, для переходного состояния назначить срок, по усмотрению комитетов, но не свыше 12 лет. Такая программа полностью отвечала интересам крепостников, так как перед ними открывалась возможность обезземеления крестьян в течение переходного периода. Правила не определяли нормы земельного надела, который должен был поступать в пользование крестьян. В данном случае, следовало руководствоваться местными обычаями.

Пока губернские комитеты обсуждали вопрос, как освободить крестьян от земли, помещики продолжали усиливать свой вне-экономический нажим на крестьян, что неизбежно вызвало ответное с их стороны движение. Шеф жандармов в своем «Политическом обозрении за 1858 г.» должен был признать «что некоторые дворяне и в отдельном быту выходили из пределов осторожности, требуемой нынешними обстоятельствами» [3].

«Освобожденный» от барщины крестьянин,— писал В. И. Ленин в статье

---

[1] 2 ПСЗ, т. XXXVI, № 32465а, № 32526а.
[2] 2 ПСЗ, т. XXXVI, № 32465б.
[3] Е. Мороховец, Указ. соч., стр. 123.

«Рабочая партия и крестьянство»,— вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину»[1]. «Обезземеление крестьянства означало в большинстве случаев создание... кабального (т. е. фактически полукрепостного и даже почти крепостного) арендатора той же «барской» помещичьей земли.

Крестьяне поняли опубликованный манифест как освобождение от прежних повинностей владельцу и перестали отбывать барщину. Крестьяне отказывались от принятия «уставных грамот» и не желали выполнять требуемые от них, как от временно-обязанных, повинности. Так в период составления и проверки уставных грамот белорусская «освобожденная» деревня была охвачена движением против своих помещиков. Движения эти прекращались при содействии военной силы.

Польское восстание 1863 г. в Белоруссии испугало царское правительство. Из боязни перехода крестьян на сторону помещиков в их борьбе против дворянского правительства царизм поспешил отменить временно-обязанное состояние крестьян и перевести их на выкуп. Высочайшим указом в марте 1863 г. был введен обязательный выкуп в губерниях Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской, а также в западных уездах Витебской губернии: Динабургском, Дрисвенском, Люцинском и Режицком[2], указом 2 ноября 1863 г. в губерниях Витебской и Могилевской[3]. Вместе с тем 9 апреля 1863 г. были утверждены поверочные комиссии для Западной Белоруссии.

Последние были нужны по соображениям демагогического характера во время польского восстания 1863 г. После его усмирения они становились излишними. Правительство спешило успокоить польское дворянство, взволнованное возможностью лишиться части отнятых у крестьян земель. Высокие выкупные платежи и накопившиеся по ним недоимки, нарушение помещиками сервитутов — права пользования крестьянами помещичьими лугами и лесами, неудовлетворенность действиями поверочных комиссий, чрезмерные оценки земель — все это создавало базу для постоянных крестьянских выступлений в Белоруссии.

Борьба белорусского крестьянства после 1861 г. продолжалась с неменьшим упорством. Крестьяне не могли по иному расшифровать все правительственные мероприятия, так как «великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники.

Крестьяне Белоруссии, как показывают публикуемые документы, упорно и настойчиво, с большими жертвами боролись против феодально-крепостнической эксплоатации.

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами... Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплоататоров на других, не менять одну форму эксплоатации на другую,— а искоренить всякую эксплоатацию, искоренить всех и всяких эксплоататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых» — говорил тов. Сталин на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.)[4].

В. Пичета

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 101.
[2] 2 ПСЗ, т. XXXVIII, № 40172.
[3] 2 ПСЗ, т. XXXVIII, № 39463.
[4] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 527.

Из журнала Литовско-Гродненского губернского правления, 19 июня 1828 г. [1]

Слушали: два рапорта одного содержания, из коих один к здешнему гражданскому губернатору, от Новогрудских уездного подкомория [2] и земского исправника по естафете 19 полученные, а 16 сего июня [3] зачисленные с № 380 и 381, что они 12 текущего ж июня, прибыв в местечко Крошин, посредством находящейся там роты Литовского пехотного полка, состоящей под командою капитана Николаева, потребовали всех крошинских крестьян в предмете дачи им повеления, дабы приуготовились к паханию разделенной помещиком Юрагою земли,— и внушения им худых последствий, наступить могущих за сопротивление, кои крестьяне, прибыв, по наставлению, совместно с г. капитаном Николаевым по прописанному предмету делаемому, когда отозвались все, что не будут пахать разделенной помещиком Юрагою земли, хотя с голоду и помрут, то, видя их в упрямстве и прежней закоснелости в неповиновении, выступила вся прибывшая рота и распределена на всякого хозяина по 2 человека с тем, дабы они принуждали их к выступлению со снарядами [4], по каковому действию, а равно по делаемым настаниваниям с изображением худых их поступков, 13 числа, хотя в большей части крестьяне приступили и согласились к паханию земли, но находящийся в то время крестьянин,— принадлежащий, по разделу екздевизорскому, ксендзу Войцеху Магнушевскому, плебану крошинскому,— Андрей Шисловский, который за худые поступки был уже им же Магнушевским наказыван,— сказал, что «не слушайте и не идите; где наши поверенные, там и мы пойдем» — почему едва из числа тех крестьян выступило токмо с снарядами 8 человек, а именно: Ян Жуковский, Евхим Гаркаемк, Иван Цеханович, Матвей Гуторович, Петр Лукашевич, Фадей Киселевич, Михаил Лукашевич и Николай Бонецкий, с коими отлучась на поле, находились тамо до вечера. За возвратом же отсель, того ж числа требовано снова их всех, и они, прибыв вместе, кроме отлучившихся из места жительства 7 человек перед прибытием еще роты, в отыскании коих сделано уже со стороны земской полиции распоряжение, [заявили] о земле, что все вместе выступят к исполнению должной повинности и будут пахать выделенную для них землю; на другой же день, то есть 14 числа, согласно их объявления, повелено им выступить на работу. Но они, прибыв вместе с теми 8 крестьянами, которые занялись было паханием земли,— сказали, что не пойдут и не будут повиноваться. Заметив оные подкоморий и исправник таковые их заблуждения и упрямство, вторично уговаривали и принуждали законными мерами к повиновению, изъясняя им несколько кратно, что сие их упрямство и сопротивление есть против законам и правам, высочайше утвержденным, равно повелениям его императорского высочества цесаревича, по делу их последовавшим, и что не чрез таковые поступи должны поискивать привилегии, по-

---

[1] III О., IV эксп., 1828 г., д. № 110, лл. 2—5. Публикуемые документы хранятся в Центральном Архиве Революции; подготовлены к печати научными сотрудниками архива тт. Кобяко, А. А. и Криворучко, Е. Г.

[2] Подкоморий — представитель межевого суда в польских и литовских губ., избирался землевладельцами, без определенного жалованья, пользовался доходами от дел. Несколько раз подкоморни упразднялись и восстанавливались. В 1810 г. подкоморские и маршалковско-комиссарские суды в западных губерниях были заменены межевыми судами. Указом 11 января 1832 г. должность подкомория упразднялась. Указом 23 ноября 1836 г. подкоморни переименовывались в старших землемеров.

[3] Так в подлиннике.

[4] Речь идет об орудиях производства крепостных крестьян, работавших со своим инвентарем на земле помещика.

велев приставленным к всякому хозяину солдатам, дабы они вели их на поле к обрабатыванию назначенной для всякого земли; но они, будучи упорными, сброся с себя одеяние и кладясь на землю, отвечали, что «секите розгами, хотя до смерти, или головы посрубайте, а не будем повиноваться, покаместь Юрага не возвратит привилегии и не будут освобождены содержащиеся в остроге», как их поверенный Казимир Каминский, так и прочие крошинские крестьяне, а женщины и дети, кладясь некоторые на землю, другие поднимая руки в гору [1] и согнув колена, начали произносить ужасный вопль и проклинать всех; прочие же во многом числе, подойдя к костелу, начали проклиная петь. Видя затем таковое упрямство и неповиновение крошинских крестьян по принимаемым ими мерам и не имея никаких других средств в понуждении к повиновению своему владельцу, поелику на основании высочайше утвержденного положения комитета г.г. министров в 20 день июня 1826 года [2], не дозволено принуждать с употреблением телесного наказания, а потому, согласно постановлению сего правления 24 мая состоявшемуся, хотя должны они преданы быть военному суду, но как таковой поныне в местечке Крошине на находится, то для содержания их и Андрея Шисловского, впредь до прибытия того же суда, под строжайшим присмотром в назначенном для сего доме, отосланы к ротному командиру г. капитану Николаеву...

Донесение ген.-губернатора Смоленской, Витебской и Могилевской губ. кн. Н. Хованского в III отделение, 17 сентября 1829 г. [3]

До истечения 1828 года не имел я от могилевского губернского начальства никаких донесений о неповиновении в тамошней губернии крестьян своим помещикам и о ненадлежащем отношении сих последних к первым. Но с наступлением сего 1829 года стал я получать от тамошнего гражданского губернатора частые сведения о возникших между крестьянами беспокойствиях и неповиновении помещичьей власти. Случаи сии суть следующие:

1. В январе месяце сего года Белицкого повета [4], помещицы княгини Любомирской, крестьяне Косицкой слободы сделали ослушание экономии в поставке рекрута [5], и некоторым из числа посыланных для взятия оного крестьянам причинили тяжкие побои и даже увечья, а войта [6] и сотского, также побив и разорив дома их, выгнали из слободы за то, что они, выполняя приказ экономии, не преклонились к совместному с ними возмущению. После сего, собравшись толпами, ходили по улице, вооруженные топорами, ружьями и кольями, ободряя друг друга, похваляясь стрелять и бить, если кто из полицейских чиновников коснется их брать. Но вскоре буйство сие благоразумными мерами Белицкого земского исправника и потом командированного губернским правлением советника 1 департамента главного суда Карпиловича прекращено, и крестьяне, в означенных буйственных поступках раскаясь, обещали повиноваться помещичьей власти. Между тем двое главнейших зачинщиков оного возмущения, коих бы следо-

---

[1] Т. е. кверху.

[2] Положением комитета министров от 20 июня 1826 г. предписывалось дворянству «христианское обращение с крестьянами».

[3] III О., IV эксп., 1846 г., д. № 180, лл. 31—34.

[4] Поветами в западных губерниях до 1831 г. назывались уезды.

[5] В 1831 г. была установлена ежегодная поставка рекрут. Россия была разделена на 2 полосы: западную и восточную, в которых поочередно производились рекрутские наборы. Срок действительной службы рекрутов в 1793 г. с пожизненного был сокращен до 25 лет, в 1834 г. до 20 лет, в 1855 г. до 15 лет и т. д.

[6] Войты — выборные чиновники, члены сельской общины.

вало подвергнуть законному преследованию, бежали в Черниговскую губернию. О сем происшествии могилевский гражданский губернатор в то же время всеподданнейше донес его императорскому величеству. Таким образом неповиновение означенных крестьян Косицкой слободы казалось быть прекращенным, и до сего времени о беспокойстве их донесений я не получал. Но ныне могилевский гражданский губернатор от 9 сентября известил меня, что он отправился в м. Ветку и слободу Косицкую для усмирения взбунтовавшихся крестьян княгини Любомирской, следовательно, беспокойные вновь оказали буйство.

2. Могилевского повета помещицы Шембелевой крестьяне деревень: Сметанич, Мерчи и Говяд 13 июня лично подали г. могилевскому гражданскому губернатору на свою помещицу жалобу в делаемых ею им притеснениях, отягощении лишними работами и обременении непомерным взысканием податей деньгами и натурой, а 10 июля земский исправник донес, что крестьяне пришли в волнение, не повинуются помещице и обращаются в пьянство. Могилевский поветовый маршал [1], коему поручено было удостовериться о обращении сей помещицы с крестьянами, донес, что несвойственного ее с ними обращения он не заметил, а сии последние, утвердясь в мнении, будто бы более двух дней в неделю барщины служить не обязаны, за всеми убеждениями остались непреклонными в своем упрямстве. После того из просьбы сына помещицы Шембелевой оказалось, что сии крестьяне по выезде чиновников из имения, начали волноваться, пришли в непослушание и оказывают явное неповиновение. Вследствие сего посланы были туда два взвода воинской команды с офицерами, и прибыл сам губернатор, по убеждению коего все они повинились и обещали быть послушными во всем, как помещице, так и местному начальству. Поелику же при сем открылось, что они подстрекаемы были к неповиновению некоторыми зачинщиками, коих числом оказалось семь человек, то над сими последними наряжен был военный суд, и о таковом происшествии донесено г. губернатором его императорскому величеству. Впрочем военный суд кончен и приговор онаго, с утверждением гражданского губернатора приведен в исполнение, телесным наказанием виновных, по мере вины каждого.

Николай Хованский.

Из рапорта могилевского гражданского губернатора Николаю I, 18 января 1830 г. [2]

Чериковского повета умершей помещицы Гайковой крестьяне села Белой Дубровы и деревень: Зеленькович, Прудка, Клеток, Клеевич, Гайковки, Рвенска и Хотимска и Климовицкого повета деревни Вишенок — прислали ко мне 30 числа минувшего ноября от имени семидесяти восьми человек прошение, жалуясь, что по смерти помещицы их они, почитая владельцем своим Иосифа Тимофеева Зуба, распоряжавшегося ими за жизнь покойной владельницы их, ему и повиновались; но после отыскалось до семнадцати человек наследников, которые намереваются разделить имение на столь же частей, вступают насильственно во владение, они не зная кому повиноваться, жаловались о том нижнему земскому суду, но удовлетворения не получили, просили войти в рассмотрение их положения и оказать им защиту. Вслед затем 2 числа истекшего декабря получил я по эстафете рапорт Чериковского земского исправника обще с уездным стряпчим, что по объявлению помещика Иосифа Зуба, крестьяне Бело-Дубровского имения

[1] Поветовый маршал — то же, что и подкоморий.
[2] III О., IV эксп., 1830 г., д. № 63, лл. 1—2, 6—9.

до 900 душ вышли из должного повиновения и взбунтовались, что он исправник обще со стряпчим отправясь в имение, совместно с подсудком поветового суда[1], находившимся в том имении, по особому того суда поручению, истребовав от Иосифа Зуба о зачинщиках непослушания сведения, распорядился о призыве оных. Но вместо того явилось до 70 человек крестьян села Белой Дубровы в городской дом и через несколько часов разошлись. На завтрешний же день до 74 человек, которые, быв спрошены, объявили, что не желая, дабы Бело-Дубровское имение было разделено на части между наследниками Зубами, повиноваться им не намерены, и, учинив о том присягу, сговорившись между собою, учредили свое управление, под названием громады. А на третий день собралось по призыву крестьян до 300 человек, и когда, по приказанию упомянутых чиновников, велено было взять замеченного из первых зачинщиков деревни Зеленькович крестьянина под стражу, то все крестьяне бросились с азартом к освобождению оного, других же взятых перед тем под стражу освободили и за всеми убеждениями оказали неповиновение не только владельческому управлению, но и судейской власти, почему, дабы зло сие далее не распространялось, сделано распоряжение и поручено наблюдение за поступками крестьян члену суда с потребным числом полицейских служителей и четырьми человеками инвалидной команды, на экзекуции находящимися, но для приведения в должное повиновение крестьян просили потребной воинской команды...

По соображении всех таковых обстоятельств видя, что возникшее в начале неповиновение крестьян, при вводе во владение помещиком Иосифом Зубом других наследников без соблюдения законного порядка, обратилось потом в самовольство, поводом[2] которого было самоуправное избрание старшин, учреждение громады или общества и выполнение присяги всеми крестьянами о послушании оной, наконец, что после двукратных увещаний, сделанных им от правящего должность маршала и самого его с прочтением высочайшего вашего императорского величества манифеста, 12 мая 1826 года последовавшего[3], вместо обращения к тишине, спокойствию и повиновению, дошло до буйства и пренебрежения власти земской полиции, я вынужден был, руководствуясь силою высочайшего вашего императорского величества повеления в циркулярном предписании министерства внутренних дел от 4 августа 1826 года[4] изъясненного, тотчас за получением рапорта члена Чериковского земского суда от 31 декабря, что крестьяне остаются в волнении, после сделанного им в последний раз от поветового маршала внушения, отнестись к дежурному генералу 1-й армии и командиру могилевского гарнизонного батальона с требованием военной команды для усмирения крестьян Бело-Дубровского имения; за получением же рапорта климовицкого земского исправника от 5 января, видя усугубление буйства крестьян, вторично отнесся к дежурному генералу, уведомившему меня о командировании ста человек в Бело-Дубровское имение, что таковых, по состоянию имения, недостаточно и для того, дабы усилил воинскую команду из ближайших к

---

[1] Подсудок поветового суда — помощник земского судьи, выбиравшийся дворянством из своей среды.

[2] Так в подлиннике; по контексту должно быть: следствием.

[3] Манифестом 12 мая 1826 г. подтверждалась незыблемость крепостного права: «всякие толки о свободе казенных поселян от платежа податей, а помещичьих крестьян и их дворовых людей — от повиновения их господам, суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамеренными людьми из одного корыстолюбия...»

[4] Циркуляром министерства внутренних дел от 4—6 августа 1826 года крепостные крестьяне и дворовые, не повинующиеся манифесту 12 мая 1826 г., предавались военному суду.

тому имению квартирующих войск. Затем по прибытии первой команды в город Чериков, 8 числа сего января отправился я того же дня сам лично в имение для приведения крестьян в должное повиновение и для открытия зачинщиков самовольства и виновников буйства. По прибытии же моем в оное имение, вместе со вступлением военной команды, приказал явиться к себе собранным по предварительному распоряжению со всех деревень крестьянам, по расспросу которых, открыв главных зачинщиков неповиновения, числом семь человек крестьян разных деревень оного Бело-Дубровского имения, приказал взять их при себе под стражу и приведя прочих крестьян в должное повиновение опеке, учредил над виновными, согласно высочайшему вашего императорского величества повелению, военный суд, составив оный из офицеров, при команде состоящих, и членов поветового и земского судов. Между тем военной команде дал повеление остаться в том имении на квартирах до дальнейшего моего распоряжения и окончания над зачинщиками военного суда, с обязанностью, дабы командующий оною наблюдал за повиновением определенному опекуну и за состоянием в спокойствии крестьян, о котором каждую неделю мне доносил, а в случае сборища толпами крестьян и малейшего волнения, брал виновных под стражу.

Учинив таковое распоряжение, внушил я крестьянам обязанности их долга строгими принятыми мерами над упорствующими, в силу законного взыскания за безрассудное их предприятие, сменил избранных самовольно старшин и привел их в должное повиновение опекуну, которого должны они слушать впредь до окончания спорного между наследниками дела. Но как, кроме отданных военному суду крестьян, оговорены десять человек, участвовавших в буйстве, по увеличению примером[1] зачинщиков, то приказав взять таковых при себе под стражу, для нужных спросов и улик при производстве военного суда и на случай, не откроется ли между оными самих зачинщиков, предписал я, по окончании военного суда, предать сих последних гражданскому суду.

О таковом происшествии, во вверенной управлению моему губернии случившемся, доводя, всеподданнейше до высочайшего вашего императорского величества сведения, имею счастие доложить, что из дел и распросов крестьян открывается, что помещик Иосиф Зуб, будучи более двух лет администратором всего имения, управлял оным, причем посылал по деревням выборных для изведания между крестьянами, желают ли они иметь его себе помещиком, и, получив от всех крестьян на то согласие, обнадежил их, что никогда разделять сего имения на части не будут, а останется один он владельцем. Когда же прошлого года начал самовольно производить размежевание земель и приготовлять к разделу имение, то крестьяне, заметив сие, приходили к нему для осведомления о причине того, и Зуб вторично уверил их, что раздела имению никогда не будет. Вслед затем в октябре месяце истекшего года, начал разводить по имению часть наследников, не дожидая решения о наследстве дела и указывая каждому его долю, им самим вымышленную, объявлял крестьянам, что то были их помещики, и в то же время допустил некоторых из них до распоряжения их частями, до перевоза разной движимости в те места, где кто поселился, и до снесения некоторых крестьянских домов под господское строение, чем самым не только присвоил себе власть земской полиции, но преступил законы, воспрещающие распоряжаться в имении, под тяжбой и спором находящемся. А потому предписал я военно-судной комиссии при произ-

[1] Так в подлиннике.

водстве дела над зачинщиками, учинить свое предварительное заключение о винности упомянутого Зуба, для предания его гражданскому суду.

Что ж касается до буйства, произведенного единовотчинной деревни Вишенок Климовицкого повета крестьянами, то отделив обстоятельства сие, предписал я Климовицкому земскому суду тотчас съехать на место для произведения строжайшего исследования, взятия под стражу виновных и предания оных гражданскому суду. Положение же Климовицкого поветового суда, допустившее Зубов до признания дележного документа, в противности указа главного суда 2-го департамента, препроводил я на рассмотрение и заключение того же департамента, а поступок Чериковского суда подсудка, который с 14 мая 1829 г. по день возникшего неповиновения между Бело-Дубровскими крестьянами не учинил сдачи имения опекуну и тем самым дал повод Зубу самовольно распоряжаться имением и довести крестьян до волнения, предложил к рассмотрению губернского правления.

Гражданский губернатор Муравьев.

Рапорт управляющего Смоленской и Белорусскими губерниями Николаю I, 8 сентября 1836 г.[1]

Витебской губернии в Люцинском уезде находится казенное имение, под названием Люцинского староства, которое состояло в пожизненном владении ст. сов. графа Борха, а по смерти его в начале сего 1836 года, поступило обратно в казну и принято в заведывание Витебской казенной палаты.

Такой переход имения требовал, чтоб впредь до отдачи означенного староства в арендное содержание, избран был из крестьян староста и другие волостные старшины для сохранения внутреннего хозяйства и благоустройства; но Яновольская сего староства волость, состоящая из 1600 душ, несмотря на многие предписания Витебской казенной палаты и на многие требования чиновников, мною нарочно к ним посланных, делавших им сильные внушения и убеждения, явно ослушаются и не хотят выполнить присяги на выбор из среды себя старосты и других старшин и от того, в противность закону, остаются без должного управления через тех людей, которым по закону управлять ими велено.

Другое ослушание крестьяне сей волости оказывают, также с постоянным упорством, в том, что особенной комиссии, по сношению моему с министром финансов нарочно к ним командированной, не объявляют претензий и жалоб своих на тех, на кого они принести сии жалобы имеют, тогда как прежде они же присылали несколько просьб к генерал-губернатору князю Хованскому, в которых, показывая на бывшую графа Борха экономию многие неудовольствия[2], просили доставить им удовлетворение.

Такое неповиновение Яновольских крестьян и после деланных им чрез чиновников и духовных отцов их священников сильных увещаний, обнаружено, наконец, последним решительным отзывом, что они на выбор старосты и старшин присягать не будут и их не выберут,

---

[1] III О., IV эксп., 1836 г., д. № 118, лл. 1—5.

[2] Недовольство крестьян экономией Борха вызвали различные злоупотребления и беспорядки со стороны управляющего экономией. Крестьяне не только при жизни Борха, но по смерти его подавали жалобы в разные адреса: министру финансов, в Витебскую казенную палату и губернатору.

а равно и в комиссию, о розыскании претензий их учрежденную, не пойдут.

Видя из сего, что все миролюбивые средства остались безуспешными, и крестьяне продолжают упорно неповиноваться — я в необходимости нашел себя, для приведения их в повиновение законной власти и к исполнению предписаний ее, употребить решительные меры при содействии воинской команды. Вследствие сего ныне же отнесся к начальнику 2-й пехотной дивизии, ген.-лейт. барону Розену и требовал командировать в упомянутую Яновольскую волость один вооруженный баталион, а исправляющему должность Витебского гражданского губернатора, вице-губернатору ст. сов. Домбровскому предписал отправиться в ту волость немедленно и там, будучи на месте, при содействии баталиона привести крестьян в повиновение, велев им избрать под присягою старосту и других волостных старшин, а следственной комиссии, там же находящейся, поручил вице-губернатору преподать пособие к окончанию возложенного на нее занятия, касательно обнаружения справедливости претензий, крестьянами на бывшую графа Борха экономию объявленных, и в то же время открыть виновных зачинщиков волнения крестьян и главнейших упорствующих и подстрекателей, которых и предать военному суду.

Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, состою в обязанности присовокупить, что истинных причин неповиновения означенных крестьян, за всеми доселе принятыми мерами, не обнаружено и крестьяне не объявили; по сделанным же разведаниям полагают, что оное происходит от надежды, что, если они будут волноваться, то их никто не возьмет в аренду, и останутся на оброке; после чего разберут они фольварковые поля[1] между собою, а для экономии работать не будут; но основательнейшим признается то, что крестьяне сии весьма страшатся, чтоб не возвратили их опять в управление сына покойного графа Борха, который при жизни отца своего заведывал ими, ибо общая между сими крестьянами и сторонними носится молва, что молодой граф Борх выиграл тяжбу об них с казною и по решению уже высшей инстанции получил будто бы Яновольскую волость в вечное крепостное свое владение.

Впрочем, по удостоверению администратора сей волости, крестьяне работы по экономии хотя не во всем, как должно, но выполняют. Несмотря однако ж на то, я в необходимости был заставить их повиноваться законной власти, с употреблением воинской силы, дабы послаблением не подать вредного примера другим крестьянам, особенно же одноотчинным прочих 3-х частей староства[2], в которых состоит более 2500 душ, и которые, как указано, смотрят только на своих товарищей, чем кончится их упорство, и если хорошо, то и они готовы последовать их примеру.

Ген.-ад. Дьяков.

Из следствия, произведенного советником Гладким по Могилевской губернии [январь 1841 г.].[3]

Г. ген.-губ. Смоленский, Витебский и Могилевский от 13 истекшего ноября уведомил г. начальника губернии, что до сведения государя императора дошло о смертоубийстве Климовичского уезда помещика

---

[1] Фольварк — усадьба, хутор или часть крупного поместья, имевшая самостоятельное административное управление

[2] В Польше старостваами именовались земельные наделы, даваемые королем дворянству и военным чинам из государственных земель в пожизненное владение.

[3] III О., IV эксп., 1840 г., д. № 245, лл. 11—16.

Свадковского дворовыми людьми, имевшими на него злобу за строгое с ними обращение. Его императорское величество высочайше повелеть соизволили, строжайше об этом исследовать и донести его величеству о последующем...

Советник Гладкий по прибытии в город Климовичи 9 числа допрашивал содержащихся в тамошнем остроге преступников, совершивших смертоубийство, именно: Кузьму Благушина, Савку Цыганковича, Семена Войтихова и Андрея Андреева, которые согласно показали, что главнейшие причины, по коим они невольно решились посягнуть на смертоубийство владельца своего Свадковского, были следующие: а) весьма скудное продовольствие дворовых людей, для которых отпускаем был хлеб почти во всякое время года из ячменной и ржаной муки, смешанной с половою, и то в малой порции, так что показатели и другие товарищи их нередко терпели голод и принуждены были покупать хлеб за свои деньги, которые иногда получали от гостей за услуги и сохраняли для своих нужд; приварок же в постные и скоромные дни состоял из одних кислых щей с капустою, а иногда жидкой каши, также в малой пропорции, весьма недостаточной для работного человека; вообще вся пища употребляема была для дворовых людей самая дурная, рыбы и говядины никогда не было отпускаемо, исключая малой части говядины, и то лишь в один день светлого праздника; в прочие же дни во время мясоеда приварок приготовляем был для людей с салом, которого отпускалось единовременно каждого года на целое лето не более пяти или шести фунтов, а соль для приварков ежемесячно отпускаема была в малой пропорции так, что при всей умеренности употребления, недоставало на пищу, которая приготовлялась без соли от пяти до десяти дней в каждом месяце, пока на следующий месяц не будет отпущено соли; b) тяжкое обременение всех крестьян и дворовых людей господскими работами, которые употребляемы были даже в праздничные и воскресные дни, не исключая слабых престарелых мужчин, женщин и малолетних детей всякого возраста от 5 до 8 лет, в чем ссылаются на все общество крестьян, а особенно на писаря Романа Яковлева, который ежедневно записывал пригон [1] людей на работу; c) дурная и развращенная нравственность помещика Свадковского, который распутным поведением своим с крестьянскими женами и девками ожесточил их до того, что некоторые из крестьян за насилие жен и растление дочерей, посягали даже на жизнь его, Свадковского...; d) жестокое обращение помещика Свадковского со всеми крестьянами, коих он безвинно и безчеловечно наказывал плетьми и розгами от 200 до 500 ударов; иных же привязывал к столбу и закованных в железные кандалы долгое время изнурял под арестом и употреблял ежедневно в работы...

Советник Гладкий, 10 декабря прибыв в деревню Низки, принадлежащую наследникам убитого помещика Свадковского, при обыске, произведенном при бытности всех дворовых людей, отыскал в одном амбаре, хранившиеся железные орудия, которые по показанию крестьян всегда употребляемы были для заковки их днем и ночью, а именно: четыре пары ножных кандалов, одну пару ручных, и одну колоду с железною цепью и обручем, который накладывался на шею заключенных. Все эти орудия отобраны для представления начальству... [2].

---

[1] Пригон — сгон крестьян на барщину.

[2] На основании «высочайшего повеления» от 20 января 1841 г. имение Свадковского было взято в опеку.

Из донесения начальника 4 округа корпуса жандармов шефу жандармов, 19 ноября 1846 г.[1]

Упоминаемое в донесении моем вашему сиятельству от 13 сентября № 517 волнение крестьян деревень Белостокского уезда, от принятых слабых мер к усмирению их местным начальством усиливаясь день от дня в течение слишком двух месяцев, наконец потребовало военной силы. Сначала был отправлен на место советник Гродненского губернского правления Белозерский, донесший в преувеличенном виде о разлучении конвоя солдат, сопровождавших арестантов[2], толпою 600 мужиков и женщин. Конвой этот весь составляли 12 человек солдат, готовившихся сопровождать 35 мужиков зачинщиков, и того толпа не разлучала насильственным образом, но бросившиеся к солдатам и офицеру, также к советнику Белозерскому в ноги крестьяне, жены и женщины, хватаясь за них и с воплем умоляя о помиловании, мешали им продолжать путь. Потом был командирован вице-губернатор Яневич-Яневский; наконец, отправился сам губернатор, предварительно потребовав два батальона войск и пригласив с собою ехать штаб-офицера моих особых поручений майора Тизенгаузена. От его светлости генерал-фельдмаршала также был прислан для наблюдения корпуса жандармов подполковник Повало-Швейковский. Помощью сих-то, уже крайних мер, крестьяне ныне приведены в повиновение и требуемую от них присягу выполнили.

Между тем ободренные их продолжительным упорством и казенные крестьяне, уже в другом, Бельском уезде, также воспротивились выполнять по разным делам присягу.

Следы неповиновения крестьян проявляются и в Ковенской губернии.

Словом, из всех поступающих ко мне сведений я должен заключить, что:

1) Волнение собственно крестьян деревень Мельники, Геронимово и других Белостокского уезда развилось прямо от нераспорядительности сначала земской полиции, которая отпустила без наказания отрекшихся выполнить присягу мужиков, потом ее нерешительным мерам последовала губернская власть.

2) Что независимо от того, существует вообще между крестьянами Западных губерний какое-то необнаруженное еще подстрекательство или превратное ими толкование распоряжений правительства, которые возбуждают в них неспокойствие, брожение умов, ожидание на их счет каких-то важных перемен.

Генерал-майор Буксгевден.

Из донесения начальника 4 округа корпуса жандармов ген.-фельдмаршалу кн. Варшавскому, 18 ноября 1846 г.[3]

Ваша светлость, из словесных моих докладов в Варшаве, изволили быть известны о командировании войск в Белостокский уезд, для усмирения там неповинующихся крестьян разных деревень; а теперь отправившимся в места действий подполковником Повало-Швейковским, да и самим губернским начальством, без сомнения, уже донесено о приведении означенных крестьян в послушание и о исполнении ими требуемой от них присяги.

Избегая за тем повторения уже известных обстоятельств, я обязы-

[1] III О., IV эксп., 1846 г., д. № 180, лл. 28—30.

[2] 35 крестьян были арестованы за распространение слухов об отказе принести присягу помещику.

[3] III О., IV эксп., 1846 г., д. № 180, лл. 31—34.

ваюсь почтительнейше представить на благоусмотрение вашей светлости только те сведения, которые вывожу из наблюдений моих двух штаб-офицеров, бывших в Белостоке во время последних там распоряжений местной губернской власти.

Первым поводом ослушания крестьян в исполнении по следственным делам присяги было большое этих дел накопление местным становым приставом Ревенским, для окончания которых он собрал в один раз из многих деревень крестьян и тем возбудил в них подозрения об истинной цели присяги, дал повод верить в распущенные уже до того слухи о существовании мнимого указа относительно общего перевода крестьян с барщины на оброк.— Чтобы удостовериться: справедливо ли, что это накопление дел было сделано становым приставом умышленно, как утверждают из корыстных видов, я сообщил о сем к сведению г. генерал-губернатора.

В распространении вредных между крестьянами толков о существовании указа и других слухов подозревается кнышинский мещанин Рытельский, уже состоящий за это под судом, а в неумышленном будто бы подтверждении их обвиняется православный священник м. Новая Воля, Базилевский. Надлежит убедиться: точно ли Базилевский внушал крестьянам об этих слухах, без вредного умысла. Сверх того, я уверен, что независимо от этих лиц, делали крестьянам безрассудные научения другие злонамеренные люди, как это и подтверждается показанием одного из допрошенных крестьян, Максимюком, который объявил, что о воле государя императора освободить от барщины крестьян и о намерении помещиков убедить его величество, будто бы крестьяне сами этого не желают, сказывал ему проезжавший в нынешнем году чрез м. Заблудово один офицер в жандармской форме.

Никогда ослушание крестьян не достигло бы этой степени неповиновения и не потребовало бы к усмирению их таких важных мер, к каким в напрасном испуге своем прибегло местное начальство, если бы собственные его распоряжения не были в самом начале столь слабы и нерешительны. Доказательством тому — поступок казенных крестьян в Бельском уезде, которые также воспротивились было исполнять присягу, но как скоро узнали о наказании крестьян м. Заблудова, тотчас беспрекословно покорились. Приехав на место, гродненский гражданский губернатор имел в намерении дать ослушным по 50 ударов розгами — стоило ли для этого собирать два баталиона войск? По совету офицеров корпуса жандармов дано виновным, в пример другим, некоторым до 200 ударов.

В настоящее время крестьяне изъявили покорность. По замечанию поступивших ко мне донесений, это не столько из убеждения в истине сделанных им внушений, сколько от страха. Слухи, что с нового года последует перевод крестьян на оборочное положение, возникшие отчасти вследствие сделанного в Царстве Польском официального объявления о прекращении с тамошних крестьян сбора всех прежних окладов, кроме определенного числа рабочих дней [1],— дадут, вероятно, повод крестьянам к новому со стороны их неповиновению помещикам, на которых к тому же они жалуются вообще об отягощении их излишними повинностями и в обидном наделении землями.

Разобрать по этим обстоятельствам претензии крестьян поручено гродненскому вице-губернатору Яневичу-Яневскому обще с белостокским предводителем дворянства Саковичем. И тот и другой, быв

[1] В 1847 г. были введены в юго-западном крае так называемые инвентари — установление определенного количества земли, предоставляемой помещиками крестьянам, и точное распределение размеров крестьянских повинностей. В 1852 г. инвентари были распространены и на северо-западный край.

сами местными там помещиками, не пользуются доверием крестьян. Я полагал бы лучше назначить на этот предмет особую следственную комиссию из чиновников по избранию генерал-губернатора.

Наконец, мне остается донести вашей светлости о вышедшем от белостокского жителя, почетного гражданина еврея Гальперна, подозрении, что в подстрекательстве крестьян противу своих помещиков должны непременно принимать участие католические ксендзы, также как и скитающиеся по этому уезду в множестве иностранцы, которые даже носят при себе иногда оружие и, быть может, принадлежат к секте коммунистов. Не отвергая на сей раз сбыточность догадки Гальперна, я замечу вообще об этом человеке, что изветы его редко оправдываются.

Генерал-майор Буксгевден.

Донесение подполковника корпуса жандармов по Минской губернии шефу жандармов, 21 ноября 1846 г.[1]

Дошло до сведения моего, что Минской губернии Мозырского уезда священник Ремезовской православной церкви Яков Родевич донес тамошнему земскому суду, что крестьянский мальчик имения Ремезов Иван Лавренев Коваль, имевший от роду 13 лет, вероисповедания православного, от жестокого наказания его помещицею Стоцкою 29 числа истекшего сентября умер, тело коего мужем сказанной Стоцкой, помещиком Бернардом Стоцким, 2 числа октября, тайным образом, в ночное время, на Ремезовском кладбище предано земле.

Вследствие сего донесения Мозырский земский суд в то же время назначил временное отделение для строжайшего исследования о сем происшествии, которое съехав 17 прошлого октября в имение Ремезы и приступив к исследованию сказанного происшествия, из какового исследования обнаружилось: что помянутый мальчик Иван Коваль (он же Башинский), быв взят назад тому более 2-х лет из деревни Ремез в фольварок «Зеленый дворок», во все время нахождения его в оном, почти ежедневно за неудовлетворительную и неисправную (судя по прихотям помещицы Стоцкой) услугу, а именно за то, что не скоро принесет воды, неуспешно подаст тарелки, задремлет и если за чем пошлют, не скоро возвратится,— подвергаем был наказанию розгами и плетьми, иногда собственноручно помещицею Стоцкою, а иногда по ее приказанию дворовыми людьми, до 30 ударов. От этого наказания мальчик Иван Коваль, чувствуя боль и боязнь ожидаемого ежедневно наказания, подвергался унынию и постепенно приходил в изнурение. Сия мера наказания, без послабления продолжалась до 29 сентября, а в этот день, пред самым обедом за то, что нечаянно разбил тарелку, по приказанию Стоцкой, наказан 20 ударами розог, отчего совершенно сделался слаб и оставался в таком положении до вечера; а в это время Стоцкая, не взирая на изнеможение и слабость, за медленную подачу воды, повалив его на пол, била ногами по всему телу, переваливая с одной стороны на другую, отчего мальчик этот в то же время почувствовал сильную боль в левом боку, к облегчению коей, по приказанию Стоцкой, было поставлено ему пять пиявок, а ночью того же дня умер. Тело его три дня хранилось в том доме, где Стоцкие жительствуют, а после того, как доносил священник Родевич, тайным образом, в ночное время, предано земле.

Сверх сего, при производстве о сем мальчике исследования временным отделением, открыта жестокость помещицы Стоцкой с давнего времени в наказании бывших во дворе на услужении крестьян. Поме-

[1] III О., IV эксп., 1846 г., д. № 222, лл. 1—2.

щица эта имела сильное пристрастие к наказанию людей, в некоторых случаях за совершенно малозначительную (по неосторожности даже происходящую) вину, а в других безвинно, или по изобретенной собственно ею вине, как то: за междуусобное с родственниками свидание, начатие между собою разговоров и за смех, подвергала оных наказанию до ста и более ударов розгами и плетьми, и наказания эти производились даже таким образом: она, устроив в своей комнате один железный пробой в потолке, а другой — в противоположности оного на полу, повесивши человека на верхнем пробое за обе руки ременными возжами и привязав ноги к пробою, вбитому в пол, раздевши до нага висящих, приказывала наказывать. Эта мера наказания производилась до того, что испытавшие оное лишались чувств. Кроме сего, очень часто наносила побои палкою безмерно и каким бы ни попалось ей в глаза твердым орудием, даже ножом по голове, спине, рукам и по ногам. Не довольствуясь этим, кусала зубами за тело, душила руками за глотку и тиснула[1] ногами и коленами грудь и желудок; при этом подвергала истязанию такому: накладывала на шею железную цепь и замыкала на пробой, вбитый в стену, наливала за шею кипящую воду, таскала за ноги зацепленною веревкою на покрытой бугроватым шерстким льдом земле на обнаженной задней части тела, отчего сдиралась до крови кожа, приказывала есть издохшие пиявки, жгла раскаленным железом тело, приказывала в своей комнате танцовать, произнося беспрестанно те слова «скачи враже, як пан каже», зауздывала женщин палкой для того, чтобы не сосали от коров молока, отчего назад тому месяц дворовая девка Авдотья Тимошникова, наказанная Стоцкою, бежала и без вести пропала.

Обо всех этих поступках Стоцкой достаточно знал муж ее, но будучи совершенно порабощен ею и испытывая от нее иногда побои, не только не распорядился о воздержании ее от сих преступных действий, но даже подражал ее прихотям. Таким образом г-жа Стоцкая, избравши для сокрытия поступков своих уединенное, в глуши леса, жилище, жестокостями сими привела в столь сильное уныние и боязнь крестьян своих, что они не только обратиться на нее с жалобою опасались, но даже объявить кому-либо о ее поступках.

И потому временное отделение, за недачу на вопросы оного ответов, подвергнув помещицу Стоцкую тюремному заключению, а мужа ее — домашнему аресту, приостановило дело производством впредь до распоряжения начальства.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что о происшествии этом г. исправляющим должность минского гражданского губернатора вице-губернатором Чмыховым сделано донесение г-ну генерал-губернатору здешнего края.

Подполковник Теурский.

Прошение крестьян имения Хоцюхова помещика Гарновского Минской губернии Борисовского уезда Николаю I, 23 октября 1847 г.[2]

Голосом отчаяния взываем к вашему величеству о защите нас против помещика нашего Гарновского, который угнетениями своими довел нас до крайней нищеты, жестокие наказания, убийства и изувечья он вменял ни во что: на поданные нами два прошения к минскому гражданскому губернатору, хотя и производилось следствие, но все угнетения и убийства закрыты, между тем помещик наш, угрожая каторжной работою тем, которые подавали прошение, оковавши ото-

[1] Так в подлиннике.
[2] III О., IV эксп., 1847 г., д. № 188, л. 1.

слал в острог и одного из них за таковые жалобы отдал в рекруты без времени. Не имея более ни в ком защиты, прибегаем под покровительство отца России; мы все охотно пойдем в Сибирь, нежли остаться под владением нашего тирана, который поклялся посдирать с нас кожи и насыпать оные деньгами, лишь бы на своем поставить и далее продолжать свое над нами господствование и кормить по прежнему картофельною брагою из своего проваря[1]. Не остается нам надежды, кроме на милосердие вашего величества, внемлите страждущему человечеству, освободив нас из власти нашего угнетателя, сим низольете на нас божеское милосердие, а ежли мы виновны за то, что просим милости, то подвергаем себя суждению всей строгости законов.

По доверенности от имени всего своего общества просит Филимон Литвин и Трофим Макрица[2].

Выписка из ведомости о происшествиях за июнь 1850 г.[3]

Во всеподданнейшей ведомости о происшествиях по империи с 26 августа по 2 сентября 1850 года показано:

По Гродненской губернии — в Кобринском уезде 22 июля эконом помещицы Шемиот Бортновский, найдя в доме крестьянина Никифорова 70-летнюю мать его с больным двухлетним внуком, выхватил из рук ее и отбросил это дитя, а потом жестоко избил ее палкою и выгнал на работу. Младенец умер; Бортновский же после того скрылся и к задержанию его приняты меры.

Против этой статьи собственною его императорского величества рукою карандашем: «Отыскать и предать военному суду».

Донесение минского гражданского губернатора в департамент полиции, 7 ноября 1853 г.[4]

На отношение департамента полиции исполнительной от 28 октября, № 217, имею честь уведомить, что по произведенному исследованию об умершем крестьянине имения Борчник помещика Бобруйского уезда, Монкевича, Никите Кабане, от причиненных ему управителем Короткевичем побоев, обнаружено следующее:

Крестьянин Кабан до праздника св. Ильи, во вторник (14 июля), заболев, лежал среду и четверг; в пятницу утром управитель Короткевич, войдя в людскую, где лежал на печи Кабан, упрекал его, что он чрез леность не хочет итти пасти скот; когда же он отвечал, что сего никогда он не делал, то Короткевич схватил Кабана за ногу, стащил с печи, от чего он едва удержался на скамье, при той же печи устроенной, но свалившись, ушибся головою о стоявшие там бочки. После сего Короткевич прогнал Кабана от людской и, когда он отправлялся в скотский сарай, то Короткевич ударил его два раза в шею. Из сарая Кабан пошел на поле, где, пролежав целый день, вечером возвратился на двор, но не будучи в состоянии притти в людскую, лег при амбаре, откуда уже приведен домой и засим, пролежав совершенно больным субботу и воскресенье, в понедельник утром

---

[1] Провара — термин из пивоваренного производства.

[2] Минское жандармское управление, производившее по этому поводу расследование, пришло к следующим результатам: крестьяне, пользуясь слабым надзором помещика, оклеветали его; за что крестьяне — Макрица, Т. С., Тарас Силиванчик подлежали тюремному заключению в Борисовской тюрьме, Осип Динусинов, Мартын Мокрица, Семен Дяга и Никифор Ромашка — были отданы под надзор земской полиции.

[3] III О., IV эксп., 1850 г., д. № 175, л. 1.

[4] III О., IV эксп., 1853 г., д. № 194, л. 4.

(20 июля) умер. Из медицинского заключения видно, что смерть Кабану последовала от воспаления легких.

При чем долгом считаю присовокупить что дело о смерти крестьянина Кабана отослано в Бобруйский уездный суд, которому о внимательном рассмотрении оного от меня предписано и что вместе с получением донесения о смерти Кабана сделано мною распоряжение об устранении Короткевича от управления имением Борчники.

Гражданский губернатор Щ к л я р е в и ч.

Из рапорта Люцинского уездного стряпчего министру юстиции, 7 мая 1855 г.[1]

Крестьяне помещика Люцинского уезда, жительствующего постоянно в Лепельском уезде, г. ст. сов. Гребницкого, состоящие при имении его Марцинополе, находящемся от г. Люцина в 30 верстах, узнав, что они, посредством продажи их, должны перейти во владение действ. ст. сов. баронессы Розен, именно в то время, когда присланы были уже поверенным ее превосходительства помещиком Паулиным в имение Марцинополь лица для принятия сего имения от управляющего в распоряжение новой их владетельницы, пришедши толпою в господский Марцинопольский двор, настоятельно требовали от управляющего имением Марцинополем Пылинского, чтобы те лица возвратились немедленно назад, потому что они не желают, чтобы г. Гребницкий продавал их кому-либо другому и что они, кроме помещика Гребницкого, никому не будут служить и повиноваться, разве только останутся казенными крестьянами, после чего не расходились до тех пор, пока присланные от Паулина не выехали из Марцинополя[2]. Когда же об этом помещик Паулин вдруг же[3] довел до сведения г. предводителя дворянства Люцинского уезда и сей вместе с земским исправником был в имении Марцинополь, то пришедшие туда также толпою крестьяне, несмотря ни на какие деланные им со стороны предводителя и исправника вразумления к их пользе и предварения, какие могут быть последствия за их ослушание и неповиновение,— остались непоколебимы в своем безрассудном упорстве. После этого назначено в имении Марцинополе временное отделение Люцинского земского суда, которое, на основании 2488 ст. 2 тома св. зак. учреждения земской полиции, употребляло самое тщательнейшее старание к приведению ослушников в повиновение, но видя закоснелое безрассудство крестьян в их непокорности, вынужденным нашлось обратиться к последнему средству — ввести во всех селениях, принадлежащих к имению Марцинополю, квартирование войска, чтобы такою экзекуциею обратить ослушников к долгу...

Уездный стряпчий В е р б и ц к и й.

Донесение могилевского гражданского губернатора министру внутренних дел, 17 мая 1856 г.[4]

По прибытии моем в имение князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского, я делал неповинующимся крестьянам его светлости внушение о повиновении экономическим властям, объяснял обязанности их в отношении к владельцу, некоторых из них нашел необходимым

---

[1] III О., эксп., 1855 г., д. № 133, лл. 7—8.

[2] Волнения крестьян основывались на слухах об образовании губернских комиссий для определения в белорусских губерниях инвентарей, устанавливавших точные нормы работ крепостных, введению которых в жизнь сопротивлялись помещики.

[3] Так в подлиннике.

[4] III О., IV эксп., 1856 г., д. № 143, л. 10.

наказать розгами, а главнейшие зачинщики подвергнуты содержанию под стражею в острог, впредь до производства по сему предмету формального следствия, после чего неповинующиеся крестьяне раскаялись в своих заблуждениях, единодушно объявили мне, что они не будут уже оказывать неповиновения экономическим властям и будут исполнять барщину и платить оброк, почему, выждав буднего дня, я делал заказ на барщину и вследствии сего местный исправник, основываясь на отзывах к нему Климовской и Зефельдской экономии его светлости, донес мне, что крестьяне, принадлежащие к фольваркам этих экономий, по сделанному наряду на работу все вышли и что за сим можно быть уверену, что крестьяне и других экономий его светлости последуют сему примеру, и по всему имению водворится должное повиновение. Но так как дух неповиновения крестьян был замечен и в соседних помещичьих имениях, то я признал необходимым оставить на некоторое время для экзекуции в имении его светлости высланные туда из Черниговской губ. по моему требованию два резервные баталиона Московского пехотного полка с тем, чтобы оные, в случае надобности, передвигались из одной деревни в другую.

Гражданский губернатор Н. Скалон.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Минской губернии шефу жандармов, 4 июля 1856 г.[1]

Состоящий при мне за адъютанта штабс-капитан Поггенполь находился Слуцкого уезда в имении Купосах князей Радзивилловых при производстве следствия об угнетении крестьян того имения арендным владельцем помещиком Загорским, по окончании коего донес мне: 1) арендный владелец Загорский отбирал у крестьян пахотную землю, отдавал оную в аренду шляхтам; 2) забирал у некоторых скот во двор для своей пользы; 3) вместо выпряжки каждою тягловою хатою[2] четырех талек[3] в год требовал отработать ему весною и осенью по четыре дня; 4) увеличил в одном фольварке Морги пахотной земли до того, что крестьяне не в состоянии их обрабатывать; 5) большая часть тягловых крестьян половину своих полей не обсеменили озимым хлебом по недостатку ржи; 6) крестьян Лукьяна и Василия Новашей за покражу ими одной четверти четырех четвериков овса наказал розгами каждого более как по сто ударов, отобрав при том, как уворованный, так и собственный их овес, и 7) крепостной человек Загорского, Кульбицкий, по дозволению его, наказывал крестьян по произволу, плетью, палкою и бил их руками по голове и лицу.

О чем вашему превосходительству почтительнейше донести честь имею.

Полковник Тизенгаузен.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Гродненской губернии шефу жандармов, 23 ноября 1856 г.[4]

19 сего ноября г. начальник Гродненской губернии получил от Слонимского земского исправника Парадовского донесение, что по дошедшим до него частным образом сведениям, крестьяне имения Бытень графов Потоцких, по выезде оттуда г. губернатора, не пере-

[1] III О., IV эксп., 1856 г., д. № 177, л. 1.

[2] Тягловая хата — податная единица,— крепостная семья с определенным количеством трудоспособных, обязанных отработать на барщине или уплатить оброк, установленный помещиком.

[3] Талька — определенная мера пряжи, составлявшаяся из 25 кучек по 25 ниток в каждой.

[4] III О., IV эксп., 1856 г., д. № 272, л. 4.

ставая, по подстрекательству строптивейших из них и некоторых посторонних людей, считать претензии свои справедливыми[1], намерены послать поверенных в Вильно с просьбою к г. ген.-губ. здешнего края, и собирают для сих поверенных деньги, и что 17 сего ноября 8 человек крестьян имения Бытень насильно схватили явившегося по призыву в господский двор крестьянина Ивана Голашевского и арестовали его. По сим обстоятельствам исправник Парадовский, опасаясь встретить затруднения при производстве следствия временным отделением земского суда, наряженным для исследования жалоб крестьян и обнаружения подстрекателей сих последних, просит об отряжении военной команды на время, пока будет производиться следствие, чтобы не допустить крестьян к неповиновению, которое он предполагает.

Для ближайшего на месте удостоверения в основательности предположений исправника и для рассмотрения поводов новых недоразумений между Бытенскими крестьянами, г. д. ст. сов. Шпеер командировал тотчас вице-губернатора ст. сов. Рожнова, и после местных предварительных розысканий его, намерен отправиться сам лично в имение Бытень, чтобы подвергнуть примерному наказанию виновных в подстрекательстве и тех крестьян, которые арестовали Голашевского. Дабы внушить крестьянам необходимую боязнь, г. губернатор счел соответственным расположить на квартирах в том имении войска; но как в настоящее время нет войска ни в Слонимском, ни в соседственных уездах, то он отнесся эстафетою к г. начальнику главного штаба I-й армии об испрошении разрешения его сиятельства г. главнокомандующего, чтобы от проходящего через г. Белосток в Брест, 27 числа сего месяца, Ревельского пехотного полка, направить два баталиона чрез Волковыск в Слонимский уезд или, если это будет признано неудобным, командировать для расквартирования в тот уезд один или два баталиона из числа находящихся в Бресте войск.

Почтительнейше доводя о сем до сведения вашего сиятельства, в дополнение к рапорту моему от 16 сего ноября за № 196[2] долгом поставляю доложить вашему сиятельству, что хотя в Гродненской губернии, кроме Слонимского уезда, нигде не замечается, чтобы крестьяне оказывали неповиновение своим помещикам, но некоторые из сих последних говорят, что между крестьянами довольно распространилась молва о предстоящих, будто бы, в пользу их переменах, и помещики не видят в крестьянах своих прежней готовности к безусловному исполнению приказаний арендаторов и экономов, и по сему помещики желают, чтобы в губернии были расположены на квартирах войска.

Полковник Прасолов.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Витебской губернии шефу жандармов, 3 января 1857 г.[3]

Возвратясь из поездки моей в г. Динабург, в дополнение к донесению моему от 21 декабря прошлого года за № 163[4], имею честь поч-

---

[1] Претензии крестьян имения Бытень заключались в следующем: крестьяне не приняли от дворового начальства новых на наступающий 1857 г. книжек, где записаны следующие с крестьян повинности. Новые книжки были составлены не по форме и с произвольными прибавлениями.

[2] В рапорте от 16 ноября за № 196 полковник Прасолов доносил: «о рассмотрении д. ст. сов. Шпеером претензий крестьян, нашел претензии правильными, приказал оставить при крестьянах старые книжки; о жалобах крестьян на арендаторов и об обнаружении лиц [виновных] в распространении среди крестьян разных толков, передал на производство формального дознания».

[3] III О., IV эксп., 1857 г., д. № 199, ч. 4, лл. 1—2.

[4] Донесения в делах архива не обнаружено.

тительнейше вашему сиятельству донести: цель правительства сделать свободными помещичьих крестьян распространилась уже почти совершенно между крепостным сословием. Крестьяне в своих рассуждениях сначала предполагали, что их освобождение последует к 6 декабря прошлого года, но когда это не исполнилось, они надеются, что к 1 январю будут уже свободны. Как первое, так и последнее предположение крестьян не возможно думать, чтобы имело серьезные последствия от неисполнения их мыслей. Крестьяне помещичьей Витебской губернии находятся на самой низкой степени человеческого развития и хотя мысль о свободе слишком занимает их, но они совершенно не в состоянии понять преднамерений правительства относительно того, в чем именно будет заключаться их свобода.

В уездах Динабургском, Люцинском и Режицком освобождение крестьян может совершиться без всяких неблагоприятных последствий потому, что эти уезды граничат с остзейскими губерниями, где уже крепостное сословие свободно [1], почему и крестьянам тех уездов, как более развитым и обзнакомившимся с положением своих соседей, переход из настоящего положения к свободе не будет затруднительным, как для них самих, так и для их помещиков.

В остальных уездах и отчасти во всей Витебской губернии помещики совершенно не согласны освободить своих крестьян на тех основаниях, которые объявлены в рескриптах, они полагают не совсем справедливым, чтобы среди их владений находилась чужая собственность,— усадьба крестьян, и возложение на них в полицейском отношении ответственности во взносе податей и разных повинностей крестьян, которые уже будут свободными, к тому же многие помещики (исключая молодых, свыкшихся с заграничным образом мыслей) думают, что освобождение крестьян на первых порах необходимо повлечет за собою беспорядки в хозяйствах.

Следя постоянно за рассуждениями помещиков здешней губернии, могу положительно доложить вашему сиятельству, что по разногласию их мнений едва ли можно предполагать, чтобы они в скором времени изъявили собственное согласие на освобождение крестьян.

Майор Лосев.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Гродненской губернии шефу жандармов, 7 июня 1857 г. [2]

По съезде в г. Гродно уездных предводителей и депутатов от дворянства, происходили у них, под председательством губернского предводителя, совещания о мерах к прочному устройству быта помещичьих крестьян и, вследствие этих совещаний, сделано 5 числа сего июня единогласное постановление: просить правительство о дозволении помещикам Гродненской губернии предоставить своим крестьянам, лично без земли, свободу от крепостного состояния на правилах положения о крестьянах Курляндской губернии, и, если просьба эта удостоена будет высочайшего соизволения, то подробное применение означенных правил к помещичьим крестьянам здешней губернии предоставить особой, выбранной дворянами комиссии. Губернский предводитель

---

[1] Еще в 1816 г. в Остзейском крае крестьяне были «освобождены» от крепостной зависимости без земли: с сохранением права собственности на землю за помещиками, а за крестьянами — право пользоваться этой землею.— Этого добивались помещики северо-западных — белорусских губерний.

[2] III О., IV эксп., 1857 г., д. № 199, лл. 3—4.

дворянства г. Оржешко отправился в Вильно для представления предположения дворян г. генерал-губернатору здешнего края [1].

Долгом поставляю почтительнейше довести о сем до сведения вашего сиятельства в дополнение к докладной записке моей вашему сиятельству от 10 прошлого мая за № 37 [2].

Подполковник Краюхов.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Могилевской губернии шефу жандармов, 11 сентября 1853 г. [3]

Имею честь довести до сведения вашего сиятельства что в г. Могилеве 16 числа августа открыт губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян, который и приступил уже к действиям: из числа членов комитета 5 человек избраны для начертания проекта по сему предмету, согласно данной программы, а остальные откомандированы по уездам для собрания потребных комитету статистических сведений помещичьих владений.

При этом неизлишним считаю доложить вашему сиятельству о таких суждениях, которые по этому предмету я имел случаи слышать от здешних помещиков. Они находят освобождение крестьян из крепостного состояния вполне справедливым и даже необходимым, но без наделения их усадебною землею, ссылаясь, что чрез это они в центрах своих земель приобретут соседей, владеющих собственною землею и, хотя получат за эту землю выкуп, но что эта продажа собственности их будет не добровольная, а вынужденная; их желание — чтобы усадебная земля крестьян осталась в их собственности и чтобы предоставлено было им, по обоюдному согласию с крестьянами, делать на известное время условия на обрабатывание их земель, применяясь к положению крестьян остзейских губерний. Помещики жалуются также, что с некоторого времени, хотя нет явных примеров неповиновения крестьян, но заметно нерадение при отправлении ими помещичьих работ, что нет прежнего беспрекословного исполнения их приказаний, оброчные крестьяне неисправно и неохотно выплачивают оброки, что все это происходит будто бы от ожидания крестьянами в скором времени освобождения и что они должны удержаться от взысканий, боясь подать повод к большим беспорядкам, причем выражают, что от всего этого их оградило бы совершенно, если бы государю императору угодно было особым указом подтвердить высочайшую волю, дабы крестьяне до окончательного утверждения положения по предмету их освобождения, были в полном повиновении своих владельцев и что не исполняющие тех обязанностей, которые они до сих пор несли пред владельцами, будут строго наказаны. Хотя помещичьи крестьяне Могилевской губернии все знают, что в настоящее время рассматривается вопрос об улучшении их быта, но они спокойны и явных случаев неповиновения их владельцам, вследствие превратных толков до сего времени, не оказывается.

Подполковник Соколов.

---

[1] Дворяне должны были составить проект освобождения крестьян из крепостного состояния, но в виду разногласия (12 были согласны на освобождение крестьян, а 16 хотя и не отказывались от освобождения крестьян, но ставили всяческие препятствия освобождению крестьян с землей) отложили составление проекта до общих дворянских выборов. Для облегчения быта крестьян отменили особые сборы продуктами и домашними произведениями.

[2] В докладной записке подполковника Краюхова от 10 мая 1857 г., за № 37, говорилось о съезде в г. Гродно уездных предводителей дворянства для нового пересмотра инвентарей помещичьих имений. Было принято предложение обсудить предварительно с помещиками своего уезда главнейшие основания к устройству крестьян и к 25 июня, вместе с депутатами из каждого уезда, составить акт для представления начальнику края.

[3] III О., IV эксп., 1857 г., д. № 199, ч. 19, лл. 5—10.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов по Минской губернии шефу жандармов, март 1858 г.[1]

Крестьяне местечка Лоева двумя прошениями, поданными начальству в апреле и мае месяцах 1857 года, жаловались о жестоком обращении с ними бывшего управителя Буйневича, требуемой от них излишней барщины и отдаче их в заработки купцам, торгующим лесом на сплав такового: в Екатеринослав, Кременчуг и Херсон.

Обстоятельство это было поручено исследовать чиновнику особых поручений при минском гражданском губернаторе Буцевичу, совместно с речицким уездным предводителем дворянства и местным земским исправником...

Для сего 3 марта призваны были 10 человек, но они, не взирая на все убеждения следователей и местного благочинного, решительно отказались от дачи каких-либо показаний, отзываясь, что без согласия и воли всего общества, ничего показывать не будут; вместе с тем явилась к дому следователей толпа крестьян из 34 человек.

Для взятия ослушавшихся крестьян под стражу, потребовано было от Лоевской этапной команды 12 человек нижних чинов, и когда приказано было виновных выводить из комнаты, то толпа с криком бросилась, выбила двери и с помощью собравшихся до 200 человек (в том числе и женщины, и дети), силою отбила назначенных под арест крестьян, нанося при том следователям и благочинному ругательства и оскорбления.

При настоящем следствии виновные отчасти сознались, слагая всю вину на общество, именем коего они действовали, считая предложенную следователями присягу для них вредной.

Подобное ослушание оказано крестьянами и ныне, отказываясь подписывать свои показания под предлогом воспрещения сего обществом.

Из оказавшихся более виновными в подстрекательстве крестьян, три человека были 16 марта следователями арестованы, с тем чтобы их отправить в Речицкую городскую тюрьму; но на другой день в 11 часов пополуночи собралась толпа до 60 человек крестьян противу дома следователей и из них почти третья часть приблизилась к самому дому, чтобы переговорить со следователями. По выходе последних на двор, крестьяне именем всего общества с криком и грубостью требовали выпустить арестованных и не взирая на кроткое объяснение следователей, что подобный поступок их повлечет за собою строгую ответственность, крестьяне с дерзостью повторяли свои требования, присовокупляя, что барину присягать не будем и на сплав леса не пойдем; наконец, когда стали переписывать зачинщиков, они начали уходить, не слушаясь приказания оставаться. За сим следователи постановили немедленно по эстафете потребовать от Черниговского внутреннего гарнизонного батальона военную команду в числе 300 человек для водворения порядка и наказания виновных.

Прибывшая 20 марта команда Черниговского внутреннего гарнизонного батальона в числе 5 обер-офицеров и 300 человек нижних чинов размещена по квартирам хозяев местечка Лоева. Главные виновники в ослушании и дерзости, сделанном 17 числа, скрылись, а по показанию прочих крестьян,— отправились по назначению к пристаням; оставшиеся затем в домах крестьяне собраны были на площадь местечка, которым объяснена важность преступления, сделанного удалившимися крестьянами, внушено должное повиновение местной полицейской и дворовой властям, они торжественно просили извине-

[1] III О., IV экеп., 1858 г., д. № 134, лл. 6—11.

ния и поручились друг за друга не нарушать порядка; после чего следователи постановили в виде испытания оставить военную команду в настоящем положении; поручить находящемуся на месте земскому исправнику, по личному удостоверению, что крестьяне вышли из заблуждения, прямо от себя войти о том с представлением к начальнику губернии, испрашивая разрешения на счет выведения войск из местечка Лоева; принять между тем меры, при содействии войска, к открытию места пребывания скрывшихся и тех из них, которые окажутся на месте, арестовать и отправить в Речицкую городскую тюрьму; участь же прочих виновных крестьян предоставить суждению того места, в которое настоящее дело поступит на решение.

Подполковник Рейхарт.

Рапорт и. д. могилевского гражданского губернатора Александру II, 9 октября 1858 г.[1]

В исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления, последовавшего по жалобе крестьян Рогачевского уезда деревень Заболотья и Лучин на помещика Турчанинова[2] и объявленного мне генерал-адъютантом графом Адлербергом от 8 прошлого сентября, за № 682[3], всеподданнейше доношу вашему величеству, что я поручал командированному мною чиновнику обще с рогачевским уездным предводителем дворянства произвести на месте строгое дознание об образе управления помещиком Турчаниновым своими крестьянами, по коему оказалось:

1) Крестьяне деревень Заболотье и Лучин во время десятилетнего управления ими помещиком Дмитрием Турчаниновым действительно пришли в упадок, вследствие недостаточного вспомоществования со стороны помещика, усиленных в прежние годы экономических извозов и появившейся на крестьянском рабочем скоте болезни, от которой пало много скота, так что в деревнях Заболотье и Лучине есть крестьянские дворы, вовсе не имеющие рабочего скота, и хотя помещик обрабатывает поля без упряжных крестьян пригоном, но эта обработка производится столь поздно, что озимый хлеб в конце сентября не у всех еще был отсеян. К причинам упадка крестьян помещика Турчанинова можно также отнести несоблюдение помещиком установленных законом правил при отдаче в наймы крепостных людей с подряда на работы; в текущем году помещик Турчанинов выслал для исправления телеграфической линии от Киева до Москвы 120 работников без всякого соблюдения правил, не принимая в расчет даже того, что в 8 крестьянских дворах не оставалось работников мужского пола.

2) Помещик Турчанинов, распоряжаясь хлебными запасными магазинами по своему усмотрению, без участия в этом деле крестьян и без соблюдения установленных правил, употребляет крестьянский хлеб на экономические надобности; сверх сего, экономия помещика Турчанинова, принимая на себя обязанность удовлетворять причты Заболотнянской и Лучинской церквей ссыпочным хлебом, ежегодно взымает с каждого работника по получетверти озимого и ярового хлеба и распоряжается таковым безотчетно, несмотря на то, что количество

---

[1] III О., IV эксп., 1858 г., д. № 223, лл. 5—8.

[2] В жалобе крестьян деревень Заболотье и Лучин говорилось о жестоком обращении с крестьянами помещика Турчанинова, о полном разорении крестьян тем же помещиком и о неправильном заключении в острог трех одновотчинных их крестьян.

[3] В отношении III отделения от 8 сентября 1858 г. за № 682 было приказано расследовать жалобу, поданную крестьянами Рогачевского уезда деревень Заболотья и Лучин на помещика Турчанинова.

собираемого хлеба далеко превышает установленную ссыпку церковным причтам.

3) Помещика Турчанинова, хотя никто не обвиняет в жестокости, но крестьяне Сипоровской экономии, к которой принадлежит деревня Юдичи, единогласно жалуются на жестокое с ними обращение бывшего эконома, дворянина Минской губернии, Леона Трацевского. Трацевский в 1854 году, во время пребывания помещика в Могилеве и Москве, наказал трех крестьян: Малаха Филиппова, Николая Демьянова и Ивана (не Емельянова,— как в прошении объяснено, а) Никитина, которые, по показанию родственников их, после продолжительной от тяжкого наказания болезни умерли, о чем ни родные умерших, ни одновотчинные крестьяне, опасаясь угроз Трацевского, до сведения помещика не доводили и на жестокое с ними обращение Трацевского ему не жаловались. Трацевский в начале 1855 г. удален помещиком из имения и спустя несколько месяцев умер в г. Рогачеве..

И. д. могилевского гражданского губернатора Беклемишев

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов по Могилевской губернии шефу жандармов, 14 июня 1860 г.[1]

Крестьяне Матушевича показали, что он забирает у них скот и лошадей, не делая с ними в этом никакого расчета, что при управлении имением дядею его, от которого ему досталось оно в наследство, был крестьянский общественный магазин с достаточным количеством хлеба, из которого Матушевич перевез хлеб в свои амбары и неизвестно куда употребил, а амбар уничтожил, что и в настоящее время каждогодно делает с них сбор озимого и ярового хлебов под предлогом запасов для посева, но на обсеменение их полей никогда семян не дает, что много лошадей у них пало от изнурения при перевозке лесу на сплав по подряду Матушевича, за что они не получили никакого вознаграждения, через что пришли в крайнюю бедность. Чтобы убедиться, в какой мере справедливы показания крестьян, комиссия объезжала деревни помещика Матушевича Букарово, в коей 8 дворов и 42 души, и Ртищево — 5 дворов и 20 душ и по осмотре оказалось: в д. Букарово крестьянская рожь в поле посредственная, ярового же хлеба посеяно очень мало, в д. Ртищево рожь крестьянская так дурна, что едва ли возвратятся посеянные семена, а яровых хлебов почти вовсе не сеяно по неимению у крестьян на посев семян. Скота и лошадей у крестьян весьма мало, а в двух домах в д. Ртищеве вовсе нет ни скота, ни лошадей, и вообще быт их весьма бедный, в особенности в д. Ртищево, кроме крестьянина д. Букарова Григория Васильева, подавшего прошение, который живет довольно зажиточно. Магазина крестьянского с запасным хлебом, как и объясняли крестьяне, действительно не оказалось.

На запросы, данные помещику Матушевичу по всем сим обстоятельствам, он отвечал: что крестьяне его пришли в такое бедное положение вследствие нескольких сряду неурожайных годов, что у них недостаток скота и лошадей потому, что были скотские падежи, а на лошадей — болезни. Но что перевозкою леса лошадей их не изнурял, что весь хлеб из магазина им роздан крестьянам во время неурожайных годов, книг же прихода и расхода хлеба по магазину не представил, что он брал иногда скот и лошадей у крестьян, но оценяя их в деньги, он засчитывал их в подати, которые платил за них. Крестьяне показали, что на подати был делаем особый денежный или скотом и хлебом с них сбор. Между тем расчетных книжек с крестья-

[1] НІ О., IV эксп., 1860 г., д. № 146, лл. 1—2.

нами, которые должны быть заведены, согласно высочайше утвержденных инвентарных правил, и по которым сколько-нибудь можно бы было привести в ясность эти обстоятельства,— в имении Матушевича не заведено, об экономических своих книгах и расчетах нарядов на барщину он отозвался, что недавно при переезде из одного фольварка в другой им утеряны. Следственное дело сие представлено следователями на рассмотрение могилевского гражданского губернатора.

О чем имею честь вашему сиятельству почтительнейше донести.

Подполковник Соколов.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Минской губернии шефу жандармов, 5 мая 1861 г.[1]

В дополнение рапорта моего от 14 апреля, № 42, вашему сиятельству почтительнейше честь имею донести:

По прибытии флигель-адъютанта штабс-капитана Кавелина в имения Бринево и Дорошевичи помещиков Кеневичей, созваны были крестьяне, объявлено им о правах, всемилостивейшим манифестом и Положением 19 февраля дарованных, вразумлено о повинностях, какими они обязаны в пользу помещиков, и в то же время было вникаемо в причины, возникших между крестьянами беспорядков.

Беспорядки эти состояли в том, что крестьяне со времени объявления им всемилостивейшего манифеста. считали себя свободными от прежних повинностей владельцу, перестали отбывать барщину, самовольно производили порубку и продажу леса из помещичьих дачь и отобрали от помещика крестьян, занимавших хозяйственные должности. Первыми отклонившимися от своих обязанностей были крестьяне селения Ляскович, принадлежащего к имению Бриневу. За ними и по их внушениям последовали крестьяне других деревень как сего имения, так равно и имения Дорошевич.

На умы крестьян, сколько возможно было дознать, наиболее имели вредное влияние разного звания люди, находящиеся на судах, сплавляемых по реке Припяти, около которой расположены сказанные имения. От тех людей, как рассказывают прибрежные жители, слышались из судов голоса: «Держитесь, крестьяне, теперь ваша пора», кроме того, какие-то крестьяне м. Лоева Речицкого уезда, сплавлявшие лес, заходили в с. Лясковичи и там распространяли ложные слухи о значении крестьянской свободы, давали наставление крестьянам не работать помещику более одного дня в неделю и говорили, что у них точно также работают. Но помянутых возмутителей ни по имени и прозванию, ниже по другим предметам никто не указал и с достоверностью неизвестно, точно ли они из м. Лоева. Кроме того, поводом к неповиновению крестьян, которое начавшись в деревне Лясковичах имения Бринева распространялось быстро и по соседним имениям, были, как дознано:

1. Неясное понимание некоторых правил, в Положениях о крестьянах изложенных и

2. Совершенно бессмысленная речь, которая произнесена была лясковицким священником, по прочтении манифеста, что впрочем, по заверению г. Кавелина, не может быть отнесено к неблагонамеренности священника, а должно быть приписано его малограмотности.

Возбужденные таким образом крестьяне селения Ляскович рассудили сообща стоять непоколебимо за то, чтобы не отбывать двору требуемых по инвентарю повинностей, а делать барщины только по одному мужескому и по одному женскому дню в неделю и то в такое

[1] III О., IV эксп., 1861 г., д. № 213, лл. 17—20.

время, какое выгодно для них, а дабы такое постановление было обязательнее и дабы друг друга не выдавали, собравшись в одну хату, поклялись на то пред св. иконой, в чем руководили, в числе многих крестьян, преимущественно Василий Бамбиза и Роман Бамбиза.

Первоначальные убеждения и вразумления флигель-адъютанта Кавелина и вспомоществовавших ему чиновников не подействовали на крестьян, которые с твердостью произносили: «Не поддаемся под помещика, работать по инвентарю не будем, желаем отбывать барщину по одному дню, а больше не стоит за нашу землю».

Когда кроткие меры увещания крестьян не имели успеха, Василий Бамбиза и Роман Бамбиза [были] арестованы и подвержены наказанию розгами. Тогда крестьяне взволновались, пытаясь прорваться чрез ряды военной команды к месту наказания; воздержанные нижними чинами, бежали, впоследствии же, сами явясь, объявили раскаяние свое и готовность повиноваться и отбывать повинности по действующему инвентарю, сознавая, что они были в заблуждении. За сим собраны все крестьяне, и из числа их несколько лиц, замеченных прежде более других в наглости и упрямстве, наказаны для примера.

Убедясь, наконец, в истинном раскаянии крестьян и в желании возвратиться к долгу своему, флигель-адъютант Кавелин вновь объявил им подлежащие статьи Положения о том, чем они обязаны в отношении к помещикам, сделал приличное внушение о повиновении властям и невнимании к посторонним толкам неблагонамеренных лиц и призвал крестьян к благодарственному молебствию.

Флигель-адъютант Кавелин сделал распоряжение о размещении роты Калужского пехотного его величества короля прусского полка по деревням, принадлежащим к имению Бриневу и Дорошевичам, а также об отправлении другой роты, вызванной из г. Бобруйска, в имение Скрыглов помещика Снядецкого, сам выбыл туда же, предложив старшему чиновнику особых поручений Яхимовичу остаться на несколько дней в имениях Бринево и Дорошевичи, для наблюдения за повиновением крестьян и принятия нужных мер в случае новых каких-либо беспорядков между ними.

В имении Скрыглов, для водворения порядка, также оружие употреблено не было, а только наказано для примера несколько человек.

Подполковник Рейхарт.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Могилевской губернии шефу жандармов, 20 мая, 1861 г.[1]

Впоследствии донесения моего от 9 сего мая, за № 137, имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что свиты его величества контр-адмирал Зарин вчерашнего числа возвратился в г. Могилев из поездки в Рогачевский и Гомельский уезды, объехав в этих двух уездах 9 помещичьих имений, в которых он нашел необходимым, в особенности в имениях Рогачевского уезда отставного штабс-ротмистра Иолошина и наследников Булака, крестьян, подавших пример к неповиновению помещикам и имеющих влияние на других, наказать примерно розгами[2] при сборе всех крестьян этих имений и при истребованных по нескольку человек из соседних; последствием этого распоряжения в настоящее время [было] спокойствие в обоих уездах.

При наступлении полевых работ между крестьянами начал обнару-

[1] III О., IV эксп., д. № 214, л. 9.

[2] Указом 17 апреля 1861 г. были официально отменены телесные наказания и наложение клейм.

живаться дух неповиновения[1] и потому употребленные в некоторых имениях контр-адмиралом Зариным строгие наказания были необходимы для прекращения беспорядков в начале, не дав им более развиться.

Получено также донесение о неспокойствии крестьян в некоторых имениях Оршанского уезда к границам Смоленской губернии, и потому туда послана рота Могилевского гарнизонного батальона, а завтрешнего числа отправляется туда же контр-адмирал Зарин.

Подполковник Соколов.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в г. Белостоке шефу жандармов, 1 февраля 1862 г.[2]

26 января, за № 4[3], я имел честь доносить вашему сиятельству об ослушании временно обязанных крестьян имения Сливно помещицы графини Красинской, в избрании уполномоченных для поверки уставной грамоты[4] и о распоряжениях, сделанных для прекращения сего начальником Гродненской губернии.

Для приведения сих крестьян в повиновение, согласно распоряжения начальника губернии, приняты были следующие меры.

За два дня до прибытия моего вместе с военным начальником полковником Деконским, мировым посредником 2 участка и земским исправником в имение Сливно отправлены были две роты Псковского пехотного генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского полка для расквартирования экзекуционным порядком в деревнях: Крушево, Паньках, Коновалы и Избищах, принадлежащих тому имению, за прибытием же нашим в каждую деревню особо, при бытности настоятеля Хорощинского прихода ксендза Моисевича и понятых из других деревень, временно-обязанные крестьяне после сильных убеждений кроткими мерами и ясным разъяснением высочайше утвержденного в 19 день февраля 1861 г. Положения о крестьянах, раскаявшись в своем неуместном упорстве, тотчас избрали своих поверенных и в тот же день приступили к поверке уставной грамоты, но сообразив местность, почву земель и высокую цену предположенного оброка, сделали некоторые возражения, которые хотят внести письменно, на что мировой посредник согласился и дал им сроку одну неделю.

Упорство крестьян в избрании поверенных происходило не от злокачественного ослушания, а от недоумения, и, сколько я мог узнать от крестьян, им не было в точности объяснено высочайше утвержденное Положение, что они при поверке уставной грамоты имеют право, по своим соображениям, делать свои заключения и давать возражения, а только, как поверенный графини Красинской граф Старжинский, так после и мировой посредник требовали, чтобы они по прочтении уставной грамоты подписали, и потому крестьяне, не зная ни

---

[1] Неповиновение крестьян заключалось в отказе их отбывать барщину, как прежде, в течение 2-х дней в неделю. Крестьяне объявили, что они более одного дня отрабатывать помещику не будут.

[2] III О., IV эксп., 1862 г., д. № 200, лл. 4—5.

[3] В донесении майора Штейна от 26 января 1862 г., за № 4, говорилось о волнениях крестьян имения Сливно, заключавшихся в том, что крестьяне отказались выделить из своей среды уполномоченных 6 человек к мировому посреднику для проверки правил, касающихся старосты и старшины.

[4] Уставной грамотой по Положению определялись все права и обязанности крестьян по отношению к помещику, размеры наделов, составы угодий, количество дней барщины и сумма оброка. «За исправное отбывание повинности ответствует круговою порукою все общество». Форма уставной грамоты прилагалась к ст. 31 «Правил о порядке приведения в действие Положений о крестьянах».

Положения, ни своих прав, по простоте до настоящего времени оставались в заблуждении.

За избранием поверенных, упорство временно обязанных крестьян имения Сливно прекратилось, а поэтому военная экзекуция по распоряжению начальника губернии снята.

О чем вашему сиятельству честь имею почтительнейше донести.

Майор Штейн.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в г. Белостоке шефу жандармов, 22 июня 1862 г.[1]

При образовании сельских обществ в Белостокском уезде, временно-обязанные крестьяне местечка Хорощи, поселенные на земле помещицы Пржездецкой, отказались от выбора старосты и устройства сельского общества на том основании, что они решением Гродненской палаты гражданского суда, 31 октября 1861 г., признаны мещанами, хотя дело по этому предмету на рассмотрении правительствующего сената еще не решено.

Получив об этом уведомление Белостокского уездного предводителя дворянства, бывший начальник губернии д. ст. сов. Шпеер, предписал земскому исправнику 1861 года[2] тотчас отправиться в м. Хорощи, объявить крестьянам настоящие их права и обязанности, внушить им о необходимости исполнять таковые, и какой они подвергаются ответственности за ослушание против установленных властей. Но временно-обязанные крестьяне м. Хорощи при всех внушениях земским исправником от выбора должностных лиц и устройства сельского общества отказались.

Вследствие сего бывший начальник губернии свиты его величества генерал-майор Дренякин, согласно постановлению губернского присутствия, состоявшемуся 21 декабря 1861 г., просил через посредство Белостокского уездного предводителя дворянства мирового посредника 2 участка вразумить жителей м. Хорощи, что устройство ими сельского общества нисколько не может препятствовать им отыскивать права их на мещанство или стеснить и ограничить эти права, если только оные окончательно будут признаны правительством, но что до этого времени они должны подчиниться узаконениям о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, для чего обязаны безотлагательно избрать, согласно высочайше утвержденному Положению, сельского старосту и других должностях лиц; если же внушения эти не принесут никакого успеха и если по-прежнему [они] откажутся от выборов, назначить, по усмотрению посредника, старосту и других должностных лиц сельского управления из благонадежнейших жителей м. Хорощи, применяясь к 122 и 123 статьям общего положения[3]. Но за

[1] III О., IV эксп., 1862 г., д. № 200, лл. 19—22.

[2] Земский исправник 1861 г. являлся, согласно «Положения о крестьянах», членом комиссий, учреждаемых в каждом уезде для первоначального распределения селений на волости. (Указ правительствующему сенату 19 февраля 1861 г., п. 6).

[3] Согласно статьи 122 общего Положения «волостные старшины, сельские старосты и помощники старшины в случае неисправного отправления ими должностей или замеченных с их стороны злоупотреблений, окончательно удаляются от должности, не иначе, как по постановлению уездного мирового съезда... По причинам особенно уважительным, мировой посредник может, впредь до получения разрешения мирового съезда, временно удалять означенных лиц от должности. Он может также своею властью сменить старосту и назначить нового, если помещик будет требовать этого на основании статьи 153 сего Положения». Согласно статьи 153 мировой посредник смеялл прежнего старосту или помощника старшины, назначая новых.—Статья 123 в документе указана ошибочно, следует читать: «153».

всем тем никакие внушения мирового посредника на крестьян м. Хороши не подействовали, и они на избрание должностных лиц не согласились, объясняя, что у них есть свой бургомистр. Мартин Романовский (присвоивший эту должность самовольно), а потому была послана от мирового посредника волостному управлению через пятисоцкого бумага о назначении Романовского старостою, которую они при нем истребили, объявляя, что об образовании крестьянского общества и причислении их в состав волости они знать не хотят, и наконец, 18 апреля сего года в 7 часов утра, собравшись на базарную площадь до сорока человек, после совещания, по подстрекательству поверенных общества Фомы Амброжевича и Осипа Осташевского, отправились к новостроющемуся экономическому зданию в одной версте за местечком и разбросали в нескольких местах фундамент; сверх сего, означенные крестьяне уклонились от исполнения в пользу помещицы Пржездецкой издельной повинности, от уплаты причитающегося с них оброка, разграбили запасный крестьянский магазин и самовольно рубят леса, принадлежащие вотчиннице имения. О таковых беспорядках и самоуправных действиях крестьян м. Хороши поручено судебному следователю 1-го участка произвести следствие, а между тем, как они, до разрешения правительствующим сенатом прав их на мещанство, не могут не подчиняться высочайше утвержденным 19 февраля 1861 г. Положениям о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, быть без местного управления, которое бы их воздерживало от дальнейших самопроизвольных действий, и наблюдало за исполнением лежащих на их повинностей, нынешний начальник губернии ген.-майор фон Галлер, в бытность свою в г. Белостоке, в текущем июне месяце, предложил мне, при участии мирового посредника, земского исправника и духовенства, еще раз напомнить означенным крестьянам их обязанности и внушить, какой они подвергают себя ответственности за ослушание против правительственных распоряжений, каковое предложение мною приведено в исполнение 14 сего же июня; но означенные крестьяне и затем, несмотря на все мои и прочих членов убеждения, от исполнения сего решительно отказались и остались при прежнем своем упорстве, объясняя, что как решением гражданской палаты предоставлены им мещанские права, то они не обязаны устраивать сельского общества, почему, находя, что дальнейшие мои уверения крестьянам о необходимости выборов старосты и прочих должностных лиц не принесут ожиданного успеха, а притом, как в означенном предложении начальника губернии не сказано, чтобы в случае отказа крестьян от исполнения сего принять энергические меры, при содействии полицейских или военных сил, то я ограничился только составлением о таковой их ослушности акта, каковой и предоставил на дальнейшее распоряжение начальнику губернии.

О чем вашему сиятельству честь имею почтительнейше донести.

Майор Штейн.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов Гродненской губернии шефу жандармов, 31 августа 1862 г. [1]

По предложению исправляющего должность гродненского губернатора, сообщенному в отзыве ко мне от 24 числа сего месяца, за № 5788, отправился я, в м. Крынки Гродненского уезда, принадлежащее помещику отставному полковнику Липгарту (за выездом коего за границу, имение это находится в управлении дворянина Глебовича) для приведения временно-обязанных крестьян в повиновение, к испол-

[1] III О, IV эксп., 1862 г., д. № 200, лл. 27—29.

нению законных требований мирового посредника и вообще всех лежащих на них повинностей.

В распоряжение мое, для распределения экзекуции, командирована военная команда, состоящая из 30 человек казаков Донского казачьего 18 полка.

Прибыв 26 числа на место, я два раза собирал общественную сходку, из наличных домохозяев и, в присутствии исправляющего должность мирового посредника этого участка, гродненского земского исправника и местного станового пристава, объяснил крестьянам во всей подробности их обязанности, требуя беспрекословного повиновения. Крестьяне отвечали мне, что барщина исполняется ими аккуратно, и, действительно, не оказалось ни одного недоимочного дня; относительно же добавленной пешей барщины, взамен существовавших прежде сгонных дней, не пошли будто-бы потому, что помещик Липгарт их от того освободил (но это ложь). За упомянутое ослушание они мировым посредником уже оштрафованы отобранием разного платья, которое продано с аукционного торгу и деньги распределены: одна половина — в пользу помещика, а другая — в кассу сельского общества. Что же касается принятия уставной грамоты, то одно об этом слово наводит на всех вообще крестьян страх и ужас. Но они однако не сопротивлялись, а просили меня отсрочки на одну только неделю, желая дождаться решения через посланных в г. Варшаву из своего общества двух доверенных крестьян с просьбой к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Принимая во внимание, что крестьяне просят, а не отказываются, и в отклонение тех решительных мер, какие я должен был бы принять на случай явного сопротивления в исполнении моего требования, признал необходимым уважить эту просьбу. Мировой же посредник, разделяя вполне мое мнение, объявил им, что готов отсрочить и на $1^1/_2$ месяца, лишь бы была покорность, а не упорство.

Много были виноваты прежние владельцы крестьян, доведя их до такого раздражения своей несправедливостью и деспотическим управлением; во многом нельзя не обвинить и в настоящее время г.г. мировых посредников, которые, не поняв как следует своей обязанности и чрез незнание дела объясняют крестьянские вопросы или опрометчиво или уклончиво, и чрез это крестьяне мало к кому из них имеют доверие.

На счет добавочных дней к барщине, г. мировой посредник объявил людям, что вырученными деньгами от продажи с аукциона их вещей пополняется вся летняя недоимка, но расчета на каждого порознь домохозяина не сделано, так как вещи проданы в общем количестве, без ярлыков, кому какая из них принадлежит, на том будто бы основании, что крестьяне объявили: «Наше все общество за одно». Беспорядок этот может повести к тому, что каждый домохозяин откажется, пожалуй, отбывать и зимние добавочные дни, упираясь на то, что за вещи его выручено более, чем следовало взыскать штрафа; при том, [когда] крестьяне не пошли отбывать означенных дней с начала лета, следовало бывшему мировому посреднику графу Солтану просить тотчас же содействия земской полиции, а не откладывать до окончания летнего времени.

Наконец, в сентябре еще месяце прошлого 1861 года, состоялось высочайшее повеление об уменьшении барщины до 23-х дней с десятины в тех имениях, где таковая отбывалась свыше[1]. В Крынском имении разница происходит на 67 дней в год менее. Но об этом толь-

[1] Имеется в виду утвержденное 26 сентября 1861 г. повеление об отмене некоторых повинностей крестьян в отношении помещиков Белорусских губерний, в целях укрепления верности крестьянства русскому правительству.

ко теперь мировой посредник, по недавнему вступлению в исправление должности этого участка, сделал расчисление; крестьяне же объявили, что будут отбывать барщину до окончания двух лет попрежнему, и этот вопрос мировым посредником не решен; вероятно, представится им на рассмотрение мирового съезда.

Дух крестьян заметно взволнованный, поддерживаемый подстрекательством неблагонамеренных людей, и они до того закоренели в своем убеждении, надеясь на высочайший после двухлетнего срока манифест, что на все разъяснения другого не услышишь ответа, как: «будем служить попрежнему до 19 февраля, а там — что бог даст», и нет никакого сомнения, что во многих местах крестьяне по двухлетнем сроке отбывать барщины не станут.

Отъезжая из м. Крынок в город Гродно, я поручил команду казаков в ведение земского исправника, коему, согласно распоряжения исправляющего должность губернатора, предписано арестовать и представить в г. Гродно для содержания в остроге двух крестьян, отправившихся с просьбою в Варшаву, которые замечены в подстрекательстве прочих своих товарищей к неповиновению; взять же их под арест без содействия военной команды рискованно и может быть безуспешно. Обо всем вышеизложенном доведено мною до сведения г. гродненского губернатора.

О чем вашему сиятельству имею честь почтительнейше донести.

Майор Л е л я к о в.

Письмо помещика П. Керн шефу жандармов, 7 мая 1863 г.[1]

В Себежском уезде почти все административные должности заняты поляками, которые всосав с молоком матери ненависть к России, не только не исполняют высочайшей воли, выраженной в манифесте 19 февраля, но угнетают православное народонаселение. Народ, в душе и на деле преданный законным властям, подвергается народному бичеванию, если мало-мальски стараться вывести на чистую воду злые умыслы поляков, желая всеми силами предотвратить бедственные, кровавые столкновения[2]. Я знаю это по рассказам постоянно приходящих ко мне по месту жительства моего в г. Опочке Псковской губернии временно обязанных крестьян разных волостей Себежского уезда, в котором находится и мое имение, например: 1) неправильное, обременительное для крестьян разделение на мелкие участки, составляющие волости, чем на содержание лиц волостного и мирского начальства сбор с душ увеличивается; 2) при наделе крестьян в имениях польских помещиков землями все рощи, разбросанные среди крестьянских полей, выделяются под названием леса в пользу помещика, что поведет к неоплатным штрафам за порчу леса, составит особый налог за пользование землею, кроме надела до 20 коп. с десятины.

Да и это ли одно, светлейший князь, можно выставить в доказательство безумной тирании поляков в Себежском уезде, так что, если бы прислано было доверенное лицо для раскрытия зла на месте, о,— тогда много бы зла этого было раскрыто.

Боясь обременять вас слишком пространным письмом, заключу его тем, чем начал: обратить внимание на слова мои, и десятки тысяч православного верного народа благословят вас, истого князя земли русской.

С чувством глубочайшего почтения и непритворной преданности к громкому имени вашему имею честь быть вашей светлости покорнейший слуга Петр К е р н.

---

[1] III О., IV эксп., 1863 г., д. № 124, лл. 1—2.

[2] Так в подлиннике.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Минской губернии в III отделение, 27 марта 1864 г.[1]

Получив 30 декабря истекшего года предписание вашего превосходительства от 17 того же декабря, за № 435[2], я в то же время обратился частным образом в Слуцкий и Мозырский уезды за сведениями, относительно произведенных крестьянами имений князя Радзивилла злоупотреблений.

Получив лишь ныне по этому ответы, имею честь донести следующее:

По Слуцкому уезду Клецкой ординации.

По дознанию о произведенных порубках леса и других злоупотреблениях, крестьянами Клецкой ординации обозначенных в прилагаемой ведомости[3], оказалось, что действительно порубки были сделаны, но что вообще все упомянутые в ведомости случаи более или менее преувеличены и что беспорядки эти произошли единственно от небытности в участке в продолжение нескольких месяцев мирового посредника, в настоящее время посредник участка на лицо, почему и беспорядки в имениях князя Радзивилла, безсомненно, прекратятся.

По Мозырскому уезду Давидгородецкой ординации.

По жалобам со стороны экономии на крестьян о порубках леса и скошенного сена местный уездный исправник и волостное управление сделали надлежащие распоряжения к удовлетворению; при том надобно заметить, что самовольное скошение сена произошло частью и от недоразумений, как по случаю чрезполосного владения, так и неразвитого еще в крестьянах понятия о праве собственности.

По жалобам поданным начальнику губернии поверенными князя Радзивилла о противузаконных действиях крестьян Слуцкой и Давидгородецкой ординаций минское губернское правление определило, произвести формальное разследование чрез чиновника особых поручений Китновского.

Что же касается собственно расположения умов сельского населения в означенных имениях, то оно удовлетворительно, и к укрощению крестьян отнюдь не предвидится надобность принимать каких-либо особенных мер.

Подполковник Рейхарт.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов по Могилевской губернии в III отделение, 20 июня 1865 г.[4]

Быховского уезда в м. Дашкове, в 20 верстах от г. Могилева, крестьяне оказали явное сопротивление земским властям. Причина тому была — непонимание крестьянами различия между поверкой их уставных грамот[5] и полюбовным размежеванием, между мировыми посред-

[1] III О., IV экспед., 1863 г., д. № 176, лл. 7—9.

[2] Отношением от 17 декабря 1863 г. за № 435, III отделение предписывало выяснить правильность сведений, занесенных в ведомость, а также выяснить «расположение умов сельского населения».

[3] В приложенной ведомости значился такой случай, как поджог леса, отчего повреждено было до 50 дес., наряду с этим указана порубка одной, двух, трех сосен.

[4] III О., IV эксп., 1865 г., д. № 190, лл. 14—15.

[5] Указом 9 апреля 1863 г. были учреждены в каждом уезде белорусских губерний поверочные комиссии для проверки размера денежных повинностей и определения выкупных платежей крестьян, вышедших из крепостной зависимости. В 1866 г. поверочные комиссии оффициально были закрыты с передачей своих функций местным мировым съездам.

никами и посредниками полюбовными[1], и крестьяне опасались того, что на их землю, как они говорили, требуют присяги.

Начиная от прибывшего к ним землемера, они прогнали из Дашкова и станового пристава, и посредника, а священнику грозили отнять у него евангелие и сорвать с него крест. Когда на другой день приехал к ним из Могилева военный начальник полковник фон Витте, то и его не только что не послушались, но и послали гонцов в соседние деревни сказать, чтобы и у них ни под каким видом не присягали.

По приказанию начальника губернии захватить главных виновников, выведены были из Дашкова около 50 человек, которых наказали телесно и некоторых отдадут под суд после сделанного на месте следствия.

Между тем начальник Быховского уездного жандармского управления продолжал посылать мне донесения за донесениями о возрастающем волнении умов с указанием на опасность распространения бунтующего духа, если не примутся скорые меры к совершенному подавлению этого волнения.

Унтер-офицеры Дашковского жандармского поста сообщили мне, между прочим, о следующих между крестьянами толках: «Шляхту мы перевязали, а нас-то кто может взять, нас много».

По два раза в день я показывал начальнику губернии вновь поступавшие ко мне донесения и, наконец, решено было отправить батальон Старорусского 113 пехотного полка для расквартирования в м. Дашкове. После этой меры можно надеяться, что водворится опять порядок.

До этого еще происшествия начальник губернии просил позволения приостановить на некоторое время полюбовное размежевание, но так как не имеется еще на то разрешения, то и вчерашнего числа опять в м. Ново-Быхово крестьяне не допустили двух землемеров до работ и разбросали поставленные ими вехи.

Вообще в продолжение последних месяцев в разных местах Могилевской губернии случились незаконные между крестьянами выходки и ослушания при платеже выкупных за землю денег и рубки лесов, но военные начальники и исправники сами успевали восстановить порядок. Не упоминаю тут о посредниках, они большею частью слишком дурны и скорее сами собьют крестьян с толку, чем научат их разуму или приучат к закону. Я обратил внимание начальника губернии и на то обстоятельство, что в тех местах, где население еще не поняло новое слово Положение и где упорствуют в недоразумениях, в настоящее время опасно будет долго оставлять у них на квартирах наших, также еще не развитых, солдат, которые, как были тому примеры, легко фратернизируют с крестьянами, и что поэтому желательно, чтобы из нашей губернии не были бы выведены казаки, не считающиеся земляками никому.

Подполковник Коцебу.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов по Витебской губернии в III отделение, 24 февраля 1867 г.[2]

Лепельского уезда 1 мирового участка между крестьянами Уссейской и Мартиновской волостей с 5 по 10 сего февраля произошли довольно серьезные беспорядки.

---

[1] В 1839 г. были учреждены посреднические комиссии из представителей местного дворянства и губернского землемера для полюбовного соглашения о размежевании земель между всеми сословиями. Такой порядок размежевания удерживался до 1884 г. под названием «полюбовного специального межевания через посредников».

[2] III О., IV эксп., 1867 г., д. № 254, лл. 11—13.

Поводом к этим беспорядкам послужило то, что на крестьянах означенных волостей накопилось значительное количество недоимки выкупных платежей, ко взысканию которой в последнее время были употреблены местною полицией решительные меры, а именно — производилась аукционная продажа крестьянского движимого имущества.

Беспорядки начались тем, что крестьяне означенных двух волостей самовольно собрали сходки в некоторых деревнях, на которых рассуждали об отправлении из среды своей в г. Петербург доверенных лиц для подачи всеподданнейшего прошения государю императору о том, что отведенная им в надел земля — дурного качества, и оценена высоко, и что поэтому они не в состоянии уплачивать за землю деньги.

После этого 5 февраля крестьяне обоих волостей самовольно собрались в свои волостные правления, где настойчиво с дерзостью и шумом требовали от волостных старшин и писарей, чтобы избранным ими крестьянам выданы были билеты на проезд в С. Петербург. Вследствие насильственного требования крестьян, писарь Мартыновского волостного правления написал четырем избранным крестьянам требуемое свидетельство, не обозначив впрочем, куда и для чего они отправляются, каковое свидетельство ни им, ни старшиною не было подписано и печать не приложена.

На другой день крестьяне, которым отдано было означенное свидетельство, вместе с другими крестьянами пришли в волостное правление, где и приложили к свидетельству три печати сельских старост, из коих две они нашли в ящике письменного стола, а третью отняли у старшины насильственно.

В ночь на 10 февраля крестьяне Уссейской волости в большом числе самовольно собрались в свое волостное правление и, не найдя в нем волостного старшину, отправили за ним в деревню семь человек крестьян, которые, как показал старшина, сломали у него в доме двери и заставили насильно ехать с ними в волостное правление, и когда, по прибытии туда, волостной старшина на требование крестьян не согласился выдать билеты на проезд в С.-Петербург избранным крестьянам, то они отняли у него насильно волостную печать, а также отобрали должностные печати и от трех сельских старост.

Местный становой пристав, узнав обо всех этих беспорядках, дал знать о случившемся уездному исправнику, который, прибыв на места беспорядков и разъяснив крестьянам преступность произвольных и противозаконных их действий, главных зачинщиков беспорядков арестовал и о случившемся провел полицейское расследование, каковое для дальнейшего формального следствия передано судебному следователю...

Подполковник Берцевич.

Донесение начальника Минского губернского жандармского управления шефу жандармов, 10 января 1869 г.[1]

В «Кратком очерке положения Минской губернии в настоящее время», представленном мною вашему превосходительству при донесении 30 ноября 1868 г., за № 371[2], в отделе о состоянии губернии в политическом отношении я, между прочим, доносил, что «в последнее время между крестьянами некоторых местностей уездов Бобруйского, Речицкого, Мозырского и Слуцкого замечены ропот и неудовольствия на действия поверочных комиссий; это неудовольствие проявляется в особенности в тех местностях, где производится перепроверка наде-

[1] III О., IV эксп., 1869 г., д. № 229, лл. 1—7.
[2] Донесения в делах архива не обнаружено.

лов, вследствие возвращения выкупных актов. Поверочные работы, как я слышал, направлены, главным образом, на возвышение ценности выкупных наделов, назначенных прежними поверочными комиссиями, и оценка не только удваивается, но даже утраивается. Неудовольствие и ропот крестьян открыто проявились в Слуцком уезде в дер. Лешни, о чем было донесено вашему превосходительству 19 декабря 1868 г., за № 381 [1]. В дополнение к вышеизложенному имею честь представить при сем копию докладной записки бывшего мирового посредника Бобруйского уезда Судиловского, представленной в октябре месяце минскому губернатору, из которой ваше превосходительство изволите усмотреть характер деятельности новых поверочных работ по Бобруйскому уезду. Ныне получены мною сведения о действиях по добровольным соглашениям крестьян с помещиками в Речицком уезде. Сущность этих сведений заключается в следующем.

Крестьяне деревень Савич, Пучина, слободы Верхней, Грушно, слободы Выгребной и Нежихова, принадлежавших прежде помещице Прозоровой, и крестьяне деревни Ново-Иолчи помещика Трипольского, постепенно вызывались поверочною комиссиею, под председательством г. Гедеонова, председателя Речицкого мирового съезда, и им объявлялось, что ценность наделов увеличивается, а самый надел уменьшается. Несмотря на несогласия крестьян, г. Гедеонов заранее составлял акты добровольных соглашений и, потребовав печати сельского старосты, прикладывал к акту, содержания которого даже не объявлял крестьянам. По способу подобных добровольных соглашений крестьянам деревни помещицы Прозоровой, вместо прежнего платежа 5 р. 80 коп., ныне приказано платить 13 руб., причем, кроме возвышения платы, отрезывалось значительное количество земли в пользу помещицы. Таким образом 19 октября землемер Эндогуров прибыл в дер. Пучин для отвода границ, где собрал общество, отграничил по вновь составленному акту от прежде бывших их наделов значительное количество земли в пользу помещицы Прозоровой. 28 октября в селе Грушно землемер Шевченко при собрании крестьян оного общества отрезал значительное количество земли в пользу помещицы Прозоровой. Крестьянин села Грушна, старик лет 70, Данило Давыдов, найдя это несправедливым действием, сказал землемеру: «Вы отрезаете поле священническое и часть нашего, которое, я помню, обрабатывалось нашими стариками». Землемеру Шевченко заявление Давыдова показалось грубостью, и он тотчас поехал с жалобою к Гедеонову. Г. Гедеонов приказал старика Давыдова арестовать при волостном правлении на трое суток и не давать ему ни хлеба, ни воды, а по окончании ареста наблюдать за ним, как за арестантом.

Подробности хода добровольных соглашений ваше превосходительство изволите усмотреть из нижеследующего:

27 октября были вызваны во двор Иолчи для окончательного соглашения и к подписи акта крестьяне дер. Сувид. Прибывших крестьян г. Гедеонов спросил: «Долго ли вы будете упорствовать, почему не соглашаетесь подписаться к акту». В это время отозвался крестьянин Артемий Чеверда: «Мы не знаем границ и в каком месте и какое количество нам будет отделено земли; подпишись к акту,— а вы завтра прикажете нам с семейством, несмотря на зиму, выбраться вон из домов; мы подписываться не будем, покуда не увидим нового надела земли». Тогда г. Гедеонов вскочил со стула, подбежал к крестьянину Чеверде с бранью, назвал Чеверду бунтовщиком, ударил при этом его с размаху в темя головы так сильно, что крестьянин Чеверда присел к полу; Гедеонов схватил потом его за волосы и начал таскать по полу и вдобавок дал ему две пощечины. После этого г. Ге-

[1] Донесения в делах архива не обнаружено.

деонов приказал крестьянам выйти, а старосте Трофиму Филипенке приказал подать печатку и приложил ее к акту, содержание которого совершенно неизвестно крестьянам; при сем Гедеонов приказал землемеру Эндогурову заняться измерением земли в дер. Сувидах. Землемер Эндогуров в пользу помещика Трипольского отрезал от крестьян д. Сувид хорошо удобренной земли 35 десятин, огороды, сенокос, пастбище. Цена повышена на участок 12 р. 50 коп., тогда как крестьяне д. Сувид прежде платили по назначению 1-й поверочной комиссии по 6 р. 50 к., причем имели больше поля, сенокосу, огороду и леса для отопления. Подобный же способ добровольного соглашения был употреблен с крестьянами д. Пирок, в которой ценность надела возвышена до 13 р. 80 коп. вместо прежней 5 р. 90 коп.

24 октября поверочная комиссия под председательством г. Гедеонова, находясь в д. Ново-Иолчи помещика Трипольского, приступила к добровольному соглашению крестьян с помещиком по наделу в одном отрубе. Прежде всего г. Гедеонов объявил крестьянам, что оценка бывшей прежде комиссии 5 р. 35 к. за надел слишком низка и что он возвышает эту оценку до 15 руб., причем присовокупил, что из крестьянского надела поляны между лесами отходят в пользу помещика, а взамен крестьянам для пастьбы скота будут отведены заросли в других местах. Крестьяне не изъявили согласия; тогда Гедеонов выгнал их с ругательством из комнаты, оставив при себе 6 человек понятых крестьян, именно Михаила Пискоя, Константина Малевича, Евсея Меленока, Якова Прусенкова, Степана Котлобоя и Димитрия Котлобоя; при этих понятых г. мировой посредник обратился к председателю Гедеонову с следующими словами: «Александр Иванович, что же мы теперь будем делать, когда крестьяне не согласны; нельзя же их обижать»; на что г. Гедеонов ответил: «Да что же на них смотреть, я завтра с ними разделаюсь». По выходе же мирового посредника Троцкого, председатель Гедеонов потребовал к себе из числа Ново-Молчанского общества 4-х крестьян, стоявших на дворе. Первый вошел сельский староста Семен Мироненко, второй волостной судья Михайло Костюченко, третий Мирон Новинка, четвертый Гаврила Кукряк, которых г. Гедеонов спросил: «Ну что, дурачье, обдумались, или нет». В это время крестьянин, он же судья, Михайло Костюченко сказал Гедеонову: «Воля ваша, ваше высокоблагородие, мы не согласны приступить на ваше предложение»; в это время Гедеонов подошел к судье Костюченко, дал ему две пощечины, потом схватил за волосы и повернул его несколько раз вокруг себя, говоря: «Я тебе покажу, ты много знаешь, все молчат,— а ты говоришь». Потом Гедеонов объявил крестьянам, что возвышает плату за надел в 13 р. 60 коп.

29 октября Гедеонов потребовал во двор помещика Трипольского старосту и крестьян д. Ново-Иолчи для подписи акта добровольного соглашения, причем не объясняя крестьянам границ и сущности акта, взял печать у старосты и приложил ее к акту, сказав при этом: «Теперь дело кончено, ступайте домой, вы мне не нужны».

Из всего вышеизложенного, а равно приложенной копии докладной записки бывшего мирового посредника Судиловского, ваше превосходительство изволите усмотреть характер деятельности новых поверочных работ, возбуждающий ропот и неудовольствия крестьян, а равно произвольные действия председателя Речицкого мирового съезда Гедеонова, который кроме грубого обращения с крестьянами, везде без согласия крестьян вместо общей их подписи на выкупных актах и протоколах прикладывает сам печати сельских старост, не объясняя положительно крестьянам границ нового их надела.

Подполковник Карпов.

Из справки, составленной в III отделении, 8 июня 1871 г.[1]

22 прошлого мая всеподданнейше было доложено его величеству, что Минской губернии имения Лоево крестьяне жаловались на возвышение оценки поземельных наделов и отказались от взноса выкупных платежей и недоимки, исчисленной на них по новой оценке за прежнее время, объясняя, что взыскание превышает стоимость их земли, и что по упорному сопротивлению их, потребована была воинская команда, для обращения их к повиновению.

Ныне полковник Гильдебрант донес, что первоначальная поверочная комиссия по имению Лоево определила ежегодный платеж за крестьянскую десятину от 42 до 60 коп. и предоставила крестьянам земли: обложенной повинностью 9 131 десятин, не обложенной — 5 237, всего 14 368 десятин, назначив таким образом выкупной ссуды — 44 301 руб., а ежегодного платежа 2 658 руб.

Составленные об этом акты губернское по крестьянским делам присутствие 30 марта 1865 года утвердило единогласно, но губернский предводитель дворянства подал особое мнение, признавая оценку низкою. Присутствие, находя, что предводитель пропустил срок для такого заявления, оставило оное без последствий.

В 1866 году по жалобе на то владельцев, министр внутренних дел признав решение присутствия не единогласным, предложил пересмотреть дело в установленном порядке, и речицкий мировой съезд, куда по закрытии поверочной комиссии были переданы дела, объявил в 1870 году новые выкупные акты, которыми ежегодный платеж за крестьянскую десятину назначен от 60 коп. до 1 руб. 50 коп. и предоставлено крестьянам земли: обложенной повинностями — 10 461 десятин, не обложенной 2045 десятин, всего 12 506 десятин и исчислено выкупной ссуды 133 056 руб., ежегодных платежей 7983 руб.

Следовательно, с уменьшением около 2 т. десятин земли платеж увеличен в три раза против прежнего и насчитано недоимки выкупной — 26 626 руб. и дополнительного оброка 7 147 руб., всего 33 773 руб.

Вследствие этого, крестьяне послали выборных для подачи всеподданнейшей жалобы, и не допускали к продаже имущества их на уплату этой недоимки.

По отправлении туда воинской команды, губернатор поехал на место и, убедясь в неправильности переоценки, оставил акты мирового съезда неприкосновенными, дабы не возбуждать на него других жалоб, но склонил помещиков на уменьшение выкупа до 40 тысяч руб. Затем, разсрочив крестьянам уплату недоимок на 6 лет, довел их до согласия покориться законным требованиям властей...

---

[1] III О., IV эксп., 1869 г., д. № 229, лл. 79—80.

Борьба И. Н. Ульянова за народную школу

Отец В. И. Ленина Илья Николаевич Ульянов по окончании математического факультета Казанского университета был в течение 14 лет (с 1855 по 1869 годы) учителем математики и физики в средних школах Пензы и Нижнего Новгорода. Но эта деятельность его не удовлетворяла. Будучи педагогом-демократом, он стремился отдать свои знания и силы на просвещение широких крестьянских масс.

В 1869 г. были учреждены должности инспекторов народных училищ, по одному на губернию. Правительство хотело сделать из этих инспекторов своих агентов по надзору за учителями и за просветительной деятельностью земства, но в ряде случаев это ему не удавалось: некоторые прогрессивные деятели шли в инспектора народных училищ с диаметрально противоположными целями — не для борьбы с просвещением, как того хотело царское правительство, а для борьбы за просвещение обездоленных, ограбленных реформой 1861 г. крестьянских масс. К числу таких немногих деятелей принадлежал и И. Н. Ульянов.

Много нужно было гражданского мужества, самоотверженности, энергии и громадной любви к народу и детям, к делу народного образования, чтобы пойти на такую работу и вести ее так, как вел ее Илья Николаевич.

Его деятельность была в буквальном смысле слова подвигом. Это был подвиг не только потому, что работа школьного инспектора в то время требовала огромной энергии и выносливости, проходила в непрерывных разъездах по плохим дорогам и наталкивалась на большие препятствия, но главным образом потому, что прогрессивная демократическая деятельность И. Н. Ульянова в период, когда министром народного просвещения был вдохновитель реакции конца царствования Александра II — граф Д. А. Толстой,— грозила суровыми репрессиями педагогу-демократу И. Н. Ульянову, как действующему «вопреки видам правительства». Еще бы! Правительство вменяло в обязанность инспекторам — развивать путем школы религиозность, монархизм, великорусский шовинизм, угнетение и руссификацию «инородцев» (в Симбирской губернии жило много чувашей, татар) и т. п., а и И. Н. Ульянов нес в народ действительное просвещение, способствовал воспитанию будущих борцов против царизма.

В 1874 г. были учреждены должности директоров народных училищ по одной на губернию, а в каждой такой губернии создано несколько инспекторских участков (по 1—2 уезда в каждом). И. Н. Ульянов, как и большинство прежних инспекторов, был назначен с того года директором народных училищ.

Печатаемый ниже один из ежегодных отчетов директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова (за 1880-й год) это — замечательный документ.

Широкой известностью пользовались в начале 60-х годов «Циркуляры по Киевскому учебному округу» Н. И. Пирогова. Такую же славу снискали себе «Отчеты Александровского уездного училищного совета (Екатеринославской губ.)», которые составлял и публиковал виднейший педагог 60—70-х годов Н. А. Корф в бытность свою председателем этого училищного совета. По этим

циркулярам и отчетам учились теории и практике школьного дела педагоги России конца XIX века.

К еще более замечательным произведениям русской педагогической мысли относятся «Отчеты о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии», составленные И. Н. Ульяновым.

Сколько в них любви к просвещению, заботы о школе, глубины методической мысли, неустанной борьбы за подлинно народную школу.

Важнейшей особенностью этих отчетов является исключительное уменье И. Н. Ульянова обобщать опыт школы, наблюдать школу. Этому умению должны учиться у И. Н. Ульянова наши советские педагоги-теоретики, слабой стороной которых еще и до сих пор является недостаточное уменье обобщать практический опыт школы. Этому же должны учиться у И. Н. Ульянова руководящие работники наркомпросов, областные и районные школьные инспектора и др.

В статье «О работе Наркомпроса» В. И. Ленин писал: «Как ни мало у нас толковых, знающих, опытных в педагогической практике людей, они все же, несомненно, есть. Мы страдаем от неуменья их найти, поставить их на надлежащее руководящее место, от неуменья изучать вместе с ними практический опыт советского строительства» [1]. В этой же статье Ленин указывает далее, что мы «не умеем собирать указания практического опыта и обобщать их»...[2].

В «Директивах ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» Ленин писал: «Основным недостатком Наркомпроса является недостаток деловитости и практичности, недостаточные учет и проверка практического опыта, отсутствие систематичности в использовании указаний этого опыта, преобладание общих рассуждений и абстрактных лозунгов» [3].

Вот это уменье «собирать указания практического опыта и обобщать их» у отца В. И. Ленина — Ильи Николаевича Ульянова было изумительно.

Деятельность И. Н. Ульянова, как борца за подлинно народную школу была освещена на страницах «большой» печати, а именно в «Вестнике Европы» уже в 1876 г. и в 1898 г. в ряде очерков, написанных литератором, близко знавшим И. Н. Ульянова,— В. Н. Назарьевым. Он, описывая Симбирскую глушь, отмечал, что Илья Николаевич — это деятель «с первого же шага отдавший всю свою душу» делу просвещения. Учителя многих губерний, стремившиеся перейти в подведомственные И. Н. Ульянову школы, знали его, как борца за народную школу. Некрологи И. Н. Ульянова характеризовали его, как виднейшего педагога своего времени.

Если, однако, «Циркуляры» Пирогова, «Отчеты Александровского уездного училищного совета» Корфа были известны в конце XIX в., и эти педагоги пользовались заслуженной известностью среди широких масс русского учительства, то во многом превосходящие и более замечательные отчеты И. Н. Ульянова далеко не пользовались известностью. Замечательный русский педагог И. Н. Ульянов, по целому ряду причин не был известен широким кругам учителей России конца XIX — начала XX в.

Объясняется это замалчивание просто: во-первых, демократическими взглядами и деятельностью самого И. Н. Ульянова, и во-вторых, тем, что после казни сына Ильи Николаевича — А. И. Ульянова и с развитием революционной деятельности другого его сына — В. И. Ленина, создавшего самое сильное оружие борьбы против самодержавия, капиталистов и помещиков — партию большевиков, царское правительство всячески тормозило освещение в печати деятельности замечательного педагога 70-х годов И. Н. Ульянова. Материалы

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 161.
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же, стр. 157.

о его деятельности оставались в архивах. Единичные экземпляры его отчетов были почти затеряны на полках двух-трех библиотек России.

И только Великая Октябрьская социалистическая революция, только советская история педагогики воскресила образ этого замечательного педагога. В 1925 г. Пензенским Метеорологическим бюро, где работал в начале 60-х годов И. Н. Ульянов, был издан «Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова». В 1935 г. вышли «Воспоминания об Ильиче» А. И. Ульяновой-Елизаровой, где много говорится об Илье Николаевиче. Появилась книга М. И. Ульяновой — «Отец Владимира Ильича — Илья Николаевич Ульянов». В № 3 нашего журнала за 1939 г. впервые были напечатаны архивные документы о педагогической деятельности И. Н. Ульянова, и сейчас мы воспроизводим один из его ежегодных отчетов и некоторые данные и указания из другого отчета.

* * *

Отчеты И. Н. Ульянова отличаются большой обстоятельностью как по вопросам организационным, так и по методическим. Они богаты статистическими данными, причем И. Н. Ульянов не ограничивается приведением абсолютных чисел, но всегда дает картину развития школьного дела за год и ряд показателей (процентных данных, средних величин).

Сравнивая число народных училищ (включая и повышенные начальные школы) за ряд лет по отчетам И. Н. Ульянова, можно видеть, что за 4 года (1877—1880) это число почти не повысилось, но это обстоятельство отнюдь не говорит о застое: закрывались частные маломощные платные школы и наоборот открывались, усилиями И. Н. Ульянова, полновесные школы с большим количеством учащихся и притом бесплатные (из начальных народных училищ только в 2-х еще сохранялась в 1880 г. плата, остальные были бесплатными).

Развитие школьного дела характеризуется поэтому не столько числом школ, сколько числом учащихся (начальных школ) по губернии.

В 1877 г.	15 090
» 1878 »	15 905
» 1879 »	17 010
» 1880 »	17 849

Ежегодно таким образом число учащихся увеличивалось приблизительно на 1 000, т. е. 6,6%. Этот процент ежегодного прироста учащихся в конце 70-х годов, когда народное начальное образование во всех почти губерниях, под влиянием политической реакции, переживало период застоя, был очень значительным и обязан всецело энергичной деятельности И. Н. Ульянова.

Насколько слабо вообще было развито народное просвещение в царской России 70—80-х годов, показывают следующие, приводимые И. Н. Ульяновым, соотношения: один учащийся в начальных школах приходился на 10 детей школьного возраста, иными словами 9/10 детей школьного возраста оставались вне школы даже в губернии, где работали такие энергичные деятели, как И. Н. Ульянов и его помощники, неустанно толкавшие земство, городское самоуправление и сельские общества на открытие новых школ. Что же делалось в других губерниях?

Особо подчеркивает И. Н. Ульянов в своем отчете сильную отсталость обучения девочек, приводя с этой целью показатели по полу: из 6 мальчиков обучается один, а одна девочка, учащаяся в школе, приходится на 43 девочки школьного возраста.

Естественно, что особую энергию проявлял И. Н. Ульянов для вовлечения девочек в школу, преобразовывая мужские школы в школы совместного обучения, убеждая крестьян посылать девочек в школу и т. д.

Много сил и внимания уделял И. Н. Ульянов на борьбу за возможно боль-

шую посещаемость школ учениками и на борьбу с отсевом [1]. И все же процент отсева крестьянских детей из школы был в то время очень высок. Суровым приговором царизму, угнетавшему крестьян, звучит фраза И. Н. Ульянова в отчете, объясняющая причины столь высокого отсева, это — «условия экономической жизни сельского населения», т. е. нищета крестьянства.

Обращают на себя внимание в отчете страницы, говорящие о снабжении школы учебными пособиями. Даже для одноклассных начальных школ, в программу которых официально не входили ни география, ни история, приобретаются под влиянием И. Н. Ульянова коллекции картин по географии и русской истории. При всей требовательности И. Н. Ульянова к оборудованию школ, он после 10-летнего руководства ими, мог с удовлетворением отметить: «Вообще учебных пособий в начальных народных училищах достаточно».

Более, чем в других губерниях, благополучно обстояло дело в Симбирской губернии с школьными помещениями. В то время, как в других губерниях школы в подавляющем большинстве случаев помещались в неудобных ветхих помещениях, а значительное количество сельских школ в наемных избах,— в Симбирской губернии, благодаря десятилетней неустанной заботе И. Н. Ульянова о школьных помещениях, городские школы обладали или собственными зданиями или удобными наемными помещениями. Из 379 сельских школ 296 помещались в собственных зданиях (из них при всей своей требовательности к школьному помещению И. Н. Ульянов 249 признает удобными). Сравнительно высоким надо признать количество построенных за год школьных зданий в сельских местностях — 26 новых зданий, если учесть, что в наемных или неудобных собственных помещениях было 130 школ (т. е. темп ежегодного школьного строительства равнялся 20%).

Анализ состава учителей начальных школ всех типов (городских — по положению 1872 г., уездных, двухклассных и одноклассных) показывает, что в отчетном году имелось 322 учителя и 118 учительниц, всего 440 человек. И. Н. Ульянов много сил и внимания приложил к укомплектованию школ подготовленными в общеобразовательном и педагогическом отношении учителями. Незамещенных вакансий на 1 января 1881 г. «учительских ни одной» скромно звучит краткая фраза отчета. А сколько заботы и энергии самого И. Н. Ульянова скрывается за этой скупой фразой! Ведь в то время учительских семинарий было очень мало, заработная плата учителей была низка, и подыскать подходящих учителей было очень трудно. При этом % учителей, получивших образование в педагогических или средних учебных заведениях, для того времени надо признать очень значительным — 42% (в том числе были 2 учительницы даже с высшим образованием).

Особое внимание уделял И. Н. Ульянов живому руководству школами, частому посещению их директором и инспекторами народных училищ. Надо учесть условия передвижения по губернии в тот период, когда там не было железных дорог, да и шоссейные и грунтовые дороги были в плохом состоянии, чтобы по достоинству оценить, что все (431) школы были в течение года осмотрены или самим И. Н. Ульяновым или его пятью помощниками — инспекторами, в том числе многие по 2—3 раза.

Выводы, обобщения, указания методического характера, которые делает в своем отчете И. Н. Ульянов, характеризуют его, как замечательного и разностороннего методиста.

Вынужденный по своему служебному положению наблюдать за преподаванием «закона божия», И. Н. Ульянов ограничивается по этому вопросу сведениями официального порядка — фактической справкой и в то же время метко характеризует схоластицизм, формализм, неуменье попов подойти к детям,

---

[1] См. статью Медынского «Из педагогической деятельности И. Н. Ульянова», «Красный архив», № 3, 1939 г.

определяя их преподавание, как «сухую, казенную, слишком сжатую и высокопарную речь».

Подробно и с большой любовью говорит И. Н. Ульянов о преподавании русского языка. Он правильно отмечает большое значение аналитико-синтетического звукового метода обучения грамоте. Метод этот, и до сих пор являющийся лучшим методом, в то время только начинал входить в употребление. Основоположником его в России был К. Д. Ушинский. Илья Николаевич подчеркивает, что этот метод укрепился в Симбирской губернии «почти во всех начальных училищах». Это распространение нового лучшего метода обучения грамоте в течение одного десятилетия во всех школах было громадной заслугой И. Н. Ульянова перед народной школой. Он же ввел наглядность, объяснительное чтение, сообщение естествоведческих, географических и исторических знаний на уроках русского языка (природоведения, истории и географии, как особых предметов, в учебном плане начальных школ тогда не было). Он ввел принципы сознательности, систематичности, прочности в школьные занятия. Он борется против механического чтения, против заучивания прочитанного, вместо творческого, сознательного пересказа. Он требует развития мышления учащихся, а не только приобретения навыка беглого чтения. Его заботами в школе были введены такие лучшие для своего времени книги для чтения в школе, как «Родное слово» и «Детский мир» Ушинского, «Наш друг» Корфа, «Книжки для чтения» Л. Н. Толстого и др.

Отмечая успехи в обучении навыкам письма (вследствие целесообразности метода, начинающего с элементов букв), И. Н. Ульянов указывает на удовлетворительное обучение орфографии и рекомендует самостоятельные письменные работы учащихся не только по письменному изложению прочитанного, но и детские сочинения. Характерно для борьбы И. Н. Ульянова за школу его замечание по поводу быстрой потери окончившими школу навыков письма. Причину этого Илья Николаевич видит в кратком сроке школьного обучения (в то время продолжительность обучения в начальной школе была 3 года).

Так же ценны указания и замечания И. Н. Ульянова относительно обучения арифметике. В отчете 1879 г. он требует наглядности, развития устного счета и т. п.

Начальные школы дореволюционной России не уделяли никакого внимания физкультуре, гимнастике. Этот предмет отсутствовал в учебных планах начальных школ. Но заботами Ильи Николаевича занятия гимнастикой в его губернии «больше и больше входят в общее употребление в начальных школах».

Исключительно ценными для своего времени, вносящими много нового в практику начальной школы, были те мероприятия, о которых упоминает И. Н. Ульянов в заключительной части отчета: это инспекторский съезд, направление деятельности инспекторов народных училищ, учреждение должностей запасных учителей, замещающих заболевших учителей во избежание срыва занятий, порядок начала занятий в новом учебном году, выработка программы начальных школ (общая программа была выработана министерством народного просвещения лишь в 1897 г.), ведение показательных уроков инспекторами в школах, где имелись малоопытные учителя, заботы об улучшении материального положения народных учителей, заботы о школьной гигиене, привлечение населения к заботам о школе, учреждение и пополнение школьных библиотек.

И. Н. Ульянов являлся таким образом одним из основоположников всего лучшего, что было в практике лучшей начальной школы дореволюционной России — земской школы; но, конечно, далеко не все демократические установки И. Н. Ульянова могли быть осуществлены даже в лучших школах России в период царизма.

Проф. Е. Медынский

Из отчета о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии в 1880 году[1]

1) Статистические сведения о числе учебных заведений, учащих и прочих должностных лиц и учащихся.

А. Число учебных заведений.

Разряды учебных заведений	К 1 января 1880 г. было	К 1 января 1881 г. состоит
1) Городских училищ, открытых на основании положения 31 мая 1872 года	1	4
2) Уездных училищ	7	4
3) Двухклассных народных училищ	7	7
4) Одноклассных начальных народных училищ[2]	404	412
5) Воскресных школ[3]	—	—
6) Частных учебных заведений	3	4
Итого	422	431
В числе городских училищ, открытых по положению 31 мая 1872 года		
1) Трехклассных	—	3
2) Двухклассных	1	1
Итого	1	4
В числе двухклассных народных училищ:		
1) Городских женских	4	4
2) Сельских: А., содержащихся на счет Министерства народного просвещения	3	3
Итого	7	7
В числе одноклассных начальных народных училищ:		
1) Состоящих в ведении директора народных училищ	3	3
2) Состоящих в ведении училищных советов	401	409
Итого	404	412
Из числа состоящих в ведении директора народных училищ:		
Сельских обоего пола	3	3
Итого	3	3
Из числа состоящих в ведении училищных советов:		
1) Городских: мужских	12	14
женских	5	6
обоего пола	12	10
2) Сельских: мужских	175	151
женских	10	10
обоего пола	187	218
Итого	401	409
В числе частных учебных заведений 3-го разряда обоего пола	3	4
Итого	3	4

[1] Музей им. В. И. Ленина.
[2] Инородческие одноклассные училища, состоящие в ведении особых окружных инспекторов в счет не введены (примечание в подлиннике).
[3] Воскресная школа, существующая при Симбирской духовной семинарии, как не состоящая в ведении директора народных училищ в счет не принята (примечание в подлиннике).

Число городских училищ, образованных по уставу 31 мая 1872 года, в отчетном году увеличилось на 3 и на такое же число уменьшилось количество уездных училищ, вследствие преобразования с 1 августа 1880 г. Симбирского, Сызранского и Алатырского уездных училищ в 3-х классные городские. Эти училища открыты на первый раз каждое в составе двух низших классов.

В числе двухклассных городских и сельских училищ, а также и одноклассных училищ, состоящих в ведении директора народных училищ, в отчетном году перемен не последовало.

Число одноклассных начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов, увеличилось на 8. Изменение произошло вследствие закрытия 6-ти школ и открытия вновь 14-ти училищ[1]...

Число частных учебных заведений 3-го разряда увеличилось на 1. Вновь открыто училище в г. Симбирске для детей обоего пола г-жею Маториною.

С поступлением в 1880 году в некоторые сельские мужские начальные народные училища девочек, число училищ, открытых для обоего пола, увеличилось на 31, число же сельских мужских училищ уменьшилось на 24.

Общее число училищ в губернии в отчетном году увеличилось на 9 (431 против 422 предыдущего года).

За исключением татар, на каждую школу в губернии приходится 3007 жителей обоего пола; в частности же в городах одна школа существует на 2149 человек городского населения, а в селах на 3109 жителей сельского населения.

В уездах	К 1-му января 1881 г. состоит													
		В том числе												
		В ведении Министерства Народного Просвещения							В ведении училищных советов					
		Городских по положению 31 мая 1872 г.		Уездных училищ	Двухклассных		Одноклассных обоего пола		Городских			Сельских		
	Всех	3-х классных	2-х классных		Городских женских	Сельских обоего пола	Частных 3-го разр.	Сельских	Мужских	Женских	Обоего пола	Мужских	Женских	Обоего пола
Симбирском . . .	76	1	—	—	1	—	4	—	6	5	5	19	3	32
Сенгилеевском . . .	64	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	26	1	34
Сызранском	67	1	—	—	—	1	—	2	2	—	2	22	1	36
Карсунском	90	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	35	1	51
Алатырском	34	1	—	—	—	1	—	—	—	—	3	17	2	10
Ардатовском	39	—	—	1	—	1	—	—	2	1	—	20	—	14
Курмышском	21	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	17
Буинском	40	—	—	1	1	—	—	1	1	—	—	10	2	24
В губернии .	431	3	1	4	4	3		3	14	6	10	151	10	218

[1] Далее в отчете следует подробное наименование открытых и закрытых училищ с объяснением причин закрытия. Закрыты большей частью платные школы вследствие недостатка в них учеников после учреждения бесплатных новых училищ.

Б. Число учащих и прочих должностных лиц[1]

К 1 января 1881 года состояло:	Почетных блюстителей	Попечителей	Попечительниц	Законоучителей	Учителей	Учительниц
В губернии	5	151	25	343	322	118

Из 322 учителей 21 обучают вместе с другими предметами и закону божию.

Сравнивая цифры служащих в настоящее время по начальным народным училищам с цифрами 1879 года, находим: 1) что число почетных служащих почти не уменьшалось; 2) что особых законоучителей увеличилось на 21, учителей на 2, учительниц на 5.

Незамещенных вакансий к 1 января 1881 года состояло: законоучительских 38, учительских ни одной.

Деятельность г.г. блюстителей, попечителей и попечительниц выразилась частию в денежных пожертвованиях, частию в заботах об устройстве училищных помещений и библиотек, наконец в посещении училищ и в том внимании, какое оказывали они учащим.

Так из почетных блюстителей особенной признательности за сочувствие к пользе училищ заслуживают: Сызранского приходского училища местный купец Петр Ионов и Промзинского, Алатырского уезда, двухклассного — коллежский ассесор Николай Васильевич Поздняков, принимавший непосредственное участие в устройстве нового училищного здания и, сверх того, пожертвовавший на него 100 руб.[2].

Число лиц, занимающихся преподаванием в начальных народных училищах, 783; в том числе особых законоучителей 343, учителей 308, помощников их — 9 и 5 помощниц учителей, учительниц 115 и 3 учительницы рукоделью.

Где окончили курс, или получили домашнее образование	Учителя[3] по губернии
В средних учебных заведениях	36
В учительских семинариях	67
На педагогических курсах	19
В низших учебных заведениях	195
Домашнего образования	5
	Учительницы[3] по губернии
В высших учебных заведениях	2
В средних учебных заведениях	58
В учительской семинарии	1
В низших учебных заведениях	36
Домашнего образования	21

Таким образом из общего числа учителей и учительниц (440) 183 человека или 42% получили образование или в средних, или в педагогических заведениях (в 1879 году процент этот равнялся 40). При этом нужно заметить, что в среде учительниц, 2 из кончивших курс

[1] Таблица приводится в сокращенном виде; даны лишь итоги по губернии. Опущено имеющееся в подлиннике распределение по уездам.

[2] Выпущен список фамилий попечителей народных училищ, деятельность которых И. Н. Ульяновым отмечается, как наиболее заметная.

[3] Приводим итоги лишь по губернии, опущены из таблицы сведения распределенные по 8 уездам.

в высших учебных заведениях и 1 — в семинарии для приготовления учительниц.

Все служащие в начальных народных училищах лица вероисповедания православного, кроме 1 муллы — мусульманина, преподающего магометанский закон в татарском отделении Больше-Сайманского, Сызранского уезда.

В. Число учащихся[1]

Разряды учебных заведений	Число учащихся к 1 янв. 1880 г.			Число окончивших курс в отчетном году			Число вышедших до окончания курса в отч. году			Число учащихся к 1 янв. 1881 г.		
	Мужского пола	Женского пола	Итого	Мужского пола	Женского пола	Итого	Мужского пола	Женского пола	Итого	Мужского пола	Женского пола	Итого
1) В городских училищах по положению 31 мая 1872 г. . .	56	—	56	11	—	11	17	—	17	429	—	429
2) В уездных училищах[2]	667	—	667	140	—	140	152	—	152	277	—	277
3) В двухклассных:												
а) Городских женских . .	—	273	273	—	—	—	—	79	79	—	261	261
б) Сельских .	195	27	222	22	1	23	46	8	54	194	45	239
4) В одноклассных начальных народных училищах . .	13932	1780	15712	2031	173	2204	2896	714	3610	14699	1843	16542
5) В частных учебных заведениях 3-го разряда . . .	32	48	80	—	—	—	32	45	77	50	51	101
Всего в губернии	14882	2128	17010	2204	174	2378	3143	846	3989	15649	2200	17849

В сравнении с предыдущим годом число учащихся увеличилось на 839, или почти на 5%; по различию пола: мальчиков на 767, девочек на 72.

Среднее число учеников на школу по уездам выразится следующею таблицею:

В Курмышском	53
» Алатырском	49
» Буинском	44
» Симбирском	41,3
» Сызранском	41
» Ардатовском	40
» Карсунском	39,8
» Сенгилеевском	35
» губернии	41,4

Если принять нормальным 40 учеников в каждой школе, то эта таблица покажет, что в Курмышском, Алатырском и Буинском уез-

[1] Таблица приводится в сокращенном виде: только итоги по губернии; опущено распределение по уездам.

[2] Число учащихся в уездных училищах в 1880 г. уменьшилось вследствие преобразования трех уездных училищ, как устарелых и дающих недостаточное образование, в училища более высокого типа — городские училища по положению 1872 г.

дах школы переполнены учениками, что ясно указывает на недостаточность числа училищ, особенно в первом из них.

Из общего числа учащихся: а) в городских училищах 2807, в том числе 2072 мальчика и 735 девочек, б) в сельских 15042; мальчиков — 13577 и девочек 1465.

Все учащиеся распределяются следующим образом: а) по вероисповеданиям: православного 17452, римско-католического — 1, лютеранского — 9, иудейского — 20, магометанского — 27, раскольников — 339 и 1 язычник; б) по сословиям: потомственных дворян — 42, личных дворян — 161, духовного звания — 455, купеческого — 107, мещанского — 2163, крестьянского — 14912, иностранцев — 9; в) по племенам: русских — 15080, мордов — 1303, чуваш — 1419, евреев — 20 и татар — 27.

В отчетном году вышло из училищ до окончания курса 3989, более против предыдущего года на 331; по окончании курса 2204 мальчика, более чем в предыдущем году на 454, и 174 девочки (в 1879 г. 132 девочки). Из 2204 мальчиков, 173 получили свидетельства на льготу 3-го разряда и 2031 — на льготу по воинской повинности 4-го разряда.

Число окончивших курс составляет 13% всего числа учившихся, отношение, которое, по нашему мнению, можно признать удовлетворительным.

Хотя число учеников, вышедших из училища до окончания курса, в отчетном году и составляет 23% всего числа учившихся, но это объясняется отчасти условиями экономической жизни сельского населения, отчасти поступлением детей городского населения в другие учебные заведения.

Число учащихся обоего пола во всех училищах, состоящих в ведении дирекции, относится к населению Симбирской губернии, как 1 : 72, в частности число учащихся мальчиков к мужскому населению как 1 : 40, девочек к женскому, как 1 : 299.

Отношение числа учащихся в городских училищах к городскому населению, а в сельских к сельскому, отдельно выразится следующим образом: а) в городских — число учащихся обоего пола к городскому населению как 1 : 35, по различию пола: мальчиков к мужскому, как 1 : 24, девочек к женскому, как 1 : 67. б) В сельских — число учащихся обоего пола к сельскому населению, как 1 : 79, по различию пола: мальчиков к мужскому, как 1 : 43, девочек к женскому, как 1 : 415.

Процентное отношение учащихся в городских и сельских училищах выразится следующим образом: число учащихся в городах составляет 16%, в селах 84% всего числа учащихся.

Самое большое число учеников было а) из городских мужских училищ: в Сызранском 1-м 129, Алатырском приходском — 108, Симбирском 2-м 101; из женских: в Симбирском 1-м 108; б) из сельских: в Среднетимерсинском, Симбирского уезда 69, Новодевиченском, Сенгилеевского уезда 97; Больше-Репьевском, Сызранского уезда 93; в Анненковском Карсунского уезда 83; Алатырском волостном — 73; Ардатовском волостном — 70; в Деяновском, Курмышского уезда, 80 и Городищенском, Буинского 68.

Самое меньшее число учеников (8) было в Жеребятниковской школе, Симбирского уезда.

По сведениям статистического комитета, в Симбирской губернии за 1879 год считалось, за исключением татарского населения, 1.296.095 жителей обоего пола. Считая, что дети школьного возраста составляют $^1/_7$ часть всего населения, т. е. 185.156, найдем, что один уча-

щийся приходится на 10 детей школьного возраста, а по различию пола: из 6 мальчиков обучается 1, из 43-х девочек — 1.

Состояние учебно-вспомогательных учреждений в учебных заведениях [1].

Библиотеки и учебные пособия	На 1 января 1881 г. состоит			В этом числе приобретено в отчетном году		
	Названий книг	Томов или экземпл.	На сумму	Названий книг	Томов или экземпл.	На сумму
Фундаментальные библиотеки .	13578	20137	26483 р. 10 к.	1325	1828	1787 р. 56 к.
Ученические библиотеки	21054	31301	10469 » 45 »	1878	3204	1396 » 75 »
Кабинеты физические и естествознания	—	264	772 » 16 »	—	199	455 » 61 »
Собрание глобусов и географ. карт	—	344	1077 » 77 »	—	13	34 » 78 »
Собрание предметов для рисования и черчения	—	251	295 » 33 »	—	50	56 » 69 »
Собрание других пособий . . .	—	9172	26912 » 82 »	—	1180	3017 » 39 »

Из этой ведомости видно, что книг и учебных пособий приобретено в отчетном году на 6748 руб. 78 к.; в том числе: а) для городских по положению 31 мая 1872 года училищ на 606 руб. 41 коп., б) для уездных на 544 руб. 84 коп., в) для двухклассных на 461 руб. 33 коп. и г) для одноклассных на 5136 руб. 20 коп.

Наиболее ценными приобретениями отчетного года были: в городских училищах волшебный фонарь (Курмышском) и минералогические кабинеты (Симбирском и Сызранском); для уездных: толковое Евангелье Архимандрита Михаила, коллекция геометрических тел, мензула и теллурий (Карсунское), для двухклассных — воздушный насос с необходимыми к нему приборами (Усинское); по одноклассным народным училищам — волшебный фонарь с коллекциею картин для него по священной истории, русской истории и географии (Сызранское 2-е приходское), превосходная коллекция книг для детского чтения, заключающая в себе, между прочим, редкие издания, напр. «Живописный Карамзин» (Верхне-Мазинское, Сызранского уезда), периодические издания педагогического содержания, картины священной истории издания Сидорского для некоторых школ Карсунского уезда, шведские счеты и арифметические ящики для школ Курмышского уезда.

Вообще учебных пособий в начальных народных училищах достаточно, а равно и значительно пополнились в отчетном году библиотеки фундаментальная и ученическая.

Казна принимает участие в содержании училищ 11%, городские общества 10%, земства 17%, частные лица 8%, сельские общества 51%, прочие источники 1% или менее того. В сравнении с 1879 годом земство прибавило в 1880 году 3%, городские общества 2%, частные лица 5%, а сельские общества 9% [2].

[1] Таблица печатается нами в сокращенном виде — только в итогах. В подлиннике И. Н. Ульянов приводит подробное распределение книг и учебных пособий по типам училищ.

[2] Далее в подлинном отчете перечислены 17 жертвователей, внесших в общей сложности на содержание и устройство училищ в отчетном году 16.650 р. 65 к. Большинство пожертвований было в сумме около 100—200 р. Выделяется сумма в 10 200 р., завещанная Ю. Самариным на Вязовскую школу.

Источники содержания[1]

Разряды учебных заведений	Получено в 1880 году																	
	От казны		От городских обществ		От земства		От частных лиц		От сельских обществ		От церковных попечительств		Сбор за учение		Всего			
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.		
1) Городские по положению 31 мая 1872 г.	10290	30	175	—	—	—	225	—	—	—	—	—	1420	50	12110	80		
2) Уездные училища	8160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	466	—	8626	—		
3) Двухклассные	3240	—	3960	28	250	—	370	—	6162	41	—	—	142	13	14124	82		
4) Одноклассные начальные народные училища	4343	91	19354	04	38703	67	17772	35	110849	26	2557	25	121	78	193708	26		
Всего	26034	21	23489	32	38953	67	18367	35	117011	67	2557	41	2150	41	228563	88		

Плата за учение.

В городских училищах, существующих по положению 31 мая 1872 г., взимается следующая плата: в Симбирском по 6 р., Сызранском по 4 р., Алатырском по 3 р. и Курмышском по 2 р. в год с ученика. Такой платы поступило в отчетном году 1420 р.[2].

В 4 уездных училищах взимается плата за право учения: в Сенгилеевском, Карсунском и Ардатовском по 2 р. и в Буинском по 1 р. в год с ученика. Всего из уездных училищ собрано 466 р.[2].

В двухклассных и одноклассных сельских училищах введена плата за учение в размере 3 р. в год с ученика, родители которого не участвуют в содержании училища. В отчетном году такой платы поступило 157 р. 13 к., которые причислены к запасному капиталу училищ.

Во всех частных школах для первоначального обучения существует плата за учение от 40 к. до 2 р. в месяц с каждого учащегося, по условию с родителями.

Из начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов, только в двух школах Карсунского уезда,— Акшуатской и Бутырской, взимается плата за учение, не свыше 3 р. в год с ученика, родители которого не участвуют в содержании этих школ. Такой платы в отчетном году поступило 50 р., которые употреблены на содержание училищ.

Во всех 4-х частных для обоего пола школах 3-го разряда взимается плата за учение, в размере от 1 р. 50 к. до 5 руб. в месяц с каждого учащегося.

Помещение учебных заведений.

Все городские училища, существующие на основании положения 31 мая 1872 года, помещаются в собственных удобных домах.

Из 4-х уездных училищ, 3 помещаются в собственных домах, из которых 2 исправных и удобных и один требует исправления. Сенгилеевское же училище помещается в наемной квартире с платою 150 руб. в год. Ремонт собственных домов обошелся в 83 руб. 60 к.

Из 7 двухклассных училищ 5 помещаются в собственных исправных и удобных домах, 1 — при уездном училище бесплатно и 1 — в

[1] Таблица приводится в сокращенном виде — только итоги по губернии. Опущено имеющееся в подлиннике распределение по уездам.

[2] Далее в подлиннике следует перечень мелких расходов по разным училищам, произведенных за счет поступлений от платы за учение (из так наз. «специальных средств»); нами этот перечень опущен.

квартире с платою 150 руб. в год. Для Промзинского училища выстроен, вместо сгоревшего, новый дом, стоимостью в 5500 руб. На ремонт домов прочих 4-х училищ употреблено 718 руб. 27 коп.

Все 3 одноклассных училища помещаются в собственных удобных домах.

Из 14 городских начальных мужских училищ, 2 помещаются в собственных исправных и удобных домах, 2 — при уездных училищах бесплатно, 1 — при городском 2-х классном и 9 — в квартирах, на наем которых издержано 2543 руб.

6 городских начальных женских училищ имеют следующее помещение: 1 — при мужском училище и 5 в квартирах, на наем которых израсходовано 1200 руб.

Из 10-ти городских начальных для обоего пола школ, 5 имеют собственные дома, одна помещается при городской управе и 4 — в квартирах.

Из 151 сельских мужских училищ, 117 имеют собственные дома, из которых исправных и удобных 90, неудобных же и требующих исправления — 27; остальные 34 помещаются в особых комнатах при волостных правлениях (7), в квартирах (3), в домах землевладельцев (3), и священников (3), в церковных караулах (17) и при сборной избе (1).

10 сельских женских школ имеют следующее помещение: 3 — в собственных учебных домах, 3 в особых комнатах при мужских училищах, 2 в квартирах, 1 — в доме священника и 1 — в церковной караулке.

Из 218 сельских для обоего пола училищ, 186 помещаются в собственных домах, из которых 159 удобных и 27 требуют исправлений. Остальные 2 имеют помещение: в домах землевладельцев (8), при волостных правлениях (7), в квартирах (9), в церковных караулках (7) и при сборной избе (1).

Ремонт собственных домов сельских начальных училищ обошелся в 6608 руб. 2 коп., на наем же квартир издержано 702 р. 82 коп.

В отчетном году выстроено для начальных народных училищ 26 новых домов, на постройку которых употреблено сельскими обществами, с пособием от казны, земства, частных лиц и церковных попечительств 24.964 руб. 79 коп.

Из 4-х частных для обоего пола 3-го разряда школ 2 помещаются в домах содержательниц и 2 — в квартирах.

Осмотр учебных заведений, зависящих непосредственно от министерства народного просвещения.

В 1880 году осмотрены следующие училища: 1) Директором: Симбирское 3-х классное (3 раза) и Курмышское 2-х классное (1 раз); городские: Карсунское, Алатырское, Симбирское и Ардатовское уездные, Промзинское и Берегово-Сыресевское 2-х классные сельские (по 1 разу), Симбирское (3 раза) и Карсунское (1 раз); 2-х классные городские женские. 2) Инспекторами народных училищ: а) г. Стржалковским: Симбирское 3-х классное городское и Сенгилеевское уездное, Симбирское и Сенгилеевское женское 2-х классные (каждые по 2 раз.), б) г. Формаковским: Сызранское 3-х классное городское (1 раз), Усинское 2-х классное сельское (1 раз), Усеольское и Печерское одноклассные (по 2 раза) и 4 частных школы 3 разряда в г. Симбирске (из них 2 по 3 раза и 2 по 2 раза); в) г. Красевым: Карсунские уездное (1 раз) и женское 2-х классное (3 раза), г) г. Ишерским: Алатырское городское 3-х классное и Буинское уездное, Буинское женское 2-х классное (2 раза), Промзинское 2-х классное и Атяш-

кинское одноклассное (по 3 раза), д) г. Амосовым: Курмышское городское 2-х классное, Ардатовское уездное и сельское 2-х классное в с. Береговых Сыресях (по 1 разу).

Все эти училища найдены вообще в удовлетворительном состоянии, а сельские 2 классные и Усольское одноклассное находятся в весьма удовлетворительном состоянии.

Осмотр начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов.

В течение отчетного года осмотрены все начальные народные училища, а именно: 1) Директором: в г. Симбирске 11 начальных народных училищ (по 3 раза) и частная школа Марковой (1 раз); в г. Алатыре начальное городское мужское и волостное, в г. Ардатове начальное мужское, женское и волостное, в г. Карсуне мужское и волостное, в уезде: Вальдиватское, Больше-Кандаратское и Поселковое, в Алатырском уезде Промзинское, приходское по 1 разу. 2) Инспекторами народных училищ: а) 1-го района 65 училищ Симбирского уезда, из них 9 по 2 раза, 62 школы Сенгилеевского уезда, из них 8 по 2 раза; б) 2-го района 5 частных школ в г. Симбирске, все по 2 раза, и 63 училища Сызранского уезда, из них 8 по 2 раза; в) 3 района училища Алатырского и Буинского уездов, числом 69, из них 36 по 2 раза; г) 4 района 88 училищ Карсунского уезда, из них 7 по 2 раза; д) 5 района г. Амосовым, вступившим в должность с октября отчетного года, 34 из 57 училищ Ардатовского и Курмышского уездов, из них 4 школы по 2 раза; е) бывшим инспектором 5 района г. Предтеченским осмотрены остальные 23 училища Ардатовского и Курмышского уездов.

Сверх того, во всех уездах председателями и членами училищных советов произведены были годичные испытания учеников, оканчивавших курс.

Из 409 начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов, найдены: в весьма удовлетворительном состоянии 99, в удовлетворительном 230, в посредственном 57 и в неудовлетворительном 23. Причина неудовлетворительного состояния 23 школ заключается в недостатке материальных средств, недопускающих возможность иметь порядочного преподавателя [1]...

Состояние начального народного образования в отчетном году представляется в следующем виде:

По закону божию изучаются общеупотребительные молитвы, краткая священная история и краткий катехизис, а во многих училищах дети знакомятся с объяснением литургии и устройства православных храмов. Нельзя не сказать, что предмет проходится достаточно обширно, а сознательные и полные ответы учеников убеждают в том, что таковой учебный материал по силам детям и что передается он, по крайней мере в лучших училищах, разумно. К концу первого года, а в школах с четырехгодичным курсом к концу второго, дети знают важнейшие молитвы и несколько священно-исторических рассказов, связанных с содержанием изученных молитв. В среднем и старшем отделениях последовательно проходится краткая священная история, катехизис, объяснение литургии и устройство храмов. Вообще нельзя жаловаться ни на узость объема в изучении предмета, ни на недостаток постепенности...

---

[1] Выпущен перечень училищ, состояние которых признано весьма удовлетворительным или неудовлетворительным. В перечне помещены лишь наименования училищ без пояснений в чем именно сказалось то или иное состояние училищ. Далее в отчете помещен опущенный нами список 140 преподавателей «обращающих на себя внимание особым усердием и знанием дела».

Ближайшая цель обучения грамоте заключается в том, чтобы ученик, оставляя школу, сумел четко, бегло, сознательно и выразительно прочитать любую, конечно, доступную по содержанию книгу, складно и обстоятельно рассказать содержание прочитанного. Цель эта достигается довольно успешно почти везде, чему много способствует аналитико-синтетическая звуковая метода обучения грамоте, укрепившаяся почти во всех начальных училищах. В первый год обыкновенно прочитывается Родное слово, год 1-й, в иных вместо него букварь Водовозова, или две первых книги азбуки Толстого; во второй год Родное слово [год 2-й] и иногда прочитывают еще несколько статей книги Водовозова или Корфа; наконец, в старшем отделении чтение ведется преимущественно по «Нашему другу» Корфа, «Детскому Миру» Ушинского и по книге Водовозова. Во всех этих случаях учителя заботятся о верности, неторопливости, выразительности и сознательности чтения, почему указывают учащимся допускаемые ими неправильности и наводящими вопросами доводят их до надлежащего уразумения прочитанного. Некоторые учителя и учительницы ведут, кроме того, предварительные беседы, благодаря которым чтение в руках опытного преподавателя делается занятием еще более живым и интересным. Беседы эти служат также средством для сообщения важнейших историко-географических и грамматических сведений, из коих последние усвояются учениками путем разнообразных письменных упражнений. Но, отдавая должное учащим за их искусство в начальном обучении, нельзя не заметить, что собственно чтение ведется далеко не всегда с желательным искусством. Тут нередко приходится замечать недостаток познаний у самих учителей и их неразвитость, проявляющуюся между прочим в неумении отыскать главный пункт статьи, на который должно быть сосредоточено все внимание преподавателя. В таких случаях дело обыкновенно сводится только к запоминанию прочитанного и много много, к дословной передаче его наизусть. О возбуждении же мышления в детях, в особенности же о том, чтобы мышление непосредственно следовало за чтением, как уменьем правильно сочетать буквы в слова не может быть и речи. Наконец предварительным беседам часто не придается никакой организации, почему они получают характер случайных рассуждений с учениками и притом рассуждений многословных и нецелесообразных.

Обучение письму начинается одновременно с обучением чтению и первоначально состоит в выписывании элементов букв, самых букв и затем постепенно переходит в связное и четкое письмо. Рассматривая со стороны каллиграфической, оно во многих училищах ведется очень удовлетворительно: ученики пишут четко, свободно, у многих вырабатывается очень хорошая скоропись. Но в то же время нельзя не заметить, что ни в чем они так быстро не слабеют по выходе из школы, как именно в письме. Причина понятна: курс начальной школы слишком краток, а письмо есть уменье, своего рода искусство, требующее продолжительной практики, которой часто недостает крестьянскому мальчику. Вместе с выработкой почерка ученики приучаются также к уменью писать более или менее правильно, складно, со смыслом. С этой целью во всех школах бывает письмо под диктовку, изложение содержания прочитанных статей; в некоторых ученики пишут письма, описывают что либо и рассказывают о слышанном. Во многих случаях и в этом трудном деле учащие достигают достаточных результатов, но, тем не менее, большинству недостает систематичности в приучении детей к самостоятельным письменным работам и точной определенности тех конечных целей, какие достигаются в этом отношении в начальной школе.

К чтению по книгам славянской печати ученики начинают приучаться обыкновенно со второго года. К концу курса дети приобретают достаточное понимание исторических отделов евангелия.

Курс начальной арифметики распадается на два: на приготовительный и систематический. Первый проходится в двух младших отделениях и состоит в изучении первой сотни; второй в старшем отделении и обнимает систематический курс первой части арифметики. Оба эти курса должны быть тесно связаны друг с другом, между тем они часто становятся совершенно отдельно, каждый сам по себе. Но все-таки теперь очень мало таких учителей, которые не придавали бы должного значения сравнению чисел, задачам из жизни практической и словесному счету в разнообразных его применениях. Успехи по арифметике редко бывают плохи; почти везде ученики считают быстро, сознательно, с ясным представлением тех оснований, в силу которых счет следует вести известным образом.

В большинстве начальных училищ дети научаются петь со слуха молитвы и детские песенки. Иногда пение соединяется с играми. Где есть опытные в пении учителя или законоучители, там устраиваются хоры, которые по праздникам поют в приходских церквах.

Вольные гимнастические движения больше и больше входят в общее употребление в начальных училищах. К сожалению, тесное помещение многих школ заставляет суживать программу движений в зимнее время. Правда, в хорошую погоду и зимою возможно производить их на открытом воздухе, но тоже со многими отступлениями от надлежащей нормы и неудобствами. Руководством для занятий гимнастикой служит книга Шмидта.

Наконец, в некоторых смешанных школах и женских, девочки обучаются домашнему рукоделью.

По вопросу о приготовлении учителей для народных училищ.

Для приготовления учителей в начальные народные школы в с. Порецком, Алатырского уезда, существует учительская семинария, в которой имеется 15 стипендий по 120 р. и 7 стипендий в приготовительном ее классе по 84 р. на счет губернского земства. В отчетном году был 6-й выпуск из семинарии, в числе 8 человек, которые поступили учителями народных школ Симбирской губернии. Сверх того, 15 стипендиатов губернского земства по 96 р. каждый, обучаются в Симбирской центральной чувашской школе, из которой в отчетном году выпуска окончивших курс воспитанников не было.

Буинское земство содержит стипендиатов в Симбирской чувашской школе и при Буинском уездном училище, с целью приготовления их к учительской деятельности, на что и ассигнует 1000 р.

По вопросу о состоянии ремесленных классов, как отдельно существующих, так и находящихся при низших учебных заведениях.

Отдельно существующих ремесленных школ в ведении дирекции не имеется.

При Печерском одноклассном училище, Сызранского уезда, практикуется сапожное ремесло. Занятия происходят по вечерам, не менее 3-х часов ежедневно, под руководством мастера, получающего 8 р. в месяц. Обучается ремеслу 7 мальчиков из учеников этого училища. Учение продолжается 3 года и проучившиеся это время достигают того, что вполне могут шить всякого рода обувь.

Из начальных народных училищ, состоящих в ведении училищных советов, только при одном Тархановском мужском, Буинского уезда,

мальчики обучаются столярному и токарному мастерствам, под руководством учителя, знающего эти ремесла. В отчетном году обучалось 10 мальчиков. Ученики сначала проходят подготовительный курс ремесла, имеющий целью познакомить детей с инструментами мастерства и приемами обработки материала, а затем практикуется приготовление столярных предметов, употребляемых в крестьянском быту: столов, стульев, шкафов, сундуков и т. п.; знакомятся также с раскраской и разделкой предметов под орех.

Оба ремесленные класса содержатся на счет губернского земства. Печерский класс стоит 200 руб., а Тархановский 100 р. в год.

Общие замечания[1].

В отчетном году на заседаниях губернского училищного совета, между прочим, постановлено: 1) снестись с уездными училищными советами по поводу возбужденных в заседании вопросов: а) о нормальном возрасте для приема в начальные народные училища и б) о перенесении экзаменов с летнего времени на зимнее,— и 2) напечатать отчет директора народных училищ о состоянии народного образования за 1879 год отдельною брошюрою без приложений.

Деятельность уездных училищных советов относилась к следующим предметам: к благоустройству школ в хозяйственном отношении, к вознаграждению наставников за труды или особые отличия по службе, к утверждению в должности, перемещению или увольнению учителей, к снабжению училищ книгами и учебными пособиями, к производству выпускных испытаний.

Со стороны губернского и уездных земств ассигновано было в 1880 году собственно на начальное народное образование 60338 руб. 61 коп., из которых израсходовано 58075 руб. 28 коп.

Деятельность директора и инспекторов народных училищ в отчетном году состояла в следующем:

Главнейшею заботою директора было то, чтобы осмотр училищ производился правильно и сопровождался практическими результатами. Не стесняя самодеятельности инспекторов подробными указаниями, директор наблюдал, чтобы осмотр училищ производился в продолжение всего учебного времени; чтобы каждый из инспекторов в течение года посетил все училища своего района, по крайней мере один раз; чтобы годичные испытания учеников в училищах Министерства Народного просвещения производились всегда в присутствии инспектора; чтобы инспекторы не были пассивными зрителями открываемых при ревизии беспорядков, но на месте же принимали все средства к устранению их; чтобы инспекторы лично ходатайствовали за училища перед содержателями училищ и училищными советами. Эти цели хорошо были поняты инспекторами и директору лишь в немногих случаях приходилось выступать в качестве инстанции, перевершающей дела или пополняющей упущения инспекции.

Дальнейшей заботой директора было улучшение личного состава учителей начальных училищ. В этих видах директор входил в личные и письменные сношения с начальниками местных заведений для образования учителей, получал сведения о личных качествах воспитанников, оканчивающих в них курс, и достигал того, что все они, тотчас по окончании курса, размещались на свободные вакансии, при

[1] В начале «общих замечаний» помещена информация о постановлениях и распоряжениях правительства, министерства народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа, имеющих отношение к начальным школам. Здесь эта информация опущена, как не прибавляющая ничего к характеристике И. Н. Ульянова и к состоянию начальных школ в Симбирской губ.

чем лучшие из них занимали и лучшие места. Так как учителями-семинаристами могли быть замещены лишь немногие вакансии, то, в видах замещения и остальных вакансий лицами достаточного образования, директор входил тоже в сношение с начальством местного женского епархиального училища, воспитанницы которого почти все, по окончании курса, ищут учительской службы. Задачею директора в этом случае было то, чтобы они получали места соответственно их личным качествам и притом, чтобы в той обстановке, в которую они должны были вступать, они не встретили обстоятельств, которые бы делали их положение неудобным в нравственном и бытовом отношении.

Последовавшее в отчетном году разрешение делать инспекторские съезды дало директору возможность придать разработке возникающих из практики вопросов учебно-школьной администрации систематический характер. Съезд инспекторов Симбирской губернии открыт был под председательством директора, 25 июля и продолжался до 2 августа. Съезд имел 9 заседаний. Как первый опыт, съезд не мог быть изобилен результатами. Некоторые вопросы, возбужденные на съезде, не могли быть разрешены с желаемою основательностью; в наблюдениях инспекторов чувствовалась порою односторонность и, вместо разрешения вопроса, приходилось иногда признавать неполноту фактических данных для решения его и оставлять вопрос открытым. Из вопросов, разрешенных на съезде, можно однакоже отметить следующие: 1) о посещении инспекторами училищ слабых и мало удовлетворительных. Признано, что училища этого разряда требуют особого наблюдения и вменено в обязанность инспекторам посещать их по нескольку раз в год. 2) Об учреждении запасных учителей. Учреждение запасных учителей признано весьма полезным и желательным. Расходы по учреждению предположено обращать на счет суммы, ассигнованной Министерством народного просвещения на содержание стипендиатов. 3) О порядке открытия учения в начальных училищах в начале учебного года. Постановлено рекомендовать учителям начинать учебные занятия с одними вновь поступившими детьми и за тем, по истечении 2 недель, открывать общее занятие с учениками всех 3 отделений. 4) О нормальном числе уроков по закону божию в начальных училищах. Нормою признано 6 часовых уроков в неделю. 5) Указаны темы для самостоятельных работ по закону божию. 6) Определена программа обучения письму в начальных училищах по годам обучения. 7) Даны указания для ведения гимнастических упражнений в начальных училищах, применительно к условиям школьных помещений. 8) В видах поддержания в местном обществе интереса к школьному делу возложено на обязанность инспекторов составлять доклады о состоянии народного образования к очередным сессиям земских собраний.

Для личного осмотра директор избирал главным образом училища, состоящие в непосредственном заведывании дирекции, как училища, не посещаемые местными деятелями по народному образованию, и как училища, имеющие более сложную организацию и требующие по этому более внимательного наблюдения.

Попечение о развитии народного образования и расширении образовательных средств входило в постоянный план действий директора. В этом отношении внимание директора было обращено главным образом на г. Симбирск, где потребность образования сказывается гораздо ощутительнее, чем во всех других местностях губернии. Ходатайства директора в указанном направлении имели в отчетном году следующие последствия: открыты вновь 2 приходских училища — мужское и женское; при двух существующих училищах открыты па-

раллельные отделения; при Канавском мужском училище открыто преподавание слесарного мастерства.

Меры, принятые инспекторами для содействия успехам народного образования, разделяются на два разряда. Одни имели общий характер и практиковались всеми инспекторами, другие вызывались особыми частными случаями и обстоятельствами и были по разным районам различны.

Меры первого рода состояли в следующем: 1) инспекторы беседовали с преподавателями о наилучших способах организации обучения и усовершенствования приемов в преподавании, при чем почвою этих бесед служили замеченные при ревизии училищ недостатки учебно-воспитательной части; 2) в тех случаях, когда одних теоретических бесед было недостаточно для наставления преподавателей, инспекторы старались в собственных занятиях с детьми, в присутствии преподавателей, дать образцы правильного ведения дела; 3) о замеченных недостатках по хозяйственной части училищ инспекторы доводили до сведения содержателей, ходатайствуя об удовлетворении училищных потребностей; 4) недостатки в учебных пособиях и принадлежностях устранены были инспекторами частью непосредственною высылкою в нуждающиеся училища книг и пособий, частью через сношения с училищными советами и содержателями училищ. 5) Об учителях и учительницах, проявляющих особое усердие к делу, инспекторы доводили до сведения училищных советов и директора с ходатайствами о поощрении их денежными и почетными наградами, или возвышением жалованья. 6) О законоучителях, выдающихся по усердию в должности, или по небрежному исполнению обязанностей, доводилось до сведения епархиального начальства. 7) О результатах осмотра училищ, состоящих в ведении училищных советов, делали личные доклады в заседаниях училищных советов.

Из мер, вызванных более частными случаями, обращают на себя внимание следующие:

Инспектором 1-го района Стржалковским внесено в Сенгилеевский училищный совет ходатайство об изменении существующего в Сенгилеевском уезде способа вознаграждения преподавателей из земских сумм и состоящего в том, что преподавателям выдается вознаграждение по пропорциональному расчету от 10 к. до 1 р. 70 к. с ученика (бывали случаи выдачи 45 к. за годовой труд учителя). Находя этот способ вознаграждения во многих случаях не соответствующим степени заслуг преподавателей и потому недостаточно справедливым, инспектор просил о замене его постоянными определенными пособиями усердным преподавателям, не получающим содержания или получающим ничтожное жалованье.

Инспектором 2-го района Формаковским было устроено общее собрание содержателей частных училищ г. Симбирска. На этом собрании, между прочим, постановлено: 1) в видах улучшения гигиенической обстановки училищ, вообще неудовлетворительной: а) не допускать слишком раннего прихода детей в училища, б) избегать наказания детей оставлением в училище после уроков, в) иметь форточки во всех классных комнатах, г) детей младшего возраста отпускать раньше, чем взрослых, д) определить норму количества учащихся для каждого отдельного училища в их существующих помещениях, 2) в видах улучшения преподавания закона божия приглашать для преподавания этого предмета особых наставников из воспитанников специальных классов духовной семинарии. 3) Для поддержания и развития в содержателях училищ интереса к разработке педагогических вопросов, допускать взаимное посещение преподавателями друг друга во время занятий.

Инспектором 3-го района Ишерским — 1) возбуждено ходатайство перед Буинским по крестьянским делам присутствием об образовании местных комиссий из волостных старшин, наставников и особых избранных от общества лиц для наблюдения за благоустройством училищ в хозяйственном отношении; 2) выработать проект снабжения народных училищ письменными принадлежностями, при посредстве и под контролем местных земских управ. Предположение это принято Алатырскою и отклонено Буинскою земскою управою; 3) возбуждены ходатайства перед Алатырским уездным земством об ассигновании денег для пополнения библиотек училищ книгами для детского и народного чтения, об ассигновании суммы на учреждение центральной учительской библиотеки в г. Алатыре, об отпуске сумм на вознаграждение учителей пения и учительниц рукоделья. Все эти ходатайства уважены земством.

Инспектором 4-го района Красевым обращено было особенное внимание на улучшение школьных помещений. Настояния инспектора в этом отношении, поддержанные всеми членами Карсунского училищного совета, имели последствием то, что 15 училищ приобрели новые удобные помещения. Тот же инспектор принимал меры к более исправному посещению детьми уроков в тех училищах, в которых не установились еще правильные школьные порядки. Наконец, по осмотре школ северного участка Карсунского уезда в октябре отчетного года, он нашел полезным циркулировать по всем школам уезда об усмотренных при ревизии более или менее общих недостатках преподавания по разным предметам элементарного обучения, с предложением избегать этих недостатков.

Педагогическими советами городских и уездных училищ были предпринимаемы разные меры к лучшему направлению в училищах учебно-воспитательного дела; между прочим ими были: 1) рассмотрены дисциплинарные правила для учеников; 2) точно и методически правильно распределены занятия с учениками 1-го класса при 4-х отделениях Курмышского городского 2-х классного училища; 3) занятия законом божием, естествоведением и геометрией признано возможным вести одновременно с учениками всех групп того или другого класса; указан материал для работ, задаваемых на дом ученикам, и определены те требования, какие в этом отношении могут быть предельными детям, установлен порядок проработки преподавателями своих уроков в видах лучшего усвоения детьми того, что им преподается, и выработаны общие основания для замены на очередных уроках одних учителей другими, в случае болезни которого либо из них, или отсутствия по другой причине (Сызранское город. 3-х классное училище); 4) более правильно распределены занятия историею и географиею в старших двух классах Карсунского уездного училища, указан определенный план для ученических работ по арифметике и геометрии и обращено внимание законоучителя на более толковое изучение молитв в III классе.

* * *

Успехи народного образования за отчетный год выражаются следующими данными: а) число учебных заведений увеличилось на 9, б) число учащихся возросло на 5%, в) число окончивших курс увеличилось на 30%, г) число учителей начальных училищ, получивших педагогическое образование, стало больше на 12%, д) библиотеки начальных училищ получили приращение на 6%, е) число неудовлетворительных школ уменьшилось на 30%, ж) параллельно с развитием учебно-образовательной стороны училищ, значительно улучшились внешняя обстановка и материальные средства училищ; 1) в отчетном

году устроено вновь 26 училищных зданий, стоивших 24964 р. и улучшено помещение для 41 школы, 2) среднее содержание законоучителей, учителей и учительниц возросло на 11%, 3) средства содержания училищ, не считая случайных пожертвований, возросли вообще на 12%, в частности же увеличение сельского училищного сбора, составляющего наиболее прочный фонд училищного бюджета, простиралось до 10%.

Директор народных училищ И. Ульянов.

Герцен и царская цензура

(К 70-летию со дня смерти)

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века» [1]. В то время, когда крепостническое самодержавие держало народ в рабском повиновении и беспощадно глушило всякое проявление революционной мысли, Герцен высоко и смело поднял знамя освободительного движения. Бичуя самодержавие и крепостничество, Герцен боролся за раскрепощение угнетенного народа. Звуки величавого «Колокола» Герцена доносились из Лондона до России и призывали русский народ к борьбе с рабством и ненавистным царизмом, звали к свободе.

Выясняя революционное значение Герцена, Ленин указывал, что в истории русской революции ясно наметились три класса, три поколения русских революционеров. И вместе с этим три периода общественного развития. Первый период освободительного движения в России начинается со знаменательного восстания декабристов. Это период с 1825 г. по 1861 г. Ленин называл его дворянским периодом, потому что выдающимися деятелями этого периода были революционеры из дворян и помещиков, были декабристы и Герцен.

Знамя освободительного движения еще выше подняло новое поколение во главе с революционным демократом Чернышевским. Это поколение революционеров призывало народ к крестьянской революции. Но только пролетарская социалистическая революция во главе с мощным рабочим классом и его руководителями Лениным и Сталиным навсегда разбила капиталистическое иго рабства и насилия. Активными участниками победоносной социалистической революции были люди третьего поколения, люди пролетарского периода, началом которого Ленин считал 1895 год.

25 лет тому назад, отмечая столетний юбилей Герцена, Ленин писал: «Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» [2].

Герцен был социалист-утопист, «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с з е м л е й, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю» [3].

Герцен неоднократно отступал от демократизма к либерализму. Критикуя самодержавие и крепостное право, Герцен в то же время впадал в иллюзии, питал надежды на царя. Чернышевский жестоко критиковал Герцена за его либеральничание, указывая, что помещик-царь не спасет Россию, Россию может спасти только революция, только «топор». Чернышевский о Герцене говорил: «Присмотришься, у него все еще в нутре московский барин сидит». Сравнивая их, Ленин отмечал превосходство «мужицкого демократа» Чернышевского перед Герценом. Ленин указывал, что Чернышевский, развивая народнические взгляды Герцена, «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом» [4].

---

[1] В. И. Л е н и н, Соч., т. XV, стр. 464.
[2] Т а м ж е, стр. 464.
[3] Т а м ж е, стр. 466.
[4] В. И. Л е н и н, Соч., т. XVII, стр. 342.

Но Ленин отмечал, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократизм все же брал верх.

«Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции» [1].

В 1847 г., покидая Россию, Герцен писал своим друзьям: «Я здесь полезнее, я здесь — бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган». Уезжая заграницу навсегда, Герцен задумал широко развернуть беспощадную критику самодержавия и популяризацию социалистических идей. Этого нельзя было сделать в царской России, где цензура и правительство всячески преследовали свободное слово. В мае 1853 г. Герцен основал Вольную русскую типографию в Лондоне, где издавал книги и брошюры, а затем вместе с Огаревым начал издавать «Полярную звезду» (1855—1869) и знаменитый «Колокол» (1857—1867). Издания Герцена были свободными от цензурного гнета. В «Колоколе» Герцен впервые свободно и резко выступил с критикой царизма и крепостного права; впервые зазвучало свободное слово и раздался призыв к борьбе за освобождение трудового народа. Ленин в своей статье «Из прошлого рабочей печати в России» говорит: «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее» [2]. Но эта бесцензурная печать все же не прошла мимо русской царской цензуры. Свои издания Герцен стремился переправить из заграницы в Россию; он хотел, чтобы «Колокол» и другие его бесцензурные издания доходили до русского читателя. Но русское правительство и царская цензура, узнав в 1853 г. о созданной Вольной русской типографии в Лондоне, сразу же приняли меры против ввоза изданий Герцена из заграницы.

Публикуемые документы вскрывают политику русского царизма в борьбе с бесцензурной печатью Герцена. Главный жандарм III Отделения граф Орлов в своих секретных предписаниях министру народного просвещения А. Норову предложил организовать самый тщательный надзор за всеми изданиями Герцена, ввозимыми из заграницы в Россию.

В 1870 г., когда за границей умер Герцен и когда внимание русской публики к великому писателю и политическому деятелю усилилось, цензурные репрессии против сочинений Герцена стали еще суровее.

Запрещенная в 1870 г. книга Герцена «Письма об изучении природы», в 1873 г. была уничтожена. Совет Главного управления по делам печати нашел, что эта книга Герцена, «когда-то представлявшая живой интерес», теперь «имеет значение историко-библиографическое». Царская цензура всячески стремилась доказать философское ничтожество Герцена. Но мы знаем, как Ленин отзывался о Герцене-философе и его «Письмах об изучении природы». Ленин писал: «Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы»,— «Эмпирия и идеализм»,— написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [3].

Началось повальное преследование всех произведений Герцена.

В 1912 г. в столетний юбилей Герцена (со дня рождения) на брошюру великого писателя «Движение общественной мысли в России» был наложен арест.

---

[1] В. И Ленин, Соч., т. XV, стр. 468.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 341.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 464—465.

Приговором Московской судебной палаты от 4 апреля 1913 г. было постановлено издание этой брошюры уничтожить. Подобные цензурные преследования произведений Герцена многочисленны. Публикуемые документы из цензурных фондов Центрального Государственного Архива Внутренней Политики, Культуры и Быта в Ленинграде наглядно вскрывают политику царского правительства по отношению к Герцену и дают полную картину цензурных преследований произведений Герцена, начиная с 50 годов XIX века и до революции 1917 г., когда впервые все подцензурные издания Герцена стали доступными многомиллионному советскому читателю.

Несмотря на цензурные запреты и преследования, произведения Герцена доходили до читателей. Эти подцензурные произведения были «вольным русским словом», они были свободны от варварского пера цензуры. «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом» [1]. Герцен всю жизнь боролся с проклятым игом самодержавия за счастливую жизнь русского трудового народа. Чествуя Герцена в наши великие и счастливые дни социалистического строительства, мы чествуем его как революционера прошлого века, как «величайшего мыслителя своего времени» (Ленин).

И. Ковалев.

I

Из рапорта цензора комитета цензуры иностранной Г. Р. Дукшта-Дукшинского, [октябрь] 1851 г. [2]

По словам автора в древние времена Россия пользовалась самобытным народным управлением, как в том свидетельствует история Новгорода. А хотя мало-по-малу деспотизм великих князей взял верх над началами демократии, однакож идеи политической свободы проявлялись в народе от времени до времени. Следить за развитием этих идей — составляет главную цель сей брошюры. Для сего, указав в преобразованиях Петра I стремление к революционным началам, автор усиливается показать, будто бы в царствование преемников сего государя правительство старалось постоянно подавить порывы свободомыслия, но никогда не могло вполне достигнуть этой цели. В доказательство приводит попытки Новикова, направление русской литературы в царствование императора Александра, заговор 14 декабря 1825 г., усиление цензуры в новейшее время и преступление Петрашевского. Намекнув после того о мнимой борьбе славянизма с германизмом в России, автор заключает, что обнаруживающееся в ней стремление к социализму послужит к соединению партий и к ниспровержению деспотизма. Вся брошюра наполнена злобою и ненавистью против державных особ и правительства России: мы отметили некоторые места на стр. X, 3, 14, 20, 25, 27, 28, 30, 38, 46, 60, 65, 67, 75, 76, 97, 102, 127, 150, 169, но полагаю излишним выписывать оные. Сочинение составленное в таком духе подлежит безусловному запрещению на основании § 3 устава о цензуре (267, 274).

Г. Дукшта-Дукшинский.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 469.

[2] Рапорты Ком. цензуры иностранной за 1851 г., № 1040. На рапорте имеется резолюция без подписи и даты. «Главное управление цензуры утвердило мнение Комитета цензуры иностранной о безусловном запрещении этого сочинения, о чем объявлено Комитету в предложении г. товарища министра народного просвещения от 9 октября 1851 г., № 1744».

Из доклада члена Московского комитета по делам печати А. И. Генца [1].

Брошюра: «А. И. Герцен. К развитию революционных идей в России. М. 1906 г. Изд. В. М. Саблина» представляет собой перевод со второго, просмотренного автором, лондонского издания 1853 года. Обозревая как слагалась Россия, автор говорит: в свое время «Россия могла быть спасена или развитием общинного строя, или чистым абсолютизмом. События высказались в пользу абсолютизма. Россия была спасена. Она сделалась великой и сильной. Но какой ценой? Это — самая несчастная, сама рабская в подлунном мире страна. Москва спасла Россию, задушивши все свободное в русской жизни» (стр. 29).

Русский царь представляется Герцену «в печальной роли христианского Далай-Ламы, украшенного золотыми материями и драгоценными каменьями, который в отдалении являлся народу, торжественно шествуя из своего дворца в Успенской собор и из Успенского собора в свой дворец» (стр. 37). «Обеды, шествия, всенощные, приемы послов, перемена одеяний три или четыре раза в день составляли все дело царей» (стр. 33). О государях же из дома Романовых он так отзывается: «Народ, вставший на защиту человека, которого он считал сыном Ивана IV, даже не знал имен всех этих Романовых, Брауншвейг-Вольфенбюттелей и Голштин-Готторпских, которые как тени скользили на ступенях трона и исчезли в снегах ссылки, в темницах или на плахе» (стр. 44). После этого в самых отвратительных красках описывается домашняя жизнь в доме Романовых (стр. 44—45; также стр. 38, 59 и др.). Значение государей дома Романовых для народа определяется такой фразой (стр. 50): «Никто из государей дома Романовых ничего не сделал для народа. Народ помнит о них лишь по неисчислимому количеству бедствий, по увеличению ига рабства, по солдатчине, по всякого рода налогам, по военным колониям и по кровавой и бессмысленной войне, которая 25 лет продолжается в неприступных горах». Следуют иллюстрации.

«Идея абсолютного самодержавия — идея абсолютного рабства»,— говорит Герцен (стр. 61). «Можно ли себе представить, чтобы шестидесятимиллионный народ существовал только для осуществления абсолютного рабства». «И вот явились люди (декабристы, стр. 70) великие душой, с железным характером, так что даже само правительство в своем оффициальном донесении не посмело ни унизить, ни очернить их. Николай ограничился жестоким наказанием. Молчание, немая пассивность были нарушены. С высоты своих эшафотов эти пионеры русской свободы пробудили душу молодого поколения; повязка спала с глаз»...

Полемика Герцена с славянофилами заканчивается в предлежащей брошюре следующими словами (стр. 121—122): «Что можно делать для России в присутствии императора? Времена Петра I, великого царя (Петр I для Герцена прежде всего — идеал революционера) прошли; Петра, великого человека, более нет в Зимнем дворце — он в нас самих. Время понять это, и, бросив, наконец, борьбу, отныне ставшую ребяческой, пора соединиться во имя России, но также и во имя независимости. Каждый день может рухнуть старое социальное здание Европы, каждый день Россия может вступить в бурный поток громадной революции. Время ли продолжать семейные раздоры и ждать, что события минуют нас, потому что мы не готовы ни к решениям, ни к тем словам, которых быть может от нас ожидают? А разве у нас нет открытого поля для нашего примирения? Социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лаге-

[1] Главное управление по делам печати, канц., II от., 1911 г., д. № 443, лл. 2—4.

ря, разве не принят славянофинами также, как и нами? Это место, на котором мы можем подать друг другу руку». В заключительной главе автор заявляет, что «надежды и стремления революционной России совпадают с надеждами и стремлениями революционной Европы, и уже предвидится их союз в будущем» (стр. 128); что «русское правительство своей двадцатилетней работой неразрывно связало между собой революционную Европу и революционную Россию» (стр. 131).

Полагаю на брошюру наложить арест с преследованием виновных по ст.ст. 128 и 129 п. 2 Угол. Улож. 1903 года.

(Подпись).

Донесение Московского комитета по делам печати в Главное управление по делам печати, 15 декабря 1911 г. [1]

Прокурор Московского окружного суда отношением от 14 декабря 1911 г. за № 260/11 г. уведомил Комитет, что арест, наложенный Комитетом на брошюру «А. И. Герцен. К развитию революционных идей в России. Издание В. М. Саблина. Москва. 1906 г.» определением Московской судебной палаты от 4 ноября сего года — утвержден.

Об изложенном Комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати в дополнение к представлению от 13 сентября 1911 г. за № 3543.

Председатель А. Сидоров.

II

Предписание товарища министра народного просвещения А. С. Норова председателю Комитета цензуры иностранной А. И. Красовскому, 27 июня 1853 г. [2]

Г. главнокомандующий над III отделением с. е. и. в. канцелярии сообщил мне, что вследствие полученных им сведений об учреждении недавно изгнанником Герценом в Лондоне русской типографии, с целью печатать в оной возмутительные сочинения, он отнесся к г.г. министру финансов и генерал-губернаторам пограничных губерний империи, прося их распоряжений к обращению строжайшего внимания на привозимые в наши пределы русские книги и к воспрепятствованию ввоза таковых книг, печатаемых в означенной типографии. Причем генерал-адъютант граф Орлов относит на мое усмотрение: не признаю ли я нужным обратить на это особенное внимание цензурных комитетов, так как в оные, в числе книг, привозимых из-за границы, могут быть представляемы и помянутые злонамеренные сочинения.

Вследствие сего, я покорнейше прошу ваше превосходительство предложить Комитету цензуры иностранной о строгом исполнении вышеизложенного требования графа Орлова. К сему нужным считаю присовокупить, что о таком моем распоряжении, я вместе с сим предложил циркулярно по ведомству иностранной цензуры.

Товарищ министра народного просвещения А. Норов.

---

[1] Главное управление по делам печати, II отд., 1911 г., д. № 443.
[2] Главное управление по делам печати, 1870 г., д. № 17, л. 53.

Отношение управляющего III отделением графа А. Ф. Орлова А. С. Норову, 3 июля 1853 г.[1]

Вследствие известного вашему превосходительству отношения моего к г. министру финансов об учрежденной в Лондоне изгнанником Герценом русской типографии предписано таможенным местам обращать строжайшее внимание на привозимые в наши пределы русские книги и отнюдь не дозволять ввоз таковых книг, печатанных в означенной типографии.

Г. тайный советник Брок, сообщая мне о сем, присовокупляет, что хотя по ст. 1124 таможенного устава книги и листы на русском языке, вне России печатанные, должны быть отбираемы таможнями от провозителей и отсылаемы в цензуру на рассмотрение, но как на книгах, выходящих из типографии Герцена, может быть с умыслом выставлено место печати — один из российских городов и означено, что книга рассмотрена нашею цензурою, в каковом случае книги эти, по недоразумению таможенных чиновников могут быть оставляемы в распоряжении провозителей, подобно тому, как сие ст. 1122 того же устава постановлено относительно русских книг, действительно изданных в России, то он, г. тайный советник Брок, полагал-бы нужным: впредь отсылать из таможен в цензуру все без изъятия русские книги и листы, привозимые из-заграницы, т. е. как те, которые будут напечатаны в чужих краях, так и те, на коих будет означено, что они напечатаны в России с одобрением нашего цензора.

Считая долгом сообщить о таковом предположении г-на министра финансов на усмотрение вашего превосходительства, имею честь покорнейше просить почтить меня уведомлением о вашем по этому заключении[2].

Генерал-адъютант граф Орлов.

Сообщение управляющего III отделением А. С. Норову 13 июля 1853 г.[3]

Отношение вашего превосходительства от 6 сего месяца № 1370 я всеподданейше представлял на благоусмотрение его императорского величества.

Государь император высочайше изволил повелеть, чтобы впредь согласно мнению г. министра финансов и заключению вашего превосходительства отсылаемы были из таможен в цензуру все русские книги и листы, привозимые из-за границы, т. е. как те, которые будут напечатаны в чужих краях, так и те, на коих будет означено, что они напечатаны в России с одобрением нашего цензора, исключая однако из сих последних молитвенники и книги священного писания, которые, как ваше превосходительство изволите полагать, составляют духовную и неразлучную потребность всякого христианина и не подают повода ни к каким сомнениям.

О таковой высочайшей воле, сообщенной мною вместе с сим г.г.

---

[1] Главное управление цензуры, 1853 г., д. № 137, л. 5.

[2] В ответ на это отношение III отделения А. С. Норов отправил графу А. Ф. Орлову секретное отношение (6 июля 1853 г. за № 1370), в котором сообщал о необходимости отсылать из таможен в цензуру все русские книги и листы, привозимые из-за границы, исключая лишь книги религиозного содержания (См. Главн. упр. цензуры, 1853 г., д. № 137, лл. 7—8).

[3] Главное управление цензуры, 1853 г., д. № 137, л. 9.

наместнику царства Польского и тайному советнику Броку, имею честь, для зависящего распоряжения, уведомить ваше превосходительство [1].

Генерал-адъютант граф Орлов.

III

Письмо главноначальствующего почтовым департаментом Ф. И. Прянишникова министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, 6 апреля 1858 г. [2]

Милостивый государь Евграф Петрович,

По дошедшим из Лондона сведениям, будто бы Герцен иногда посылает разным начальственным в России лицам нумера издаваемого им «Колокола», государь император высочайше повелел мне объявить вашему превосходительству, чтобы, в случае получения вами сей газеты, вы никому оной не сообщали, а оставляли бы ее исключительно для личного вашего чтения.

О сей высочайшей воле имею честь уведомить ваше превосходительство, покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Федор Прянишников.

Письмо министра народного просвещение Е. П. Ковалевского главному начальнику III отделения В. А. Долгорукову, 1 апреля 1860 г. [3]

Милостивый государь, князь Василий Андреевич.

Председатель Комитета цензуры иностранной донес мне, что во вскрытом 30 числа истекшего марта, во вверенном ему Комитете, ящике с иностранными книгами, принадлежащем с. петербургскому книгопродавцу Минлосу, оказался пакет с надписью «Его высокопреосвященству Григорию, митрополиту с. петербургскому». Пакет этот заключал в себе печатаемое заграницей Герценом издание «Колокол» №№ 60—64 и сборник «Полярная звезда» на 1859 г., том 5» [4].

О сем долгом считаю уведомить ваше сиятельство для дальнейших с вашей, милостивый государь, стороны распоряжений.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга.

Е. Ковалевский.

---

[1] На основании сообщения управляющего III отделением от 13 июля 1853 г. министр народного просвещения А. С. Норов 18 июля 1853 г. сделал секретное предписание по ведомству иностранной цензуры «о русских книгах и листах, привозимых из-за границы», с предложением о скорейшем надзоре за всеми книгами привозимыми из-за границы в Россию (см. Гл. упр. цензуры, д. № 137, 1853 г., лл. 10—13).

[2] Секретные бумаги министерства народного просвещения 1858 г., д. № 60. На письме имеется резолюция: «Исполнено. 7 апр. 1858 г. Е. П. Ковалевский».

[3] Главное управление цензуры, 1860 г., № 175, л. 2.

[4] Это письмо хранится в деле «По донесениям председателя Комитета цензуры иностранной о привезенных из-за границы изданиях Герцена: «Колокол» и «Полярная звезда».

Из этого дела нами отобрано лишь несколько наиболее характерных документов. Остальные документы носят однообразный характер. В деле имеется подобная же переписка о задержанных заграничных изданиях Герцена, посланных на имя Уварова, Помпье (лл. 21—23), на имя Нагайцева (лл. 24—26), на имя Боткина (лл. 27—28), на имя профессора Медико-хирургической академии — Якубовича (лл. 29—31), на имя сенатора Аркадия Кочубея и Джона Мея (лл. 34—37).

Отношение председателя Главного управления цензуры А. Головкина главному начальнику III отделения В. А. Долгорукову, 1 марта 1862 г.[1]

С. Петербургское губернское правление уведомило Главное управление цензуры, что по производившимся в С. Петербургском надворном уголовном суде делам об отобранных в июне месяце 1860 г. от вышневолоцкого 3 гильдии купца Демидова двух книгах издаваемой в Лондоне «Полярной звезды» и в августе месяце того же года от управляющего делами Балабиной, вольноотпущенного от г. Жеребцова Михаила Васильева Мельникова, 17 нумеров (от № 54 до № 71) издаваемого в Лондоне листка «Колокол», особом прибавлении под № 61 и четырех прибавлениях к «Колоколу», издаваемому там же, под заглавием «Под суд», ему нужно иметь сведение, не принадлежат ли означенные сочинения к числу тех, самое имение коих у себя по 279, 285, 286 и 304 ст. улож. о наказ. подвергает виновных в том взысканию. Вследствие чего Губернское правление просит Главное управление цензуры о доставлении такового сведения, присовокупляя, что все вышеозначенные сочинения находятся в III отделении собственной е. и. в. канцелярии.

Так как для сообщения С. Петербургскому губернскому правлению требуемого им сведения для С. Петербургского надворного уголовного суда необходимо вышеупомянутые сочинения рассмотреть в Комитете цензуры иностранной для определения, к какому роду они могут относиться по уложению о наказаниях, то я обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою о доставлении мне сих сочинений.

Статс-секретарь А. Головнин.

Донесение председателя Комитета цензуры иностранной Ф. И. Тютчева А. В. Головкину, 27 марта 1862 г.[2]

Вследствие секретного предложения Главного управления цензуры, от 6 марта за № 332, не принадлежат ли издаваемые в Лондоне Герценом «Полярная звезда», «Колокол» и «Под суд» к числу тех изданий, самое имение коих у себя по 279, 285, 286 и 304 ст. улож. о наказ. подвергает виновного в том взысканию, Комитет цензуры иностранной имел честь донести вашему высокопревосходительству, что по мнению Комитета лица, имеющие у себя сочинения возмутительного содержания и запрещенные к ввозу в Россию, если только лица эти не изобличены в злоумышленном распространении оных и если не будет доказано, что они издания эти имеют у себя по особому распоряжению и дозволению надлежащего высшего начальства, подвергаются взысканию на основании вышеупомянутых ст. 279, 285 и 286 улож. о нак., смотря по обстоятельствам, увеличивающим или уменьшающим их вину.

Предложением товарища министра народного просвещения г. Норова, от 27 июня 1853 г. за № 1308, в Комитет цензуры иностранной было сообщено распоряжение г. главноначальствующего над III отделением собственной е. и. в. канцелярии обращать строжайшее внимание на сочинения, печатаемые Герценом в Лондоне, и не допускать ввоз их в наши русские пределы.

Комитет цензуры иностранной в донесении своем вашему высокопревосходительству имел в виду означенное распоряжение высшего начальства.

Вследствие же предложения вашего высокопревосходительства от

[1] Главное управление цензуры, 1862 г., д. № 88, л. 3.
[2] Там же, лл. 16—17.

23 сего марта за № 487, принадлежат ли означенные сочинения Герцена «Полярная звезда», «Колокол» и «Под суд» к числу сочинений, показанных в статьях 279, 285, 286 и 304 улож. о наказ., Комитет цензуры иностранной имеет честь донести, что по его мнению «Полярная звезда», «Колокол» и «Под суд» как сочинения содержания возмутительного принадлежат к тем сочинениям, о которых говорится в статьях 279, 285 и 286.

Что же касается до св. зак. (изд. 1857 г.) тома 15 улож. о наказ. уголовн. и исправит. ст. 304 — то в оной сказано:

«Если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, но однако же дозволил себе при том побои или иное явное действиями насилие, то он приговаривается... и проч.» [1]

А потому Комитет цензуры иностранной в донесении своем вашему высокопревосходительству на предложение Главного управления цензуры счел за нужное умолчать об этой статье, как о такой, которая к настоящему делу нисколько не относится.

При сем имею честь возвратить препровожденные в Комитет цензуры иностранной от 6 марта за № 332 издания Герцена.

Председатель Тютчев.

IV

Представление председателя Петербургского цензурного комитета И. Д. Делянова министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, 11 августа 1858 г. [2]

На рассмотрении С. Петербургского цензурного комитета находятся две рукописные статьи, предназначенные к помещению в «Русском инвалиде», под заглавием: 1) «О мерах к облегчению быта беднейшего класса обывателей С. Петербурга» и 2) «Кто виноват?».

Г. д. ст. советник Рихтер, к которому обе эти статьи были препровождены, для предварительного заключения со стороны министерства внутренних дел, написал на каждой: «На статью эту требуется разрешение с. петербургского генерал-губернатора».

А потому я имею честь представить при сем означенные статьи на усмотрение вашего высокопревосходительства,— не благоугодно ли будет войти о них в сношение с г. с. петербургским генерал-губернатором.

Председатель И. Делянов.

Отношение петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, 17 сентября 1858 г. [3]

Ваше высокопревосходительство, препроводив при отношении от 27 минувшего августа № 1700 [4], две рукописные статьи, под заглавием: 1) «О мерах к облегчению быта беднейшего класса обывателей

[1] Виновные по ст. 304 приговаривались, смотря по степени виновности, к лишению всех прав и ссылке в Сибирь от одного до трех лет, или к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты на время от одного года до шести месяцев или к заключению в смирительном доме, или к заключению в тюрьме от трех месяцев до двух лет.

[2] Главное управление цензуры, 1858 г., № 267, л. 1.

[3] Главное управление цензуры, 1858 г., д. № 267, л. 3. На отношении имеется резолюция без подписи и даты: «Запретить, и ответить и. д. ген.-губ., что у нас есть правило, как поступать цензуре с подобн. соч. Они обыкновенно передаются на предварительное рассмотрение подлежащих ведомств».

[4] См. Главное упрваление цензуры, 1858 г., д. № 267, л. 2.

С. Петербурга» и 2) «Кто виноват», изволили требовать моего мнения о том, могут ли они быть допущены к напечатанию.

Рассмотрев означенные статьи, я заметил в них, кроме бессвязности изложения и неправильности взгляда на предметы полицейского ведомства, многие суждения и выражения совершенно неприличные, которые, не принеся никакой пользы своею гласностью, могли бы лишь возбуждать несправедливые толки о полиции и недоверие к правительственной власти.

Посему, находя неудобным допустить помянутые статьи к печати, долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите-ли признать возможным сделать распоряжение, чтобы подобные сочинения, касающиеся предметов, подлежащих ближайшему ведению правительства, не были оглашаемы; о последующем же почтить меня уведомлением.

С. петербургский военный генерал-губернатор генерал-адъютант Игнатьев.

Донесение СПБ цензурного комитета Главному управлению по делам печати, 26 марта 1871 г.[1]

В С. Петербургский цензурный комитет представлена 19 сего марта отпечатанная без предварительной цензуры в типографии Сущинского в количестве 3.000 экземпляров, книга под заглавием «Кто виноват?». Роман в двух частях. СПБ. Издание В. Ковалевского. 1871».

Роман этот принадлежит, как известно, перу политического преступника Герцена и был напечатан в 1846 г. в журнале «Отечественные записки» с разрешения цензуры, с некоторыми исключениями. Затем в 1859 г. этот же роман был отпечатан в Лондоне со вставкою исключенных цензурою мест.

Как в русском, так и в заграничном издании имя автора обозначено известным псевдонимом Герцена «Искандер». В 1866 г. этот же самый роман издан был Ковалевским в С. Петербурге, без предварительной цензуры, без обозначения имени автора.

Представленная ныне книга есть новое издание того же самого романа и также без обозначения имени автора. Роман этот по содержанию своему не представляет ничего противного правилам цензуры, но Комитет, имея в виду высочайшее повеление, изложенное в конфиденциальном предложении Главного управления по делам печати от 18 февраля за № 792 о недопущении в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались, под собственными ли именами авторов, или под какими-либо псевдонимами и знаками,— немедленно отнесся к с.-петербургскому полицеймейстеру об арестовании отпечатанных экземпляров означенного романа до выхода его в свет и о таковом своем распоряжении имеет честь донести Главному управлению по делам печати.

Председатель А. Петров.

Из доклада начальника Главного управления по делам печати В. Григорьева управляющему министерством внутренних дел, 22 августа 1875 г.[2]

19 марта 1871 г. поступила в С. Петербургский цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в типографии Сущинского книга под заглавием «Кто виноват?» Роман в двух частях. С. Петер-

[1] Главное управление по делам печати, II отд., 1871 г., д. № 60, лл. 8—9.
[2] Там же, лл. 47—49.

23 сего марта за № 487, принадлежат ли означенные сочинения Герцена «Полярная звезда», «Колокол» и «Под суд» к числу сочинений, показанных в статьях 279, 285, 286 и 304 улож. о наказ., Комитет цензуры иностранной имеет честь донести, что по его мнению «Полярная звезда», «Колокол» и «Под суд» как сочинения содержания возмутительного принадлежат к тем сочинениям, о которых говорится в статьях 279, 285 и 286.

Что же касается до св. зак. (изд. 1857 г.) тома 15 улож. о наказ. уголовн. и исправит. ст. 304 — то в оной сказано:

«Если сопротивляющийся постановлению власти законной или чиновнику в отправлении им должности не был вооружен, но однако же дозволил себе при том побои или иное явное действиями насилие, то он приговаривается... и проч.» [1]

А потому Комитет цензуры иностранной в донесении своем вашему высокопревосходительству на предложение Главного управления цензуры счел за нужное умолчать об этой статье, как о такой, которая к настоящему делу нисколько не относится.

При сем имею честь возвратить препровожденные в Комитет цензуры иностранной от 6 марта за № 332 издания Герцена.

Председатель Тютчев.

IV

Представление председателя Петербургского цензурного комитета И. Д. Делянова министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, 11 августа 1858 г. [2]

На рассмотрении С. Петербургского цензурного комитета находятся две рукописные статьи, предназначенные к помещению в «Русском инвалиде», под заглавием: 1) «О мерах к облегчению быта беднейшего класса обывателей С. Петербурга» и 2) «Кто виноват?».

Г. д. ст. советник Рихтер, к которому обе эти статьи были препровождены, для предварительного заключения со стороны министерства внутренних дел, написал на каждой: «На статью эту требуется разрешение с. петербургского генерал-губернатора».

А потому я имею честь представить при сем означенные статьи на усмотрение вашего высокопревосходительства,— не благоугодно ли будет войти о них в сношение с г. с. петербургским генерал-губернатором.

Председатель И. Делянов.

Отношение петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому, 17 сентября 1858 г. [3]

Ваше высокопревосходительство, препроводив при отношении от 27 минувшего августа № 1700 [4], две рукописные статьи, под заглавием: 1) «О мерах к облегчению быта беднейшего класса обывателей

[1] Виновные по ст. 304 приговаривались, смотря по степени виновности, к лишению всех прав и ссылке в Сибирь от одного до трех лет, или к наказанию розгами и к отдаче в исправительные арестантские роты на время от одного года до шести месяцев или к заключению в смирительном доме, или к заключению в тюрьме от трех месяцев до двух лет.

[2] Главное управление цензуры, 1858 г., № 267, л. 1.

[3] Главное управление цензуры, 1858 г., д. № 267, л. 3. На отношении имеется резолюция без подписи и даты: «Запретить, и ответить и. д. ген.-губ., что у нас есть правило, как поступать цензуре с подобн. соч. Они обыкновенно передаются на предварительное рассмотрение подлежащих ведомств».

[4] См. Главное упрваление цензуры, 1858 г., д. № 267, л. 2.

С. Петербурга» и 2) «Кто виноват», изволили требовать моего мнения о том, могут ли они быть допущены к напечатанию.

Рассмотрев означенные статьи, я заметил в них, кроме бессвязности изложения и неправильности взгляда на предметы полицейского ведомства, многие суждения и выражения совершенно неприличные, которые, не принеся никакой пользы своею гласностью, могли бы лишь возбуждать несправедливые толки о полиции и недоверие к правительственной власти.

Посему, находя неудобным допустить помянутые статьи к печати, долгом считаю покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите-ли признать возможным сделать распоряжение, чтобы подобные сочинения, касающиеся предметов, подлежащих ближайшему ведению правительства, не были оглашаемы; о последующем же почтить меня уведомлением.

С. петербургский военный генерал-губернатор генерал-адъютант Игнатьев.

Донесение СПБ цензурного комитета Главному управлению по делам печати, 26 марта 1871 г.[1]

В С. Петербургский цензурный комитет представлена 19 сего марта отпечатанная без предварительной цензуры в типографии Сущинского в количестве 3.000 экземпляров, книга под заглавием «Кто виноват?». Роман в двух частях. СПБ. Издание В. Ковалевского. 1871».

Роман этот принадлежит, как известно, перу политического преступника Герцена и был напечатан в 1846 г. в журнале «Отечественные записки» с разрешения цензуры, с некоторыми исключениями. Затем в 1859 г. этот же роман был отпечатан в Лондоне со вставкою исключенных цензурою мест.

Как в русском, так и в заграничном издании имя автора обозначено известным псевдонимом Герцена «Искандер». В 1866 г. этот же самый роман издан был Ковалевским в С. Петербурге, без предварительной цензуры, без обозначения имени автора.

Представленная ныне книга есть новое издание того же самого романа и также без обозначения имени автора. Роман этот по содержанию своему не представляет ничего противного правилам цензуры, но Комитет, имея в виду высочайшее повеление, изложенное в конфиденциальном предложении Главного управления по делам печати от 18 февраля за № 792 о недопущении в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались, под собственными ли именами авторов, или под какими-либо псевдонимами и знаками,— немедленно отнесся к с.-петербургскому полицеймейстеру об арестовании отпечатанных экземпляров означенного романа до выхода его в свет и о таковом своем распоряжении имеет честь донести Главному управлению по делам печати.

Председатель А. Петров.

Из доклада начальника Главного управления по делам печати В. Григорьева управляющему министерством внутренних дел, 22 августа 1875 г.[2]

19 марта 1871 г. поступила в С. Петербургский цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в типографии Сущинского книга под заглавием «Кто виноват?» Роман в двух частях. С. Петер-

[1] Главное управление по делам печати, II отд., 1871 г., д. № 60, лл. 8—9.
[2] Там же, лл. 47—49.

бург. 1871 г.»: Так как роман этот принадлежит Герцену и был им напечатан в «Отечественных записках» в 1846 г., то Цензурный комитет на основании изложенного высочайшего повеления наложил арест и на это издание.

Ныне с.-петербургский градоначальник просит[1] Главное управление уведомить его о том, какое признано будет необходимым сделать распоряжение касательно арестованных экземпляров романа «Кто виноват?», хранящихся под арестом более четырех лет.

Принимая в соображение, что в виду высочайшего повеления 18 февраля 1871 г. никакие сочинения Герцена не могут быть допущены к обращению в России и что на основании этого высочайшего повеления уже уничтожены с разрешения г. министра внутренних дел экземпляры отпечатанного в Москве в 1870 г. сочинения Герцена под заглавием «Письма об изучении природы», по поводу коего состоялось вышеизложенное высочайшее повеление,— я полагал бы возможным сделать распоряжение об уничтожении установленным порядком... и романа Герцена «Кто виноват», на что и имею честь испрашивать разрешение вашего сиятельства.

Исправляющий должность начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев.

Из отношения и. д. начальника Главного управления по делам печати В. Григорьева с.-петербургскому градоначальнику, 25 августа 1875 г.[2]

Вследствие отношения за № 8074 имею честь уведомить ваше превосходительство для зависящего распоряжения, что г. управляющий министерством внутренних дел по докладу моему признал необходимым уничтожить установленным порядком арестованные в 1871 г. экземпляры романа Герцена «Кто виноват?».

Испр. д. начальника Главного управления по делам печати В. Григорьев.

Представление С. Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати, 10 ноября 1904 г.[3]

В С. Петербургский цензурный комитет поступила отпечатанная без предварительной цензуры книга под заглавием «Искандер. Кто виноват. Роман в двух частях. Издание В. Врублевского, Типография товарищества «Народная польза». 24 печ. листа, 1 200 экз.».

Просматривавший названную книгу цензор Соколов доложил Комитету следующее:

Порядок выхода в свет сочинений А. И. Герцена определен в высочайше утвержденном представлении министра внутренних дел от 25 января 1901 г. В виду этого цензор не может взять на себя ответственности за выпуск этой книги и полагал бы представить ее в Главное управление, тем более, что издатель нарушает права литературной собственности, которые принадлежат душеприказщикам покойного Ф. Ф. Павленкова.

Руководствуясь приведенными цензором соображениями, согласно состоявшемуся по сему делу определению С. Петербургского цензурного комитета, имею честь представить книгу Искандера (Герцена) «Кто виноват», на основании статьи 19 устава о цензуре и печати, на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

---

[1] См. Главное управление по делам печати, II отд., 1871 г., д. № 60, лл. 45—46.

[2] Главное управление по делам печати, II отд. 1871 г., д. № 60, л. 50.

[3] СПБ цензурный комитет 1904 г., № 202, л. 2.

К сему считаю долгом присовокупить, что срок выхода книги истекает 13 сего ноября в 1 час. дня.

Председатель А. Катенин.

Предписание Главного управления по делам печати СПБ цензурному комитету, 11 ноября 1904 г.[1]

Вследствие представления от 10 ноября сего года за № 2427, на основании ст. 149 устава о цензуре и печати, изд. 1890 г. Главное управление по делам печати предлагает С. Петербургскому цензурному комитету приостановить выпуск в свет отпечатанной без предварительной цензуры книги, под заглавием «Искандер. Кто виноват. Роман в двух частях. Издание В. Врублевского. Типография товарищества «Народная польза».

Начальник Главного управления
по делам печати сенатор Н. Зверев.

V

Выписка из журнала Совета Главного управления по делам печати, 17 февраля 1866 г.[2]

Совет Главного управления по делам печати слушал доклад по приказанию г. председательствующего в Совете Главного управления о напечатанной в типографии Н. Тиблена и Ко (Н. Неклюдова) книге для детей, под заглавием: «Библиотека для чтения. Сборник повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов». Составлено и издано Е. Лихачевой и А. Суворинной. Часть 1.

Прежде всего в этой книге обращают на себя внимание некоторые авторы, статьи которых предлагаются для чтения детей. Авторы эти суть: Герцен, М. Михайлов, Добролюбов, Курочкин и Некрасов. Статьи этих писателей, вошедшие в книгу «Библиотека для чтения», суть следующие:

1) «Левка (из записок доктора Крупова)». Автор этого произведения, как известно Герцен (имя его в оглавлении однако не напечатано). Рассказ заключает в себе свойственное этому писателю враждебное сопоставление высших сословий, богатых и бедных классов. А на стр. 7 находится следующая, едва ли удобная для детского чтения фраза: «Дети могут быть и у Левки (юродивого),— это дело не хитрое»...[3]

По выслушании сего Совет находит, что если и встречаются затруднения к наложению ареста на книгу «Библиотека для чтения», как на могущую принести вред юношеству по своему направлению, то во всяком случае, в видах предупреждения вреда, Совет полагает: о неудобствах распространения этой книги в среде воспитывающегося и учащегося юношества сообщить г. министру народного просвещения, ведомству императрицы Марии, г. обер-прокурору св. Синода, начальнику военно-учебных заведений, о чем представить на благоусмотрение его высокопревосходительства господина министра внутренних дел[4].

---

[1] С. Петербургский цензурный комитет, 1904 г., д. № 202, л. 3.

[2] СПБ цензурный комитет, 1866 г., д. № 11, лл. 32—35.

[3] Далее говорится о статьях других писателей.

[4] Решение Совета Главного управления по делам печати утверждено министром внутренних дел, 25 февраля 1866 г.

16 марта 1866 г. министерством народного просвещения было дано секретное циркулярное предписание попечителям учебных округов. Попечителям предлагалось «сделать распоряжение, чтобы книга эта отнюдь не была допускаема к употреблению в учебных заведениях» вверенного им учебного округа (См. дело мин-ва нар. прос., департамент нар. прос., общий разряд, 1866 г., д. № 143781-а, лл. 1—2).

VI

Отношение вятского губернатора министру внутренних дел, 29 декабря 1869 г.[1]

На 1870 г. готовится к изданию губернским Статистическим комитетом памятная книжка Вятской губернии и в эту книжку предполагается включить историю Вятской публичной библиотеки, в которую входит произнесенная г. Герценом при открытии библиотеки 6 декабря 1837 г. речь, напечатанная в № 16 «Вятских губернских ведомостей» за 1862 год.

Хотя в означенной речи г. Герцена нет ничего противуправительственного, но принимая во внимание печальную известность, которою пользуется г. Герцен, я не считаю себя в праве дозволить, без разрешения вашего высокопревосходительства, напечатать памятную речь в памятной книжке, а потому, представляя при сем экземпляр «Вятских губернских ведомостей» за 1862 г., в котором напечатана речь г. Герцена, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не признаете ли вы возможным для полноты истории Вятской публичной библиотеки напечатать произнесенную при открытии ее г. Герценом речь; о последующем же приказать поставить меня в известность.

В. Чарыков.

Сообщение Главного управления по делам печати вятскому губернатору В. А. Чарыкову, 29 января 1870 г.[2]

Совет Главного управления по делам печати, рассмотрев представление вашего превосходительства от 29 минувшего декабря за № 8685, и приложенную к оному речь Герцена, не нашел удобным помещение в официальном издании речи политического преступника, тем более, что речь эта, по содержанию своему не заслуживает никакого особенного внимания и могла бы иметь значение только по имени автора.

О таковом заключении Совета, утвержденном г. министром внутренних дел, имею честь уведомить ваше превосходительство, с возвращением препровожденного при отношении за № 8685 приложения

Нач. Главного управления по делам печати
М. Похвиснев.

Телеграмма начальника Главного управления по делам печати М. Р. Шидловского председателю Московского цензурного комитета И. Росковшенко, 26 октября 1870 г.[3]

Прошу книгу «Письма об изучении природы» автора «Раздумья», срок выпуска которой завтра, задержать.

Заведывающий Главным управлением Шидловский.

Телеграмма Екатерины Троян в Главное управление по делам печати, 30 октября 1870 г.[4]

Московский цензурный комитет арестовал изданные мною «Письма об изучении природы». Цензор Рахманинов, одобряя внутреннее содержание книги, сказал, что только имя автора не обозначенное на сочинении вынудило Комитет спросить согласие управления. Письма эти

---

[1] Главное управление по делам печати, 1870 г., д. № 17, л. 1.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 44.
[4] Там же, л. 48.

были напечатаны в «Отечественных записках» сороковых годов. Рахманинов еще сказал, что Управление вопрос об авторе передало III отделению его величества канцелярии. Цензурная практика вопрос этот уже разрешила: в 1866 г. вышел в Петербурге «Кто виноват?», в 1870 г. в Москве «Раздумье». Отказав, велите Комитету начать судебное преследование. Прошу ответа. Ответ уплочен[1].

Екатерина Троян.

Из представления председателя Московского цензурного комитета И. Росковшенко начальнику Главного управления по делам печати М. Р. Шидловскому, 27 февраля 1871 г.[2]

В дополнение к предписанию вашего превосходительства от 19 февраля, за № 794, я покорнейше прошу вас почтить Комитет указанием, что сделать нам с книгою «Письма об изучении природы», которая по распоряжению Комитета задержана в типографии и до сих пор хранится там.

Доклад и. д. начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова министру внутренних дел, 8 декабря 1872 г.[3]

В 1870 г. была напечатана в Москве, без предварительной цензуры, книга под заглавием «Письма об изучении природы». Так как известно, что книга эта написана политическим преступником Герценом, то все экземпляры этого издания были арестованы до выпуска их в свет, а затем сообщено об этом главному начальнику III отделения собственной е. и. в. канцелярии. На это генерал-адъютант граф Шувалов отношением от 18 февраля 1871 г. за № 211 сообщил, что государю императору благоугодно было повелеть: 1) впредь до пересмотра высочайше учрежденною 2 ноября 1869 г. особою комиссиею действующих постановлений о цензуре и печати не допускать к выходу в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались, под собственными ли именами авторов или под какими-либо псевдонимами и знаками, и 2) таким образом поступить и с книгою «Письма об изучении природы».

В том же 1871 г. исправлявший должность главного начальника III отделения собственной е. и. в. канцелярии отношением от 1 ноября за № 2132 сообщил вашему высокопревосходительству, что государь император высочайше повелеть соизволил запретить обращение в публике вышедшей в свет в октябре месяце того года без предварительной цензуры книги «Азбука социальных наук», ч. I и II, отличающейся крайне вредным направлением в политическом и религиозном отношении, и возбудить судебное преследование против лиц, виновных в напечатании оной. Во исполнении этого высочайшего повеления, все экземпляры книги «Азбука социальных наук», находившиеся в продаже и в обращении в библиотеках и кабинетах для чтения, были арестованы и затем возбуждено судебное преследование против издателя названной книги, дворянина Полякова

Так как на основании высочайшего повеления, объявленного генерал-адъютантом графом Левашевым 29 апреля 1872 г., ко всем аре-

[1] В ответ последовала телеграмма: «О распоряжении какое последует вам своевременно будет объявлено». 31 октября 1870 г. № 3694. Телеграмма за подписью начальника Главного управления по делам печати М. Р. Шидловского. (См. гл. упр. по дел. печ., 1870 г., № 17, л. 48 об.).

[2] Главное управление по делам печати, 1870 г., № 17, л. 92.

[3] Там же, лл. 109—112.

стованным изданиям, по коим не последовало судебных решений до 7 минувшего июня, должны быть применены высочайше утвержденные того же числа дополнительные правила, по силе коих министру внутренних дел предоставлено право входить о воспрещении вредных изданий с представлениями в Комитет г.г. министров без возбуждения судебных преследований, вашему высокопревосходительству угодно было прекратить начатое против Полякова преследование.

Засим, принимая в соображение, что как о книгах «Письма об изучении природы» и «Азбука социальных наук» последовали уже высочайшие повеления о безусловном воспрещении оных к обращению, Главное управление по делам печати полагало бы возможным, не входя с особыми представлениями в Комитет г.г. министров, сделать распоряжение об уничтожении означенных книг, согласно всеподданейшему докладу 30 июня сего года,— на что имеет честь испрашивать разрешение вашего высокопревосходительства, докладывая при сем, что касательно первой из означенных книг московский обер-полицеймейстер вошел с запросом в Московский цензурный комитет, так как на это издание им наложен арест еще в октябре 1870 г. и до сего времени о ней не последовало никакого распоряжения.

Исправляющий должность начальника Главного управления по делам печати.

Лонгинов.

Сообщение и. д. начальника Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинова московскому генерал-губернатору, 14 декабря 1872 г.[1]

Г. министр внутренних дел на основании высочайшего повеления, объявленного главным начальником III отделения собственной е. и. в. канцелярии, о воспрещении к обращению отпечатанной в Москве в 1870 г. и арестованной до выпуска в свет книги «Письма об изучении природы», признал необходимым уничтожить все экземпляры этого издания порядком, указанным в отношении к вашему сиятельству от 4 июля сего года за № 2701.

Об этом Главное управление по делам печати имеет честь уведомить ваше сиятельство для зависящего распоряжения, покорнейше прося о последующем почтить оное уведомлением.

И. д. начальника Главного управления Лонгинов.

VII

Донесение председателя СПБ цензурного комитета начальнику Главного управления по делам печати М. Р. Шидловскому, 4 февраля 1871 г.[2]

Сего 4 февраля в 1 ч. 50 мин. пополудни представлена в С. Петербургский цензурный комитет отпечатанная без предварительной цензуры в количестве 1500 экземпляров в типографии Неклюдова (Офицерская № 7—14) книга под заглавием «О причинах упадка Франции. Из сочинений П. Ж. Прудона и А. И. Герцена. Том I. СПБ. 1871».

В томе сем помещены переводы двух сочинений: 1) Политические противоречия. Теория конституционного движения в XIX столетии (во Франции). Посмертная статья П. Ж. Прудона» и 2) Мнения и заметки о Франции, извлеченные из сочинений А. И. Герцена.

Имея в виду, что сочинения Герцена, как политического преступни-

[1] Главное управление по делам печати, 1870 г., д. № 17, л. 114.
[2] Главное управление по делам печати, II отд., 1871 г., д. № 35, л. 1.

ка, не дозволяются к обращению, я, на основании 14 статьи 1 п. III отд., высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. мнения Государственного совета, отнесся к с. петербургскому обер-полицеймейстеру о наложении ареста на отпечатанные экземпляры сей книги.

Донося о сем вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что о характере и направлении сей книги в цензурном отношении Комитет не замедлит донести.

Председатель А. Петров.

Представление СПБ цензурного комитета в Главное управление по делам печати, 9 февраля 1871 г.[1]

В дополнение к донесению от 4 февраля за № 125 об отпечатанной в типографии Неклюдова книге под заглавием: «О причинах упадка Франции», том 1, Комитет имеет честь представить нижеследующее заключение о содержании ее в цензурном отношении, составленное на основании доклада о ней цензора Сватковского.

Книга эта состоит из двух частей: 1) Политические противоречия. Теория конституционного движения в XIX столетии (во Франции). Посмертная статья П. Ж. Прудона, 2) Мнения и заметки о Франции, извлеченные из сочинений А. И. Герцена.

Особенное внимание цензуры обращает на себя извлечение мнений и заметок о Франции, сделанное издателем книги из сочинения Герцена «Письма из Франции и Италии», напечатанного в Лондоне и безусловно запрещенного в России. В предисловии своем издатель рассматриваемой книги (Гиероглифов) говорит, что он предлагает из писем Герцена извлечение тех мест, в которых выражаются преимущественно политические и социальные мнения автора относительно Франции и что представляемое извлечение вполне удовлетворяет законам о печати, так как здесь опущено все то, что не относится к предмету, и все резкие отзывы о русском правительстве предшествовавшего царствования (стр. IX, X, 166).

В предлагаемых издателем выдержках из писем мы находим Герцена самым беспокойным, увлекающимся и постоянно страдающим приверженцем революционного движения. Приехав из России во Францию, он всем существом своим жаждет застать там «ломку без оглядки» всех существующих основ государственной, общественной и семейной жизни и увидать мечтаемый им переход от монархии к социальной республике. Все письма его проникнуты какой то горечью, озлоблением против всего существующего, против консерватизма, даже против умеренности действия; автор оплакивает разбитые надежды свои на новое устройство общества, на новые начала нравственности и новую организацию труда.

Полный увлечения Герцен порывисто рисует французскую буржуазию, ход событий и наиболее замечательных деятелей Франции в 1847, 1848 и следующих годах. Обманутый в ожиданиях полного социального переворота, он в республике 1848 г. находит только республику политическую, только отсутствие Людовика Филиппа,— не более, и мучится тем, что революция не пошла далее, что вовсе не сломала ненавистных для него старых монархических принципов и учреждений, которые он не скупится клеймить презрением, приравнивая их насилию, предательскому самовластию, казарменному деспотизму. Герцен одинаково глубоко возмущается и консервативным духом зажиточной буржуазии и против членов временного правительства, не обнаруживших достаточно беспокойного духа, чтобы окончательно подрыть старое и порвать всякую связь с прошедшим.

[1] Главное управление по делам печати, канц., 1871 г., д. № 35, л. 3—8.

Политическая реакция во Франции 1851 г. вызывает у него отчаянный плач; он ждет лучшего будущего только от работника, от народной массы. Один народ во Франции,— говорит Герцен,— особенно развитым тактом понимал значение социального переворота и стремился к нему; он один был в уровень революционному вопросу своего времени, он был побежден расчетливою буржуазиею и обманут неспособным временным правительством. Но придет время, когда работник вместе с крестьянами, поняв, что сколько ни работай, барыш идет в другие руки, сочтут свои силы и сметут с лица земли старое общественное устройство (стр. 294).

Пролетарий будет мерить в ту же меру, в которую ему мерили. Коммунизм пронесется бурно, страшно, сурово, быстро. Средь грома и молний, при зареве горящих дворцов, на развалинах фабрик и присутственных мест явятся новые заповеди, крупно набросанные черты нового символа веры. Они сочетаются на тысячу ладов с историческим бытом, но, как бы ни сочетались они, основной тон будет принадлежать социализму, современный государственный быт с своей цивилизацией погибнут (стр. 308). Этими словами Герцен оканчивает свое XIV письмо. В последней статье вера Герцена в дряхлую Европу колеблется и будущего ждет он уже от одной России.

Несмотря на высказываемое Герценом особенное сочувствие к социальной республике и озлобление против узаконившихся форм государственной и общественной жизни, цензор не находит никаких оснований для успешного преследования автора книги судом, так как издателем выпущены из книги все резкие места и придан совершенно местный оттенок обсуждению явлений французской революции 1848 года.

Статья П. Ж. Прудона, представляющая критику конституций французского народа, хотя и написана в том резком тоне, который отличает этого писателя, но не представляет никаких нарушений закона о печати. Одно только место на стр. 75 цензор находит особенно резким.

«Как нечего бояться родительской власти, которая, по природе своей, в семействе является покровительствующей, благотворительной и преданной, точно также и королевскую власть в государстве можно вполне считать доброю и полезною, равно как и рациональною, так как она имеет в основе своей единство. Но династ добивается совсем иного: для него политическая группа, которою он начальствует, не имеет границ, он намерен царствовать над миллионами душ и над тысячами квадратных миль так, как царствовал бы над кланом или каким-либо городом, в котором был бы наследственным владыкой: претензия эта столь же гибельна, как оскорбительна и нелепа. В ней то и заключается принцип монархической тирании, самой старой из всех».

С. Петербургский цензурный комитет по обсуждении содержания книги согласно с мнением цензора пришел к заключению, что извлечения из сочинений Герцена под заглавием «Мысли и заметки о Франции», при всем высказываемом ими сочувствии к социальной республике, относятся исключительно к Франции и происходившим в ней политическим переворотам, не заключая в себе ни прямых указаний, ни намеков на Россию, не представляют достаточных оснований к возбуждению судебного преследования против издателя книги. Тем менее такое преследование могло бы иметь место по поводу перевода сочинения Прудона «Политические противоречия».

Вследствие сего, приняв меры к задержанию экземпляров книги в типографии, Комитет имел в виду лишь принадлежность второй половины настоящего издания перу известного политического изгнан-

ника и конфиденциальное отношение III Отделения собственной его величества канцелярии к начальнику Главного управления по делам печати от 7 ноября 1867 г. за № 3061, в котором по поводу книги «Рассказы» сочинения Герцена высказано было, что если есть основание предполагать, что помещенные в этой книге рассказы написаны Герценом, то, по мнению г. главного начальника III отделения собственной е. и. в. канцелярии, она ни в каком случае не может быть выпущена в свет и что в таком случае следует остановить книгу, несмотря на то, что по существующим узаконениям она могла бы быть пропущена.

Таковое заключение Комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Председатель А. Петров.

Из журнала заседания Совета Главного управления по делам печати, 23 февраля 1871 г.[1]

Доклад члена Совета Каменского по представлениям С. Петербургского цензурного комитета о книге: «О причинах упадка Франции. Из сочинений П. Прудона и А. И. Герцена. Том I СПБ. 1871 г.».

9 февраля Комитет донес Главному управлению по делам печати об арестовании им книги «О причинах упадка Франции», содержащей статьи Прудона и Герцена, вследствие того, что вторая половина этой книги, именно статья «Мнения и заметки о Франции», извлечена из сочинений политического преступника Герцена, коего сочинения не допускаются к обращению в России. Затем, в дополнение к означенному представлению, комитет 20 февраля донес, что издатель означенной книги, надворный советник Гиероглифов, ходатайствует об освобождении из под ареста первой половины книги, именно статьи Прудона «Политические противоречия. Теория конституционного движения в XIX столетии», которую он намерен приложить к другой издаваемой им книге, по содержанию своему относящейся к новейшей истории Франции.

Представляя таковое ходатайство на благоусмотрение Главного управления по делам печати, Комитет с своей стороны не встречает препятствий к удовлетворению прошения г. Гиероглифова, так как по мнению Комитета статья Прудона по содержанию своему не представляет нарушений закона, которые могли бы послужить основанием к возбуждению противу издателя судебного преследования.

Действ. ст. сов. Каменский, соглашаясь с заключением С. Петербургского цензурного комитета, вполне разделяет его взгляд на первую часть книги, именно на статью Прудона, находя ее не только не подлежащею судебному преследованию, но и положительно полезною по трезвости взгляда автора на описываемый предмет.

При сем Совету предъявлено председателем сообщенное секретно г. министру внутренних дел главным начальником III отделения собственной е. и. в. канцелярии от 18 сего февраля за № 211 высочайшее повеление: не разрешать к выпуску сочинений лиц, признанных изгнанниками отечества, тайно покинувших его и государственных преступников, какого бы содержания и в каком бы виде сочинения эти ни были, под собственными ли именами авторов, или под какими-либо псевдонимами и знаками, каковое высочайшее повеление передано секретно цензурным комитетом к исполнению.

На основании вышеизложенного, Совет полагает: разрешить возвращение издателю первой части вышеозначенной книги, а вторую, заключающую в себе извлечения из сочинений Герцена, оставить под арестом.

[1] Журнал заседаний Главного управления по делам печати за 1871 г.

VIII

Рапорт цензора барона Каульбарса Центральному комитету цензуры иностранной, 20 ноября 1907 г.[1]

Herzen (Alexander) Erinn erungen. 1907 г. Том. I—II

Вся жизнь Герцена была направлена не только на проведение известных либеральных начал в государственном устройстве России, но и на личную борьбу против императора Николая I. Оба тома воспоминаний сплошь говорят о деспотизме, жестокости и бессердечии императора. Укажу в т. 1-м на стр. VII, 13, 47, 48, 53, 125, 168, 178, 326, 327, 333, 370, и в т. II на стр. 8, 32, 46, 115, 122, 128, 137, 163, 162, 165, 184, 213. На стр. 48 (т. I): «Офицеры ненавидели его из-за его мелкого упрямства и мстительности». На стр. 46 (т. II): «И как могло быть иначе, после всех ужасов, которые были сделаны в Польще царем и его сатрапами». Там-же: терроризм Николая. Особо резко говорится об императоре на стр. 115 (т. II). На стр. 162—165 (т. II) рассказывается, как Ротшильд унизил государя. Государь называется петербургским купцом первой гильдии Николаем Романовым, а Ротшильд императором. На стр. 53-й (т. I) весьма резкое и неудобное примечание о впечатлениях Герцена после казни декабристов. На стр. 178 грубо говорится о православии.

Хотя Герцен по убеждению является республиканцем, но идеалы государственного устройства укладывались у него в умеренные либеральные формы, которые в настоящее время в значительной мере получили осуществление в России. Затем описываемая им эпоха достаточно отдаленна, а выражения по отношению к императору Николаю хотя резки и грубы, но по существу не задевают государя лично, а относятся скорее к его политической системе. Если бы, особенно ввиду объема книг, цензурный комитет пришел к заключению, что книги можно разрешить, я, с своей стороны предложил бы исключить примечание на стр. 53 в т. I-м, главу о государе и Ротшильде на стр. 162—163, 164—165 в т. II-м, стр. 115 в т. II и заглавие на стр. 157 (Банкир Николай Романов).

Младший цензор барон Каульбарс.

Сверив немецкий перевод Герцена с разрешенным в России изданием Ф. Павленкова (1906 года) имею честь доложить Комитету, что в русском издании исключены почти все указанные мною места за исключением 2—3-х. Таким образом пропущенных в русском издании мест свыше 20-ти.

Младший цензор барон Каульбарс.

IX

Рапорт цензора А. А. Горяинова о книге «Воспоминания княгини Е. Р. Дашковой» (изд. Лейпциг), 24 ноября 1910 г.[2]

В начале книги имеется восторженное предисловие Герцена, которое, мне кажется, следовало бы исключить, так как оно весьма непочтительно отзывается о происхождении и основах императорской власти в России. Так, Герцен говорит: «Русское императорство... военная и гражданская диктатура... прочная она быть не может... Встре-

[1] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты 1907 г., д. № 9742. Доклад барона Каульбарса о книге Герцена был заслушан в заседании Комитета 19 декабря 1907 г. Последовало решение: «Запретить» (см. Центр. Комит. цензуры иностранной, рапорты за 1907 г., л. 912).

[2] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты 1910 г., д. № 8905. Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной графа А. Муравьева: «Исключить предисловие».

чая... вычищенную лейб-гвардию, безмолвную бюрократию... казаков с нагайками, полицейских с кулаками... полгорода, делающий фрунт и целый город, торопливо снимающий шляпу и подумав, что все это... служит пальцами, хвостом, ногтями и когтями одного человека, совмещающего в себе все виды власти: помещика, папы, палача, родной матери и сержанта... (стр. 6). Императорство приняло вид грубой силы... Его (Николая I) царствование было нелепость (стр. 7)... Народ ненавидел чуждое ему немецкое правительство, вполне заслуживающее это... Пьяные и развратные женщины, тупоумные принцы,... немки и дети садились на престол... (стр. 9). Всякие Анны... Екатерины Алексеевны находили людей... подвергавшихся за них плахе и каторге (стр. 10). (Петр)... отнятую у родного сына корону отдал горничной... историю Екатерины II нельзя читать при дамах (стр. 12). Без сомнений и мыслей сел на его (Александра) место Николай и сделал из своей власти машину, которая должна была вести Россию вспять» (стр. 13).

Что же касается до самых «воспоминаний» — то они под заглавием «записок» были изданы А. Суворинym в 1907 г. в переводе с подлинной французской рукописи; прилагаемое же издание, вероятно издано по какому-нибудь переводу, так как слог его несколько иной, при полной тождественности содержания. Запрещена эта книга в 1859 г., в настоящее время никаких поводов к продолжению запрещения не усматривается, а потому имею честь представить Комитету лишь об исключении предисловия Герцена, т. е. страниц 3—14.

Цензор Горяинов.

X

Отношение харьковского инспектора по делам печати прокурору Харьковского окружного суда, 2 августа 1911 г.[1]

Представляя при сем № 1411 издаваемой в г. Харькове газеты «Утро» от 31 июля с. г., на который мною положен арест, имею честь просить возбудить дело об утверждении ареста и наложении взыскания на редактора Анатолия Андреевича Жмудского по ст. 107 уг. ул. 1903 г.

В прилагаемом номере напечатана [статья] под заглавием «Неизданные статьи А. И. Герцена», в которой приведена характеристика императора Александра II, оскорбительная для его памяти и ложная по существу, в которой имеются такие выражения: «он мечтатель и хорошенько не знает, чего хочет сам». Затем сказано: «лишен характера и часто плачет, что не годится для того поста, который занимает. Отсюда великолепные программы и мелочное, куцое исполнение, отсюда ошибки, постоянная нерешительность и недостаток откровенности и единства». Там же имеется фраза: «ему не хватало храбрости для их осуществления и он отступил перед громадностью предприятия».

Вся статья направлена к умалению личности покойного императора и оскорблению его памяти и потому представляет собою преступное деяние, предусмотренное статьей 107 уг. ул., а в виду того, что статья эта напечатана накануне закладки памятника императору Александру II в Волчанском уезде в Сватовой Луже преступность ее еще усиливается.

За инспектора по делам печати и. о. помощника его (подпись).

[1] Главное управление по делам печати, II отд., 1906 г., д. № 769, ч. 2, л. 137.

XI

Предписание Главного управления по делам печати С. Петербургскому цензурному комитету, 11 октября 1904 г.[1]

В виду окончания цензурного рассмотрения сочинений А. И. Герцена в Главном управлении, Управление это сообщает С. Петербургскому цензурному комитету, для зависящего распоряжения, что издателям может быть дозволено приступить к печатанию их, с тем, чтобы, соответственно высочайшему соизволению, последовавшему согласно докладу министра внутренних дел 25 января 1901 г., издатели были обязаны:

«1) Печатать сочинения Герцена в общем сборнике, состоящем из нескольких томов,

2) Назначить этому сборнику солидную цену, не менее 10-ти рублей, и

3) Не выпускать в продажу отдельных томов или статей».

Кроме того, Главное управление по делам печати находит необходимым, чтобы при представлении отпечатанных томов обязательно были представляемы цензору цензурованные экземпляры, с которых печатается новое издание, и чтобы отпечатанные томы до выхода их в свет были представляемы на предварительное рассмотрение цензору С. Петербургского цензурного комитета, статскому советнику Соколову.

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор
Н. Зверев.

XII

Письмо издателя журнала «Всемирная иллюстрация» председателю СПБ цензурного комитета, 10 января 1870 г.[2]

Милостивый государь,
Антон Андреевич!

Прилагая при сем портрет Александра Герцена[3] умершего несколько дней тому назад за границей, покорнейше прошу вас подписать оный если можно, для помещения его в издаваемой мною «Всемирной иллюстрации».

Так как задача издаваемого мною журнала возлагает на меня обязанность помещать в оном статьи о людях общеизвестных, с какими бы убеждениями они ни были, и как Александр Герцен принадлежит к этой категории людей, то надеюсь, что ваше превосходительство не воспрепятствует мне исполнить мою обязанность, тем более, что статья соответствующая этому портрету, будет написана в смысле совершенно противоположном его убеждениям.

Герман Гоппе.

Выписка из журнала заседания С. Петербургского цензурного комитета, 25 февраля 1870 г.[4]

Доклад цензора Смирнова о статье для журнала «Дело» под заглавием «Смерть Герцена». Статья эта содержит в себе описание похорон Герцена, похвалу его политической деятельности, яко бы дея-

---

[1] С. Петербургский цензурный комитет, 1904 г., д. № 202, л. 1.

[2] СПБ цензурный комитет 1868 г., д. № 69, л. 12. Резолюция председателя СПБ цензурного комитета А. Г. Петрова: «Невозможно удовлетворить ходатайство редакции. 12 января А. Петров».

[3] В деле имеется портрет Герцена, л. 13.

[4] Журнал заседания С. Петербургского цензурного комитета за 1870 г., л. 54

тельности страдальца за благо и преуспеяние русского народа, и подобострастное уважение к его литературным талантам, как представителю русской интеллигенции в Западной Европе. Выражение такого теплого, благоговейного сочувствия к эмигранту и сожаления о его участи, есть вместе с тем, по мнению цензора, порицание причин заставивших Герцена эмигрировать, т. е. распоряжений и действий правительства в отношении этого лица; а посему статью эту следует к напечатанию запретить.

Определено: согласно с мнением цензора, статью к печатанию не дозволить.

Постановление СПБ цензурного комитета о статье «Памяти Герцена» для журнала «Северный Вестник», 8 февраля 1895 г.[1]

По прочтении статьи, Комитет усмотрел, что автор с крайним сочувствием относится к покойному эмигранту, считает его гениальным писателем, честным общественным деятелем, дорогу к могиле которого ныне находят все русские. Пора беспристрастно отнестись к этому добровольному изгнаннику, к произведениям которого ныне возрастает в России интерес.

Комитет полагает, что в пределах подцензурной печати невозможно допускать сочувственных статей относительно эмигрантов, а тем более относящихся к Герцену, имя которого слишком известно, а все заграничные произведения которого всегда подвергались запрету.

В виду изложенного определено: статью признать подлежащей запрещению.

Сообщение Главного управления по делам печати СПБ Цензурному комитету, 28 ноября 1897 г.[2]

Вследствие представления за № 2373, Главное управление по делам печати уведомляет С. Петербургский цензурный комитет, что ходатайство г. Павленкова о разрешении приложить к отпечатанной без предварительной цензуры биографии Герцена портрет его признано не подлежащим удовлетворению.

Временно исполняющий обязанности начальника Главного управления по делам печати М. Соловьев.

Сообщение Главного управления по делам печати СПБ цензурному комитету, 20 марта 1904 г.[3]

Вследствие представления от 18 сего марта за №. 686, Главное управление по делам печати уведомляет С. Петербургский цензурный комитет, что ходатайство художественной мастерской Экспедиции заготовления государственных бумаг о разрешении отпечатать возвращаемый при сем портрет Герцена признано не подлежащим удовлетворению.

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор Н. Зверев.

---

[1] СПБ цензурный комитет, № 43/1885, л. 169.
[2] СПБ цензурный комитет, 1896 г., № 161, л. 3.
[3] Там же.

Сообщение Главного управления по делам печати СПБ цензурному комитету, 18 декабря 1904 г., № 14016 [1]

Вследствие представления за № 2692, Главное управление по делам печати сообщает С. Петербургскому цензурному комитету, что г. министр не признал возможным разрешить к напечатанию в журнале «Живописное обозрение» возвращаемый при сем портрет Герцена.

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор Н. Зверев.

---

[1] СПБ цензурный комитет 1896 г., № 161, л. 6.

Из записной книжки архивиста

Царская цензура о произведениях украинского писателя И. Франко

В наши дни, когда Западная Украина влилась в состав Украинской Советской Социалистической республики, как ее неотъемлемая часть, и украинский народ объединился в одно неразрывное целое, все народы великого Советского Союза с благодарностью и любовью вспоминают тех борцов, которые в прошлом отдавали все силы великому делу освобождения украинского народа от национального и политического гнета и насилия.

В первых рядах этих борцов был выдающийся украинский писатель — классик украинской литературы — Иван Франко (1856—1916 гг.). Сын сельского галицийского кузнеца, рано испытавший всю тяжесть нужды, он был близко знаком с жизнью социальных низов. Горячий патриот, всем сердцем любивший родную Украину, он одинаково ненавидел всех ее угнетателей: и австрийских чиновников, и польских панов и царских сатрапов, и русских помещиков. Франко сумел подняться до убеждения, что национальное освобождение невозможно без освобождения политического, поэтому украинские помещики были для него такими же врагами, как польские и русские.

Всю силу своего крупного поэтического таланта, все искусство бытописателя-реалиста Франко отдал великому делу борьбы за освобождение трудящегося народа. Его произведения изобилуют мрачными картинами, описанием горя, нужды, произвола, обид. И тем не менее они проникнуты глубокой верой в конечную победу правды и справедливости, в торжество дела трудящихся, верой в освобождение и объединение Украины.

Вот почему в первые же дни своей свободной жизни трудящиеся Львова пришли на могилу Франко и выразили своему пламенному поэту-борцу чувства любви и уважения. Это была первая легальная массовая демонстрация в древнем украинском городе, тем более внушительная и волнующая, что в ней приняли участие представители героической рабоче-крестьянской Красной армии, принесшей Зап. Украине свободу. Одновременно, это была демонстрация дружбы народов, братского союза различных наций. На могиле Франко с горячими речами выступали не только украинские, польские и еврейские писатели Зап. Украины, но также и русские и украинские товарищи из великого Советского Союза.

Подтверждением заслуг Франко, его крупной роли в истории украинского народа, служат публикуемые ниже документы. Они относятся к прохождению ряда его произведений в царской цензуре и говорят нам о том, каким опасным врагом был Франко для царского самодержавия, как боялись его агенты влияния писателя-революционера на широкие народные массы. Красной нитью во всех запретительных решениях цензуры проходит подчеркивание социальной направленности обличительных произведений Франко и их революционного характера. «Тяжелая картина быта галицийских крестьян-малороссов, вызываемая притеснениями и эксплоатацией помещиков, стремление автора предоставить права простому народу, заставить его жить политической жизнью — все это тенденциозные идеи, являющиеся отличительной чертой большинства произведений И. Франко». «Он с ненавистью относится к обеспеченному помещичьему классу» — так писал о Франко цензор в 1902 г., характеризуя его рассказ «Перехрестни стежки». В том же году была признана «вредной» для народа тенденция рассказа «До світла», формулированная цензором следующим образом: «бедный несчастный народ... придавлен и забит целой системой жестокостей, исходящих от охранителей порядка, которые в сущности являются самыми главными его нарушителями». Стихотворения «Каменари» и «У долины село лежит» в сборнике «На вичну память Котляревскому» подверглись запрещению в 1903 г. также в связи с их «вредной тенденцией». В 1910 г. при запрещении сборника стихотворений «З вершин і низин» цензор отметил те из них, которые посвящены

политическим темам. Среди таких стихотворений он указал тими революционному духу, «который рвется в бой за прогресс, счастье и свободу, не боясь ни поповских наказаний, ни царских темниц» и «Думу пролетария», где поэт говорит, что «хочет свергнуть тот порядок, при котором льется кровь миллионов по прихоти панов и царей». В 1911 г. в книге Франко «Що таке поступ?» цензор нашел «призыв к ниспровержению общественного строя и возбуждение у рабочего класса вражды к работодателям».

Не менее опасным, по мнению царских цензоров, был «украинофильский» дух и «украинский сепаратизм», проникающий произведения Франко (т. е. та сторона его творчества, которая отражала тяжелый национальный гнет, одинаково давивший украинский народ как в Австрии, так и в России. В 1888 г. цензор писал: «Все эти стихотворения... (из сборника «З вершин і низин») крайне тенденциозного характера в украинофильском духе. Автор изображает положение малороссов в Австрии и России в самом мрачном цвете, как находящихся в неволе, в тюрьме, в цепях и гибнущих от голода».

Особенно зорко следила цензура за теми высказываниями Франко, которые касались непосредственно национальной политики царского самодержавия или того, что цензора скромно именовали «системой русских порядков в Малороссии». Если изображение притеснений украинцев в Австрии, которое дается в ряде произведений Франко, считалось в некоторых случаях допустимым, как не относящееся к России, то для инкриминирования критики «русских порядков» цензора подбирали самые тяжелые и грозные статьи уголовного уложения. «Призыв малороссов в России к бунтовщическим деяниям и к отторжению от России» — так называли они облеченные в поэтическую форму призывы писателя к борьбе за освобождение и объединение своего народа. Так же они квалифицировали исполненные веры в конечную победу пророческие слова Франко о грядущей счастливой, свободной и неделимой Украине. А между тем то, что царскими агентами называлось «бунтовщическими деяниями», было на деле стремление угнетенной нации к освобождению от векового гнета, т. е. являлось стремлением и действием революционного порядка.

Документы о преследовании царской цензурой произведений Франко относятся к безвозвратно ушедшему от советских людей прошлому. Но они в то же время имеют актуальный интерес и для наших дней. Та политика национального угнетения, которую проводил царизм, ничем не отличается от политики, которую проводила буржуазно-помещичья Польша в отношении Зап. Украины и Зап. Белоруссии. Украинский народ в Польше был также лишен права говорить, учиться и писать на родном языке.

На наших глазах Польша навсегда сброшена со счетов истории. Одной из важнейших причин быстрого краха панской Польши явилась ее национальная политика.

Великая Октябрьская Социалистическая революция впервые в истории по-настоящему разрешила национальный вопрос, «Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей»[1]. В числе их теперь находятся и наши братья из Зап. Украины. Включившись в общую работу строителей социализма, они получили теперь возможность развивать свою культуру; это будет «социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата»[2].

Полянская.

Доклад киевского цензора Н. М. Дроздова Петербургскому комитету цензуры иностранной о книге Франко — «З вершин і низин». Львів. 1887, 31 октября 1888 г.[3]

Книжка эта заключает в себе два отдела: первый (стр. 1—75) состоит из мелких стихотворений разнообразного содержания, второй (стр. 76—251) — из рассказа в стихах «Панські жари» о жестоком угнетении русинов в Австрии со стороны помещиков до уничтожения крепостного права (1848 г.). Все эти стихотворения (а в особенности в первом отделе) крайне тенденциозного характера — в украинофильском духе. Автор изображает положение малороссов в Австрии и России в самом мрачном цвете, как находящихся в неволе, в тюрьме, в цепях и гибнущих от голода. Он приглашает их «сеять думы вольные», выступить на борьбу с своими угнетателями, т. е. с правительством и всеми сильными и богатыми людьми, «добывать волю», жертвовать за народ своею кровью и спалить огнем то, чего нельзя смыть кровью (стр. 20 и др.), и в частности призывает к борьбе с царем, «обдирающим» Украину (стр. 69—70) и выступает ярым защитником лиц, стремящихся путем насильственного переворота изменить существующий общественный

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 136.

[2] Там же, стр. 565.

[3] Центральный Государственный Архив внутренней политики, культуры и быта. (Ленинград). Комитет цензуры иностранной, рапорты за 1888 г., д. № 8919.

строй (стр. 38—40). Царя он сравнивает с хищным беркутом, который впоследствии и сам должен будет погибнуть от руки тех, кровь которых он пьет (стр. 46—50). Наиболее возмутительный характер имеют стихотворения: «На суді» (стр. 38—40), «Беркут» (стр. 46—50) и «Не пора» (стр. 69—70).

Н. Дроздов.

Резолюция председателя СПБ Комитета цензуры иностранной А. Н. Майкова. «Запретить».

Из доклада цензора М. Н. Алфераки Петербургскому цензурному комитету о книгах: 1. «Историческая Польша и великорусская демократия» М. Драгоманова и 2. «На дні». И. Франко, 23 января 1890 [1].

Главное управление по делам печати препроводило в Цензурный комитет представление киевского отдельного цензора, с приложением отношения Киевского губернского жандармского управления и двух книг: «Историческая Польша и великорусская демократия» соч. Драгоманова (Женева, типография «Работника» и «Громади» 1881 г.), на русском языке и 2) «Дрібна библиотека», № 14, «На дні», (На дне), суспільно-психологічна студія Івана Франка (т. е. социально-психологический этюд), предлагая Цензурному комитету, рассмотрев означенные книги, дать свое заключение применительно к вопросам, изложенным в отношении Киевского жандармского управления, а именно: принадлежат ли эти книги, или которая нибудь из них, к числу книг, напечатанных:

1) с целью возбудить к бунту, или явному неповиновению верховной власти, 2) хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против верховной власти, усиливаются оспаривать, или подвергать сомнению неприкосновенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, или порядок наследия престола, 3) не принадлежат ли эти книги к числу безусловно преступных изданий и 4) или же они изъяты лишь из обращения...

2. «На дні» соч. І. Франка. Описывается арест австрийскими властями, за неимение паспорта, молодого, образованного паныча. Его, без суда и расправы, заключают в тесный, темный, смрадный карцер, где давно уже томятся девять бродяг из простонародия, подонки общества, голодные, измученные и больные. Несколько дней молодой интеллигент проводит в этих ужасных условиях и накануне его освобождения ему, ночью, с целью ограбления, перерезывает горло один из бродяг, одичалый, доведенный лишениями, несчастьем и грубостью тюремщиков, до скотского состояния.

Хотя содержание этого рассказа не может быть признано преступным, он все же представляется весьма тенденциозным по своему крайнему реализму и по тому удручающему впечатлению, которое автор имеет в виду произвести на читателя описанием бесчеловечности, зверства и безапелляционного своеволия полиции, жертвой которой является ни в чем не повинный образованный молодой человек, проникнутый любовью к страждущим и вообще, как то видно из рассказа, приверженец социалистических теорий.

Такое произведение по своему содержанию к обращению в России не могло бы быть дозволено ни в каком случае, хотя в списке запрещенных книг эта книга и не значится.

Цензор Алфераки.

Определение Петербургского цензурного комитета: «Комитет, совершенно разделяя мнение цензора, определил представить о вышеизложенном Главному управлению по делам печати» [3].

Доклад цензора С. И. Коссовича Петербургскому цензурному комитету о книге «Лис Микита. З немецкого переробив Ів. Франко. Львів, 1891 г.», 20 февраля 1891 г. [2].

Книга на малороссийском наречии «Лис Микита», напечатанная во Львове, есть переделка, применительно к понятиям и говору простолюдина, известной звериной средневековой эпопеи «Reinecke-Fuchs», обработанной на немецком языке Гриммами и Гете.

Этот народный эпос появился во времена неограниченной деспотической власти, как светской так и духовной. В настоящее время он представляет собою только почтенный исторический литературный памятник.

В переделке же, для обращения в народной среде, историческое его значение совершенно пропадает. Народ, незнакомый с всеобщей исторической литературой, увидит в книге «Лис Микита» совершенно иное.

Он будет понимать напечатанное буквально. Он увидит в пышном дворе, окружающем царя, сборище смелых разбойников, которые под мощной эгидой владыки, грабят и терзают

[1] СПБ цензурный комитет, 1890 г., д. № 156, лл. 27—28.

[1] Присоединившись к представленному заключению, Главное управление по делам печати 6 февраля 1890 г. уведомило Киевское губернское жандармское управление, что книга Франко «На дні» не может быть допущена к обращению в России. (Главное управл. по дел. печати, 1890 г., III отд., д. № 22).

[2] СПБ цензурный комитет, 1891 г., д. № 152, л. 71.

слабых. В хитрой лисе, первой советнице государя, они увидят еще злейшее олицетворение произвола: чудовищное соединение, для совершения всевозможных злодеяний, гибкого ума с бесстыдством злой воли.

Некоторые подробности изложения усугубляют еще более предосудительную тенденциозность книги. Так напр. на стр. 2 напечатано:

Он царю б на шкуру
За свинины фунт продал.

Или на стр. 19

И сам царь ворует чисто,
А если почему либо не захочет,
Посылает медведей и волков.

В виду изложенного, цензор полагал бы неудобным разрешение к обращению в империи заграничного издания «Лис Микита Ів. Франко» как произведения, по форме предназначаемого исключительно для обращения в среде простолюдинов, могущих по своему и весьма предосудительно истолковывать смысл этой средневековой эпопеи. Это становится тем более вероятным, что автор в изложении стер всю старину и заменил ее современностью. Где только мог, везде автор переделки изображает малороссийскую природу. Деревни и люди, встречающиеся в рассказе, также носят на себе неоспоримую печать южного славянина. Наконец обычаи все представлены такими, какие только можно встретить в степях Малороссии.

Цензор Коссович.

Определение Петербургского цензурного комитета: «Признать брошюру неудобною к дозволению обращения ее в публике, о чем уведомить Комитет цензуры иностранной» [1].

Представление Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о книге «Франко Іван, Паньскі жарти», Львів, 1893, 27 июля 1896 г.[2]

27 мая канцелярия Главного управления по делам печати препроводила на цензурное заключение комитета одиннадцать заграничных брошюр на малороссийском наречии [1].

Об одной из них, а именно: «Франк Іван. Панські жарти. Поема З недавньої минувшини. Львів 1893», цензор представил следующее заключение.

Посвящая эту поэму памяти отца своего Якова Франко, который был крестьянином и страдал от насилий помещиков во времена крепостного права в Галиции, автор рисует в самых ярких красках зверское отношение помещиков к крестьянам, царившее в Галиции до 1848 г., т. е. до освобождения крестьян от крепостной зависимости. Автор пишет, что не эмиссары, или же какая-либо другая пропаганда были причиной резни помещиков крестьянами в 1846 г.[2], а эту резню подготовили сами помещики своими гнусными поступками. В поэме представлен деспот помещик, который запрещает священнику учить грамоте детей крестьян и говорить проповеди в церкви против пьянства, так как это приносит явный ущерб торговле еврея водкою. Когда некоторые крестьяне гуртом пожаловались правительственной администрации на действия помещика, то он приказал жалобщиков беспощадно сечь. Когда же наконец дана была крестьянам свобода, то они не верили даже официальным о сем известиям, а помещик, узнав об этой милости, дарованной крестьянам, от злобы заболел и умер.

Поэма написана стихами и языком вполне популярным и в Галиции предназначена была для чтения простого

[1] В 1902 г. эта сказка не была пропущена как произведение, предназначенное для детского чтения. Запрещение всех детских книг на украинском языке, независимо от их содержания, было предложено Петербургским цензурным комитетом и санкционировано Главным управлением по делам печати в 1895 г., как одно из средств борьбы с украинской литературой. (См. Главное управление по делам печати. III отд., д.д. № 6 за 1899 г. и № 31 за 1895 г.).

[2] Главное управление по делам печати, 1896 г., III отд., д. № 23, ч. I, лл. 134—135.

[1] В связи с особыми ограничениями для изданий на украинском языке, введенными известным законом 1876 г., рассмотрение этих изданий производилось в центральных органах цензуры — Главном управлении по делам печати и Центральном комитете цензуры иностранной. В качестве эксперта при этом обычно привлекался Петербургский цензурный комитет.

[2] Имеется в виду Галицийское крестьянское восстание, называемое Тарновским (по главному центру) восстанием, поднятое 8 февраля 1846 г. Восстание вызвано жестокой эксплоатацией и насилиями закрепощенного шляхтой крестьянства. Движение шло под лозунгами отмены панщины, передачи крестьянам в собственность земли и отмены монополий.

Восставшие крестьяне произвели массовые избиения — резню немецких («Галицийская резня»).

Галицийское крестьянское восстание, нашедшее отклик в Силезии, Чехии, Царстве Польском, было одним из революционных движений в Европе, непосредственно предшествовавших революции 1848 г. в Австрии (в том числе и в Галиции), в результате которой было отменено крепостное право и в Галиции.

народа, что доказывает и дешевая ее цена, а именно 30 крейцеров,— на наши деньги 20 копеек.

Так как содержание поэмы рассчитано на возбуждение неприязни крестьян к высшим сословиям, то цензор, применяясь к 96 статье устава о цензуре, полагает брошюру подлежащею запрещению к обращению в России.

С. Петербургский цензурный комитет вполне разделяет взгляд цензора на невозможность доступа обращения этой брошюры в России. Вся тяжесть крепостного права уже забывается нашими крестьянами и будить тяжелые о сем предания и возбуждать этим неприязнь к бывшему владельческому классу совершенно, по мнению комитета, неудобно.

О сем С. Петербургский цензурный комитет, с возвращением экземпляра поэмы, имеет честь представить на усмотрение Главного управления по делам печати.

И. д. председателя
цензор Коссович.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати М. П. Соловьева: «Из заключения комитета усматривается, что в книге Франка описывается быт и отношения между русскими крестьянами и поляками помещиками в Галиции, а не в России, посему к разрешению книги для обращения в России препятствий я не вижу. 28 июля 1896. М. С.»

Представление Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о книге «Камяна душа. Драма в одній дії Івана Франка. Львів. 1895.», 1 августа 1896 г.[1]

27 мая прислана канцеляриею Главного управления по делам печати на цензурное заключение заграничная брошюра на малороссийском наречии: «Камяна душа. Драма в одній дії Івана Франка. Львів. 1895».

Сюжет драмы, взятый из сельской жизни, заключается в следующем.

Молодая крестьянка Маруся бросает своего шестидесятилетнего мужа, детей и дом из-за любви к некоему тридцатилетнему крестьянину Ильке Барусяку, сделавшемуся предводителем разбойничей шайки, и делается его любовницей. Но вскоре новоприбывший в шайку грабителей двадцатилетний Баюрак поселяет между любовниками раздор, так как Барусяк, заподозрев Марусю в неверности, в порыве ревности убивает ее.

Принимая во внимание безнравственное содержание этой драмы, предназначенной для народного чтения (цена 8 коп.), цензор полагал бы, применяясь к циркуляру Главного управления по делам печати от 8 мая 1895 г. об особенно строгом просмотре книг, назначенных для народного чтения, не допускать обращения настоящей брошюры внутри России[1].

Комитет, со своей стороны, не находит сюжет драмы в строгом смысле слова безнравственным. Оставление молодою женою старого мужа — сюжет слишком обыкновенный. Да и из содержания драмы видно, что молодая женщина горюет по оставленным ею детям и им отсылает золотой крест, как свое благословение и защиту от злого мужа.

Во всяком случае, брошюра эта не может служить здоровою пищею для народа, а кроме того напечатана она с отступлениями от правил русского правописания, так называемою «кулишевкою» т. е. отсутствует твердый знак «ъ» и употребляется везде буква і (десятиричная). Допущение к обращению в России такой дешевой народной брошюры, наравне с изданиями русскими, в которых строго требуется русское правописание, было бы явлением необычным.

Поэтому С. Петербургский цензурный комитет склоняется к тому мнению, что брошюру Ивана Франка «Камяна душа» не должно допускать к обращению в России.

Такое мнение комитет, с возвращением брошюры, имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Цензор Коссович.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати: «Согласен с заключением цензурного комитета. М. Соловьев. 2 июля 1896».

Из представления Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о книге «Левада. Галицько-руський альманах. У Львові, 1902 г.», 18 мая 1902 г.[2]

...Содержание отдельных произведений представляется в следующем виде: на стр. 2—3 помещено стихотворение Ивана Франко «На реках вавилонских тамо седохом...»

---

[1] Главное управление по делам печати, 1896 г., III отделение, д. № 23, ч. I, лл. 138—139.

[1] Этот циркуляр запрещал пропускать такие издания, «которые по содержанию своему не могут быть признаны безусловно безвредными для народного чтения». Он преградил доступ в широкие народные массы многим произведениям, как социально-политическим, так и художественным. Ссылки на него встречаются при запрещении и других произведений Франка: «До світла», «Без праци», «Панталаха».

[2] Главное управление по делам печати, 1902 г., III отд., д. № 9, лл. 27, 29.

«Я знаю одну лишь песню,— говорит автор,— я родился рабом, вырос под свист батогов и умру рабом. И хотя порой моя речь грянет громко и из уст вырвется крик: «Пусть погибнет тиран», и хотя душа возжаждет свободно и нет пут на руках и ногах, однако я смолкаю перед всяким мальчишкой и как будто гашу в душе слово свободы, и возмущение мое не то, что сжимает в руке саблю и освобождает от пут. Так проходите мимо меня вы, женщины, и не смотрите на меня, чтобы мое проклятье не пало на ваше поколение»...

Принимая во внимание, что общее направление журнала «Левада» на основании изложенного содержания отдельных произведений характеризуется крайне враждебным отношением к системе русских порядков в Малороссии и вместе с тем украинофильской тенденцией, и. д. цензора полагал бы первую книжку этого журнала за 1902 г. не дозволять к печатанию и обращению в пределах России

С. Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он не признает и с своей стороны возможным разрешить ввоз в Россию и перепечатку препровождаемой при сем брошюры, в виду ее крайне тенденциозного и вредного направления [1].

Председательствующий член совета Главного управления по делам печати

А. Катенин.

Представление Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о рукописи: «Франко, Іван. До світла. Вівчарь. Оповідання», 31 мая 1902 г. [2].

В С. Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием «Франко Іван. До світла. Вівчарь. Оповідання».

Рассматривавший названную рукопись и. д. цензора Вержбицкий доложил комитету, что она состоит из двух рассказов одного и того же писателя.

Содержание первого рассказа под заглавием «До світла» заключается в следующем.

Жизнь людей, начинает автор, подобна морю. На поверхности его мы видели кипучую деятельность, ширь и свободу, а на глубине дна царствует смерть и тишина; только труп, падающий сверху, является гостем этих мертвенных пустынь, да и тот достигает их, уже разложившись в высших слоях. Тяжело и грустно этим нижним слоям, да еще в обществе трупов. Но природа неумолима. Она не внемлет их жалобам и лишь ответствует: «Стану я возиться с вами, дураками! Если чувствуете в себе силу, так попробуйте сами подняться вверх».

Так бывает в жизни людей и целых народов.

Разве наш народ,— спрашивает автор,— не такой же самый нижний слой среди прочих народов? Разве каждое движение тех народов мы не ощущаем как боль, как притеснение на нашем народном организме?

Точно также и отдельные личности, придавленные в нижних слоях, делают отчаянные попытки вырваться из гнетущих устоев и большей частью погибают.

Такова именно была судьба бедного еврейского мальчика Еськи.

Однажды, в морозный зимний вечер, в тюремной камере сидело двое арестантов. Вдруг отворилась дверь, и в комнату влетел подталкиваемый и награждаемый пинками маленький человек. Он оказался еврейским мальчиком Еськой. От холоду он не мог ни сделать движения, ни даже сказать слова. Жандарм, доставивший его в тюрьму, с утра гнал его почти голого и босого в сильный мороз. Десять раз он падал, силы оставляли его, но жандарм бил его ремнем, и он должен был итти. Здесь в тюрьме его окоченевшего втолкнули в камеру, и затем никому не было до него дела. Видя его беспомощное состояние, арестанты растерли его, уложили в кровать, и он понемногу согрелся. На утро Еська рассказал историю своей жизни. Он был безродным ребенком и рос в семье шинкаря Мошки. Тяжело жилось ему среди чужих людей. Его били, плохо кормили, заставляли много работать и вообще всячески эксплоатировали. Долго Еська терпел, но наконец надумал бежать. Однако же не раз слыхал он от людей, что человек сам по себе ровно ничего не значит, что всего важнее его документы и что без них можно попасть в тюрьму, испытав предварительно не мало побоев от усердного ревнителя порядка. Он сам видал тому примеры. Поэтому он решил выкрасть у Мошки свои документы. План был приведен в исполнение, но тут Еську взяло сомнение, насколько хорошо он поступил: посоветовавшись с соседним кузнецом, он явился к войту с повинной. Здесь его встретили побоями, от которых он свалился наземь; был составлен протокол, и затем жандарм погнал Еську в тюрьму.

Один из находившихся в камере арестантов был очень тронут несчастной судьбой мальчика и предложил ему научить его грамоте. Еська несказанно обрадовался предложению, и через неделю он уже складывал

---

[1] Главное управление по делам печати утвердило это заключение 25 июля 1902 г.

[2] Главное управление по делам печати. 1902 г., III отд., д. № 6, лл. 147—149.

слова. В это время дни стояли темные, и Еська, для удобства чтения, обыкновенно примащивался у окна. Он с увлечением отдавался своему занятию, и тогда для него не существовал весь мир. В одну из таких минут его окликнул часовой, стоявший снаружи во дворе. Еська ничего не слышал, его лицо выражало блаженство от достигнутых в чтении результатов. Часовой повторил приказание и, не видя исполнения его, навел ружье, раздался выстрел, и Еська свалился с окна окровавленным. Вскоре в камеру вбежали надзиратели. «Что злодей, жиденок, попало тебе на орехи?» раздался их окрик. А Еська в ответ протянул им окровавленный букварь, прижатый пред тем к ране и тотчас его не стало. В ту же минуту пришло в тюрьму распоряжение отпустить Еську на свободу.

Переходя к заключительным соображениям, и. д. цензора имеет честь представить следующее:

Объем рукописи и общедоступная форма изложения свидетельствуют, что заключающиеся в ней рассказы предназначены для народа.

Что же касается основной идеи рассказа «До світла», то она сводится к тому, что бедный, несчастный народ (нижние слои) придавлен и забит целой системой жестокостей, исходящих от охранителей порядка, которые в сущности являются самыми главными его нарушителями. Эта жестокая система безжалостна и нисколько не считается с человеческой личностью из низших слоев.

Признавая таковую тенденцию вредной для народа, и. д. цензора, руководствуясь циркуляром о народных изданиях, полагал бы рассказ «До світла» к печати не дозволять.

Второй рассказ Ивана Франко под заглавием «Вівчарь» объемом в семь страниц, переносит читателя в шахту. На глубине ста метров работает молодой сильный парень, бывший ранее пастухом. Ему скучна и непривычна новая работа, и он мысленно уносится в широкие степи, где так недавно пас громадные стада овец. Фантазия работает, настраивает его на поэтический лад, они снова переживают все треволнения пастушеской жизни, с ее радостями и невзгодами, когда он один ходил на медведя, этого врага овечьих стад. Ни за что не расстался бы он с привольными степями и стадами овец, да скупили все это евреи и вместо овец завели стада волов, а тут уже не та работа. Живи как пес, и как пес сторожи. Он скоро бросил службу, по совету товарища поступил в шахту, теперь его мечта — сколотить немного денег и обзавестись собственным хозяйством. Но работа в шахте ему глубоко противна. «Там на верху,— говорит он,— и воду освящают, и божье слово читают. А сюда испокон веку наверное не доходила ни капля святой воды, ни слово божье. Верно, что здесь все не от святого, а от проклятого. Прости господи грехи! Человек и в такое место забирается. Разве это выйдет ему на добро? Нет, не так выйдет. А тот товарищ, что привел меня сюда, разве не погиб в такой самой шахте? Засыпало его, задавило, даже тела не достали. Подавился он этим несчастный». Он крестится и продолжает работать, а фантазия снова развертывает пред ним все нехитрые, но дорогие его сердцу картины пастушеской жизни. Закинутый судьбою,— говорит автор,— в глубокую подземную шахту, он чувствует, что те дни миновали безвозвратно, что его путь свернул в другую сторону, что он из давнишней патриархальной жизни перешел в новую, неизвестную его дедам и прадедам, сразу страшную и удивительную, однако во многом лучшую, более свободную и широкую, чем прежняя. Но эта прежняя еще живет в его воспоминаниях.

Таким образом в названном рассказе автор имеет целью обрисовать переходный период в народной жизни, тот момент, когда развивающаяся промышленность отрывает от близости к природе крестьянина, миросозерцание которого еще не примирилось с новыми формами трудовой жизни и всецело покоится на прежнем укладе. Автор с любовью очерчивает душевное состояние этого крестьянина, сына природы, скорбящего об утраченной пастушеской жизни, но вместе с тем симпатии автора на стороне новых форм труда, создаваемых промышленной жизнью. Эту жизнь автор считает лучшей, более свободной и широкой.

Вследствие такого конечного вывода автора, у читателя естественно возникает вопрос, почему же и каким путем эта новая форма труда, столь неприглядная для вчерашнего пастуха, может стать основой лучшей жизни, более свободной и широкой? Выдвинув такой вопрос, автор оставляет его открытым.

Вообще весь рассказ имеет целью поставить пред читателями в самой общедоступной форме коренной вопрос о судьбах рабочего населения, и вместе с тем не дает по этому вопросу никаких указаний, могущих служить для народа полезной руководящей нитью.

Посему, не усматривая в названном рассказе полезной умственной пищи для народа, и. д. цензора полагал бы к печати его не дозволять.

С. Петербургский цензурный комитет признает и с своей стороны рассказ «До світла» тенденциозным, так как в нем рисуется угнетение народа

и безжалостное отношение к представителям его со стороны охранителей порядка, доходящее до жестокости. В виду сего комитет, руководствуясь предписанием Главного управления по делам печати от 8 мая 1895 г., не находит возможным разрешить этот рассказ к печати.

Что касается другого, заключающегося в рукописи беллетристического произведения под заглавием «Вівчарь», комитет полагает, что оно может быть дозволено к напечатанию. Оно представляет собою психологический этюд, раскрывая состояние души пастуха, перешедшего к непривычным для него условиям работы в шахте. Симпатии автора к новым формам промышленности, созданным жизнью, по мнению комитета, не заключают вредной тенденции, так как в рассказе нет проповеди социализма, а условия труда обрисованы лишь с внешней, бытовой стороны.

Об изложенном комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати
А. Катенин.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева: «Согласен с заключением цензурного комитета. 2 июня».

Представление Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о рукописи «Перехресни стежкі, повість з галыцького життя Івана Франко», 6 июня 1902 г.[1]

В С. Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием «Перехресни стежкі, повість з галыцького життя Івана Франко».

Рассматривавший названную рукопись титулярный советник Тучапский доложил комитету, что основной ее идеей является взаимное отношение между крестьянством и помещиками. Тяжело положение крестьян, всячески угнетаемых помещиками; последние пользуются их умственным невежеством и где только возможно эксплоатируют их. Герой повести, адвокат Рафалович, со школьной скамьи задался целью стать на сторону забитого и угнетенного родного народа. Для этого он поселяется в одном из провинциальных городов Галиции и завязывает сношения с народом. Благим намерениям Рафаловича помещики противопоставляют массу преград и даже стараются вооружить против него крестьян. Тяжелая картина крестьянской жизни представилась глазам Рафаловича при его ближайшем знакомстве с крестьянами. Полное отсутствие просвещения и, вследствие этого, глубокое невежество у народа; никакого правосудия, так как господствует поголовное взяточничество, начиная с судьи и кончая служителями его. Места судей занимают люди необразованные, совершенно не знающие законов и к тому же нечестные. Отсутствие всякой медицинской помощи у населения приводит к тому, что оно умирает массами. Все это возмущает Рафаловича, и он желает «разбудить народ до политичного життя», дать ему возможность отстаивать свои политические права. Для этого он решает созвать народное вече из крестьян и объяснить им, как нужно бороться против эксплоатации помещиков. Конечно, созвать народное вече и выполнить свою программу Рафаловичу не удается, благодаря вмешательству администрации, которая арестует его по подозрению в убийстве.

Иван Франко, автор многочисленных произведений на малорусском наречии, известен С. Петербургскому цензурному комитету, как писатель с определенной украинофильской тенденцией. Тяжелая картина быта галицийских крестьян малороссов, вызываемая притеснениями и эксплоатацией помещиков, стремление автора предоставить права простому народу, заставить его жить политической жизнью — все это тенденциозные идеи, являющиеся отличительной чертой большинства произведений Ивана Франко. Крайний народник, он с ненавистью относится к обеспеченному помещичьему классу, по его мнению — виновнику народного убожества, физического и нравственного.

Находя неудобным распространение подобных идей среди читателей малороссов, цензирующий не признает возможным допустить к печати рассказ «Перехресни стежкі».

С. Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и с своей стороны полагает необходимым запретить препровождаемую при сем рукопись, так как содержание заключающегося в ней рассказа является весьма тенденциозным, возбуждающим крестьян против высших сословий и рисующим их положение слишком мрачными красками.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати
А. Катенин.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева: «Согласен. 7 июня».

---

[1] Главное управление по делам печати. 1902 г., III отд., д. № 6, лл. 153—154.

Представление Петербургского цензурного комитета по делам печати в Главное управление по делам печати о рукописи «Без праци», казка, сочинение Ивана Франка, 23 декабря 1902 г.[1]

В С. Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием «Без праци», казка, сочинение Ивана Франка».

Рассматривавший названную рукопись цензор граф Голович доложил комитету, что содержание ее следующее:

Бедный парень Иван, работник очень ленивый и нерадивый, спасает волшебника, превращенного в насекомое и замуравленного в дупле. За это Иван получает волшебную силу исполнять свои желания и, главным образом, избавляться от трудной работы, когда ему вздумается. Он встречается с князем Долгоруким и поступает к нему в кучера. Дело делается помимо усилий, а его господин, очень довольный своим кучером, едет заграницу, где живет его семья. Князь оказывается разоренным и желает выдать свою дочь за богатого человека. Между тем Иван влюбляется в нее и заслуживает в свою очередь ее благосклонность. Они бегут и ведут рассеянную жизнь, благодаря появившемуся у Ивана огромному богатству. Но дочь князя изменяет ему и убегает от него с новым возлюбленным. Иван возвращается на родину и застает аукционную продажу княжеского имения. Возвращается и дочь князя, а также и прежний ее жених, который за баснословную сумму, набитую на аукционе Иваном, приобретает имение князя. Последний умирает, а Иван снова сходится с его дочерью, но она его опять покидает. Герой сказки разыскивает некогда спасенного им волшебника и возвращает ему талисман, позволявший все добывать без труда. Затем Иван просыпается, все бывшее с ним оказалось сном, он познает из него, что счастье только в прилежной работе.

Мораль этой сказки выражается в этом заключении ее. По своим подробностям она не может считаться пригодной для детского чтения, а предназначается, повидимому, для народа. Хотя и вымышленное лицо, князь Долгорукий, а особенно его дочь обрисованы не особенно симпатичными чертами, а герой сказки Иван, несмотря на свою лень, ведет себя безукоризненно и великодушно по отношению к неблагодарной девушке. Таким образом представитель простонародья тенденциозно противопоставляется, с выгодной стороны, представителю высшего дворянства. В виду сего цензор, руководствуясь предписанием Главного управления по делам печати от 8 мая 1895 г., не нашел возможным дозволить сказку «Без праци» к напечатанию.

С. Петербургский цензурный комитет признал с своей стороны, что вышеизложенная сказка не представляется вредной для народного чтения, так как главной ее руководящей мыслью является стремление убедить читателей в том, что главным условием счастья человека должен быть труд. Противополагаемые крестьянину Ивану князья Долгорукие являются лицами вымышленными, а действие сказки относится ко времени крепостного права, что значительно ослабляет ее тенденцию. В виду сего комитет полагает что сказка «Без праци» может быть разрешена к печати, за исключением отмеченных красным карандашом нескольких мест на 1-м и 2-м страницах рукописи. Эти строки заключают в себе общие тенденциозные размышления автора о горькой участи трудящегося люда, эксплоатируемого богачами.

Об изложенном комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. Катенин.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева: «Согласен с заключением Комитета. 24 декабря».

Из представления Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о рукописи Ивана Франко. «В поті чола. Оповідання», 7 мая 1903 г.[1].

В С. Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием «Іван Франко. В поті чола. Оповідання».

Рассматривавший названную рукопись цензор Андрияшев доложил Комитету, что она заключает в себе 20 рассказов из быта жителей Галиции, автобиографию И. Франко и предисловие к заграничному, должно быть, изданию этих рассказов, содержание которых следующее:

1) «Муляр». Оповідання (стр. 1—4). Маленькая сценка из быта городских ремесленников. Десятник при постройке дома прогнал рабочего маляра. Тот пытается его умилостивить, ставит ему пива, но десятник пиво выпил, а

[1] Главное Управление по делам печати, 1902 г., III отделение, д. № 6, лл. 320—321.

[1] Главное управление по делам печати, 1903 г., III отд., д. № 6, лл. 158—161.

рабочего все таки не принял обратно на работу.

2) «До світла». Оповідання (стр. 5—15). В тюрьму одного маленького городка в Галиции приводят избитого и полузамерзшего еврея Иоську. Он обвинялся в том, что взял у своего опекуна свои же бумаги. В тюрьме лицо, от имени которого идет рассказ, обучил его грамоте, и Иоська со страстью предался чтению. Увлекшись однажды чтением, он не слышал приказания часового сойти с подоконника и был им убит. В тюрьме поднялся переполох, и в это как раз время пришел приказ об освобождении Иоськи.

3) «Грыцева шкільна наука» (стр. 16—19). Юмористический рассказ о порядках в сельских школах в Галиции.

4) «Оловець» (стр. 20—25). Рассказ из жизни сельской школы в Галиции. Автор рассказывает о невозможном преподавании учителя, о его грубости и постоянных истязаниях, которым он подвергает учеников. За потерянный карандаш он так избил одного мальчика, что тот заболел.

5) «На дні» (стр. 25—50). Рассказ о тюремных порядках в Галиции. Молодой человек Темера отправился из гор. Тарнополя в Дрогобыч, не захватив своего паспорта. Он был схвачен и, как беспаспортный, до выяснения личности посажен в тюрьму. С ним в крошечной камере сидело еще 12 человек и преступников, и совершенно случайно попавших в тюрьму, и тем не менее содержавшихся там уже по несколько месяцев. Теснота была такова, что спали и под лавками и на полу. Камера была совершенно темная и никогда не вентилировалась. Кормили только сухим хлебом и то впроголодь. Между арестованными находился один полусумасшедший арестант, который польстился на бывшие будто бы у Темеры деньги и ночью зарезал его. Рассказ производит в высшей степени тяжелое впечатление.

6) «Сам собі винен» (стр. 51—54). У крестьянина за долги еврею продали усадьбу; чтобы кормить семью, он нанимается сплавлять бревна по горной речке и гибнет, сорвавшись со скалы...

8) «Добрый заробок» (стр. 59—61). Подгородные жители — старики и старухи снискивали себе пропитание тем, что делали веники и продавали их в город. Однажды их встретил «податковый комисар» — вроде податного инспектора, расспросил их об их заработках и обложил их промысловым налогом в таком размере, что их хату в скором времени продали за недоимки этого налога.

9) «Хлопська комисія» (стр. 61—66). Автор передает случай поимки вора и описывает истязания, которым подверг его хозяин украденного.

10) «Історія моей січкарні» (67—70). Юмористический рассказ, осмеивающий деревенское легковерие и страсть к сплетням.

11) «Цыгане» (стр. 70—75). Автор рассказывает о тяжелой судьбе бродячих семейств цыган в стране бойков[1]. Бесприютная и гонимая отовсюду семья таких цыган принуждена укрываться в пещере, в горах, и там замерзает во время вьюги.

12) «Ліси і пасовыська». Оповідання бувшего пленіпотента. (стр. 75—80). Автор рассказывает, как поляк помещик во время размежевания обманул все село и при помощи подкупленного адвоката — поверенного крестьян выиграл в суде процесс, благодаря чему крестьяне потеряли весь свой лес и пастбища и, таким образом, обнищали и попали в кабалу к помещику.

13) «Довбанюк» (стр. 80—83). Юмористический рассказ о бедном поляке шляхтиче, отправившемся в Россию в Повстанье и вместо военных подвигов принужденном таскать бревна в экономии какого-то польского пана.

14) «Домашній промысел». Оповідання (стр. 83—87). Автор рассказывает, как в одной крестьянской семье процветал из рода в род ложкарный промысел и как, благодаря неуместной придирчивости полиции и податной инспекции, промысел этот должен был быть прекращен.

15) «Манипулянтка» (стр. 87—113). Рассказ из жизни служащих в почтовой конторе женщин. Фабула рассказа очень не сложна: доктор Темницкий ухаживает за красивой почтовой служащей Целей, но нечестные виды его на нее случайно делаются ей известными, и она его выгоняет. На фоне этой фабулы автор рисует целый ряд типов трудящихся девушек из среднего городского сословия.

16) «Між добрыми людьми» Оповідання (стр. 114—123). Молодая девушка Ромця после смерти своих родителей попала в бедную семью своего дяди, где скоро принуждена была исполнять обязанности прислуги. Здесь ее увидел один офицер, полюбил ее и узнав, кто она такая, увез с собою. Так как он был слишком молод и не имел еще права жениться, то они жили вместе невенчанными. Ложное их положение в обществе, сплетни окружающих и наконец смерть их ребенка поселили между ними отчуждение, приведшее к полному разрыву. Девушка пошла по наклонной плоскости и попала в публичный дом.

17) «Передне слово» (стр. 123—124).

---

[1] Бойки — украинцы, живущие между р.р. Саном и Ломжицей по сев. склону Карпат.

Предисловие к заграничному изданию рассказов Франко, помеченное «София, 7 ноября 1890 г.» Неизвестный автор делает краткую характеристику литературной деятельности г. Франко.

18) «Автобиография Ивана Франко» (стр. 124—129), доведенная им до 1890 года.

19) «Лесышна челядь» (стр. 130—134). Автор рисует тип строгой сильной духом хозяйки, держащей в ежовых рукавицах всю семью. Ее боятся не только женщины, ее невестки, но и взрослые работники — сыновья.

20) «Два приятеля» (стр. 134—138). Юмористический рассказ о том, как два приятеля спасались от воинской повинности и обманывали искавших их жандармов.

21—22) «Малый Мырон» (стр. 139—141) и «Schön Schreiben» (стр. 142—144). Два рассказа из детской и школьной жизни, по характеру сходные с указанными под №№ 3 и 4.

Таково краткое содержание отдельных рассказов, входящих в рассматриваемый сборник. Как видно из самого заглавия его — «В поте лица» — главная цель автора была обрисовать типы людей, тяжелым трудом добывающих свой хлеб. С особой любовью г. Франко останавливается на тяжелой доле галицко-русского крестьянина, хотя не мало страниц посвящено им и жизни городского населения и мастеровых, евреев, поляков и даже цыган. Как видно из его автобиографии, многие рассказы из школьной жизни, «На дне» и др. имеют автобиографическое значение.

Рассматривая сборник «В поті чола» с цензурной точки зрения, помещенные в нем статьи можно разделить на три категории: 1) рассказы — «Муляр», «Грыцева шкільна наука», «Оловець», «Сам собі винен», «Добрый заробок», «Хлопська комісія», «Історія моей січкарні», «Цыгане», «Довбанюк», «Домашний промысл», «Манипулянтка», «Між добрымі людьми», «Лесышна челядь», «Два прыятелі», «Малый Мырон» и «Schön Schreiben» не возбуждают никаких цензурных замечаний. 2) «До світла», «На дні» и «Ліси і пасовыська», хотя и обращают на себя содержанием своим внимание цензора, рисуя яркими красками ужасы тюремного заключения и несправедливости суда, но, так как действие происходит в Галиции и в рассказах этих описываются австрийские порядки, неприменимые к России, то цензор считает возможным разрешить к печати и эти рассказы, хотя необходимо упомянуть, что рассказ «До світла», представленный для отдельного издания, был уже на рассмотрении Комитета, который и представил о его запрещении на благоусмотрение Главного управления по делам печати от 26 февраля. 3) «Предисловие» неизвестного издателя заграничного издания этих повестей и автобиография Франко не могут быть разрешены к печати. Автобиография — потому, что это произведение не беллетристическое и кроме того жизнь Франко прошла настолько бурно, что подробное описание ее не может пройти под цензурой. Что же касается предисловия, то оно не имеет прямого отношения к сборнику и представляет собою литературную характеристику Франко и другого галицкого писателя.

Резюмируя вышесказанное, цензор находит, что весь сборник «В поті чола» может быть разрешен к печати, за исключением стр. 123—129, а также нескольких отдельных фраз, неудовлетворяющих общим цензурным требованиям.

С. Петербургский цензурный комитет полагает и с своей стороны возможным разрешить к напечатанию рукопись «В поті чола», так как большинство входящих в ее состав произведений не заключают в себе какой-либо вредной тенденции с русской точки зрения и касаются исключительно Галиции и существующих в ней порядков. Исключению, по мнению комитета, подлежат лишь: предисловие и автобиография Франко, как произведения тенденциозные и даже с внешней стороны не вполне удовлетворяющие требованиям относительно малороссийской литературы. Что касается рассказа. «До світла», то хотя он и не был дозволяем ранее на малороссийском наречии, согласно предписанию Главного управления по делам печати от 13 июня 1902 г., но запрещение это касалось лишь отдельных изданий, имеющих характер народных. Настоящая же рукопись, являясь довольно обширным сборником рассказов Франко, не предназначается, повидимому, для народного чтения, и рассказ «До світла» не обращает на себя исключительного внимания читателя в числе других сходных по характеру беллетристических произведений того же автора. В виду сего комитет полагает возможным дозволить его к напечатанию в этом сборнике.

Об изложенном комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, препровождая при сем вышеназванную рукопись.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. Катенин.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева: «Согласен. 8 мая».

Из представления Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о литературном сборнике «На вічну память Котляревскому», 18 октября 1903 г.[1]

...Что касается помещенных в сборнике стихотворений, и. д. цензора полагает, что следующие из них не могут быть дозволены к печати по нижеприведенным основаниям:

«Каменарі» (стр. 283). Автору стихотворения снится, что он и тысячи других людей стоят прикованными к громадной гранитной скале, у всех у них в руках тяжелые железные молоты. Со скалы раздается голос, приказывающий ломать эту гору. И вот они подняли и начали разбивать скалу, многие из них погибли под обломками; все они знали, что никакой награды за этот кровавый труд им не будет, но они и не ждали награды: одно сознание, что они, разбивая скалу, прокладывают людям дорогу к счастью, и что по их костям пройдет путь правды, поддерживало их силы. Ни слезы матерей, отцов и жен их, ни посылаемые им проклятия недругами не в состоянии были отклонить их от работы, и никто из них не выпускал молота из рук.

Вредная тенденция этого стихотворения И. Франко ясна сама собою.

«У долині село лежыть» (стр. 285 об.). И. Франко. В долине расположено село, над селом распростерлись густые туманы, на горе же стоит большая кузница и в ней кузнец, который призывает людей из хат и полей к себе в кузницу, где куется лучшая доля; «в тую кузню, де кують ясну зброю замість пут», приглашает их выбираться из тумана, застилающего путь в эту кузницу. Тенденция этого стихотворения тождественная с основной мыслью первого произведения Франко[2].

Представление Петербургского цензурного комитета в Главное управление по делам печати о рукописи «Панталаха», оповідання з тюремного життя Івана Франка», 9 апреля 1904 г.[3].

Канцелярия Главного управления по делам печати от 6 ноября 1903 г., по приказанию г. начальника этого управления, препроводила в С. Петербургский цензурный комитет, для рассмотрения в цензурном отношении, рукопись на малороссийском наречии под заглавием «Панталаха», оповідання з тюремного життя Івана Франка».

Рассматривавший названную рукопись и. д. цензора Федоров доложил комитету, что содержание ее следующее:

«Панталаха» — это имя вора, знаменитого в тюремных летописях Галиции и Подолии своими дерзкими по замыслу и выполнению преступлениями. Не менее популярен Панталаха и среди крестьян, так как в своих преступлениях он выступает как бы в качестве мстителя за бедных, эксплоатируемых богатыми панами, нападая исключительно на этих последних и их имущество. Много раз попадался Панталаха в руки полиции, был приговариваем к долгосрочным заключениям в тюрьму, но редко когда отсиживал весь срок заключения, так как никакие запоры, никакая бдительность тюремщиков не могла помешать Панталахе бежать из тюрьмы. Рассказ начинается с того момента, когда Панталаха, пойманный и наказанный за побег, вновь заключается в тюрьму, причем нисколько не скрывает своего намерения от директора тюрьмы снова попытаться скрыться. Тюремный надзиратель Спорыш при отправке Панталахи в камеру передает рубль, полученный им от каких-то неизвестных лиц с просьбой отдать его Панталахе. Оставшись в камере вместе с другим арестантом полуидиотом Прокопом, Панталаха нашел в рубле стальную пилку, пересланную ему таким порядком бывшим политическим преступником Змиховским, которому Панталаха когда-то помог бежать из тюрьмы. При помощи этой пилки Панталахе удалось распилить механические скрепы железной печки в камере и снять верхний цилиндр. Но в то время, когда он пролезал в образовавшееся отверстие дымохода, упал камень, и шум падения камня на железный цилиндр привлек внимание дежурившего в корридоре надзирателя Спорыша. Но пока успели открыть путь, которым бежал Панталаха, последний был уже на крыше, где и был замечен надзирателем и стражею. На предложение добровольно вернуться в тюрьму Панталаха отвечал отказом, а затем во время борьбы с солдатами, свалился с крыши на каменный помост двора и разбился до смерти. Смерть Панталахи произвела глубокое впечатление на Спорыша, который считал себя единственным виновником страшной кончины Панталахи, ибо не подними он тревоги, последний успел бы уйти и не погиб бы за то лишь, что искал одной только свободы. Спорыш убежден, что мертвый Панталаха

[1] Главное управление по делам печати, 1903 г., III отд., д. № 0, лл. 350—351.

[2] Главное управление по делам печати разрешило допустить сборник лишь при условии исключения из него всех отмеченных цензурным комитетом «тенденциозных» произведений и отдельных мест.

[3] Главное управление по делам печати, 1903 г., III отд., д. № 6, ч. II, лл. 165—166.

должен дать ему весть о себе. В следующее дежурство ночью в тюремном корридоре Спорыш услышал из камеры, из которой бежал Панталаха, звук перепиливаемого железа. Открыв дверь, он убедился, что в камере, кроме мирно спавшего Прокопа, никого не было, но как только он отошел от двери, звук возобновился, это странное явление регулярно повторялось каждую ночь, и в конце концов Спорыш не выдержал и, заболев нервной горячкою, умер. По расследовании оказалось, что этот роковой для Спорыша звук производился Прокопом, который забавлялся тем, что вкладывал гусиное перо в скважину двери и проводил по нему пальцем.

Принимая во внимание, что в рассматриваемом рассказе преступник Панталаха рисуется в качестве героя, мстителя и борца за интересы бедного сельского люда, что попытка его к бегству, по мысли автора, является ничем иным, как стремлением совершенно законным возвратить себе свободу, причем тюремный надзиратель как бы наказывается за то, что воспрепятствовал этому намерению, и. д. цензора полагает, что при наличности таких данных настоящая рукопись, по размерам своим, и следовательно незначительной стоимости, предназначаемая для широкого распространения среди читателей из народа, должна быть запрещена.

С. Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и с своей стороны не находит возможным разрешить к напечатанию возвращаемую при сем рукопись, в виду ее тенденциозной окраски и за силою указанного и. д. цензора предписания Главного управления.

Председательствующий, член совета Главного управления по делам печати А. Катенин.

Резолюция начальника Главного управления по делам печати Н. А. Зверева: «Согласен. 9 апреля».

Доклад цензора Е. А. Васенцовича-Макаревича Центральному комитету цензуры иностранной о книге «Франко. З вершин і низин». Збірник поезій, Видання II, доповнене, Львів 1893, 10 марта 1910 г.[1]

Книжка эта представляет большой сборник стихотворений украинского поэта Ивана Франко, известного, как поборника украинского сепаратизма, а потому враждебно относящегося к российской государственности. Первое издание этого сборника в 251 стр. было запрещено в 1888 г., второе издание чуть не вдвое обширнее, а потому должно рассматриваться, как новое сочинение.

Среди массы стихотворений лирического характера, могущих быть дозволенными, попадаются в сборнике и стихотворения на политические темы. Эти то стихотворения, разбросанные в сборнике и затрудняют дозволение его в целости.

В самом начале, в виде пролога, помещен гимн революционному духу, который рвется в бой за прогресс, счастие и свободу, не боясь ни поповских наказаний, ни царских темниц (стр. 9—10).

Затем (на стр. 39—40) помещено стихотворение «Дума пролетария», в котором предлагается судить его за то, что он хочет свергнуть тот порядок, при котором льется кровь миллионов по прихоти панов и царей.

На стр. 50—51 в стихотворении «Беркут» автор рисует его кровожадность, сравнивая с царем.

На стр. 73—75 в стихотворении «Моя любовь» Франко воспевает Украину как самостоятельную страну, которую нужно создать, объединившись всем вокруг знамени, оставив домашние раздоры и перестав любить царя, который обирает наш люд. На стр. 176 воспевается русская молодежь обоего пола, идущая в бой за свободу, и на стр. 181—182 встречается восхваление Пестеля, Каракозова и Сони[1], погибших за лучшее будущее своих братьев, призыв укреплять силы, чтобы гнать, бить и рвать зубами зверя, которым окрещивается русское правительство. Россия гнетет и кричит: даю свободу; сдирает шкуру и приговаривает: двигаю культуру. Это тюрьма народов, в которой их держат ради личных выгод мерзких клевретов.

В виду многочисленности мест, подлежащих исключению из книжки, полагаю за лучшее ее запретить, о чем имею честь представить комитету.

Васенцович-Макаревич.

Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева: «Запретить».

Доклад киевского цензора С. Н. Щеголева, Центральному комитету цензуры иностранной о книге Франко «Мойсей», Львів, 1913», 22 апреля 1914 г.[1].

В прологе к поэме (не заключающей в содержании своем чего-либо преступного) автор обращается к малорусскому народу и удивляется, неужели ему «начертано судьбой служить навсегда удобрением для соседей и дви-

[1] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1910 г., № 1688.

[1] Софья Перовская.

[1] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1913 г., № 3674.

гателем их быстроходных поездов, неужели его вечным уделом будет неразумная (букв. «ошибочная») покорность пред каждым, кто заковал его и заставил дать присягу верности, неужели (народу этому) не суждено свершить дело, которое проявило бы безмерность его сил?» (стр. 3). Автор «верит (стр. 4) в день воскресный восстания» этого народа; он верит, что «придет время и (этот народ) засияет огненным ликом в кругу свободных народов, встряхнет Кавказом, опояшется Карпатами, прокатит по Черному морю клич свободы и увидит себя в своей избе и на своей ниве домовитым хозяином».

Усматривая в прологе призыв малороссов в России к бунтовщическим деяниям и к отторжению от России, я полагаю, что сочинение может быть дозволено, но, применительно к статье 100 и пункту 1 статьи 129 уголовного уложения, за исключением страницы 3 и 4[1].

С. Щеголев.

Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева: «Исключить стр. 3—4».

Доклад киевского цензора С. Н. Щеголева Центральному комитету цензуры иностранной о книге «Акорди. Антольогія української лірикі від смерти Шевченка. Уложив Іван Франко. Львів», 16 августа 1913 г.[2].

Половина стихотворений представляемого сборника посвящена оплакиванию страданий Украины, порабощенной Россией. Докладываю лишь о нескольких произведениях, более преступных по содержанию.

Россия — «вселенская, безвыходная тюрьма с продажными попами» (стр. 7), но «ни стены царских тюрем, ни войска, ни пушки не угасят революционного духа» (стр. 113—114). «За любовь к Украине ссылают в тундры, но нужно биться на смерть, чтобы снять оковы с ног народных» (стр. 68—70) и «хотя родина в рабстве, но придет время и погибнут палачи» (стр. 57). «Народные силы Украины спят и ждут слова правды; нужно стать с братьями за эту правду» (стр. 73—74). «Родная земля в рабстве, она зовет стать за святое дело» (стр. 81). «Народу нечего ожидать от палача милости, но скрепы в государственном ярме погниют» (стр. 94). «Иуды-паны продали свободу Украины, а за панами пошли гнилые столпы христовой церкви — попы» (стр. 71—72); «от Карпатов до (Днепровских) порогов паны играют кровью и слезами народа» (стр. 97).

Усматривая в содержании сборника призыв малороссов к бунту и ниспровержению государственного строя, а также возбуждение у простонародья враждебных чувств к духовенству и к высшим классам, я полагаю, что сборник, применительно к пунктам 1, 2 и 6 статьи 129 уголовного уложения, подлежит запрещению.

С. Щеголев.

Резолюция председателя Цензурного комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева: «Запретить».

Доклад киевского цензора С. Н. Щеголева Центральному комитету цензуры иностранной о книге Франко «Вірші на громадські теми» Львів, 1913», 16 января 1914 г.[1].

Представляемый сборник стихотворений «на социальные темы» служит двум кумирам: социализму и украинофильскому сепаратизму.

В прологе к «Моисею» поэт укоряет малорусский народ за его «покорность пред всяким, кем он скован и кому присягнул в верности» (стр. 4). Поэт верит в «воскресный день восстания» этого народа» (стр. 5), который «встряхнет Кавказом, опояшется Карпатами (Бескидом) и покатит по Черному морю клич свободы».

В стихотворении «Вечный революционер» воспевается революционный дух, которого «не уложили в гроб ни поповские пытки, ни стены царских тюрем, ни войска, ни пушки» (стр. 6).

На стр. 9—10 помещен популярный в среде украинофилов революционный гимн «Не пора!», содержащий бранные выражения против русской верховной власти. Песня «Развивайся, ты, высокій дубе!» (стр. 14—15) выражает надежду, что малороссы «проснутся, вековые оковы распадутся, и Украина встанет — счастливая и свободная, от Кубани до (галицкой) реки Сана одна, неделимая».

В стихотворении «Наемник» (стр. 20—23) оплакивается малорусский народ, который «льет ручьи пота над чужой нивой» (стр. 22). Поэт предсказывает малороссам, что с них свалятся оковы, он собирается вместе с ними «порвать все ярма» (стр. 23).

Усматривая в содержании брошюры неуважение к верховной власти, призыв малороссов к ниспровержению общественного строя и даже к бунтовщическим деяниям, я полагаю, что

[1] 100-я статья, наряду с другими государственными преступлениями, предусматривала «отторжение от России какой-либо ее части». 1-й пункт ст. 129 имел в виду случаи возбуждения при помощи печати «к учинению бунтовщического или изменнического деяния».

[2] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1913 г., № 6327.

[1] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1914 г., № 681.

она, применительно к статье 128[1] и пункту 1 и 2 статьи 129 уголовного уложения, подлежит запрещению.

С. Щеголев.

Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева: «Запретить».

Доклад киевского цензора С. Н. Щеголева Центральному комитету цензуры иностранной о книге Франко «13 літ моеі молодости» Збірка поэзій. Львів 1914», 23 января 1914 г.[2].

Из 35 стихотворений сборника два преступны по содержанию, а именно: «Товарищам из тюрьмы» (стр. 118—119) и «Невольники» (стр. 121—124).

В первом поэт зовет «в новый бой не за царство тиранов и царей, ни за церковь, попов или бога, ни за владычество ненасытных панов», а под лозунгами воли «без фундамента веры» и — «свободной любви»; он глумится над прошением молитвы господней: «Да приидет царство твое».

Второе стихотворение — проповедь классовой борьбы во имя той «работы и крови, которая льется огненной золотой рекой в карманы» работодателей (стр. 123): богомольную старушку, посещающую церковь, поэт называет «рабыней попа, а не рабой бога» (стр. 122).

Усматривая в содержании обоих стихотворений кощунство, призыв к ниспровержению существующего общественного строя и дискредитирование христианского духовенства, я полагаю, что сборник может быть дозволен, но, применительно к ст. 74[1] и пунктам 2 и 6 статьи 129 уголовного уложения, с исключением страниц 118—123.

С. Щеголев.

Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева «Исключить стр. 118—124».

[1] Статья 128 предусматривала случаи «оказания дерзостного неуважения верховной власти»

[2] Центральный комитет цензуры иностранной, рапорты за 1914 г., № 894.

[1] Статья 74 устанавливала наказание за «поношение», «поругание» и насмешку над обрядами, предметами богослужения и верованиями православной церкви и вообще христианства.

Содержание

Стр.

Заветы Ленина воплощены в жизнь. Доклад тов. А. С. Щербакова 23 января 1940 года на торжественно-траурном заседании в Большом театре, посвященном XVI годовщине со дня смерти В. И. Ленина 3

Отклики на смерть В. И. Ленина 18

Белофинны на службе англо французских интервентов в 1919 г. Вводная статья *Г. Костомарова* 31

Боевой путь Чапаева (*продолжение*) 68

К истории интервенции на Севере. Вводная статья *Н. Прокопенко* 125

Быт солдат в царской казарме. Вводная статья *М. Семина* 145

Положение крестьян в Западной Белоруссии в XIX в. Вводная статья проф. *В. Пичеты* 177

Борьба И. Н. Ульянова за народную школу. Вводная статья проф. *Е. Медынского* 219

Герцен и царская цензура. Вводная статья *И. Ковалева* 240

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Царская цензура о произведениях украинского писателя И. Франко. Вводная статья *Полянской* 263

Опечатки в № 6(97) «Красного архива»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
177	Левый столбец 18 стр. снизу	Неизданная пьеса	«Неизданная пьеса»
178	Левый столбец 6 стр. сверху	[1893] г.	[1897 г.]

Редакционная коллегия

Сдано в набор 27/I 1940 г. Подп. к печати 16/III 1940 г.
Формат 70×103¹/₁₆. Объем 17¹/₂ п. л. В печ. листе 93000 зн. Соцэкгиз (п) № 5. Заказ № 116. Тираж 4075 экз.

*

Уполн. Главлита РСФСР А—22280

*

Техническое оформление И. Широкова.

18-ая тип. треста «Полиграфкнига»,
Москва, Шубинский, д. 10.